

ТАХИР ДЖУЛЬМАТОВ

ЮНЫЙ БЕК

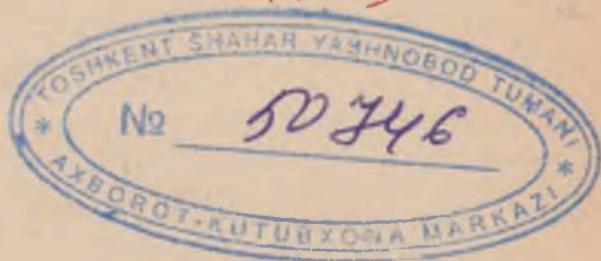

ТАХИР ДЖУЛЬМАТОВ

ЮНЫЙ БЕК

РОМАН

10023

Ташкент

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

1997

Джумльматов, Тахир.

Юный бек: Роман.—Т.:Изд-во лит. и искусства им.
Г. Гуляма, 1997.— 288 с.

Роман Т. Джумльматова посвящен юным и отроческим годам Амира Темура — именно в это время креп и мужал выдающийся государственный деятель и прославленный полководец Центральной Азии. На фоне личности молодого бека автор создает широкую, живописную панораму национальных традиций, быта, обычаев средневекового Востока.

УзИ

4702010201—9
Д _____ 42—97
М 352 (04)—97

ISBN 5-635-01-597-2

© Тахир Джумльматов.
1997 г.

© Оформление.
А. Мамаджанов.
1997 г.

ОТ АВТОРА

О Самарканд! Уже одно только имя твое наполнено музыкой и тайной. И есть ли в подлунном мире человек, который, хоть раз увидев тебя, не осознал бы — он прикоснулся к вечности, к волшебству.

Мой отец, будучи мэром Самарканда, ежедневно видел изумленные лица тех, кто впервые открывал для себя это чудо Востока. Он был горд и счастлив, что этот город — его судьба. И одно только омрачало светлую радость — не всегда мог достойно и полно ответить мэру на вопросы гостей, приезжающих со всех концов света.

Посещали его и люди очень именитые. Джавахарлал Неру, например, будучи в Самарканде, пожелал как можно больше узнать об амире Темуре, чье имя в Индии произносят с почтением и трепетом. Отец, сопровождавший высоких гостей, смутился — он был дитя своей эпохи и мог изложить лишь азы. Хотя, разумеется, был наслышан, что о Темуре существует космос литературы, множество источников, разбросанных по музеям и библиотекам мира. И с тех пор поклялся отец, что не останется в долгу перед своим народом, перед всем миром, и принялся за образование... свое, а потом и мое.

Неистовую любовь к благородному Самарканду, своей древней земле, великим предкам вложил мой отец в меня. И то, что я понял, осознал, передумал, часами просиживая в библиотеках, замороженно стоя у мавзолея Гур-Эмир или у обсерватории Улугбека, хочу поведать всем, кого притягивают, увлекают, манят за собой два загадочных слова, составляющих одно из величайших имен истории, — Амир Тему́р.

Глава первая

РОЖДЕНИЕ ВЛАДЫКИ

Кто превзойдет меня,
Кто будет равен мне?
Деянья всех людей—
Как тень в безумном сне!

Клинопись на камне. VII в.д.н.э.

В мире царила гармония просыпающегося утра. Заиграли розовые блики на верхушках молодого арчовника, и ранние иташки радостным гомоном заполнили рощи. После обильных дождей мягко стлалась трава, покрывая изумрудным ковром необъятный степной простор.

По этой траве, сбрызнутой росой, на утренней зорьке летят кобылицы с развевающимися шелковыми гривами. Ликующее призывное ржание рвется из их могучей плоти. Навстречу им мчатся с выступающей пеной от радостного вождления два великолепных жеребца белой масти. Тяжело раздувая ноздри, они вдруг останавливают свой бег и, угрюмо, иснодлобья, оглядывая друг друга, готовятся к кровавому поединку. Наливаясь злобой, выгнув шею и высоко вскинув передние ноги, они сходятся в сражении... На мгновение замирают неподвижно, затем всхрапывают, взвизгивают, встают на дыбы и бьются передними копытами. Наконец один из них, тяжело храпя, начинает сдавать, сознавая, что не владеть ему ни одной из кобылиц. Но

страсть борьбы и горделивое упрямство заставляют раненого скакуна повернуться к своему сопернику крутым задом, чтобы уберечь пробитую грудь, и два рысака продолжают поединок, тупо награждая друг друга увесистыми, мощными ударами задних ног. Но вот раненый жеребец, подволакивая задними ногами, страдальчески ковыляет, делает несколько шагов в сторону и всей мощью своего тела падает на густое высокое разнотравье, которое щекочет атласное брюхо кобылиц, остановивших свой бег и неторопливо пожеывающих невдалеке сочную зелень. Они ждут окончания поединка, чтобы затем радостным ржанием приветствовать своего властелина. И вот он, победитель, с белой звездочкой на лбу, с восторженным гиканьем скачет по густому, сплетающему ноги ковылю, навстречу утренней заре, к своему отвоеванному табуну.

Золотые лучи коснулись миндальных деревьев, несущих божественный аромат к подножиям холмов, где спряталось селение. Ручьи, без умолку болтая, неслись с белоснежных гор и добежали до тенистой аллеи тополей, ведущей в Ходжаилгар. А один достигал своими чистыми водами великолепного дома амира Мухаммада Тарагая, где пока еще царил тишина.

Бек Тарагай возлежал, подмяв под себя шелковые подушки, в благоухающей беседке. Он завтракал лепешкой, только что вынутой из тандыра, окуная ее в белоснежный густой каймак. Амир был взволнован, он предвкушал отцовскую радость, с божьей милостью, конечно, и потому рассеянно слушал утреннюю разминку своего любимца — скворца. С туманной улыбкой любовался бек птицей, и в ее несколько трескучих звуках «эч, печ, руч, риц, шерр, цирр» слышалась ему приветственная радость.

К беседке неслышно приблизился юноша, смуглое лицо его источало добродушие. Это был Мобашар, преданнейший слуга, его халат из кашгарской ткани «диба» был подпоясан шерстяным поясом. Полусонный, он низко поклонился, приложив правую руку к груди, и хрипло прошамкал, как глубокий старик:

— Бек, изволили что-то сказать?

Вчера амир заставил его выпить две касы виноградного вина, — в хорошем настроении Тарагай иногда баловал слуг, — и это сказывалось на его утреннем настроении.

— Хватит паясничать, — недовольно проворчал бек.

Мобашар, словно от удара хлыста, резко выпрямился, лицо его сузилось, стало непроницаемо-бесстрастным. Юноша хорошо знал, когда можно сократить, а когда

следует удлинить дистанцию между собой и хозяином. Сейчас Тарагай был явно не расположен к шуткам.

— Хозяин, я весь внимание,— подобострастно промолвил юноша.

Амир подобрел, он подумал, что в этот счастливый день не пристало гневаться по пустякам. Тарагай, улыбнувшись, спросил:

— Ты узнавал о состоянии госпожи?

— Да, бек,— оживляясь, ответил юноша.— Роды нелегие, но там опытная повитуха.

— Ну, хорошо,— кивнул амир и смачно зевнул, закрыв рот ладонью. Бросив взгляд в проем беседки, неожиданно для себя увидел в сиреновой дымке девушку, вернее женщину с младенцем на руках, она гуляла в саду и что-то нежно шептала своему ребенку.— Кто такая? — осипшим голосом спросил Тарагай.

— А это будущая кормилица наследника,— слегка картавя, ответил Мобашар.

— Тьфу, тьфу! — боязливо плюнул через плечо бек.— Ты что, еще не родился никто, а ты уже кормилицу нашел.

— Что вы, бек, вы сами вчера приказали привезти ее из соседнего селения,— уверенно ответил слуга.

Тарагай недоуменно пожал плечами — в этой суматохе имя свое забудешь, не то что собственные приказания. Он подумал и попросил пригласить ее в беседку. Мобашар бросился исполнять волю хозяина. При взгляде на кормилицу Тарагай замер, у него перехватило дыхание. Хитрый Мобашар тут же понял, что следует исчезнуть. Амир с интересом разглядывал застывшую женщину, и та поняла, что сейчас решится ее судьба. Непринужденно покачивая бедрами, она грациозным движением отбросила копну волос на покатые плечи, и они волной заструились по гибкой спине. Зеленые глаза загадочно улыбались. Изящное платье «даран», из плотной шелковой ткани, подчеркивало женственность форм. Тарагай, задумчиво потирая подбородок, спросил:

— Откуда ты, из какого селения?

У женщины изумленно приподнялись брови, она растерянно проговорила:

— Я жена покойного Джехангира.

У Тарагая потемнело в глазах. О, Аллах! Как он мог забыть! Она послала ему отчаянную весточку, что ей тяжело, и бек, обещавший ее умирающему супругу позаботиться о ней, забрал ее к себе вместе с младенцем.

Женщина, оказавшись в неловком положении, смущенно

прикрывала свое кукольное личико рукавом. Но вдруг, решившись, сказала:

— Извините, досточтимый бек, я не взяла с собой платка, чтобы прикрыться перед незнакомым мужчиной, но, считая вас своим хозяином, наверное, и не должна прятать от вас лицо.

— Да, ты права, красавица, отныне и навсегда лицо кормилицы наследника будет открытым. Я должен видеть его.— Бек певуче проговорил: — Как зовут тебя, красавица?

Женщина подняла свои длинные ресницы и голосом, ласкающим слух, ответила:

— Ольджа Аим Инаги. А дочка моя — Биби.

Тарагай непроизвольно закрыл лицо руками, он отчетливо вспомнил этого воина, мужественного, даже слегка надменного — уверенного в своей молодой силе. В последнем походе Джахангир первым взобрался на осажденную крепость противника. Монгольский церевич, предводитель похода, отметив его отвагу, сбросил халат со своего плеча — как дорогой подарок воину. Джахангир всегда хвастался своей удалей, но вражеская стрела неразборчива, она сразила воина, пробив могучую шею пахлавана. Истекающего кровью богатыря вынесли с поля боя. Корчась в предсмертных судорогах, он беспомощно лежал на примерзшей траве. Шепотом, почти взглядом подозвал Тарагая.

— Ближе, ближе,— шептали его бескровные губы, и когда бек, опираясь на клинок, склонил колено, Джахангир искривленными губами простонал: — У меня жена красавица, скоро будет ребенок. Кому достанется моя Ольджа Аим Инаги?! — Лицо воина побагровело, густая кровь текла изо рта. Последним усилием проподнял он голову и прохрипел: — Лучше бы мне убить ее, чем видеть в руках другого...

Душу бека охватил тогда леденящий ужас. Он не понял, произнес ли умирающий эти слова, или они померещились ему: «Позаботься о ней, сарханг», но ответ его прозвучал твердо, в присутствии притихших воинов.

— Клянусь Аллахом!

Ольджа Аим Инаги. Как он мог забыть?

Бек отнял руки от побледневшего лица.

— Дочь, говоришь... А я вот жду сына.

Кормилица, испросив разрешения, положила драгоценный сверток на курпачу и приблизилась к ложу хозяина.

— О, бек, будет ваш наследник великим воином, я чувствую, я знаю это.

Бек кивнул:

— И я знаю это.

На тропинке оказалась жена Тарагая Иукун-хотин, дочь бека Казагана; рядом, слащаво улыбаясь, семенил ее незаменимый слуга Коидун.

Тарагай, увидев ее, сморщился, как от зубной боли, взмахом руки отпустил кормилицу и сам поднялся — надо успеть уйти до ее появления в беседке. Никаких чувств, кроме раздражения, не вызывала в нем Иукун-хотин.

Видно, поняла первая жена намерение бека и, надменно кивнув, засемила в сторону сада. Тарагай плюнул в сердцах вслед нерожавшей жене и ее неизменному спутнику. Ну и пара! Тощая, высокая, с бледным неопрятным лицом Иукун-хотин и маленький, толстый, вечно дурно пахнущий слуга Коидун. Кампыр несчастная, испортила все настроение. Вот что значит брак, который совершается помимо твоей воли.

Влиятельные родственники Тарагая вместе с кешским Ходжой Абдал Халилом сосватали ему дочь бека Казагана, стоящего во главе могучего тюркского рода. Все барласское семейство признало этот брак выгодным. Породниться с таким родом — значило обрести надежного союзника. На свадебные торжества съехались именитые гости из разных земель — из Туркестана, Ирана, Мавераннахра, Турана.

Тогда, во время свадебного пиршества, поразил его тесть. И не только великолепным нарядом — голову его облегал белоснежная чалма — «удана», шелковый халат «зербафт» мог сиянием своим затмить солнце. Но что еще больше потрясло молодого Тарагая — казагановы речи.

— Дорогой, вы дома на каком языке говорите?

Тарагай от удивления вскинул брови.

— В основном на тюркском и таджикском...

— Я так и думал. Правильно мыслишь, сын мой, — одобрительно кивнул тесть. — Два великих народа — тюркский и таджикский — всегда жили в мире. Традиции, культура, обычаи — все едино. Вместе защищали они землю от любых захватчиков, начиная с нашествия Двурогого Искандера и кончая черным смерчем монголов. Бок о бок, слеза к слезе, кровь в кровь, отстаивали свою независимость два аймака, два народа...

У Тарагая перехватило дыхание от столь смелых речей. Власть монголов казалась неколебимой, и от крамольных разговоров веяло могильным холодком. Но Казаган, игнорируя испуганные взгляды Тарагая, с издевкой проговорил:

— «Потрясатель Вселенной», Чингизхан, в своем несметном войске имел и татар, и кипчаков, и уйгуров,

палванов, пришедших из половецких степных племен, тюрок и согдийцев, а вот самих монголов — одного, двух... на том и обочтешься. Все важные посты, начиная с десятника и кончая полководцем, — за монголами, а крепости штурмовать идут «низшие» племена. Всех монголов не хватит, чтобы расселить на завоеванных ими землях: от Иртыша до Багдада, от Китая до Дуная. Монголы хитры. Расселяя аймак на ханских землях, гонят они по улусам мусульманских джигитов, а во главе ставят своих муруз; и идет молва по земле, что целый род монголов поселился в том или ином крае. А люди ислама, — и у Казагана появилась странная усмешка, — ценой своей крови, смелостью и удалью пробиваются в беки и амиры.

Тарагай не сводил напряженного взгляда с пьяного тещя.

— В твоём роду кто-нибудь говорил по-монгольски?

Тарагай покачал головой:

— Нет, не было таких.

Жених никак не мог понять, куда клонит разговор могущественный Казаган, а тот, распаяясь, кричал:

— Вот вы, барласы, причисляете свое племя Уймак к чагатаевскому роду. А хочешь знать подробности о чагатаевском роде? Во время одного курултая семьдесят семь потомков Чагатая и Угедея были прирезаны самими же монголами, точно визжащие свиньи. Сторонница Угедея, дочь Чингизхана, царевна, была убита. В реке, как щенка, утопили царевича Шарамуна, а его жену и мать бросили под копыта диких лошадей. Главу чагатаевского рода, Есу-Мунке, заманили в Золотую Орду и закололи. — Неожиданно Казаган картинно развел руками и спросил: — Чего вы лезете в чингизиды? Уйгурские бакши аккуратно ведут родословную аймака монголов. Вас, барласского рода, там нет, ни духа вашего, ни запаха. Нету и никаких документов, подтверждающих ваше родство с монголами, — и Казаган, откинувшись на атласные подушки, захохотал громко и обидно для только что обретенного «сына».

Тарагай передернуло от сказанного и от издевательского смеха, лицо его побагровело.

— Вы, бек, переходите границы гостеприимства.

Казаган дружески улыбнулся, как бы говоря: успокойся, сынок. И тогда Тарагай решил задать вопрос, который так и вертелся у него на языке:

— Почтенный бек, чувствую, что вы, как и я, не любите монголов. Зачем же тогда преломили лепешку между дочерью хана Тармаширина и своим внуком Хусейном?

Казаган смерил зятя испытующим взглядом, сказал, как отрубил:

— Вот мы и нашли начало и конец клубка. Да, ты прав, сынок, я ненавижу монголов, которые разграбили и раздавили наш юрт.— Тарагай при этих словах непроизвольно оглянулся.— Вот-вот,— подчеркнул тесть,— осматриваемся, как бы кто не услышал. А я говорю открыто — не-на-ви-жу. А за что их любить?! За то, что сожгли мечети, разграбили библиотеки, сделали рабами нас самих и до сих пор хозяйничают на нашей земле?! Главой племени, ханом может быть только монгол, а что может он дать нам, истинным мусульманам? — Больно ткнув в грудь Тарагаю обрубком указательного пальца, он прошипел: — Мы, простые смертные, никогда не сможем взойти на трон. Если даже власть будет у нас, править должен монгол. Наш народ еще в страхе перед ними. И когда этому страху придет конец?..

Тарагай понял жестокий смысл его вопроса и тихо, с горькой улыбкой сказал:

— Бек, наши амиры отсиживаются в имениях, а вот айяры, сарбадары уже начали борьбу.

Глаза тестя просияли, и он торжественно произнес:

— Наконец я слышу голос мужчины.— И, назидательно подняв короткой толстый палец, воскликнул: — Вот для чего я роднюсь с ханом Тармаширином. Чтобы заполучить для своего внука амира Хусейна ибн Мусаллаба ибн амира Казагана титул Гураган-зятя. В моем внуке, в моем маленьком волчонке — все мои мечты, помыслы. Я чувствую всем изболевшимся нутром, что будущее Мавераннахра за ним.— Старый Казаган тяжело вздохнул: — А на сыновей нет надежды... Слизняки!..

Как давно это было, какие корни пустили с тех пор в его душе мятежные речи Казагана.

С Иукун-хотин Тарагай прожил несколько лет неплохо, но та не рожала, и это стало поводом для ссор, а потом и презрения. Женщина чувствовала это, страдала, характер у нее резко изменился — сделался злым, мелочным. А потом и того хуже — стала женщина заговариваться. Первое время, заслышав разговор, Тарагай выскакивал на террасу для приема гостей, но, не найдя никого и видя только застывшие глаза жены, громко сплевывал и возвращался обратно. Не раз хотелось беку избить жену, даже появилась как-то мысль убить ее. Но нет, страх перед карой Всевышнего остановил амира. Когда же решил жениться второй раз — успокоился и даже стал сочувствовать

несчастной. Незадолго до женитьбы на Тегине-бегим, и то по настоянию духовного отца Шемсетдина Куляла, Тарагай посетил тестя. Тот встретил его неприветливо, не поздоровавшись, зло процедил:

— А, дорогой зятек, пожаловал. Нашел-таки время. А то я гляжу, ты со своим другом амиром Жоку ибн Мубараком занят — все на задних лапках перед новым ханом прыгаете.

У Тарагая потемнело в глазах, едва сдерживая ярость, он сказал:

— Я же не виноват, что Казан-хан поставил хакимом Карши вместо вашего приятеля Зенгу моего друга Жоку ибн Мубарака. К тому же хан и мой друг Жоку оказались добрыми соседями и часто навещают друг друга.

Казаган язвительно заметил:

— Да твой Жоку еще сопля зеленая, а туда же, в хакимы лезет.

Тарагай молил Аллаха только об одном — чтобы сдержаться. Он тихо проговорил:

— Да, ибн Мубарак молод, но не по годам мудр.

Казаган с издевкой рассмеялся:

— Ты бы, сынок, со своей женой помудрил, чем здесь распылять силы, защищая соплика.

Тарагай покачнулся, кровь застучала в висках. Хотел он по-хорошему известить тестя о второй женитьбе, да, видно, не судьба. И не менее язвительно Тарагай произнес:

— Я джигит, и скоро докажу это. Мой род не погаснет и не зачахнет!

Удачно женился, — супруга принесла ему дочь. Ну и отыгрался же счастливый отец на своем тесте! Не было в их крае такого уголка, где не появился он на белом скакуне и не проорал так, чтобы и глухой услышал: «Живо мое семья, слышишь меня, дорогой тесть!» А вот сейчас, благодаря милости Всевышнего, ждет он сына.

Что же касается монгольского хана Казана, то и тут тесть сплоховал. Хан сразу же почувствовал неприязнь амира Казагана и его сторонников и начал приближать к себе других беков и амиров. И не вина его, Тарагая, что обласкал хан его друга амира Жоку ибн Мубарака.

... Когда очнулся Тарагай от воспоминаний, обнаружил, что от утренней благодати не осталось и следа. Подкравшиеся незаметно тучи закрыли все небо. Грянул гром. Вся округа замерла в предчувствии грозы. Молнии не заставили себя ждать — белые змеи осветили мрачный небосвод. Одна огненная стрела попала в сухое дерево на окраине селения. Вспыхнувший факел осветил Ходжаилгар. От страха завывли

собаки. Жалобно мычали коровы, жались друг к другу овцы. Оскалив огромные желтые зубы, метались обезумевшие кони, и беспорядочный стук копыт далеким эхом разносился по округе.

Молодой конюх Абдулла, с застывшими от ужаса глазами, мчался прямо на бека; наткнувшись на хозяина, он неожиданно заплакал:

— О, Аллах! Конец света, что ли?.

И вдруг, перекрывая гром и шум начавшегося ливня, завопила повитуха Анар:

— Хозяин, у вас сын! Суюнчи с вас за наследника.

Тарагай грохнулся на колени, воздел очи к небу:

— Аллах акбар! Всевышний услышал меня. Благодарю тебя, Всесильный.

И словно по мановению волшебного жезла смолкла гроза. Обнажилась ослепительная голубизна неба, и в мире вновь воцарилась гармония. Запели птицы, заблагоухали цветы и деревья, успокоились животные. Тарагай присел на ступеньки крыльца, подставил разгоряченное лицо ласковому ветерку. О, как ждал он этого дня — с надеждой и страхом. Какие странные, а порой страшные сны виделось ему: то сыновья «Повелителя вселенной», Чингизхана, на низкорослых монгольских конях, переплывали Сейхун, врывались в покои Тегины-бегим и выдавливали из чрева ребенка, ломая ему руки и ноги; то подходил к беку странный юноша и размахивал мечом, а блеск стального клинка освещал весь мир.

Толкователи снов объясняли беку, что потомки его будут правителями, и что меж остальными детьми родится у него сын, который силою оружия подчинит себе весь мир.

И вот 25 шаабана, 736 года хиджры родился Темур бин Мухаммад Тарагай Бахадур. И самый мудрый звездочет объявил: расположение светил таково, что быть наследнику великим воином и мудрым правителем. Когда судьба его войдет в зависимость от положения звезды Зухаль (Сатурн), он превзойдет всех остальных правителей мира и одолеет всех врагов. Когда же солнце достигнет своего «четвертого дома», сначала созвездия Овен, а затем созвездия Телец,— овладеет он престолом великого хана и упрочит веру Аллаха на земле.

Будет ему покровительствовать и звезда Муштари (Юпитер), великая звезда.

В тот же день святой Шемсетдин Кулял, читая Коран, остановился на следующих строках: «Ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть Земле поглотить вас, она

уже колеблется*. Святого заворожило слово «ташурру», и он, не колеблясь, сказал: «О младенец, нарекаем тебя именем Темур». Отец наследника тюркского барласского рода принес хвалу Аллаху и прочитал суру Корана «Табарак».

Тегина-бегим, измученная тяжелыми родами, но счастливая, лежала в своих покоях. Рядом, наоравшись вдоволь, безмятежно спало дитя. Здесь же, в опочивальне, находилась и ее сестра Туглу-Текин, которая рано потеряла мужа и жила в доме Тарагая вместе с маленьким сыном Хусейном-садром. Она постоянно находилась рядом и ни на шаг не отходила от Тегины-бегим. Кормилица младенца Ольджа Аим Инаги и повитуха Анар готовились купать новорожденного. Кормилица принесла огромный медный таз с подогретой водой. Анар бросила в него горстку соли, чтобы предохранить младенца от укусов змеи, скопионов, от разной мошкеры, положила кусочек глины, взятой у стены мечети — растущий джигит должен совершать свои деяния под неусыпным оком Всевышнего, а также бросила скорлупу яиц, она бережет от всех болезней — яйца считались символом всего живого, и несколько крупинок пшеницы — жизнь должна проходить в достатке. И, наконец, Анар с удовольствием бросила в воду несколько золотых монет и красивое серебряное кольцо. Бек перед купаньем сказал: «Омоете богатыря — и деньги твои, а кольцо пусть возьмет кормилица».

Зловещей тенью маячила неподалеку Иुकун-хотин, молча смотрела на обряд купанья. Передернувшись, бросив взгляд на счастливую Тегину-бегим — нет, не подействовали на рожицу проклятья. Старшая жена готова была завывать от отчаяния, в глазах ее блеснули молнии черной зависти. Неловко потоптавшись, она удалилась, унося с собой жажду мщенья.

Ольджа вслед ей беззлобно выругалась:

— Сова ночная, все ходит, что-то вынюхивает.

Анар сочувственно проговорила:

— Послал бы Всевышний ей дитя, смятенная душа успокоилась бы.

Тегина-бегим при виде старшей жены Тарагая вздрогнула, сжалась в комок — ох, не напустила бы порчу, не накликала бы несчастья. Как только вошла она в этот дом на правах младшей жены, сразу же поняла — ненавидит ее Иुकун-хотин. И все-таки, когда носила под сердцем первого

* Коран, XVII сура, 16 аят.

ребенка, не испытывала страха, считала враждебность старшей жены обычным семейным делом. Но вот стало всем очевидно, что ждет она второе дитя, и тут стали с ней происходить невероятные истории. Как-то захотелось ей погулять по осеннему саду, только собралась она сойти с крутой лестницы крыльца, как увидела маленькую деревянную лошадку — ее забыл на верхней ступеньке Хусейн-садр. Новенькая рабыня, ухаживающая за ней, подбежала и схватила игрушечного скакуна и тут же с грохотом полетела с крыльца. Тегина-бегим чуть не лишилась дара речи от ужаса — ведь это могло произойти с ней. Что бы тогда случилось с наследником? Кто же, кто желал ее гибели, кто подпилил ступеньку? Да ясно как божий день — кто. Старшая, никогда не рожавшая жена Тарагая. Через некоторое время после этого происшествия собака Тайзи перекусила голову змее, что подползла к самым покоям младшей жены. Тегина-бегим упала без чувств и долго не могла прийти в себя от этих жутких совпадений. Припоминалось Тегине-бегим и то, как рухнула балка беседки и раб успел оттолкнуть ее и принял удар на себя.

Но самое страшное случилось, когда Тегина-бегим получила письмо от умирающего отца. Скорбная весточка гласила: «Я, твой отец, Садр-Аш-Сеид тяжело болен. Желание увидеть тебя своими угасающими глазами несоизмеримо ни с чем. Но, видимо, мое состояние не позволит мне увидеть мою ненаглядную дочь». Строки поплыли перед глазами, и Тегина-бегим в слезах и глубоком отчаянии прибежала отпрашиваться у Иुकун-хотин, — Тарагай в это время был в военном походе. Старшая жена притворно-участливо встретила ее: «Конечно, это святое дело. Тем более перед смертью. Езжай и дай Бог тебе удачи, хотя бы успеть на похороны».

Иукун-хотин не дала охрану, сославшись на занятость воинов.

Наспех собравшись, с безумными глазами, убитая тяжелым известием, Тегина-ханум тронулась в путь в сопровождении двух всадников-гулямов и служанки. С мольбой в голосе она упрашивала молодого арбакеша гнать гнедых побыстрее, и громоздкая арба, скрипя колесами, быстро неслась по печальной солончаковой дороге. Вскоре их начал нагонять вооруженный всадник. Гулямы приостановились, сняли луки. Узнав в приближающемся наезднике слугу Мойдуна, нукеры опустили оружие, радостно замахали руками и прикрикнули на возчика: «Тише

погоняй. Не видишь, вести какие-то из дома». Арбакеш, обиженно засопев, фыркнул: «А мне как хозяйка прикажет, так я и сделаю».

Тегина-бегим, встревожившись появлением слуги, попросила юношу приостановить телегу. И в это мгновение один из гулямов, ужаленный стрелой, упал с коня. Второй из нукеров, еще не поняв ужаса случившегося, но чувствуя приближающуюся опасность, громко крикнул: «Хозяйка, бегите!» И сам медленно осел с вонзенной в левом плече стрелой, полуобняв шелковистую шею коня, но лук он не выпустил из рук. Услышав раздирающий крик, Тегина-бегим выпрыгнула из повозки. Увидев поверженных гулямов и ухмыляющегося Мойдуна, она все поняла: стовор госпожи и слуги, лживое письмо о смерти отца. Значит, эта кампыр придумала уловку, чтобы завлечь ее в ловушку, западню. А она поверила в этот заговор. Слава Богу, хоть отец жив... Это прибавило ей силы, и ханум стремительно бросилась в степь. Служанка, не отставая, бежала сзади, но когда Тегина-бегим оглянулась, то увидела падающую рабыню, подкошенную смертоносным жалом,— полуоткрытый рот и вытаращенные глаза говорили о том, что ей уже ничем не поможешь. Это доконало молодую хозяйку. Сделав несколько шагов, она упала, рыдая от бессилия, и стала судорожно рвать квелую, поблекшую траву. Тут ее и настиг Мойдун с клинком в руках,— он успел зарубить арбакеша. Тегина-бегим, собрав все оставшиеся силы, встала, вскинув голову, громко закричала: «Если у меня есть грех, то пусть твоя сабля опустится на меня. Но чем провинился мой ребенок в моей чреве?» Хищно улыбаясь, Мойдун ответил: «Вот из-за него и приказано тебя убить». Но не успел он поднять клинок, как сам медленно опустился на колени,— железный наконечник застрял в правом плече разрушающим окровавленным отростком. Тегина-бегим, возблагодарив Всевышнего и гуляма, исполнившего свой последний долг, быстро отползла от этого проклятого места,— откуда и силы взялись — и, перемежающими шагами побежала к виднеющемуся колодцу. За ней следом, с затуманенным взором, истекая кровью, шатаясь, словно пьяный, тащился смертельно раненный Мойдун. Дойдя до колодца, младшая ханум обреченно упала на деревянный сруб,— не было больше сил бороться с надвигающейся бедой. Измученная страхом, она отдалась воле Божьей,— схватившись за железную цепь, она полетела в узкий проем, в чернеющую пропасть. Ледяная вода приняла ее в объятия, и когда обжигающая мысль о смерти пронизала ее, она чуть не отпустила руки. Но из кромешной тьмы колодца она вдруг разглядела в небе

звезды, одна из них ярко мигала, и в ней мать увидела манящее лицо будущего сына. «О, Всевышний не хочет, чтобы я умирала»,—просверлила мозг спасительная мысль, и когда ханум во второй раз погрузилась в бездну, она уже не испытывала страха. Вынырнув вновь и отталкиваясь свинцовыми ногами о бадью, судорожно перебирая руками скользко-звенящую цепь, раздирая пальцы в кровь, она начала подниматься. К этой сияющей звезде. Ее даже не испугала острая сабля, брошенная умирающим Мойдуном,— не задев ее, клинок упал в воду без всплеска и тут же затонул. Долго она так держаться не могла и, намертво вцепившись в железную цепь, она вновь и вновь подтягивалась с невероятным усилием, перебирая звенья скользкого металла. Не было больше мочи двигаться дальше, и она застонала на последнем издыхании. И вдруг сверху раздался пронзительно-замирающий крик пастухов: «Есть кто живой?» Тегина-бегим ослабевшим голосом хрипло просипела: «Мы здесь, оба живые».

Она не помнит, как ее вытащили, как долго не могла разжать пальцы. Пришла в себя только тогда, когда чабаны, обшарив колодец в поисках второго пострадавшего, стали вопросительно теребить ее, спрашивая, где еще один, и она, истерично смеясь и плача, указала на свой округлый живот: «Вот здесь, со мной». Пастухи, приведшие стадо на водопой, оказались молодцами амира Жоку ибн Мубарака, близкого друга Тарагая, который сейчас вместе с мужем Тегина-бегим находился в походе.

Жена амира Жоку ибн Мубарака с радостью приняла подругу, тут же послала гонца в тарагаевский дом с известием, что хозяйка после нападения разбойников осталась жива. Ханум не стала рассказывать ей о своих догадках. Ее удерживало какое-то цепкое, ползучее предчувствие страха, и она держала в себе, затаив боль, грусть, а гостеприимная хозяйка с радушием приветила молодую женщину.

За время ожидания вестей из дому и пребывания в гостях Тегина-бегим познакомилась с женой Казана, одного из последних в роду Чагатаев. Милая жена оглана по секрету сказала, что Тармаширин-хан часто болеет, вот урда и решила послать чингизида-монгола, чтобы не было беспорядков и борьбы за власть. Тегина-бегим поняла, что перед ней сидит будущая ханская жена, правительница Мавераннахра, Кашкадарьи. Прощаясь, она так сердечно приглашала в гости, что Тегина-бегим вместе с женой Жоку ибн Мубарака не могли отказать ей и навестили ее дом.

TOSHIENT SAKIT... BOOD TUMANI
No 50746

Жена Казана, с ярким румянцем на лице, юная, приветливая, — радушие и глубокий ум так и сквозили в ее словах, — встретила гостей в белой юрте. Порхая голубкой, она рассказывала о монгольской еде, ее особенностях и достоинстве.

Тегина-бегим была благодарна юной принцессе за ее теплоту, ласку, та как будто чувствовала тревогу в глазах младшей жены Тарагая и всеми средствами хотела развеять печаль гостыи своей непрехотливой, легкой беседой. Угощение было на славу. Пили босат — кобылье молоко с сахаром, отведали ребрышек свежей баранины, хорошо поджаренных и залитых янтарным жиром. Затем подали нерезанные куски дразнящего аппетитным запахом нежного мяса, отваренное тесто, заправленное специями и пряными травами. Попробовали дыню дастамбуй — крупную душистую, но после обильной жирной еды женщины уже не почувствовали ее вкуса.

Тегине-бегим так понравилось у молодой царевны, что она два раза вместе с подругой побывала в доме Казана и сама пригласила молодую женщину к себе в гости в селение Ходжайлгар. И вдруг жена Казана, став пытливо-серьезной, глядя пронизательным взором на младшую госпожу Тарагая и перебирая тонкими пальцами волосы, участливо проговорила: «Надеюсь, я развеяла вашу тоску и страх. Вы ничего не бойтесь, не беспокойтесь о будущем вашего ребенка. Все обойдется, у вас родится здоровый крепыш.— И, одарив очаровательной улыбкой Тегину-бегим, как взрослая, умудренная опытом женщина, тихо добавила: — Может быть, наши судьбы сойдутся в наших детях и мы породнимся», — и они крепко обнялись, как любящие сестры.

Через месяц примчался Тарагай вместе с Иукун-хотин. Старшая жена плача обняла Тегину-бегим и скрипнула словами в ушко: «Дочка ваша в моих руках. Пикнете, — считайте, нет ее в живых», — и отошла со змеиной улыбкой. Ничего не смогла рассказать своему мужу младшая жена. Затаилась в страшном, холодящем душу испуге за детей своих.

И вот сейчас этот взгляд, полный лютой, неукротимой ненависти, сулящий новые беды и новые страхи. Страхи тем более невыносимые, что связаны они с сыном, с будущим их наследника. Из глаз Тегины-бегим потекли горькие слезы — она провидела муки грядущих лет.

Глава вторая

АМИР ТАРАГАЙ

Любовь — огонь: не светит —
все темно.

А светит — так сгореть
не мудрено.

Из древних поэтов.

Наступила весна в Шахрисябзе, город оправдывал свое название. Кеш — Шахрисябз и его окрестности словно окутал зеленый дым, на фоне которого алели маки, пурпурные тюльпаны нежными фиолетовыми пятнами выделялись цветущие деревья. В двух фарсангах от Шахрисябза, в селении Ходжаилгар праздник — у бека Тарагая родился сын. Двор гудел, как пчелиный улей. Гостей, прибывших из Бухары, Ташкента, Самарканда, других дальних городов Мавераннахра, располагали на большом айване. Духовные лица, имам Шемсетдин Кулял со своей свитой, казии, муллы, мюриды мирно беседовали, сидя на огромном топчане, устланном коврами. Остальным гостям — землепашцам, охотникам, воинам, ремесленникам и другому простому люду отвели место в саду. Слуги бека, наряженные в новые белые рубахи с красиво расшитыми поясами «бельбаг» и добротные черные сапожки, ловко обслуживали гостей. Ими управлял оруженосец Хаккул. Шрам пересекал его лицо, начинаясь у левого

виска и заканчиваясь у подбородка. Когда Хаккул сердился, шрам так багровел, что лицо представляло жуткое зрелище, и потому окружающие старались не раздражать его без лишнего повода. Подчиняясь четким распоряжениям Хаккула, слуги расторопно, но без суеты сновали меж гостями, и дастарханы ломились от яств: самса, патир, курмуш, сушеные фрукты, сладости, ковордак, шурпа, жареное мясо, плов, в глиняных горшках вино, в тыквенных сосудах кумыс, дыни, арбузы.

Блюда менялись по четкому ритуалу — Хаккул зорко следил за этим. Особо почетных гостей встречал сам радостно возбужденный Тарагай.

На голове его белая чалма, одет в праздничный халат «джама», расшитый золотыми нитками, ноги облегают серые, на толстых каблуках, сапоги из верблюжьей кожи.

Тарагай подошел к касабу — мяснику, промолвил:

— Начинай, Аликул-шайтан.

Тучный, с грибообразным носом Аликул оглядел привязанных баранов, которые должны пойти под нож, приказал молодому слуге:

— Давай того, с большим курдюком.

Слуга торопливо схватил животное за ноги и попытался подтащить его к мяснику. Тот сердито прикрикнул:

— Так нельзя, это не по шариату.— Он приблизился к кучкару, стал поглаживать по золотому руну, чтобы успокоить. Но душу барана уже обуял ужас, все его тело сотрясала мелкая, неостановимая дрожь. Аликул-шайтан встал с правой стороны, осторожно повернул голову кучкара в сторону Мекки, затем свалив его, стремительно завязал передние ноги. Губы его зашептали слова молитвы: — Скажи: молитва и жертва моя, жизнь и смерть моя принадлежит Господу, Владыке вселенной, которому нет равных. Так было приказано мне, первому из мусульман. О Боже! От тебя и тебе во имя Бога! Бог величайший! — И, вытащив нож, касаб ловким жестом перерезал кучкару горло. Кровь брызнула и свободно потекла из раны. Аликул-шайтан, взяв чашу, наполнил ее свежей кровью, выпил со вкусом, закусив сырым кусочком отрезанного курдючного сала, и воскликнул: — О, прими это от меня!

Пир продолжался долго. А когда гости стали расходиться, каждого одарили сарпой, в платки заворачивали лепешки, сладости. Повитуха Анар-бегим окуривала комнаты исырком, обладающим свойством отгонять злых духов. Самой опасной считались пятая, седьмая и девятая ночь.

Близкие родственники, ухаживающие за роженицей, не спали в эти ночи и поддерживали огонь. Сорок дней нельзя показывать ребенка людям. Пока не закончится чилля. Под подушку Тегины-бегим Анар положила лепешку, лук и тумар-оберег — в нем хранилась выписка из Корана.

После полуденного намаза Тарагай уединился с Шемсетдином Кулялом. Ему хотелось поделиться со своим наставником обидами на правителей.

— Как идти в поход, так Тарагай первый, а как дележ добычи или праздник, так и не замечают, — посетовал он, протягивая имаму пиалу с чаем. — Ходжа Барлас, правитель Кеша, со своей свитой даже с коней не хотел слезть. Он, видите ли, спешит, у него дела. А еще считается главой нашего рода. Насилу усадил его за дастархан. О постройке в Ходжаилгаре новой мечети я и не заикнулся, хотя верблюдка моя на том месте, где нужно построить мечеть, все бока пролежала.

Святой отец, поправив шафрановую чалму, уселся поудобней и устремил свой пронизательный взгляд на амира.

— Бек, выслушай горькую правду, какая она есть. Ты такой же правитель, как все. Пока ты беден, пока при сборах в поход войско твое немногочисленно, это всех устраивает. Но если ты станешь строить школы, мечети, медресе, влияние твое усилится. Кто этого хочет? Никто из твоих родственников, друзей, недругов.

Бесшумно вошел слуга Нуритдин.

— Хозяин, ничего не нужно?

Бек махнул рукой:

— Не мешай, следи за гостями.

Слуга тут же испарился. Шемсетдин Кулял продолжал:

— Расположение звезд говорит о том, что родился сильный правитель. Персидский звездочет, что служит при одном влиятельном лице в Кеше, тоже предсказал младенцу великое будущее. Перс уверяет, что Темур-воин сметет всех владык Мавераннахра и Моголистана. Береги своего единственного сына как зеницу ока. А твою дружбу и откровенность я ценю. Думаю, — Шемсетдин Кулял улыбнулся, — и для нас наступят светлые дни.

Усадьба Тарагая раскинулась в центре селения Ходжаилгар. Дом стоял на высоких кирпичных цоколях. Внешние стены прорезаны маленькими квадратными отверстиями

в виде амбразур. Ворота — с простой резьбой, с большими халька — кольцами-запорами. Во дворе еще одна скромная двухэтажная постройка. Это гостевая. Прихожая, терраса, обеденный зал, спальня — все застлано коврами, на которых раскинуты мягкие курпачи и пуховые подушки. Гостевая делится на мужскую и женскую половины. Та часть дома, которая имеет внешние стены, отведена для гостей мужчин. Внутренняя часть дома — дарун — отведена женщинам. Между двумя половинами — промежуточная комната — для встреч.

За этим двухэтажным зданием находились постройки для нукеров, тут же была маленькая дарча — калитка, ведущая в сад. Большой хауз, окруженный высокими тополями, был гордостью хозяина, его оберегал садовник, кибитка которого пряталась в глубине сада. За комнатами воинов находилась летняя кухня и сарай для военного, хозяйственного инвентаря, а также комнаты для хранения и сушки фруктов, овощей, дынь.

Слева от главных ворот располагались многочисленные комнаты для слуг, напротив комнат выстроились казаны, тандыры, очаги различной формы для приготовления первых, вторых блюд, для выпечки лепешек, тут же находилось большое количество дров. Еще одна калитка вела на скотный двор, разделенный на две половины: одна для лошадей, ослов и верблюдов, другая для коров, телят и овец. Здесь же были сараи и навесы для кормов. Катаки для птиц построены отдельно, вдоль стены. В глубине двора — псарня, там держат сторожевых собак, которых на ночь отпускают на всю усадьбу. В хитро сплетенных клетках сидели кеклики, перепелки, нежным пением они приводили в восторг бека и его гостей. Виноградные лозы, искусно подправленные садовником, увивали беседки, где любил отдыхать амир.

Тарагай вставал рано, с пением петухов, до завтрака прохаживался по двору, отдавая распоряжения слугам, и как бы между делом отрабатывал сабельные удары, лихо снося колышки, расставленные нукерами. Затем он шел в покои госпожи, чтобы поздороваться с проснувшимся Темуром, играющим деревянной, подвешенной над бешиком саблей. Увидев, что сын пока еще неловко играет с подвешенным над колыбелью деревянным кинжалом, который выстругал для него начальник нукеров Хаккул, отец одобрительно улыбнулся: растет воин. Да и дочь приносит только радость. Радость, радость... И вдруг он вспомнил ту невероятную историю, которая сопровождала рождение

дочери Кутлуг Турган-ага. Тегина-бегим ходила уже на последнем месяце, и Тарагай, страстный, сильный мужчина, томился и скучал по женской близости. И вот именно в это время встретила ему бедная девчонка с бойкими глазами и смелым языком.

Несколько раз попадалась эта девчонка на его пути. Обычно, когда окруженный свитой он проезжал через близлежащий кишлак, подростки и малышня разбежались, рассыпались, точно горох. И только Зайнаб, смело глядя амиру в глаза, бежала за его конем и звонко выкрикивала: «Хочу покататься, хочу покататься на вашем гнедом». Амиру странно и дико было слышать такие речи, ведь девочек в мусульманских семьях воспитывали в скромности и строгости. После двенадцати, а хорошо развитых физически дочерей и после девяти лет матери ограждали от посторонних, особенно мужских взглядов. И вдруг такая вольность!

В тот день амир возвращался с одинокой прогулки, он был полон ожиданий — жена скоро должна разродиться. Хотелось побыть одному, помечтать, понежиться в приятных мыслях.

Подъезжая к кишлаку, он несколько удивленно поглядел на дорогу — она была пуста; в душе его шевельнулось нечто вроде разочарования: девчонка исчезла. Но тут же вздрогнул: из густой кроны карагача раздался девчоночий звонкий смех и обычная ее нахальная просьба:

— Высокочтимый бек, покатайте на вашем коне.

— Ах ты бесстыдница, ах ты... — Тарагай, подъехав ближе, хотел огреть девчонку камчой, но, подняв голову, наткнулся на огромные прекрасные глаза и в разрезе платья увидел груди, тугие, трепетные, словно молящие о ласке.

Амира пронзило острое чувство вожделения, голова закружилась, дыхание стало жарким. Не помня себя, он раздвинул ветки, схватил своими мощными руками худенькие, нежные руки и рванул хрупкое девичье тело на себя. Жарко зашептал: «Ну что ж, красавица, будь по-твоему, покатаю тебя». Рука его нетерпеливо коснулась призывных бугорков — и грудь девочки затрепетала. Тарагай хлестнул скакуна и с гиканьем понесся в степь. Маленькая тюбетейка девственницы упала на пыльную дорогу. Сама же Зайнаб упала на пышные травы, и голодный амир жадно овладел ею, порвав платье. Зайнаб кричала на всю степь от сладкой боли.

Здесь, в свежей, зеленой долине, они провели весь день, позабыв обо всем на свете. В сумерках вернулись в селение, и около карагача, у реки, амир посадил Зайнаб. Пря-

ча взгляд от ее огромных, прекрасных глаз, амир сказал:

— Приведи себя в порядок, девочка. А еще лучше отправляйся к близкой подруге, пусть предупредит твоих родителей, что ты зацепилась за сук и упала с карагача.

Зайнаб отрицательно замотала головой.

— Вот, держи,— и Тарагай сунул ей в руки тугой кошелек.— Это... это задаток, а жениться я на тебе не могу.

— Почему? — Зайнаб вся дрожала,— Я была бы хорошей женой. Почему, мой бек?

— Почему, почему! — вскипел бек, но, опомнившись, зашептал: — Я тебе еще много подарков пришлю, я не забуду тебя. Только не говори о случившемся своим. В терпении — твое счастье и твое будущее.

Дома бек тут же позвал Хаккула — оруженосца и Джаманкула Худого — главу всего хозяйства. Амир честно рассказал своим верным слугам о случившемся. Хаккул, небрежно ухмыльнувшись, заявил, что знает семью этой девчонки — бедняки, старик со старухой да брат бешеный. Не дай Бог что пронюхает — убить может. Хаккул хитро прищурил один глаз:

— Хозяин, разрешите высказать одну мысль. Думаю, на брата удавку стоит накинуть, домишко поджечь вместе с родителями, а Зайнаб продать где-нибудь на рынке, подальше отсюда.

Тарагай неодобрительно покачал головой и посмотрел на Джаманкула. Тот, на лету схватив мысль хозяина, радостно воскликнул:

— Бек-ага, зачем доводить дело до греха? Не лучше ли сделать девчонку счастливой в объятиях пастуха. У меня есть дальний родственник, на мельнице потерял руку, теперь — пастух. Сосватаем Зайнаб ему... Калым уплатим...

— Калым, калым! — яростно выкрикнул Хаккул.— И так на скотном дворе ничего не осталось, а если год неурожайный будет... В походы уже сколько не ходили, добычи уже давно не было. И что, последнее отдать одноорукому! Айша, дочь Абу Бакра, вышла замуж за пророка в девять лет, хоть и в шесть уже была влюблена в него. Видно, и эта девка, Зайнаб, влюблена в вас, хозяин. Зачем же ее отдавать другому?!

— Ты, воин, послушай, что скажет хозяин,— Тарагай отбросил подушку, на которой возлежал.— От Иукун-хотин ждал детей — не дождался. И вот, после стольких

лет ожиданий, скоро, с благоволения Аллаха, стану отцом. Если сейчас женюсь на Зайнаб, смертельно обижу Теги-ну-бегим.

— А может, все подстроено родителями девочки, чтобы женить вас на ней, хозяин? — сощурил глаза Хаккул.

— Нет, нет, мой оруженосец, нет здесь никакой ловушки, все случилось на одном дыхании. Кажется, она действительно меня... Одним словом, готовьте ка-лым.

И Тарагай, приняв решение, облегченно вздохнул. Нет, нет, сейчас ни в коем случае нельзя было обидеть молодую жену. Теги-на-бегим была дочерью Садр-Аш-Сеида, принадлежавшего к верхушке бухарского духовенства. Многие ишаны, имамы, друзья Садр-Аш-Сеида были связаны с денежными операциями, их называли «садр-джахан» — столпы мира. Садры обладали огромными денежными средствами, по богатству их можно было сравнить только с влиятельными амирами, ни одно крупное решение не обходилось без совета с садрами. Но Садр-Аш-Сеид имел скромный достаток, он был фанатично предан законам шариата, честен перед Всевышним, старался не участвовать ни в каких денежных махинациях. Среди родичей пользовался уважением и, кстати, был хорошим прикрытием в тех или иных операциях.

Дочь его Теги-на-бегим воспитывалась в доброй, честной среде, сердце ее было мягким, отзывчивым. Попав в дом Тарагая, она была поражена, разочарована, поняв, что есть иной мир, иные отношения — лукавые, подлые, жестокие. Она страдала, и Тарагай это видел, но ничем не мог смягчить участь молодой жены. Нет, нет, нельзя причинить ей боль, особенно сейчас. А Зайнаб... Часто вспоминал он потом эту странную девочку, страстную, знойную, чья грудь обжигала губы.

Тарагай усмехнулся при мысли, что в последнее время частенько задумывается о прошлом. А думать надо о будущем, — все мудрецы и звездочеты предрекают ему великое будущее. Да и в настоящем немало радостей, главная из которых — здоровый, веселый малыш Темур. Не пренебрегал Тарагай и мелкими радостями и с удовольствием принял приглашение на бои баранов-кучкаров, которые устраивались за городской стеной Шахрисябза. Здесь на огромной поляне часто проходили и схватки палванов, на которые стекались зрители из ближайших городов и селений. Привлекали сюда знатоков и перепелиные бои, схватки и гонки собак. О, собаки — это была особая статья азарта;

кавказские и среднеазиатские овчарки, персидские борзые и огромные дворняги разной помеси с отрезанными хвостами и ушами, сторожевые волкодавы собирали особенно много народу, и каждый был первоклассным ценителем.

В пятницу, после утреннего намаза Тарагай с небольшой свитой — Джаманкулом, Мобашаром и Абдуллой — отправился в Шахрисябз, вернее, на его окраину. Там на огромном поле уже кипели страсти. Ожидали не только схваток кучкаров, но и бои кекликов, собак, а может, даже и верблюдов. Арену окружила возбужденная толпа знатоков, каждый подбадривал своих ставленников — владельцев самых, как им казалось, боевых птиц.

Абдулла выпустил самца-кеклика, красавца пепельно-серого оперения с розовыми ногами, на которых красовались крепкие шпоры. Подпустив самца к клетке с самкой, Абдулла дал ему время поухаживать за красивой птицей, а затем кинул его на более крупного самца, которого тоже предварительно выдержали у той же клетки с самочкой. И вот соперники бросились в бой. Зрители стали делать ставки. С мордатым хозяином кеклика-соперника Тарагай заключил пари на десять динаров, и чтобы дрались без особых металлических шпор, до первой крови и бегства птицы. Тарагай был уверен в своем любимце, ведь не зря же он занимался с ним весь последний месяц, отработывал прыжки и удары клювом. Бойцы-самцы бились без разведки, ударяя грудь об грудь, и любимец амира метко клюнул в глаз своего противника. Затем птицы разлетелись в стороны, немного пригнулись, и начался боевой танец, сопровождаемый высокими прыжками, ударами сильных лап и клювов. Тарагай оглянулся на Джаманкула, и тот поднял большой палец — дескать, все будет хорошо. Через некоторое время все было кончено. Более крупный самец, хоть и дрался отчаянно, начал терять ориентировку, на шее появилась кровь. У амира поднялось настроение. Получив деньги, он велел вывести своего кучкара против старого рогатого самца. Плешивый хозяин рогатого, едва удерживая своего бойца-кучкара, сразу же предложил большую ставку — тридцать динаров. Джаманкул испуганно покачал головой, Мобашар застыл с каменным лицом, а Абдулла вопросительно уставился на хозяина. Тарагай раздумывал. Плешивый, ехидно посматривая на бека, сказал:

— Или вам или мне птица счастья. Рискнем?

— Ай-вай, — амир кивнул головой. — Рискнем.

Баранов расставили на большом расстоянии друг от

друга. Мобашар коленом поддал своему кучкару, и два самца с налитыми кровью глазами бросились друг на друга. Раздался страшный удар, затем второй, третий... Удары эти напоминали камнепад. Разбежались «бойцы» — и снова могучий удар; ноги тарагаевского кучкара подкосились. Плешивый хозяин злорадно захохотал. Бек сплюнул травинку, рассчитался с плешивым и пробормотал:

— Господи, не возлагай на нас то, что нам не под силу.

Но проигрыш не остудил азарта амира, через несколько минут он уже делал ставку в десять динаров на белого волкодава. Однако и тут его подстерегала неудача. Белому волкодаву не повезло, огромный черный пес перегрыз ему горло. Мальчишка, хозяин белого волкодава, обхватив свою собаку руками, плакал и причитал:

— Ты мне спас жизнь, зачем же я тебя сюда привел?

— Зачем ты сюда вообще явился? — подхватил Тарагай. — Осел, из-за тебя и я проиграл.

Вдруг к амиру подбежал джигит с оторванным ухом и, вытащив из-за пазухи перепелку, предложил сразиться. Тарагай с раздражением оттолкнул джигита:

— Иди своей дорогой, не до тебя.

Но тот не отставал и плаксиво канючил:

— Ну что тебе, жалко, что ли, пусть подерутся наши кеклики.

— Нет сейчас перепела с собой, — отмахнулся, как от назойливой мухи, Тарагай, усаживаясь на своего коня.

И тогда джигит неожиданно цепко ухватился за сапог бека и начал вопить:

— Слезай, трус. Боишься проиграть!

Тарагай, дергая ногой, еле освободился от пальцев-клещей, обхвативших его сапог, а затем изловчился и, что было силы, ударил сапогом по кричащему рту. Джигит отлетел, но тут же вскочил и еще громче заорал:

— Убили!

Не успели слуги бека отбросить бродягу, как из-за ближайших кустов вышел высокий, крепкого сложения джигит. Мощная шея, темная, словно кора осеннего дуба, уверенно держала огромную голову, на которой лихо сидела меховая шапка. Глубоко посаженные глаза смотрели с насмешкой.

— Вижу, амир, ты смело бьешь моего Абу Касыма, а хватит ли у тебя смелости выйти против меня?

По манере держаться, по кошачьим повадкам было видно, что это настоящий борец. Небрежно сняв стеганный полушелковый халат, палван бросил его на руки трем нукерам, сопровождавшим его, таким же наглым, как хозяин. С ухмылкой на лице они ждали потешного зрелища. Тарагай ловко спрыгнул с коня, бросив поводья Абдулле.

— Где я тебя видел? — прошептал амир, быстро снимая халат. — А, вспомнил, в свите амира Казагана. Он что, послал вас наказать меня?

— Никто нас не посылал!.. А проучить тебя стоит, — не унимался Абу Касым, лицо которого от злости стало напоминать крысиную мордочку. — Давай, Матназар, всыпь ему перцу в зад.

Тарагай, пальцами ощупывая лезвие клинка, прошептал слугам:

— Будьте наготове.

Противники отошли подальше от посторонних глаз, к пустырю. Оба одновременно повернулись в сторону Мекки и в кратком молении просили силы у Всевышнего. Затем, едва скрестив сталь клинков, отошли на некоторое расстояние. Нукеры Матназара незаметно вытащили сабли и с нетерпением стали ждать поединка. Мобашар многозначительно посмотрел на Абдуллу, и тот в ответ кивнул — дескать, понял. Насвистывая, он отошел к лошадям, — а где же еще и быть конюху, — и, вытащив из-за пояса тряпицу, стал отирать круп одной из лошадей. Гулямы-соперники настороженными взглядами проводили конюха, но, видя, что слуга занят своим обычным делом, успокоились. Абу Касым весь дергался от возбуждения и все выкрикивал разбитыми губами:

— Убей его, убей, Матназар!

И вот бой начался. Громадный бахадур, точно скала, надвигался на Тарагая и, ловко орудуя клинком, под одобрительные крики своих гулямов, начал теснить амира к ветвистой шелковице. Предвкушая победу, Матназар высоко поднял клинок для решающего удара, но гибкая веточка тутовника на какое-то мгновение придержала клинок, — этого мгновения было достаточно, чтобы амир пронзил груд своего врага. Тот покачнулся, сначала упал на колени, а затем плашмя рухнул на землю. Тарагай издал победный клич и круто повернулся в сторону Абу Касыма.

— Ты просил задать перца в зад, вот пусть и получает! Тарагай, ловко покрутив клинком, воткнул его в выступа-

ющий зад Матназара. Раздался поросячий визг — Матназар был еще жив. Оглядев место поединка, бек аккуратно вложил клинок в ножны и жестко проговорил, обращаясь к застывшим приспешникам Матназара:

— Передайте моему тестю, что если еще раз ему вздумается поиграть в такие игры...— амир не удержался и грязно выругался.— Так вот — висеть его любимой дочке на самом высоком тополе.. Прощайте, и не дай Бог вам еще раз повстречаться на моем пути...

Домой возвратились поздно, когда все уже спали.

Глава третья

ШЕМСЕТДИН КУЛЯЛ — ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ СЕМЬИ ТАРАГАЯ

«А тех, которые не уверовали
и уклонились от пути Аллаха,
направит он в заблуждении дела их».

Коран, сура 47

Свежий, сильный ветер срывал с могучих крон листья, и они веером устилали землю, засыпали чисто подметенный двор мечети. Мечеть в Шахрисябзе принимала на молитву ежедневно, а в пятницу верующими заполнялся не только зимний зал, но и двор, и звучное «Аллаху акбар» сотрясало старинные стены. Небольшая мечеть представляла собой четырехугольное здание с высокой башней минарета, с которой муэдзин призывал на молитву, в западной части широкого двора находился хауз, а также пристройка, предназначенная для очищения перед совершением намаза. Потолок мечети расписан белой и голубой краской, а стены священного здания заполнены надписями из Корана, пол же застлан обыкновенной циновкой. Никакой лишней обстановки не полагалось. Имелись худжры для имама, суфиев, муэдзина, мулл, а также для далеко живущих улемов и вечных странников дервишей. В мечети чудом сохранилась библиотека. В основном это были книги религиозного

характера, но были и рукописи ученых, философов, историков, врачей.

В глубине двора имелось большое помещение для школы, в которой обучались дети прихожан этой мечети.

Имам мечети — Шемсетдин Кулял — несмотря на ранний час, ждал домуллу Камалетдина. Тяжелые раздумья владели им. Имам долгое время жил и проповедовал в Карши, отсюда совсем молоденьким муллою совершил хадж в Мекку, сблизился там с местными шейхами, усвоил их учение и распространял его в Мавераннахре. Но встретил сопротивление влиятельного шейха Убайдулло, которого поддержала верхушка местной знати. Пришлось оставить насиженное место. По воле божьей оказался в Шахрисябзе и здесь продолжил проповедовать ислам. Хотя трудно вести хутбу мусульманства среди расцвета других религий. Ислам еще хрупок. Шло в Мавераннахре и незаметное насаждение буддизма. До ислама люди Согда были идолопоклонниками.

Святой отец подошел к окну. Ветер стих, пошел дождь, крупные капли стучали по стеклу, словно посланники Божьи. Ислам — эта единая вера — объединила и сплотила племена. Имя пророка стало символом единения.

Золотой век мусульманской образованности продолжался более трехсот лет, но уже в XI веке в мире ислама начала проявляться реакция против учения пророка. Неукротимым противником ислама был теолог Ал-Газзали. А затем все религии вихрем смела орда Чингизхана, все потонуло в кровавом поту, все перемолото, перебито. Имам вспомнил слова историка Ибн-Ал-Асира: «О, чтоб матери моей не родить меня, чтоб мне умереть прежде этого и быть преданным вечному забвению». Имам приблизился к печке, к тлеющему саксаулу подбросил дров. И сейчас многие ханства, султанства и особенно строптивные персидские племена не приемлют ислам, хоть и сожгли их идолов вместе с их верой. Бог один. Первый пророк Адам, последний — Мухаммад, с молитвами из Корана люди вставали и засыпали, охотно отдавали дань мечети, оброк ханству, боялись делать дурные поступки, зная, что неверующих ждет ад. И все свои грехи, деяния, помыслы люди очищали молитвой. «Да, да, молитва — духовное очищение человека. Молитва — покой души, — размышлял имам. — Молитва ниспослана человеку самим Аллахом со времен сотворения мира. Исполни молитву, ибо она предохраняет от всяких позорных и постыдных деяний. О верующие! Часто повторяйте имя Божье и прославляйте его утром и вечером. Все сущее на небесах и на земле обращается к Нему со

своими молитвами. Пророк говорил, что во время молитвы верующий находится лицом к лицу с Богом».

В дверь тихо постучали; прервав думы святого отца, вошел учитель мактаба.

— Проходите, домулла Камалетдин, — приветливо пригласил имам нового учителя. — Вы знаете, при нашей мечети существует мактаб. Прежнего домуллу забрал к себе Всевышний. У нас несколько школ. У вас будут учиться дети из селения Ходжайлгар, Тешик-тепа, Сары-тепа, Чаш-тепа. Теперь вам предстоит нести мысли божьи нашим детям. Им прививать законы шарията.

— Да, да, конечно, святой отец, я понял, — учтиво ответил Камалетдин.

— Понять надо одно, — мягко перебил домуллу имам, — что, кроме механического чтения, письма, арифметики, вы должны привить юному созданию мысль, что нет на свете другого божества, кроме Аллаха! Мухаммед — посланник Аллаха! Дети должны знать Коран — Божье откровение. Сознательное служение Господу, дорогой Камалетдин, вы должны передавать детям. Верю, появятся новые последователи: святые, шейхи, полководцы, правители, ученые, искусные ремесленники, которые с гордостью будут нести знамя ислама по нашей цветущей земле. Да воцарится на земле мир и покой!

Домулла Камалетдин, затаив дыхание, слушал святого отца. Его голос проникал в самые потаенные уголки его души. Он готов был слепо повиноваться имаму.

Утренняя прохлада заполнила зеленый город Шахрисябз. И благодатная тишина объяла святыню-мечеть. Над минаретом остро вспыхивали золотые стрелы встающего солнца.

Шемсетдин Кулял провел раннюю молитву, состоящую из двух ракатов, между зарей и восходом солнца. Сам Мухаммад говорил: «В ваших молитвах не упустите ни момента восхода, ни мгновенья его заката». Затем позавтракал, выпив горячего молока, разбавленного маслом, куда были крошены кусочки лепешки. Святой отец тщательно следил за своим здоровьем и избегал всяких излишеств: в обед потреблял миску плова или шурпы, а на ужин — кусочек брынзы или немного фруктов. Святой отец составил план работы на текущую неделю: кроме обычной своей повседневной службы в мечети, прочитать лекции мусульманского правоведения студентам медресе, а также «О вере ислама», в мактабе ознакомить детей с цитатами из Корана, дальше обширная проповедь в мечети по укрепле-

нию веры во Всевышнего. Что еще? Да, казий пригласил на суд над пьяницами и ворами, не забыть бы заглянуть в тюрьму, наставить на путь божий грешных. Тяжелая неделя. Имам подумал и решил: да нет, как и многие другие... И отправился в медресе.

Его ждали. Он окинул цепким взглядом двор медресе, где на воздухе, на циновках, расположились студенты. Чалмы, чалмы, чалмы! Больше серые, иногда полосатые. И его ослепительно белая. Он прикрыл на минуту глаза, сосредотачиваясь. Затем тихо, но четко произнес:

— Молитва приводит нас до дороги, ведущей к Богу, пост — к дверям его дворца, а милостыня вводит нас туда...

С полным основанием свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха. Свидетельствую, что Бог един и не имеет сотоварищей. Свидетельствую, что Мухаммад есть Его слуга и Его пророк.

Так начиналась каждая его лекция. Сегодня он должен был посвятить своих учеников в таинство хаджа — паломничества в Мекку, к святой Каабе.

— А вы совершили хадж? — неожиданно спросил Ал-Ислам Абдадь ал-Мелик, один из самых внимательных слушателей, молодой человек с едва заметным пушком на верхней губе.

Имам не обиделся, что его как бы перебили. Напротив, он охотно ответил:

— Да, сын мой, и хочу в скором будущем повторить паломничество в Мекку. Итак, я остановился на ритуале малого хаджа...

Он говорил вдохновенно и видел, что слова его падают в благодатную почву. Студенты внимали с почтением и интересом.

— Что-то пересохло в горле, — наконец, виновато произнес имам, и один из студентов быстро принес чашу с водой. Отпив глоток, имам заключил: — Ну вот, на сегодня и все. А теперь задавайте вопросы. И не обязательно по теме лекции.

— Кем является имам? — спросил один из слушателей.

— Мулла мечети, он же визирь, он же министр Бога, — быстро ответил святейший.

— Как должны строиться мечети? — выкрикнул долговязый юноша.

— Мечети создаются искусными мастерами. Снаружи, подле дверей, должны быть расположены места для омовения. Минареты должны быть прилажены к внешним стенам, а не к внутренним. Наиболее великой из всех

мечетей является мечеть Мекки — Кааба, затем мечеть пророка в Медине. Верующие должны вступать в мечеть правой ногой, а выходить — левой, обувь в мечети снимается. Я немного отвлекусь от заданного вопроса, вам будет полезно знать, что при входе в мечеть следует говорить «салам», если даже там никого нет или если даже идет молитва. В мечети уместно лишь прославление Бога, нельзя обнажать меч, нельзя вести мирские разговоры, и уж ни в коем случае нельзя торговать.

— Святой отец, а ведь Айша, супруга пророка, купила себе раба в мечети. Как это понимать? — мягко прервал имама один из студентов.

— На то она и жена пророка, — улыбнулся наставник. — Это исключение. Но не будем отвлекаться. Очень важен вопрос молитвы. Не следует молиться в банях, в отхожем месте, в конюшне, около могилы. Не молятся также в винных погребах, перед раскаленным очагом, перед животными. Можно молиться в христианских часовнях и церквях, когда там нет скульптурных изображений.

Со своего места резко поднялся юноша и низким гнусавым голосом попросил рассказать об обряде очищения и путниках — как они в пути совершают намаз.

«О Боже, — подумал имам, — надо же иметь такой шершавый голос. Как в будущем он будет служить шейхом?! Слушать такой голос!»

Но, скрыв недовольство, имам принялся рассказывать об ат-тахарат — обряде очищения.

От продолжительного монолога у имама вновь пересохло в горле, и, словно чувствуя это, появился молодой незнакомый мюрид, неся касу с айраном. Оставив чашу с прохладительным напитком, он подобострастно прошептал:

— Пейте и наслаждайтесь, — и скромно удалился.

От приторной, заискивающей улыбки мюрида святого отца передернуло, сразу почему-то расхотелось пить. Да и шогирты его тоже изнывали от жажды. «Потерплю», — решил Шемсетдин Кулял и продолжил ответы. Через некоторое время святой отец заметил на лицах своих учеников улыбки. Недоуменно скосив глаза в сторону, имам вдруг увидел белый пушистый комочек — котенок с удовольствием лакал айран. Губы святого отца невольно расплылись в улыбке. Но умильная картина длилась недолго. Котенок, утолив жажду, резво побежал к выходу, но вдруг, мучительно задержавшись и выпучив глазенки, свалился. И тогда тишину нарушил истощенный крик:

— Оравить хотели нашего имама!

И заголосила, забегала молодежь в поисках злодея.

А бледный Шемсетдин Кулял прошептал:

— Видите, Всевышний желает, чтобы я совершил хадж в Мекку.

А теперь ему пора в школу, где ждут его юные отроки, делающие первые шаги в познание неизведанного. И от того, какими тропами поведет их учитель, зависит их духовная будущность.

Входя в школу, Шемсетдин Кулял услышал детские крики и размеренные удары палкой. О Боже! У имама в глазах потемнело, прислонившись к старому карагачу, старец едва пришел в себя. Говорили родители о жестокости учителя Маматхалила, вот и сам убедился. Заменить его надо, а то будет калечить детей и дальше.

Шаркающей походкой зашел в помещение. Посредине комнаты с поникшими вниз крыльями-ручонками висел мальчуган, тело его дрожало и детские ноги елозили по грязной кошке. Разъяренный домулла Маматхалил, с поднятой палкой, застыл в изумлении, увидев вошедшего имама. С рыхлым лицом, изъеденным оспой, спутанной непричесанной разлохмаченной бородой учитель оцепенел от испуга. Домулла, растерявшись, угодливо пригласил святого отца сесть. Смущенно залопотал извиняющимся тоном:

— Ученики такие непослушные, вот приходится наказывать.

Имам молча кивнул, жестом попросил его сесть и, больше не обращая внимания на домуллу, начал свой урок.

— Дети мои, что было сотворено первым?

Дети, прижавшись друг к другу, испуганно молчали. Святой отец исподлобья взглянул на Маматхалила. Его укоряющий взгляд говорил: вот до чего довели ваши звериные старания.

— Первым было сотворено перо,— мягко подсказал имам.— И Бог сказал ему: «Пиши, что должно быть сотворено». Сначала рыбу и на спине ее землю. Так как при движении рыбы земля тряслась, то для равновесия Бог создал горы, реки... А что самое главное повелел Бог? — имам вопросительно оглядел запуганную детвору. В ответ — гробовое молчание. Святой отец угрюмо покачал головой, его пальцы стиснули четки, но, сдержав свой гнев, он с расстановкой произнес: — Бог повелел почтительно относиться к отцу и матери, хотя бы оба они или один из них достигли престарелого возраста и оставались жить с вами. Остерегайтесь обнаружить к ним пренебрежение и осыпать

их упреками. Говорите с ними почтительно. Всегда чтите отца своего и мать свою. Будьте добры к родственникам своим, к сиротам, к бедным, будут ли они связаны с вами родством или совершенно чужими для вас.

Закончив свои цитаты из Корана, имам, прощаясь, спросил у домоллы, смотря в его беспокойно бегающие глаза:

— За что вы не любите детей? Разве вы не знаете заповедь: «Не ударяй ученика более трех раз, в противном случае Бог взыщет с тебя за это на том свете». Прощайте...

После ухода имама Маматхалил со злостью схватил палку и так ударил по кувшину с водой, что он разлетелся на осколки, вода разлилась. А домолла с разъяренным от злобы лицом тупо повторял:

— Козел безрогий, вздумал мне угрожать. Мы еще посмотрим, чья возьмет...

Глава четвертая

ДЕТСТВО ТЕМУРА

Густой туман не скрывает
благоуханья цветов.

Древнекитайский афоризм

Ольджа Аим Инаги приняла на себя все заботы по кормлению и уходу за наследником. Тегина-бегим, поиграв с сыном, спокойно отдавала свое чадо кормилице, которая тыкала распухшие от обилия молока соски в розовый ротик младенца. Ее собственное дитя быстро выплевывало припухлый коричневый сосок матери, дочь насыщалась быстро. И Ольджа Аим Инаги млела от наслаждения, когда кормила грудью Темурчика. Иногда во время кормления заходил встревоженный Тарагай — не заходила ли сюда, не приведи Господи, Иукун-хотин? Кормилица в ответ томно потягивалась и спокойно улыбалась. Амир, успокаиваясь, озорно шлепал молодую женщину по крутому заду и, поглаживая усы, чинно удалялся. Ольджа, провожая теплым взглядом хозяина, думала, что не зря беспокоится отец наследника. Она вспомнила, как однажды, совершенно случайно заглянув в детскую, увидела склонившуюся над детьми Иукун-хотин. В одной руке ведьмы был какой-то странной формы пузырек, пальцы другой змеились возле

розового ушка малыша. Ольджа шла из кухни, где помогала готовить ужин, в руках ее был нож. С диким криком бросилась она с ножом на завистницу. Уперев острие ножа меж двумя обвислыми грудями ведьмы, кормилица прошептала побелевшими губами:

— Всевышний свидетель, если хоть один волосок упадет с головы моих детей, зарежу...

Никому не рассказала о случившемся кормилица, но с той поры Иукун-хотин никогда не приближалась к наследнику, она знала, что его охраняет зорче и вернее любого телохранителя тигрица Ольджа.

А дети между тем росли и были неразлучны. Ольджа Аим часто с грустью смотрела на их веселые игры, невинные объятья. Ей страшно было думать о том, как сложатся их отношения, когда, наконец, станут они понимать — кто из них кто.

Однажды, — Темуру тогда было лет шесть, — заметил он испуганный взгляд Биби, устремленный на ветку орешины. Тювик — мелкий ястреб, кружил над парой воркующих голубков. Не раздумывая, мальчишка схватил свой лук, который смастерил для него Хаккул, прицелился и выпустил стрелу в хищника. Оглушенный ястребок камнем упал у изголовья спавшей на тахте Ольджа Аим Инаги. Темуру потянулся за трофеем и задел за густые волосы кормилицы, размечанные по подушке. Молодая женщина проснулась и увидела, что юный бек, взяв красную ленточку Биби, обвязал тювику его когтистые лапки и повесил на ветку. Биби, счастливая и благодарная, радостно хлопала в ладоши.

Эту яркую, радостную картину запомнила на всю жизнь не только кормилица, через всю свою жизнь пронес Темуру светлое воспоминание о той прекрасной минуте, ведь случилось в его жизни невероятное, то, во что юный бек никак не мог поверить: когда он вернулся однажды с отцом из дальней поездки, Биби не выбежала, как всегда, ему навстречу. Она умерла, и тайну ее смерти он так и не сумел разгадать.

Но жизнь продолжалась, и пытливый Темуру не уставал задавать окружающим вопросы, часто приводившие их в смущение: на какой звезде сидит Аллах, почему золото желтого цвета, а не белого, как, например, снег, и почему у них нет этого металла?

Когда Темуру чуть подрос, оруженосец Хаккул организовал со своими нукерами на заднем дворе «военный» лагерь, окружив его деревянным частоколом. Поставили четыре

неподвижных щита для метания дротиков, топориков и ножей, а также соорудили «движущиеся» мишени: слуги быстро передвигали деревянные щиты, а сорванцы-джигиты упражнялись в стрельбе по ним из лука. Обучали будущего воина и сабельной рубке, и скрытной вылазке в стан врага, и борьбе-кураш, и лазанию по канатам. Ежедневные упражнения шли на пользу, и для своих лет Темур выглядел намного старше сверстников, разделявших его военные игры.

После всех баталий шли сражения на шахматном поле. И в этой игре победителем всегда выходил Темур.

Тарагай радовался — растет смена для походов, радовалась и Тегина-бегим. Она с удовольствием кормила военную рать своего сына — овощная шурпа, молочная каша, фрукты, родниковая вода — здоровая пища для будущих воинов. Втайне Тегина-бегим считала эти обеды — божьей милостью: и шаткое ее здоровье будет поправляться, совесть ее перед Всевышним чиста за судьбы некоторых сирот.

Тарагаевский дом рыбой, дичью снабжал охотник Каххар — человек, сотканный из мускулов, с узкими ястребиными глазами. Темур привязался к следопыту, и Каххар часто водил мальчишку на охоту, брал на рыбалку, обучал ремеслу праведника.

Темур все схватывал на лету. А однажды спросил следопыта:

— Я понял повадки зверей и птиц, научился читать их следы, а вот следы человеческие — как их читать?!

И Каххар понял — этому мальцу в учителя нужен уже не охотник, а философ.

В октябре Тарагай привел юного бека в мактаб и, обращаясь к мулле Камалетдину, произнес:

— Кости мои, мясо ваше, — обучите его азам премудрости.

— Не беспокойтесь, бек! — Мулла взял за руку мальчика и подвел к старшим ученикам: — Вот вам новенький джигит. — И вышел проводить амира.

Один из самых старших учеников, рябой силач Абдулатиф, подошел к новичку и покровительственно похлопал его по плечу:

— Я буду твоим опекуном.

Темур внимательно посмотрел на выступающий кадык Абдулатифа и небрежно скинул его руку с плеча.

— Йе, посмотрите на этого сына шакала! — завопил

Абдулатиф и тут же мешком рухнул на циновки. Темур в баталиях научился справляться с врагом.

Наступила мертвая тишина. Дети застыли в изумлении: до сих пор никто не мог дать отпор этому верзиле.

Мулла Камалетдин с первого взгляда понял, что произошло в его отсутствие, он усмехнулся краешком губ и произнес:

— Кто в молодости не научился доброй нравственности, того счастье оставляет в годах зрелых. Сгибай как хочешь дерево, пока оно в свежести, а сухое выправишь посредством огня. Понятно всем? — строго спросил учитель.

— Да, — хором ответили ученики.

— Тогда продолжим занятия. Наша тема — пословицы. «Ученик — лошадь, учитель — плетка», «Упадешь героем — поднимут джигиты, упадешь трусом — растопчут копыта», «Умному намек — глупому пинок», «Злословие вражду рождает, потом вражда беду рождает». Ну, ученики мои, все ли вам ясно? — и Камалетдин оглядел комнату.

Пол, на котором, поджав ноги, сидели дети, был застлан камышовыми циновками, тетради и книги лежали на низких узких скамьях. Мулла восседал на курпаче у стены с нишами для книг и имел при себе три палки разной длины — соответственно длине и ширине комнаты. Над потолком, к перекладине, крепился деревянный блок — галтак, к которому подвешивали провинившихся учеников, головой вниз. Ближайшие ряды от учителя занимали ученики постарше, дальше располагались дети младшие. Почти все дети одеты в полосатые чапаны. Более богатые подпоясаны красивыми, изящно расшитыми кушаками. На головах у старших детей и побогаче — мышинового цвета чалмы или меховые шапки, у младших — тюбетейки, у совсем бедных вместо кушака — веревка. Занятия в мактабе продолжаются почти круглый год с недолгими летними каникулами и двумя великими праздниками — свободная неделя до начала и неделя после праздника. Прием учеников не ограничен временем года и возрастом, в одной комнате могут сидеть дети от семи до семнадцати.

«Да, дети самые разные, но почти все они тянутся к знаниям», — подумал мулла Камалетдин и продолжил:

— Я расскажу вам, что мы будем проходить в этом учебном цикле. Все учение сходится на Коране — кодексе законов нашей жизни; в нем совмещаются религиозные, бытовые, семейные правила, исторические нравоучительные рассказы. Знание священной книги — это свет в пути, это родник живой воды. Мы освоим масляк — жизненный путь

мусульманина и его обязанности. Наши устремления и в том, чтобы освоить азы двух великих литератур — на тюркском и фарси языках. А кроме того,— мулла вдруг широко улыбнулся и пошутил: — Вы обязательно научитесь считать баранов своих отцов. А окончив мактаб, получите звание грамотного.

Темур учился превосходно. Быстро освоив азы учебы, он часами просиживал за книгами, изучая деяния великих полководцев. А священную книгу Коран Тимур выучил от корки до корки и принял ее всем сердцем.

Вскоре среди сорока учеников юный бек стал первым.

Как-то осенью мулла Камалетдин приболел. И детям выпали неожиданные каникулы. Учитель болен, а ученики ликуют — это так здорово вырваться из четырех стен мактаба на волю.

Темур упросил отца отпустить его с друзьями в горы — собирать орехи. Тарагай дал сторожевых собак, а слуге Нуритдину приказал глаз не спускать с наследника.

— Отвечаешь головой,— грозно сказал он.— Если, не дай Бог, что-нибудь случится, то проклинай тот день, когда ты родился,— добавил амир Тарагай.

Нуритдин сложил обе руки на груди и склонил голову в знак того, что все понял.

Величавые горы встретили осенней прохладой, золотыми красками, и только арчовая рощица выделялась своим зеленым игольчатым опереньем. Горный поток бился о валуны, и создаваемый шум радовал слух. У подножия гор вдоль шумливого ручья росло несколько десятков ореховых деревьев, приземистый тутовник, серебрянолистая джида, светло-желтая боярка. Расседлав и напоив, пустили коней пастись на ближайшую лужайку.

Темур объявил:

— Пообедаем после работы. На дерево полезем я и Нуритдин и шестами будем сбивать орехи, а Худайдад, Гафури, Джако и Джагуй Барлас — будут их собирать в хурджуны.

Нуритдин, выбрав подлиннее палку, подошел к Темуру.

— У меня маленькое замечание, бек, на орешину полезу я один, а вы здесь со своими воинами...

Глаза Темура потемнели от гнева, и он резко оборвал слугу:

— Кажется, Нуритдин, ты не понял, что я сказал?

— Нет, милостивый бек, я отлично понял. Но вы не полезете...

Не успел слуга закончить фразу, как сильный удар в лицо опрокинул его навзничь. Когда он поднялся и пришел в себя, юный бек зло спросил:

— Так ты понял, мерзкий?

— Нет, — Нуритдин ответил жестко и уверенно. — Я не позволю вам...

Еще более страшный удар опрокинул слугу. Открыв глаза, Нуритдин осторожно выплюнул большой сгусток крови. В глазах его появились слезы незаслуженной обиды — вот и старайся ради хозяев. На собственной шкуре он испытал характер будущего владыки. И сейчас понял лишь одно — не смей перечить растущему амиру.

— Мой амир, да будет так, — он с трудом поднялся и покорно склонил голову перед юным беком.

Он понял, что это не игра и за любое неповиновение его ждет жестокое наказание. Глаза хозяйского сына — какие-то рысьи и беспощадные — наводили жуть на слугу. Придется повиноваться каждому слову и взгляду, иначе не поручишься за свою жизнь.

К вечеру собрали несколько мешков орехов. Спали, сменяя друг друга на карауле.

Рано утром отправили Джако домой — отвезти орехи и другие плоды. Дали наказ быстрее возвращаться с пустыми хурджунами да пригнать пару ослов. Позавтракав лепешкой и овечьим сыром, запив еду родниковой водой, джигиты улеглись на берегу горной речушки. Оляпки, перепрыгивая с камня на камень, в поисках пищи ныряли в воду. Где-то неподалеку устроили схватку перепела. К роднику прилетела пара белых голубей. Джигиты разомлели от созерцания красоты. Темур с нежной улыбкой следил за воркующими голубями, на лице его не осталось и следа от вечерней ярости.

А Нуритдин, между тем, пожинал плоды этой ярости: лицо его распухло, голова гудела, точно пустой казан. Несколько раз посылал Темур Джагуя Барласа к Нуритдину, чтобы тот поел хоть немного, но слуга лишь произносил молитву: «О Боже! Дай мне благополучно провести этот день и последующие дни и ночи, сохрани меня от зла».

Темур показал рукой на ближайшую вершину и тоном, не допускающим пререканий, сказал:

— Я полезу на эту скалу. Видите фисташковое дерево, а на нем гнездо? Вчера орлица там кормила птенцов.

Нуритдин сник и обреченно покачал головой:

— Больше никогда с молодым хозяином не поеду, лучше вместо осла работать дома.

А в это время бек уже быстро взбирался по тропинке на вершину. Мелкие камни из-под ног сыпались вниз. Вдруг все закричали — в руках Темура извивалась змея. Юный амир крепко сжимал ее гибкое тело и, повернувшись к друзьям, посмотрел вниз и громко крикнул:

— Ого-го!

Худайдад испуганно завопил:

— Бросайте!

У Нуритдина потемнело в глазах... Темур, отбросив змею, помахал рукой и стал карабкаться дальше. Джигитам было не до сбора орехов, все с тревогой смотрели на маленькую точку, которая медленно поднималась ввысь. На пути бека попался камень, который при малейшем движении опасно шатался, хорошо выемки на скале были глубокими. Юный бек, зацепившись за них руками, пнул камень ногой, и маленькая глыба, чуть не зацепив амира, упала в ущелье. Немного передохнув, амир взобрался на выступ. Старое фисташковое дерево раскинуло свою увядшую крону, в гнезде, нахохлившись, сидел маленький орленок. Благо не было орлицы. Она могла в слепой ярости выклевывать глаза похитителю. Отвязав мешок, который висел у него на поясе, Темур накинул его на птенца и, не мешкая, стал спускаться, где с нетерпением ждали его друзья.

И вновь Темур лазил по деревьям и горным вершинам, и вновь свита его с замиранием сердца следила за выходками своего «предводителя». И вторая ночь, холодная, звездная, распростерлась над горными вершинами. Разожгли костер, тесной кучкой расположились возле огня. Темур оглядел джигитов веселым взглядом, подбадривающе спросил:

— Ну, так кто среди нас самый искусный рассказчик?

— Дозвольте мне, бек,— мягко предложил Худайдад.

Темур кивнул, и Худайдад, прокашлявшись, высоким, еще срывающимся голосом начал сказ.

— Павлин и рысь попали в капкан.— Джагуй Барлас ехидно фыркнул — ну и легенда. Но рассказчик невозмутимо продолжал: — Рысь начала метаться, биться, а затем, чтобы только вырваться на свободу, принялась грызть свою лапу. Освободившись от ловушки, вся в крови, рысь предложила свои услуги павлину. Но тот, величаво махнув хвостом, отказался от помощи, он решил переждать. Пришедшие охотники убили гордую птицу из-за ее прекрасного оперенья, а хромая рысь стала осторожной и жестокой. И до сих пор наводит ужас и на зверей, и на

людей. Думаю, всегда надо бороться до конца, — подытожил свой рассказ Худайдад.

Все согласно закивали головами. Следующим поднял руку Гафури, худенький юноша, которого на большом караванном пути подобрал Тарагай. Мальчишка был так болен, что отъезжающие купцы в сердцах говорили: не надо твоих ослов взамен, бери так, не пожалеешь, занятный джигит, знает много легенд. Это Анар-повитуха выходила мальчишку, и он жил у нее.

Гафури любил и умел рассказывать, его всегда слушали с интересом.

— В одном царстве после смерти отца пришел к власти некто Аль-Мутаид. Он превосходил всех красотой, совершенством слова и нрава, находчивостью и способностью предвидеть будущее. Ему сопутствовало счастье в походах, и он завоевал и объединил обширные земли. Хитростью и вероломством умел Аль-Мутаид сломить своих врагов. Давно точил он меч против берберов, а одолел их обманом. Построил Аль-Мутаид великолепную купальню и пригласил туда берберских вождей, якобы для того, чтобы заключить перемирие. А когда те расположились в роскошных залах, приказал замуровать двери...— Гафури замолчал, пригубил родниковой воды и окинул слушателей вопросительным взглядом.

— А дальше, дальше что? — нетерпеливо воскликнул Темур. Глаза его горели, ему явно пришелся по душе рассказ о покорителе земель.

— Но особенно искусен был Аль-Мутаид в разжигании распрей между народами и племенами, между их правителями. А когда те шли войной друг на друга и истощали силы в борьбе, он одолевал и тех и других. Имя его наводило ужас на одних и вызывало восхищение у других, ведь Аль-Мутаид построил прекрасные дворцы, взрастил дивные сады. Аль-Мутаид поставил своей целью стать царем царей!

Вдруг псы, злобно рыча, бросились в темноту.

— Салям алейкум! — раздалось из-за кустов шиповника.— Уберите, пожалуйста, собак.

Темур цыкнул, — огромные псы, виляя хвостом, подбежали к костру. К огню подошли и люди, — это были дервиши. Их было трое, самый старший, старик в белой чалме и с белой бородкой, держал в руках посох. На голове второго суфия была тубетейка, одет он был в чапан, подпоясан бельбагом. Третий, самый молодой, с живыми глазами, одет был в рубище, на поясе его висела тыквянка.

— Мир вашему дому. Можно погреться у вашего костра? — обратились они к джигитам.

— Будьте гостями, святые отцы.— Темуру отдал распоряжение своим джигитам приготовить ужин.

Молодой, увидев постанывающего в стороне Нуритдина, поднялся, подошел к нему.

— Что с ним? — И, не дожидаясь ответа, склонился над слугой.— Принесите воды,— решительно распорядился он.

Джагуй Барлас принес ключевой воды. Путник вытащил из сумы чашку, налил туда воды, достал завернутое в тряпочку зелье и отсыпал часть в посудину. Все смешав, осторожно помог Нуритдину выпить лекарство. Буквально через несколько минут дыхание слуги стало ровным, лицо просветлело.

— А этот амулет пусть потом повесит на шею,— и суфий отдал талисман Темуру, сразу признав его за старшего.

— Благодарим, вы облегчили участь нашего джигита. Но кто вы? — Темуру пытливо смотрел на молодого дервиша.

— Мы — члены ордена странствующих дервишей, а самый старший — глава нашего клана, шейх.

Так случайно судьба свела Темура и Накшбенди.

Утром при расставании с дервишами юный бек подарил им осла для хромавшего шейха. Самый молодой дервиш — Бахааддин Мухаммад Бурхан, известный в духовных кругах как Накшбенди, пригласил молодого бека вступить в их орден.

— Благодарю, святые, за честь. Но я буду воином!

Накшбенди улыбнулся:

— Ну что ж, иди за своей звездой, юноша. И если она окажется счастливой — быть тебе великим полководцем! А значит, наши встречи впереди...

Шли дни за днями, наполненные играми, занятиями с луком и мячом, учебой в мактабе.

Сверстники Темура, почувствовав в нем вожака, тянулись к нему, ощущая в нем силу и твердость. Его рысиного взгляда не выдерживал никто. Поверженный Абдулатиф вместе с другом Гуламом Али выискивали повод, чтобы проучить этого выскочку. И они решили избить строптивого туркмена Хаджи Мухаммеда — в назидание другим. После окончания занятий подростки собрались на пыльной поляне, где устраивались конные состязания и джигитовки. Ученики постарше демонстративно сняли чапаны, чал-

мы, длинные белые рубахи, все аккуратно сложили под деревом, оставшись полуголыми, и двое из группы выступили вперед — Абдулатиф и здоровяк Гулам Али.

— Эй, собачий сын Мухаммед! Выходи, если ты не трус. Выбирай любого из нас на борьбу, — громко крикнули они в толпу подростков помладше.

Мухаммед, побледнев, снял старенький чапан и вышел в круг, образованный учениками. Подошел Темур, которого задержал мулла Камалетдин. Дети тут же расступились перед ним.

— Что, стервятники, решили позабавиться? Не тронь Мухаммеда. — Темур смело шагнул вперед и стал рядом с туркменом.

Али, на голову выше Темура, злобно прошипел:

— Ты, атаман, иди своей дорогой. Мы тебя не задеваем, и ты не лезь в чужие дела.

— Он из моей ватаги, — юный бек прикрыл своим телом Хаджи Мухаммеда.

Тут вмешался пузатый, здоровый Галиб, сын кешского визиря Хаджи Хасан Дива.

— Эй, ты, что ты строишь из себя бека? Твой отец Тарагай не может заплатить за твою учебу динарами, а все тащит разную дичь. Кичишься своим благородством, а у самого пыль в кармане, — злорадно рассмеялся толстяк.

Юный бек, не дослушав, как пущенная с тугой тетивы стрела, бросился к Галибу и головой протаранил живот обидчика. Тот повалился навзничь, Темур упал на него. Все расступились и стали кричать, подбадривая бойцов. Пыль стояла столбом. Успех был переменный, но первый удар Темура все-таки предопределил победу. Галиб так и не смог подняться. Темур оседлал своего соперника и, сидя верхом на его животе, одной рукой держал за горло, другой наполнял рот пылью и глухо кричал:

— Если у меня в кармане пыль, то пусть у тебя в глотке тоже будет пыль! — Кто-то попытался столкнуть Темура, но тот вскинул горевшие ненавистью глаза и прохрипел: — Уйди, убью!

Пытавшийся помочь поверженному Галибу Гулам Али в страхе отшатнулся.

К ним подбежал Сейфетдин и, взяв за плечи амира, тихо произнес:

— Пошли, бек, здесь больше нечего делать...

Ночью из Ходжаилгара вышел обоз в две арбы. В первой сидела Тегина-бегим со своими дочерьми — Кутлуг Турган-

ага и маленькой Ширин Бек-ага, и кормилицей Ольджа Аим Инаги; во второй — Иукун-хотин со своей прислугой. Арбы сопровождал отряд из десятка всадников во главе с Тарагаем и Темур со своими юными джигитами.

Обе жены давно просили Тарагая отправить их к святым местам. Иукун-хотин, снедаемая завистью к Тегине-бегим, мечтала доверить свое горе Аллаху и обратиться к нему с молитвой — отомкнуть ее чрево. Тегина-бегим хотела возблагодарить Бога за детей. Да и сам Тарагай не прочь был замолить грехи. Путь держали в мечеть Хусамата в местности Фудина, что от Несефа и двух фарсангах пути.

Святой хазрет Хусам-ата — выходец из Мекки, проповедник ислама, основал здесь мечеть в конце одиннадцатого века. Она собирала толпы правоверных, тех, кто в молитвах просил помощи у Аллаха, а также отпущения грехов, принося дары святым местам.

Темур, гарцевавший на подаренном отцом гнедом коне, очень серьезно отнесся к задаче охранять обоз. Троих джигитов — Ильчи, Джако, Акбуга — юный бек распределил вдоль обоза. Джагуй Барласа послал в разведку, пятый джигит, Сулейман, двигался, чуть отстав от маленького отряда. Темур и его друзья были вооружены саблями и луками, в колчанах которых было тридцать стрел.

Степь встретила путников тишиной и покоем, и лишь сверчки неутомимо пели свои скрипучие песни. На темном бархате неба горели крупные, ясные звезды. Сорвалась одна звезда, и Темур, пока она не погасла, быстро зашептал:

— О Аллах! Тебе ведомы все тайные мысли и мечты. Я жажду грозных битв, я жажду славы. Пусть это будет твоим предначертанием.

Подскакал встревоженный дозорный:

— Таксыр, впереди я видел силуэты вооруженных людей.

Тарагай внимательно оглядел окрестность и сгруппировал своих нукеров так, чтобы их не застали врасплох. Темуру же приказал со своими джигитами спрятаться в повозках и не высовываться, это не домашние игры. Обиженный Темур собрал своих воинов и объяснил каждому задачу; укрывшись воловьими щитами, они разместились по трое в каждой повозке, приготовили луки со стрелами и стали ждать нападения.

Тегина-бегим, испуганно прижимая к себе дочерей, молила сына быть осторожным. Она видела неукротимую решимость Темура обороняться и сражаться с грабителями.

Нападения пришлось ждать недолго, разбойные людишки, видно, выследили обоз.

— Урр! Волки мои, вперед на добычу! — завопил здоровенный вожак, и вооруженные чем попало бандиты под злобное улюлюканье бросились к арбам.

Тарагай и его нукеры были наготове и оказали яростный отпор. Однако бандитов было слишком много, и некоторые из них почти достигли повозок. И тут Темур отдал приказ своим джигитам — град стрел встретил нападавших. Бандиты, проклиная своего глупого предводителя, стали отступать и вскоре растворились в темной степи.

— Сын мой, — растроганно обратился отец к Темуру. — Да ты уже настоящий воин. И джигиты твои — храбрецы. Жалую вам всем по новому халату.

И довольный Тарагай решил воздать благодарственную молитву Аллаху, — наследник его оправдывал надежды.

Отдохнув у родственников в Несефе, маленький отряд направился ранним утром в мавзолей Хусам-ата. Темур с благоговением взирал на величественное здание, в котором покоился сам святой, его сыновья, жены, военачальники. Посреди двора был хауз, окруженный тополями, в их тени отдыхали путники Аллаха и читали общую молитву.

Темур с нетерпением ждал азана — призыва муэдзина к всеобщей молитве. И вот наконец высокий, звенящий голос на все четыре стороны произнес: «Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар!»

Собравшиеся в чисто подметенном дворике мечети мусульмане встали в четкие ряды и смиренно отвечали: «Аллаху акбар!»

Темур впервые участвовал в столь торжественном молитвенном обряде, и сердце его трепетало от восторга и от великой любви к Богу.

Когда возвращались домой, Темур поравнял свою лошадь с лошадей отца и тихо сказал:

— Придет время, и я приглашу лучших мастеров и построю мечеть намного больше, чем мавзолей Хусам-ата.

И впервые Тарагай очень серьезно сказал Темуру:

— Ты быстро вырастешь, сын мой. А ну, догони!

И два всадника поскакали в необъятную степь.

Глава пятая

ИСЛАМ — В ЕГО ВЕЛИЧИИ, МОГУЩЕСТВЕ И БЕССМЕРТИИ

«Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь
Посланнику и обладателям власти
среди вас».

Коран. сура 4, аят 59.

Роскошный сад дышал ароматом роз, в утренней сиреновой дымке соперничал с ним по тонкости, изысканности благовония запах, источаемый райхоном.

Пятница — особый день для правоверных. После утреннего намаза, входящего в личную обязанность каждого мусульманина, после общей молитвы, совершается главный пятничный ритуал — проповедь. Жители Шахрисябза и всех окрестностей заполнили просторный двор мечети, чтобы послушать шейха Шемсетдина Куляла. О его страстных, на грани экстаза проповедях шла слава не только в Шахрисябзе, но и в соседних городах. Имам и сам видел, что от пятницы к пятнице растет число прихожан, что словам его внимают чутко и с верой. Да, таково предназначение Аллаха — он должен нести откровение Божье людям, он должен помочь каждому мусульманину идти прямыми путями.

Нелегкий это труд — наставлять на путь истинный других. Сам ты должен не только беззаветно предать себя

Всевышнему, но и ничем, даже тенью греха или порока, не осквернить свою жизнь. Каждая проповедь — это экзамен и это волнение. А нынче Шемсетдин Кулял волновался вдвойне — он должен был приоткрыть правоверным тайну Судного дня.

Имам вышел во двор, где в стройных рядах замерли прихожане. Он минуту-другую молчал, сосредотачиваясь, и, наконец, тихо произнес:

— Бисми-ляхи-р-рахмани-р-рахим — во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Проповедь началась и потекла как обычно.

— О правоверные! Вы, кто уверовал, да будут ваши пути прямыми, а деяния праведными! Ибо придет Судный день, о дне и часе которого ведомо лишь Всевышнему...

Незаметно зашел фадаш — служитель мечети, он принес фарфоровый чайник и пиалу. Налив на доньшко ароматного чая, фадаш, пятась, удалился. Имам едва заметно кивнул головой в знак благодарности и, не притрагиваясь к пиале, продолжал. Голос его постепенно креп, набирал силу. Он предостерегал от мирских соблазнов, клеймил тех, кто, забыв о Боге, обсчитывает, обвешивает своих же соплеменников, кто не гнушается воровством и ростовщичеством, кто падок до прелюбодеяний. Слова имама, точно огненная стрела, вонзались в душу, и когда Шемсетдин Кулял выкрикнул: «О люди, питайте страх к Господу вашему, ибо страшен и ужасен будет час суда», кто-то из прихожан потерял сознание.

— И помните! Каждому предстоит пройти по мосту Сырт — острому, точно лезвие меча, и узкому, точно волос. Праведники, вы получите награды свои в день воскрешения и обретете высшее блаженство в садах райских, среди прекрасных гурий. Грешников же поволокут в ошейниках в ад и там станут они пищей огню. И не будет спасения от кары огненной. Воскликнут мученики: «О Малик! Пусть прекратит Господь наказание!» Но не ответит Он им...

В первом ряду не выдержал и разрыдался мальчишка лет тринадцати, — отец испуганно зажал ему рот, а затем прикрыл голову сына полой халата. Шемсетдин Кулял словно очнулся от транса. Все еще горящим взором посмотрел на юного мусульманина, и радостная мысль пронеслась в его голове: этот не сойдет с прямого пути.

Имам приготовился закончить проповедь, сегодня он решил увенчать ее своей любимой формулой: «Я полагаюсь во всем на Аллаха». Но не успел он закончить фразу, как

в мечеть вошла группа дервишей. Молча, с великим подобострастием смотрели они на святого отца. После окончания проповеди, когда народ стал расходиться, каландары попросили имама разъяснить некоторые суры Корана.

Святой отец охотно и пространно отвечал на все вопросы, но любопытство их, казалось, не имело конца. Имама немного смутила их настойчивость и, наконец, он, сославшись на усталость, решил распрощаться с дервишами.

Сарибуга — старый воин, известный всему Шахрисябзу, всегда уходил с молитв и проповедей последним. Он с удивлением наблюдал за происходящим. И вдруг глаза его округлились: один из каландаров легко ударил ребром ладони по шее святого отца, и обмякшего имама тут же подхватили на руки путники пыльных дорог. Реакция Сарибуги была мгновенной, он схватил большую палку, лежавшую около арыка, догнал похитителей и начал охаживать их по спинам. Ярость старого воина была столь велика, а рука все еще столь мощной, что дервиши с проклятьями и стонами разбежались, бросив прямо на дороге святого отца. На шум сбежались прихожане. Сарибуга принес воды и обрызгал бледное лицо Шемсетдина Куляла. Тот, приходя в себя, осторожно ощупал шею, губы его скривились в болезненной гримасе. Тяжело вздохнув, имам прошептал:

— Боже, и чем я не угодил...

Сарибуга выругался сквозь зубы:

— Они хотели похитить вас, я сам видел, как вас ударили.

Шемсетдин Кулял, опираясь на руку воина, поднялся, отряхнул полы халата.

— Воин, не утруждайте себя злобной горечью. Благодарю за спасение. Я знаю, чьих рук это дело. Но сбудется только то, что предназначено Богом. Вот видите, милосердный послал мне вас в помощь. Повторю тысячу раз: «Полагаюсь во всем на Аллаха!»

Ничем не выдал Шемсетдин Кулял окружающим своего беспокойства, но чтобы как-то прийти в себя после случившегося, обрести душевное равновесие, он отправился в библиотеку. Сокровищница эта собиралась по крупицам: история, культура, литература, астрология, медицина и другие науки — все предназначалось для потомков. Здесь в пожелтевших листах рукописей, в книгах в сафьяновых переплетах была собрана вся мудрость и философия Востока.

О Восток! Под благодатным покровительством Аллаха процветают сказочные города, такие, как Багдад, Дамаск, идет активная торговля, и караванные пути ведут во все подлунные страны, процветают утонченные ремесла, достигли высот мусульманские науки, и среди них — медицина. О Аллах! Не дай детям твоим сбиться с истинного пути. Шемсетдин Кулял взял в руки труд аль-Газали «Ихья улюм ад-дин» — «Воскрешение наук о вере». Но углубиться в чтение ему помешал появившийся привратник. Низко склонив голову, он виновато произнес:

— Простите, таксыр, дервиш из Бухары очень просится.

При слове «дервиш» имам вдруг вспомнил о письме, которое он спрятал в тайнике. Почему-то захотелось проверить — там ли оно. Но привратник ждал ответа, и он сказал:

— Пусть войдет.

Шемсетдин Кулял прошел к себе в приемную, где обычно принимал посетителей, учеников.

Дервиш был молод, клинообразная бородка украшала смуглое лицо. Святой отец вопросительно взглянул на мюрида.

— Вы так настойчивы. Что случилось?

— Простите, досточтимый имам. Я к вам с необычайной и секретной миссией. Я тайный сват, зовут меня Али Баходир.

— Сват?! — удивился имам.

Дервиш, закатив глаза, тихо произнес:

— Выслушайте, святой отец, изложу все по порядку. В Бухаре есть богатое семейство дуглатов. Одному из сыновей этого клана Давуду приглянулась дочь Тарагая — Кутлуг Турган-ага. Она с матерью прошлой весной гостила у своего дедушки, по соседству с усадьбой отца Давуда. Род Дауда очень богатый, у них дома в Мерве, Самарканде. Когда-то эта семья пожертвовала довольно обширные земли ордену Накшбенди. И вот, сам глава братства решил помочь этому отроку, отрядив меня к вам в качестве свата. И сам шейх желает видеть вас главным сватом. Об этом же очень просил ваш друг Мухаммад Накшбенди и он же, — дервиш, хотя в комнате кроме них никого не было, наклонился к уху святого так, что клинообразная бородка защекотала имаму ухо, — велел во имя Всевышнего присматривать за Темуром, ведь юный бек довольно свободен в своих поступках.

Шемсетдин Кулял весь напрягся — откуда такая осведомленность? Но вида не подал, закивал головой в знак того, что просьба шейха будет исполнена.

Когда дервиш, низко склонив в знак почтения голову, неслышно удалился, имам глубоко задумался. Накшбенди — пятый в цепи руководителей суфийского братства. Духовным основателем ордена считается Ходжа Йусуф ал-Хамадани.

Накшбенди родился в семье ремесленника в селении Каср, его отец работал ткачом и увлекался чеканкой. Главную роль в судьбе Мухаммада сыграл дед, имеющий прочные связи с суфиями, он и пробудил у внука интерес к мистике. Первым наставником Накшбенди был шейх Мухаммад Симаси, который незадолго до смерти посоветовал своему халифу Сайиду Кулялу взять способного юношу к себе в ученики, ввести в общество дервишей и обучить его правилам их мистического учения. Сайид Кулял являлся наставником Шемсетдина Куляла, он-то и познакомил кешского имама с Накшбенди. Вначале в их отношениях сквозила официальная сухость. Затем, встречаясь, они поняли, что у них много общего, им интересно было беседовать на самые разные темы, будь то религия, философия, литература. Когда же пути их разошлись, Накшбенди стал писать имаму в Шахрисябз письма, а имам отвечал. В письмах они касались самых разных тем, некоторые мысли Накшбенди казались имаму слишком смелыми, а то и просто крамольными.

Но вот почему орден заинтересовался семьей Тарагай? Почему? Конечно же, из-за Темура. Темур родился под счастливой звездой, оракулы предсказали ему великое будущее. Но юноша еще ребенок, а вокруг него уже ведутся какие-то политические игры. Тарагай, барласский бек, при благоприятных обстоятельствах может занять пост правителя в Шахрисябзе или в Несефе, тогда Темуру не составит труда в скором времени стать правителем любого вилайята. А дальше... при его неукротимой жажде власти...

Тайно укрепляя связи с влиятельными беками, орден укрепляет и свое могущество, работает на свое будущее. Но какими путями прознали там про юного бека? Хотя... тайные агенты ордена проникают всюду, знают обо всем.

Почесав кончиком мизинца переносицу, Шемсетдин Кулял все-таки решил просмотреть свою тайную переписку с главой ордена и заодно взглянуть на другие припрятанные документы.

Вернувшись в библиотеку, имам направился к дальней нише, в которой был хитроумно устроен тайник. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что в тайнике кто-то побывал. Имам дернул за ручку дверцы, она поддалась без ключа. Тайник был пуст.

— О Боже! — простонал святой отец. — И сюда добрались!

Ноги его подкосились, и он без сил опустился на пуфик. Потеря злата не была бы столь огорчительна, как утеря чужих писем и важных документов. Это было чревато опасностью для многих достойных вельмож.

Тихо, словно мышь, поскреб в дверь привратник.

— Проходи, — обреченно пробормотал имам.

Слуга, осторожно войдя в библиотеку, доложил:

— Прибыл амир Тарагай, — и, увидев побледневшее лицо хозяина, испуганно прошептал: — Что-то случилось, святой отец?

Шемсетдин Кулял полностью доверял слуге и открылся ему:

— Кто-то вскрыл мой тайник. Исчезли важные бумаги...

Привратник, схватившись руками за голову, забормотал:

— Чувало мое сердце, чувало. Вы меня сами с поручением послали. А когда я вернулся, увидел, что здесь джорубкаш — уборщик при мечети — крутится. Что-то подозрительно мне стало, прогнал я его. Надо бы допросить...

— Хорошо, пригласи его ко мне, — немного приходя в себя, проговорил имам. — Заодно зови сюда амира, не пристало беку ждать в прихожей.

Амир Тарагай, едва увидел отрешенное лицо имама, встревоженно приподнял брови.

— Святой отец, что случилось? Вы так подавлены.

— Досточтимый бек, случилось непредвиденное. У меня выкрали документы.

На вопросительный взгляд амира имам покаянно развел руками.

— Накшбенди попросил своего духовного наставника халифа Сайида Куляла припрятать кое-какие бумаги где-нибудь подальше от любопытных глаз. Видно, они предназначены для потомков, для истории. А Сайид Кулял передал их мне.

— Что за бумаги? Насколько они важны? — спросил амир.

— В юности Накшбенди в поисках истины стоптал немало кавушей вместе с дервишем Халилом. Но пути-дороги, как всегда, сходятся и расходятся. Дервиш Халил, брат Казан Султана, вскоре стал ханом. Но на троне сидел недолго. На престоле оказался его брат Казан Султан-хан.

Ушло в небытие правление Халила Султана, но осталась его переписка с Накшбенди. И если эта переписка бывших друзей попадет в руки недоброжелателей, они могут использовать документы в корыстно-злых целях.

Тарагай как бы осуждающе покачал головой, и святой отец вновь сник.

— Я своей беспечностью поставил под удар шейха Накшбенди. Одна из заповедей этого братства гласит: его члены не должны вступать в какие-либо контакты с правителями. Тайные связи с хакимами, конечно, существовали и существуют. Но это никогда не афишируется. Но, уважаемый бек, это еще не все. Были бумаги и другого рода. Это...

Тарагай перебил имама:

— Да вы, святой отец, собрали в этом тайнике все секреты мира.

Имам вздохнул, но не успел ответить — привратник привел джорубкаша. У того от страха бегали глаза, трясущимися губами он повторял:

— Я ничего не видел, ничего не слышал.

Тарагай, интуитивно почувствовав причастность джорубкаша к краже, выхватил клинок из ножен и подскочил к дворнику.

— А ну, говори, сын гиены, сколько тебе заплатили?

— Не надо крови,— засуетился Шемсетдин Кулял, но Тарагай, продолжая размахивать клинком, грозно вопил:

— А вот мы сейчас отсечем ему мужское достоинство, а к жене его пошлем отряд нукеров, чтобы заменили калеку-мужа...

Джорубкаш рухнул на колени и взмолился:

— Всевышний свидетель, я не хотел этого делать...

Тарагай чуть не задохнулся от ярости:

— Бога вспомнил, ослиная голова. Говори, да поживее, иначе...

— О святой отец, о досточтимый бек,— залепетал предатель.— Я все скажу, только не трогайте мою жену.

И захлебываясь слезами, дворник выложил все как было.

Когда у привратника заболела сестра и он на несколько дней уехал в село, джорубкаш выполнял некоторые его обязанности, в том числе и производил уборку в библиотеке. Вытирая пыль с книг, невзначай надавил на какую-то планку, та поддалась и открыла тайник. А совсем недавно его подпоил незнакомец из Карши и выведал про этот потайной

ящичек. А выведав, обещал большие деньги дворнику за содержимое тайника. Джорубкаш долго сопротивлялся, а незнакомец все увеличивал и увеличивал вознаграждение.

— Где он сейчас, этот неверный? — прорычал Тарагай.

— В караван-сараяе, — проямлил джорубкаш.

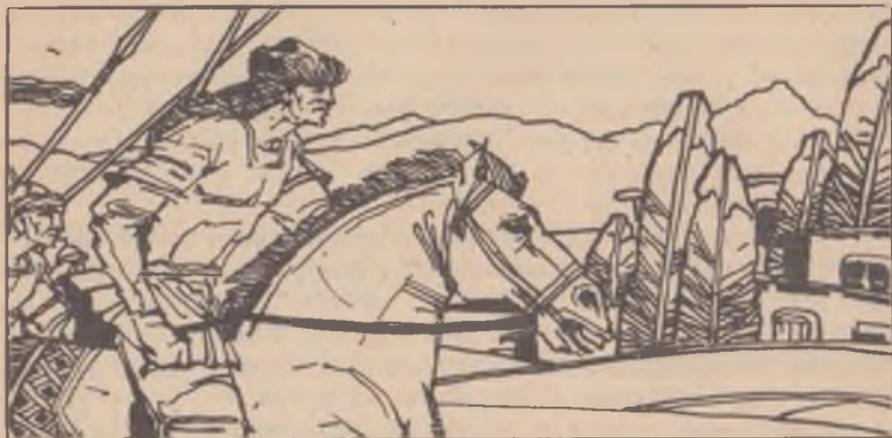
— Веди нас туда и моли Бога, чтобы бумаги еще не уплыли из города.

Тарагай со своими джигитами пришел вовремя. Похититель, сидя в камерке караван-сарая, как раз зашивал важные бумаги в полы халата. Увидев нукеров, он понял, какая участь его ждет. Стремительно выхватил незнакомец из-за пазухи пузырек и опрокинул себе в рот. Через минуту он уже бился в конвульсиях с белой пеной у рта.

Передавая письма и документы святому отцу, Тарагай извинился за дикую сцену, свидетелем которой оказался имам.

Шемсетдин Кулял поднял очи к небу и в который раз за день убежденно произнес:

— Все деяния наши в руках Всевышнего.

Глава шестая

ЮНЫЙ БЕК

Чему в гнезде училась птица,
То ей в полете пригодится.

Народная мудрость

Пронизанное светом селение Ходжаилгар утопало в царственной зелени. Жители селения работали на полях и пашнях. Кишлак оглашали крики босоногих мальчишек, — это играли Темур со своими сверстниками. Вот один из мальчишек с азартом ударил палкой деревянный шарик, и тот, со свистом пролетев большое расстояние, подпрыгивая по земле, скатился в хауз и поплыл к середине водоема. Ребята бросились к воде, но никто не умел плавать, и вся братва остановилась в нерешительности. Темур, заметив уродливо согнувшийся над водой согдийский ясень, вскарабкался по гладкому стволу и, ловко балансируя руками, прошелся по склоненному дереву, осторожно нагнувшись, крепко ухватившись за сучковатые ветви. Уже достал кончиками пальцев мокрый шар и внезапно ухнул в зеленоватую муть под хруст ломаемых веток. Он сразу достал руками грязное липковатое дно и мешковато перевернулся, пуская пузыри. Судорожно сдавило грудь, застучало в висках. И когда Темур ногами коснулся дна, он

инстинктивно оттолкнулся от него и, вынырнув, успел глотнуть спасительного воздуха. И тут его нашла спасительная рука... Табиб, случайно проходивший мимо хауза, успел схватить крепко сжатые пальцы мальчика.

Вытащив Темура из воды, лекарь, испуганно сжав губы, покачал головой:

— Вы же могли утонуть, мой бек.

Темур, мучительно откашлявшись, угрюмо пробормотал:

— Да, спаситель мой, вы правы. Не умея плавать, не стоит рисковать...

Поздно вечером юный бек нашел Мобашара и попросил научить его плавать. Слуга, учтиво поклонившись, ответил:

— Ладно, с завтрашнего дня.

Темур, помявшись, выдал из себя еще просьбу за свою ватагу — научить их держаться на воде. Мобашар, слегка улыбнувшись, заговорщически подмигнул:

— Будет сделано, ваша светлость. Ваши джигиты будут нырять и плавать, как рыбы на утренней зорьке.

Через десять дней в хорошо вычищенном хаузе плескалась и развилась детвора селения Ходжаилгар, взметая веер жемчужных брызг.

Заканчивалось лето, пришла золотая краса осени. Легкий ветерок срывал первые желтые листья. Но вечера еще были теплые, ароматные.

В Ходжаилгаре и дети, и взрослые с удовольствием проводили такие вечера на свежем воздухе. Малышня, выбрав ровную площадку, с увлечением играла в астроголы, используя для этого овечьи, козьи, коровьи кости. Кости тщательно очищались от жил, промывались, получались альчики. Некоторые мальчишки заливали свои биты свинцом и обтачивали таким образом, чтобы при броске альчики могли принять выигрышное положение. Очень популярны были и воздушные змеи — варрак и парпак. Их мастерили долго и старательно, чтобы превосходили красотой и формой соседских змеев. Ребята постарше затевали «войны», упражняясь в стрельбе из двухтетивного лука. Стрелы им заменяли специально изготовленные глиняные шарики. Чуть в стороне от мальчиков в саду девочки катались на качелях, подвешенных на урючинах, пели то грустные, то веселые песни.

Несколько девиц играли в камешки: подбрасывая разноцветные камешки в воздух, они ловили их то правой, то левой рукой. Две девочки азартно перекидывали друг другу туп — мяч, сшитый из тряпок и вышитый цветными нитками. При этом при каждом очередном броске участницы игры

должны были произнести рифмованные поговорки. Когда на поляне появился Темур, дети притихли, обратив взор на башбеги. Но юный бек, не обратив внимания на своих «подданных», отыскал взглядом Абдуллу и велел ему седлать коня. Вместе с друзьями Джако и Сулейманом башбеги отправлялся в Кеш на гулянье «Кизил-гул». Совсем недавно прошел праздник лозы. Виноградари угощали с первого собранного урожая всех желающих чистым виноградным соком. Кеш славился лучшими сортами винограда.

Через некоторое время наступил чаман — праздник цветов, на котором аскиябозы и кизикчи состязались в острословии; комики и скоморохи — в шутках, а гимнасты на ходулях — в ловкости. Молодые джигиты, держа в руках ветки джиды, очищенные от листвы и украшенные цветами, сладостями и сушеными фруктами, устраивали праздничное шествие. К ним подбегали нарядно одетые девушки и осыпали их цветами. Играла музыка, молодые пели песни, всюду царило беззаботное веселье. Вот на этом гулянье Темур и натолкнулся около одной скрипучей калиточки на красивую девочку Рухафзию. Рухафзия жила в услужении у двух богатых сестер. Встреча юных была мимолетной, но юный бек успел шепнуть о будущей встрече, что привело девочку в замешательство, она вспыхнула, точно красный мак, и, закрыв глаза, едва кивнула в знак согласия.

И вот в день «Красной розы» Темур вместе с друзьями держал путь в Шахрисябз. На гулянье провожали своего воспитанника мать и кормилица, и Ольджа Аим Инаги ревниво прошептала: «Видимо, в Кеше появилась у нашего юного бека пери».

В этот завершающий лето праздник был обычай дарить розы родным, близким. Девушки надели лучшие платья, насурмили брови, нарумянили щеки. На плоских крышах домов они устраивали «девишники» и оттуда осыпали веселыми шутками, подковырками джигитов, собиравшихся кучками у резных калиток. После полуденного намаза на мазаре опускали шест с полотнищем, что означало сигнал к началу праздника. На улицах звучали сурнаи и карнаи, нарядные горожане отправлялись в гости друг к другу, неся в подарки гранаты, инжир, яблоки. И непременно — букет ярких роз. Торговцы-разносчики сновали по улицам, зазывая покупателей: «Сладости — получай радости!», «А ну, кому халва кунжутная, халва медовая с орехами, миндаль в сахаре, нишалда!», «А вот отведайте конфеты из меда, парварду и хворост божественный, что тает во рту».

В этот день завязывались любовные интриги, и никем подобное не осуждалось, а даже напротив, считалось позволительным и простительным. После этого праздника многочисленные сваты обивали пороги луноликих красавиц. Юноши посылали своим избранницам цветы, и если девушка отвечала взаимностью, она в ответ одаривала возлюбленного фруктами и вышитым платочком.

Гулянья в день «Красного цветка» завершались на мазаре, где искусные повара готовили рисовую шавлю в огромных котлах и угощали ею всех желающих.

Темур нашел Рухафзию около заветной калитки. Увидев юного бека, девочка покраснела и потупила глаза. Темур подарил ей букет огромных алых роз, и она тут же протянула в ответ наливное красное яблока и улыбнулась лучезарной улыбкой.

Одета была Рухафзия скромно — платье из недорогой ткани, оранжевые шаровары, на худенькие плечи накинут халат. Голову девочка повязала кисейным платком. Тихая, скромная, она охотно отвечала на вопросы бека и временами испуганно озиралась. Темур поинтересовался, отчего такой страх. Девочка смущенно сказала:

— Придирается сын хозяйки, Холбута. Всюду преследует, так и норовит облапить. Угрожает убить, если не стану выполнять его желаний. То, что я ем, — горечь, то, что я пью, — отравы, то, что я надеваю, — саван. Но не за себя боюсь, за вас. И сам Холбута подобен шакалу и друзья — ему под стать. Курят анашу, устраивают драки...

— За меня не беспокойся, — тихо, но твердо сказал Темур. И добавил: — И за себя — тоже. Сумею защитить.

Рухафзия вздохнула и приблизила к смуглому лицу цветы. Ее тоненькие ноздри затрепетали, как крылья бабочки, ровные зубы обнажились в своей белизне.

— Кружится голова от запаха роз, словно вернулось ко мне счастливое детство, — прошептала Рухафзия.

— А сама ты откуда родом? — спросил Темур.

Девочка печально покачала головой.

— Мы из народности кашкайцев, имеющих пять крупных племен: кашкули, фарсимадан, дарешури, шашбулюк, амале. Мой род проводил зиму в горах, близ Персидского залива, южнее Казеруна, а летом табором уходили далеко на север, в район Семирама. Род наш был богатый, дружный. Но примчались из Сеистана черные

всадники и захватили народ в плен. Всех потом продали в рабство в разные города.

Темур хмуро выслушал печальный рассказ.

— Все твои страдания в прошлом, теперь надо просить Всевышнего о светлом будущем...

Не успел юноша закончить мысль, как из дома послышался злой окрик:

— Рухафзия-а, где ты, дочь ослицы?!

Девочка вздрогнула, умоляюще посмотрела на джигита и скрылась во дворе.

— Берегите себя, мой бек,— успели прошептать ее побледневшие губы.

Темур растерянно смотрел ей вслед — не думал он, что так закончится его первое свидание с прекрасной кашкайкой.

Вечерело. Небо затягивалось причудливыми белыми облаками-видениями. Закатные лучи золотили верхушки деревьев. Заканчивалось гулянье. На мазаре двое плечистых мужчин с трудом подняли шест с прикрепленным к нему новым стягом, который будет развеиваться до наступления нового праздника.

Между учебой и военными играми выросл бек Темур. И не забывал о застенчивой девочке с певучим именем Рухафзия. Не раз и не два седлал ему услужливый Абдулла самого резвого скакуна, и мчался джигит то по осенней слякотной, то по зимней стылой степи в город Кеш! Осаживал вороного у заветной калитки, стучал камчой по звонкому кольцу,— а вдруг да выбежит большеглазая девчонка ему навстречу. Но всякий раз выплывала из калитки старая служанка и испуганно махала рукой — дескать, уходи, джигит, от греха подальше. И молча, не отвечая на отчаянные расспросы, удалялась.

Но вот однажды утром выехал Темур в степь и не поверил своим глазам — вокруг расстилался зеленый шелковый ковер. Острым запахом свежести пахнуло в лицо. Весна! А вскоре уже Ходжаилгар утопал в сиреневом дыму: зацвела сирень — персидская, афганская, туркестанская, гималайская; огромные ароматные кисти, от снежно-белых до темно-фиолетовых, отягощали хрупкие ветви. Ждали весеннего праздника «Саили-гули-сурх» — «Праздник красного тюльпана». В этот день молодежь отправлялась в степь, в горы, там джигиты, срубив молодое деревце тополя, украшали его тюльпанами, а затем несли эти живые клумбы

в селенье и устраивали яркое шествие по улицам. Пели песни, девушки в сладкой истоме исполняли народные танцы. Только в праздники цветов молодые могли свободно знакомиться, вести беседы, не опасаясь наказания. Обычно же на Востоке юношу и девушку могли познакомить родители или родственники. Как правило, это случалось при сватовстве. Ходжаилгар было не такое уж большое селенье, но веселье в нем не уступало городскому. На околице, на просторной площадке показывали свое искусство канатоходцы, их сменяли уличные акробаты, кукловоды, веселые масхарабозы, шутники-затейники. Дастарханы в чайханах ломились от всевозможных яств: здесь были и самса, и язык отварной, и салаты, и казы с луком и специями. В этот праздник многие жители пускали кровь жертвенным петухам и закладывали фундамент нового дома с надеждой и верой в прекрасное будущее.

Тему́р был полон решимости войти все-таки в тот дом, где жила в услужении Рухафзия. Друг Сулейман услужливо подсказал, что в Кеше есть у одного чудака-ученого по имени Олим Хакк сиреневый сад. Но, сделав устрашающие глаза, Сулейман покачал головой:

— Там такая клыкастая, с теленка ростом, собака, что лучше обойтись без цветов.

Тему́р решительно бросил:

— Вы что, слюнтяи или джигиты?! Я первым полезу в райский сад.

С гиканьем, веселыми шутками неслись они по зеленому полю, расцветенному алыми огоньками тюльпанов, к городу. Достигнув Кеша, у ограды сада спешились.

Тему́ру не составило труда перемахнуть через дувал. Кошачьей поступью, неслышно, приблизился он к роскошным кустам и принялся ломать ароматные ветви. О, какой огромный букет! Юноша погрузил лицо в ароматную охапку, а когда поднял голову, увидел огромного волкодава. В несколько стремительных прыжков оказался бек возле дувала, перебросил ветки сирени, но сам перепрыгнуть не успел, сорвался. Лежа на земле, услышал рядом злобное рычанье и.... испугался: такая псина растерзает в мгновение ока. Надо защищаться... Он сумеет сомкнуть своими сильными руками собачью пасть...

— Карабулуд, на место! — раздался над его головой незлобивый окрик. Отогнав яростно лающего пса, Олим Хакк приблизился к юному беку. — Вставайте, юноша. Будьте гостем в моем саду.

Темур, смущаясь, поднялся и, отряхнувшись, хотел удалиться, но хозяин дома жестом остановил его:

— Милости просим, окажите честь,— и старик знаком пригласил бека в дом.

У ученого было изящное лицо с умными глазами, вьющаяся ухоженная бородка окаймляла его. На плечи небрежно накинут доходящий до пят халат с широкими спущенными рукавами. Темур мгновенно почувствовал симпатию к этому спокойному старику и с благодарностью принял приглашение.

В комнате встретила их дочь хозяина — женщина лет двадцати восьми. Вид ее поразил Темура — русые волосы, светлые глаза,— на Востоке редко встретишь такой дивный образ.

Олим Хакк с благоговением произнес:

— Это Роксана, приехала из Самарканда. Муж в походе, а она разругалась со свекровью и решила отдохнуть у меня. А вот внуков сюда не отпустили.— Видя недоуменный взгляд гостя, хозяин объяснил: — После смерти первой жены — мусульманки, я женился на пленнице с Руси. Бог дал мне дочь. Умница, много читает. Особенно интересуется историей, культурой славян. Бредит названиями русских церквей...

После чая со сладостями Олим Хакк пригласил Темура в библиотеку и подвел его к деревянной двери, которая являла собой плод искусной работы великолепного мастера. Комната, в которую они вступили, также была достойна внимания, особенно потолок, расписанный сложным орнаментом. Ниши забиты рукописями, манускриптами, монографиями.

Темур не мог скрыть восхищения, что растрогало старика до слез.

— Юноша, здесь, в этом доме, многое сделано моими руками, а еще я занимаюсь науками. Вы заметили, великие ученые хотели объять все науки сразу: философию, историю, медицину, астрономию... И довольно-таки успешно достигали в своих познаниях величайших вершин.— Хозяин помолчал, затем с ноткой сожаления сказал: — Может быть, в открытиях нового я не преуспел, но зато прочитал и познал много. Особенно меня интересовало строительство мавзолеев и мечетей. Но настоящих высот я достиг в резьбе по ганчу. В мавзолее Исмаила Самани в Бухаре выполнены ганчевые работы с волнистым орнаментом и использован вид растительной «фигуры» ислими. Искусство работы передается из поколения в поколение, как традиционное нацио-

нальное ремесло. Мастера знают, что ганч лучше обрабатывается в незастывшем виде. На нем можно вырезать любые орнаменты. Высыхая, он становится твердым, как камень.— Старик полуобнял Темура.— Не устал, сынок, от моей болтовни?

Юный бек в ответ только взволнованно ответил:

— Досточтимый Олим Хакк, я готов слушать вас бесконечно.

Олим Хакк указал на одну из ниш:

— Здесь писания, сочинения по истории, географии: Ал-Мадаини, Ал-Белазури, ибн Мискавейх, ат-Табари. А здесь — обширные сведения о городах мира. Есть сокровища восточной математики.— Олим Хакк потер пергаментную кожу лица, морщинистый лоб, лукаво усмехнулся: — Знаете, юноша, как зовут нашего великого математика ал-Хорезми в Фарингистане — Европе? «Алгоритми». У меня собраны дастаны великих поэтов. О, библиотека — моя гордость.— Старый ученый с любовью окинул взором свои сокровища.— Мои двери всегда открыты для тебя, Темур, приходи в эту обитель знаний. А сейчас давай сразимся в шахматы.

После этой встречи юный бек стал частым гостем ученого.

Но не забыл Темур, зачем он прибыл в Кеш. Уже вечерело, когда он оказался возле дома, где жила Рухафзия.

Не успел он коснуться железного кольца, чтобы постучать, как калитка распахнулась и толстогубая полная женщина, которую он видел впервые, истошно завопила:

— А, бездельник! Ты опять явился. Нет ее, нет! Эта дочь ослицы так напакостила, что пришлось ее продать!

— Как продать?! — недоуменно спросил башбеги, догадываясь, что перед ним одна из сестер-хозяек.

— Как, как,— злорадно передразнила его толстуха,— на невольничьем рынке в Самарканде, и за хорошие деньги.

— Кому, кому продали? — холодея сердцем, выкрикнул Темур, но калитка уже захлопнулась.

Оглушенный известием, брел Темур среди темных ночных улочек. Вдруг сильный удар свалил джигита на землю, и тут же на голову ему накинули мешковину. Когда Темур очнулся, перед ним стояли четверо парней со свирепыми лицами. Один из них грязно выругался и заявил:

— Я — Холбута. Может, слышал? Поразвлекся все-таки с твоей возлюбленной. Ах, какая гладкая красавица как халва...

Темур дернулся в ярости, но слишком крепки были путы.

— А сейчас мы устроим себе развлечение. А ну-ка, степные волки мои, выберите дерево повыше, да завяжите веревку на ногах этой собаки покрепче.

Темур, извиваясь, прохрипел:

— Стая шакалов на одного!..

В ответ раздалась грязная ругань и пьяный хохот, а через минуту юный бек уже болтался на крепком суку вниз головой. Горланя песни, приятели удалились.

Глаза Темура застлала черная пелена. Он пытался подтянуться, чтобы развязать узел, раскачаться, чтобы зацепиться за что-нибудь, но ничего не получалось. И вот, когда он начал терять сознание, то услышал скрип телеги. Собрав все силы, бек позвал на помощь.

— Еду я себе на своем ишаке и слышу...— арбакеш Данияр, спасший бека, сокрушенно покачал головой.

Темур сжал руки в кулак:

— Эти шакалы от меня не уйдут. А вам, добрый человек, буду благодарен всю жизнь.

...Ровно через год, в этот же праздник «Лолы», Темур со своими друзьями изловил шайку Холбуты и привез в ту же тутовую рощицу.

— Ну, храбрецы, доставайте свои сабли,— с вызовом крикнул башбеги и, дав знак своим джигитам не вмешиваться, бросился с клинком на обидчиков.

Первого, с осоловевшими глазами, бек заколол сразу; второго, горбоносого, ткнул кончиком сабли в глаз. Третий верзила и Холбута оказались более подготовленными, чем их собутыльники. Но и их сопротивление было недолгим. Наконец, выбив саблю из рук Холбуты, Темур приставил клинок к пульсирующей жилке на его шее и дал знак своим джигитам. Те умело переплели веревками обмякшее тело Холбуты и подвесили на суку вниз головой. Темур, садясь на коня, зло крикнул:

— Прими то, что предлагал сам.

Заболела Тегина-бегим — сказывались годы постоянного нервного напряжения, вечного страха за жизнь и здоровье своих детей. Темуру пришлось временно оставить школу — мать ни на минуту не хотела разлучаться с любимцем. Желудочные боли мучали ее, и когда страдания становились

невыносимыми, она держала руки сына в своих руках и ей становилось легче. Она все время напутствовала Темура:

— Сынок, на туях предназначенное тебе блюдо обязательно вначале передай кому-нибудь из рядом сидящих гостей. Себе бери третью, четвертую касу. Приучи слуг, чтобы первыми отпивали подаваемый чай, кумыс, шербет, соки. И всегда молись о здоровье, удаче и отпущении грехов.— Она приподнималась в постели, и слезы медленно катились по ее истощенному лицу.— Темурджан, как я хотела увидеть твою свадьбу. Вот поправлюсь, если Аллаху будет угодно, обязательно женю тебя.

Темур только крепко сжимал руки матери. Он так хотел принять все ее страдания на себя. Тарагай каких только табибов не приводил. Старухи постоянно окуривали Тегину-бегим лечебными травами, выкрикивая: «Куф, суф», выгоняли злых духов; приходили и бабки, занимающиеся врачеванием, кровавую печень прикладывали к болевым местам; табибы давали мумиё, заставляли пить сок облепихи. Тегина-бегим, несмотря на все их старания, медленно угасала. Дочери все время сидели рядом с матерью. Тарагай постоянно молился и ходил мрачнее тучи. Однажды Нуритдин, любивший свою хозяйку, робко предложил Тарагаю:

— Хозяин! В горах сейчас живет табиб с внуком, они из Самарканда, каждый год в этот месяц собирают здесь лечебные травы...

Темур, услышавший этот разговор, тут же вмешался:

— Отец, разреши мне со своими нукерами найти его? Тарагай, одобрительно кивнул.

— Давай, сынок. Наверное, это последняя надежда.

Через три дня Темур, похудевший, с выступающими скулами, привез табиба с внуком. Перед амиром Тарагаем предстал старик, которому можно было дать и сорок, и шестьдесят. Бека поразила черная борода,— как китайский веер, закрывала она полгруды знахаря, глаза табиба излучали доброжелательность и покой. Табиб вселил в сердца домочадцев надежду.

Тарагай пригласил гостя к дастархану, на пиалу чая после утомительной дороги. Старец покачал головой:

— Сначала осмотрим больную.

Вымыл тщательно руки, прошел в опочивальню и подсел к Тегине-бегим. Долго, очень долго слушал пульс больной, сначала на левой руке, а потом на правой. По пульсу определил состояние и работу органов. Вскинув внимательные глаза на хозяйку дома, лекарь мягко произнес:

— Ну, милая, рассказывай все по порядку, настало время отдавать свою боль.

Выслушав Тегину-бегим, табиб осмотрел радужную обложку ее глаз, язык, прощупал все косточки, не постеснялся посмотреть мочу. После осмотра, уединившись с Тарагаем, лекарь объяснил.

— По поверхностным показаниям, у нее, видимо, язва желудка и запущенная, еще несколько дней — было бы поздно.— Старик, вскинув густые брови, произнес: — Первым делом диета. Жареную пищу, баранину исключить. Давайте процеженный куриный бульон, овощи и фрукты без семян, и желательно, чтобы были сварены.— Табиб взял чашку и, вытащив из своего хурджуна маленький мешочек, заключил: — А пока мы дадим ей готовое лекарство.— И он, пробормотав что-то, отсыпал две чайные ложки светлых семян в пиалу, долил теплой воды на три четверти чашки, немного подождал, когда семена откроются, и начал размешивать содержимое маленькой деревянной ложечкой. Смесь загустела, как желе.— Первую дозу дадим сейчас, вторую — перед сном и третью — утром натошак, и так девять дней. Вы поняли меня, бек? — Старик вопросительно посмотрел на Тарагая, тот только молча кивнул головой. Табиб задумался и начал рассуждать вслух: — Что у меня есть и чего нет? Листья сабура есть, немного осталось ташны, ламасской розы, есть плоды кориандра. Мне нужна помощница, — вдруг решил знахарь.

Темур, не дожидаясь ответа отца, велел слугам позвать няню Анар-бегим. Старуха проворно вошла в комнату.

Табиб отослал бека и Темура к больной и попросил Анар-бегим приготовить отвар тыквенной кожуры, портулака огородного, подорожника большого, ячменной воды, рисового настоя с печеночным жиром годовалого козленка.

Анар-бегим тихо вздохнула:

— Аллах всемогущ, все сделаю, лишь бы вернулось здоровье к моей хозяйке,— и обеими руками она молитвенно коснулась лица.

А через неделю Тегина-бегим начала медленно поправляться, боли уменьшились. Домочадцы повеселели, когда хозяйка попросила у Анар-бегим зеркало.

Старец с внуком жили в гостиной, в еде были неприхотливы, в отведенной свободной комнате готовили по одним им известным рецептам лекарства.

Тарагай в свободное время расспрашивал старика о его искусстве.

— Сын мой,— отвечал старец,— все мои предки занимались благородным делом — возвращали людям веру и лю-

бовь к жизни.— Он провел рукой по пушистой бороде и продолжал: — Мы философы, астрономы, лекари. Сами родом из Хорезма, судьба нас забросила в Самарканд, дом стоит в квартале Дарг и Сузангаран. Живем около мечети, рядом с базаром Сузанфурашан. Пешком исходили весь Буттан. Были у свинцового рудника и в урочище Аман Кутан; через селение Кутлуг одолели перевал и очутились в Шахрисябзских горах. Осмотрели возвышенность Байанкара, пили воду из реки Сухраб.— Табиб посмотрел на внука и улыбнулся.— Мы с внуком собираем мумиё, травы, корневища, лекарственные плоды, минералы, сами готовим лекарства. А еще я интересуюсь астрологией. Зовут меня Мауляна Ахмад, сын Ахмада Хорезмийского, и внук тоже Ахмад,— и он ласково потрепал по голове черноглазого мальчугана.— Чтобы род наш не затерялся — все мы Ахмады.

Табиб не успел договорить, как вбежала взволнованная Анар-бегим.

— Скорее, скорее идите сюда! — и стремительно убежала обратно.

Старец, несмотря на преклонный возраст, опередил Тарагаю, и они вместе, толкаясь и мешая друг другу, бросились в комнату Тегины-бегим. А она, счастливая, прохаживалась по комнате и улыбалась, и это была ее первая улыбка за время болезни. Темур стоял рядом с матерью.

— Ну, старая,— прорычал Тарагай,— убьешь ведь. От испуга мы так бежали, что до сих пор отдышаться не можем.

Ахмад-бобо прошелся по толстому туркменскому ковру, взял за руки хозяйку и заключил:

— Думаю, моя миссия заканчивается...

• Тарагай благодарно обнял табиба.

— Пока не отведаете мои запасы нектара-напитка, не отпущу.

Хозяйка дома присела на курпачу, тихо молвила:

— Я вас очень прошу, погостите немного у нас.

— Ну хорошо,— сдался Ахмад-бобо.

По крупицам собиралась медицина, капля за каплей, маленькими ручейками все стекалось к великому озеру мудрости. Свой вклад также вносили, испокон веков передавая по наследству свои умения, труд, знахари, лекари, табибы. Собирателем и продолжателем народной медицины был и Ахмад-бобо.

Ахмад-бобо оказался интересным собеседником. Он знал не только свое искусство лечения, но и историю, филосо-

фию, жизнеописания знаменитых ученых. В одной из продолжительных бесед о медицине с Тарагаем и Темуром он рассказывал о знаменитом своде законов «Авесте». Эта книга состоит в основном из религиозных гимнов и вероучений народов, населявших в древности Иран и Среднюю Азию. В ней отражены жизнь и традиции древних обитателей этих стран. В книге содержатся рекомендации по сохранению здоровья и лечению некоторых болезней, даны сведения по анатомии человека, «Авеста» написана на коже двенадцати тысяч оленей. Тарагай, лежа на шелковых подушках, изумленно поддакивал:

— Надо же — двенадцать тысяч оленей!

Темур, скрестив ноги, внимательно, немигающими глазами, смотрел в лицо рассказчика, ему все это было интересно.

Через многие города Средней Азии проходили караваны по Великому шелковому пути. Во время больших переходов через пески, горы, леса верхом на верблюдах, при недостатке питьевой воды, под изнуряющими лучами солнца путники часто болели. На основных переходах строились караван-сарай и рядом — больницы. Такие лечебницы имелись в Багдаде, Дамаске, Хамадане, Хорезме, Астрабаде, Бухаре, Самарканде. Одна из самаркандских больниц была построена в 1066 году по указу правителя Ибрагима Тамгач Бахрамхана ибн Насера, больница содержалась за счет государственной казны.

Существовали медицинские школы, например, Гундишапурская или Самаркандская медицинская школа при больнице и медресе. Руководил медресе известный ученый Абу Тахир Абдурахман ибн ал-Хасан ал-Джазоли. Широко была известна медицинская школа по глазным болезням Али ибн Исы. Для студентов составлялись учебники по различным разделам медицины. Выдержавшие экзамен получали право заниматься врачебной практикой. Особенно значительны были успехи восточной медицины в лечении глазных болезней. Наиболее известны имена Али ибн Исы, Тулуни, Табари, производивших сложные операции, и Ибн-аль-Хаиташа, изучившего оптику глаза и увеличительный эффект шарового сегмента. Работы ученого способствовали изобретению очков.

Темур слушал, но не забывал и потчевать гостя. Подкладывал лакомые кусочки мяса, подливал в пиалы красное вино, и старец, обхватив двумя руками чашу, словно согревая напиток, пригублял вино и говорил певуче:

— О, действительно, божественный напиток, — и продолжал свой сказ.

Многие врачи достигли больших успехов в области хирургии. Так, Абдул Касым ибн Аббас очень подробно описал ряд произведенных им операций, привел рисунки многих хирургических инструментов, применяемых табибами, производящими сложные операции. В городах Востока существовали аптеки, где по рецептам табибов готовили лекарства. Имена ученых медиков из Средней Азии, таких, как энциклопедист Абу Насер Фараби, которого называли Аристотелем Востока, великий ученый Абу Райхан Беруни, уже тогда были известны в подлунном мире. В трактате Беруни «Фармакология медицины» подробно описаны широко известные сейчас лечебные средства, в том числе растительного происхождения.

Неслышно вошел слуга, приблизился к хозяину и передал ему книги. Тарагай протянул их старику:

— Это вам, Ахмад-бобо.

Взяв в руки книги, табиб изумился:

— Омар Хайям! Его алгебраический трактат и стихи. Спасибо, бек,— растроганно произнес знахарь.— Истинно царский подарок. К сожалению, многие его вещи утеряны. У нас не ценят такие сокровища, как книги, рукописи, а купцы увозят и продают их по баснословным ценам в заморских странах.

«Был бы я правителем,— подумал Темур,— ни одной книги не выпустил бы из своего государства. Напротив, строил бы библиотеки, по крупницам собирал духовные ценности».

Ахмад-бобо словно прочел его мысли:

— Ты очень пытливый юноша, Темур, тебя увлекают науки, искусство.

— И битвы, подвиги! — воскликнул молодой бек.

Табиб улыбнулся, одобрительно кивнул головой.

— Хочешь стать полководцем? Что ж, иди к своей цели, не изменяй ей, а это амулет «Кутлуг-Тумар», из серебра и коралла. Он твой! Когда будет худо,— не дай Бог тебе раны или болезни,— нажми вот здесь, выкатится на ладонь твою лекарство-семечко, проглоти его и запей ключевой водицей. Это эликсир, в котором китайский корень жизни, тмин, ревен, вообще состав очень сложный. Его тебе надолго хватит. И помни старого Ахмада-бобо...

Табиб гостил в доме Тарагая последний день, комната, где он колдовал над своими снадобьями, вся пропахла травами. Темур зашел к нему за лекарством, чтобы отнести его матери, и, к удивлению, застал там вместо лекаря слугу Иукун-хотин Коидуна. Застигнутый врасплох, раб вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

— А, господин мой пожаловал,— со слащавой улыбкой пропел Коидун.

Темур, настороженно глядя в глаза ненавистного ему человека, резко проговорил:

— Что ты здесь делаешь?

Раб сложил ладони и выставил перед собой.

— Великая Иукун-хотин приказала принести ей лекарство, но табиба здесь не оказалось, я ухожу, мой господин, ухожу.

Темур, ничего не ответив, взял чашу, предназначенную матери, и опешил. Совсем недавно вместе с Ахмадом-бобо готовили они это лекарство. Табиб, глядя на спокойную поверхность желтоватой массы, озабоченно сказал:

— Пусть теперь отстоится, а потом, сынок, отнесешь Тегине-бегим.

Сейчас жидкое снадобье бурлило и приняло синевато-бурый оттенок. Молодой бек чуть не уронил сосуд от растерянности. Страшная догадка пронзила его.

— Что ты сюда подсыпал, убийца?!

— Ничего, ничего,— зашептал Коидун.— Ты, господин мой, докажи сначала мою вину,— и раб ринулся к двери.

Башбеги, опередив его, встал у проема.

— Ах ты шакал! — заорал он в ярости.

Дверь комнаты приоткрылась, вбежали встревоженные Сулейман и Джако.

— Что случилось, бек?!

Темур бросился на Коидуна и принялся душить.

— Говори, кто тебе велел отравить госпожу Тегину-бегим?

Хватка башбеги была железной — Коидун захрипел, ноги его подкосились. Друзья поняли, что произошло, и помогли Темуру затащить негодяя в его комнату.

Бек, тяжело дыша, процедил сквозь зубы:

— На наше счастье, Иукун-хотин нет дома. Замаливает грехи в мечети Кесбе. Сейчас или никогда, надо решиться...

— Приказывай, бек,— в один голос воскликнули джигиты.

...Когда Иукун-хотин вернулась домой, то первым делом ринулась в каморку своего раба. Увидев повесившегося Коидуна, завопила на весь дом:

— Это я виновата. Бог наказал меня! Он так хотел поехать вместе со мной, а я отказала ему в этом. Горе мне!

Услышав отчаянные крики Иукун-хотин, конюх Абдулла, качая головой, процедил сквозь зубы:

— Свершилось Божьей волей то, что было предначертано судьбой...

Вечером старый лекарь покидал дом Тарагай. Хозяин протянул табибу драгоценный перстень — в знак благодарности.

Ахмад-бобо покачал головой и мягко сказал:

— Не сердись, амир, если я не приму столь дорогую вещь. Если не жаль, подари нам с внуком коня, — дорога дальняя, а так захотелось побыстрее попасть домой.

— Уважаемый, этот перстень стоит двадцати коней, но твое слово — закон, — ответил Тарагай.

Вывели лошадь светло-каштановой масти с черной гривой и черным хвостом; маленькому Ахмаду подарили стеганый чапан и кинжал, хозяйка дома вынесла десять метров материи.

— Это — в сундук Ахмаджану, подарок невесте. Спасибо, Ахмад-бобо, за ваши чудотворные руки, — и Тегина-бегим низко поклонилась табибу.

Темур, прощаясь с маленьким Ахмадом, сказал, похлопывая мальчишку:

— Подрастай, я тебя возьму в свой отряд главным лекарем, будешь всегда рядом со мной. Согласен?

— Согласен, Темур-ага, — кивнул Ахмад-внук.

Через несколько дней после отъезда лекаря Тарагай зарезал барана и сделал «садака» — подаяние нищим и калекам в честь чуда — выздоровления жены. Затем отвез ее и детей в Кесбу, чтобы в мавзолее Султана Мир-Хайдара вознести благодарственную молитву и тут же, по настоянию Тегины-бегим, посетили мазар в селении Каучин, где находилась могила Хазрата Шейха с великолепным терракотовым надгробием.

Домой возвращались поздно ночью. Усталая Тегина-бегим вместе с Темуром находилась в кибитке на колесах. В таком передвижающемся домике, не останавливаясь, можно было и спать, и готовить обед, и даже читать. Пара рысаков, отдохнувших за день, мерно катила повозку по просторной дороге. Тарагай вместе с усиленной охраной зорко следил за передвижением двух телег, — во второй повозке были дочери и няни. Ночь была тихой, звездной. Запел соловей — призывно, страстно, трепетные звуки полились над клеверным полем. Аромат и магия ночи пробудили в Тарагае нежные чувства, вдруг ему почудилось, что в сиреновой дали манит его, зовет за собой нагая Зайнаб — милая, странная девчонка. Тарагай замотал головой, чтобы стряхнуть наваждение. Но волнение не оставляло амира — он уже забыл, когда был в спальнях жен. Тегина-бегим болеет, а о старшей и вспоминать тошно.

Подскакал Нуритдин.

— Бек, бек, госпожа зовет.

— А, что случилось? — Но, увидев спокойное лицо своего слуги, кивнул.

— Хозяйка зовет, — повторил Нуритдин.

Тегина-бегим пожурила Тарагаю за чрезмерную заботу — вся повозка была устлана курпачами и шелковыми подушками, — но на ее бледном лице светилась счастливая улыбка.

— Бек, мы вас позвали с Темуром на семейный совет. Первое, мы согласны и хотим, чтобы у меня была помощница, и вы для этого должны жениться.

Тарагай смутился, только что он думал обо всем этом. Жена словно читала его мысли.

— Вторая наша просьба, — продолжала ханум, — купить усадьбу соседей — они уезжают в Шаш (Ташкент). У них такой хороший дом, большой двор, сад. Темур почти взрослый, пора женить, — и она погладила по голове сына, который всю дорогу находился рядом с матерью.

Бек улыбнулся, но от прямых ответов уклонился:

— Пусть всевидящий Аллах пошлет вам, ханум, здоровье, а там, глядишь, и будут потихоньку исполняться желания наши.

Тарагай часто ездил в Занжирсарай, к своему другу амиру Жоку ибн Мубараку. Поместье находилось в двух днях пути от Карши. В одну из поездок Тарагай прихватил и Темура, который с восторгом принял приглашение — многодневные степные переходы были его страстью.

Дорога, проторенная сотнями копыт, сверкала лужицами, которые оставил после себя весенний дождь. Голубая бесконечность неба была умытой и радостной, а по краям дороги благоухало райскими ароматами разнотравья. Темур то мчался, обжигая камчой скакуна, то, пуская его рысью и прикрыв глаза, вбирал, вдыхал окружающую благодать.

Занжирсарай был построен Казан-ханом, где проживал он с семьей и ханской свитой. Недалеко от дворца находилось и богатое поместье амира Жоку ибн Мубарака. Хозяин большого скотоводческого хозяйства радушно и тепло принял гостей из Кеша, а дастархан решил устроить на природе, на вольном степном воздухе.

Целый отряд всадников вновь устремился в степь. Нукеры и слуги расстелили большие паласы, сняли с лошадей бурдюки с кумысом и айраном. Пастухи зарезали десятка три только что родившихся барашков, да столько же пяти-, шестимесячных ягнят.

Тарагай подарил амиру Жоку ибн Мубараку племенного белоголового бычка. Животное, тут же освоившись, резво побежало в стадо. Его недоверчиво плотным кольцом окружили старожилы стада, стараясь получше рассмотреть новичка, обнюхивая и даже пробуя поддеть его шею массивными рогами. Бычки помоложе как бы приглашали пришельца к драке — но белоголовый стоял твердо и решительно, а затем вдруг опустил голову, выставил вперед молодые рожки и прямо-таки протаранил самого назойливого соседа. Издав победоносный рев, бросился прочь, в раздолье трав. И гости и хозяева, с интересом наблюдавшие за действием новичка, рассмеялись.

— Этот крепыш найдет место себе у кормушки, — сказал один из гостей и тут же добавил: — Не понимаю тебя, амир Жоку, зачем держишь столько скотины? Опасно ведь, не дай Бог, война — уведут, зарежут этих бедных животных. Не лучше ли продать стадо и обратить сделку в деньги, в золото?

Молодой хозяин пиршества, знаками подгонявший слуг, чтобы быстрее готовили дастархан, вскинул по-орлиному голову, окинул степь долгим взором, и в глазах его замерцал загадочный блеск, растянулись в лукавой улыбке мягкие губы.

— На утренней зорьке, только первые ласковые лучи солнца коснутся земли, только-только проснутся птицы, чтобы приветствовать божественное утро, пьешь ты парное молоко. И охватывает тебя блаженство, ты счастлив, что существуешь, дышишь этим ароматом ковыльного приволья. — Раскинув руки, стоял, отрешенно закрыв глаза и покачиваясь, молодой амир Жоку. Затем, словно очнувшись, проникновенно сказал: — Кстати, в древних священных книгах «Авесты» написано: «В коровах наша сила, наша потребность, наша пища, наша одежда, наша победа». А что касается золота, ценностей, то вездесущие монголы в поисках золота вспарывают животы богатым вельможам. Так что кто знает, в чем оно — истинное богатство. Для меня богатство — вот это раздолье и мои стада и табуны.

Усаживая гостей за дастархан, амир Жоку ибн Мубарак с почтением обратился к Тарагаю:

— Уважаемый амир, в честь вашего приезда мы устраиваем псовую охоту за зайцами, затем посмотрите драку двух боевых козлов, стравим перепелов, будут и петушьи бои; желающие могут делать ставки на фаворита в бегах ослов. А с вами, досточтимый бек Тарагай, сразимся на шахматном поле и, конечно, после обеда сыграем в нарды трик-трак, мудрые поэты сравнивают эту игру с непостижимыми силами судьбы.

Тарагай благосклонно улыбнулся:

— Всегда к вашим услугам. Вижу, не забыли свой прошлый проигрыш?

Хозяин дастархана весело рассмеялся:

— Вот так всегда, если победа за мной, вы долго не можете вспомнить мой выигрыш.— Затем, внезапно вспомнив что-то важное, хозяин осмотрелся.— Где мой любимый Темур? Я приготовил джигиту сюрприз.— И тут же велел пастухам пригнать косяк лошадей.

Указав на семь прекрасных рысаков, Жоку ибн Мубарак велел табунщикам подогнуть скакунов прямо к пирующим гостям. Привели знакомившегося с окрестностями Темура.

— Джигит,— обратился к нему хозяин,— какого коня отгадаешь по цвету, тот — твой; не сможешь различить масть, извини, джаным, значит, сам отдал обратно скакуна.

Темур принялся сосредоточенно разглядывать прекрасных животных, что-то шепча себе под нос. Наконец он ткнул пальцем в первого коня.

— Этот — вороной, так как весь черный. Вот дымчатый — хвост и грива белые. Кобылка,— бек на минуту умолк,— кобылка — гнедая, рыжая по хвосту, а грива — черная.— Пройдя немного вперед, к следующим коням, Темур по-хозяйски заботливо похлопал по крупу одного из них.— Ну, конечно, игривая, темно-рыжая.— Посмотрев зубы одной из лошадей, Темур скороговоркой проговорил: — Двухлетка серая — смесь белых волос с черными.— Остановившись перед шестым жеребцом, юный бек улыбнулся снисходительно: — Буланный — буро-желтый, грива и хвост черные, даже вот темная полоска ремня вдоль хребта.— А перед последним великолепным скакуном Темур замер, как вкопанный, и ахнул:— Да ведь это ахалтекинская порода!

Гости одобрительно загудели. Хозяин породистых табунов, схватившись за голову, завыл по-вольчи.

— Ну, джигит, ты меня разорил. Все масти угадал.— И улыбнувшись, ободряюще проговорил: — Бери, бери их, джигит, заслужил.

— Темурджан, а что ты будешь делать с таким роскошным подарком? — спросил один из гостей.

Молодой бек уверенно ответил:

— Ахалтекинца оставлю себе, а остальных коней раздам друзьям.

Музыканты принялись за свою работу, и по полю разлилась музыка, подобная пенью ручья, шуму птичьих крыльев, в ней угадывался простор и покой необъятных

далее. Темур любил эту мелодию, но ему не терпелось опробовать коня, и он, извинившись, вскочил на редкой красоты скакуна. Конь под седоком нетерпеливо, нервно затанцевал, и скоро они слились в одном порыве — преодолеть раскинувшееся вокруг безбрежное пространство.

Накатавшись вдоволь, башбеги, пустив коня вольно пасть, бросился в омут пахучих трав и задремал. Вскоре сквозь дрему он услышал тонкий девичий голос, выведивший незамысловатую мелодию. «Какой дивный сон!» — подумал бек. Но вдруг колокольчик-голосок, испуганно ойкнув, смолк. Башбеги точно подбросило, он вскочил и обнажил саблю. Невдалеке от него застыла в ужасе юная ханум. Темур, не скрывая удивления, приблизился к небесному созданию и вдруг увидел около неожиданной гостьи поднимающуюся шипящую змею. Резкий взмах острого клинка — и отсеченная голова смертельно жалящей твари запуталась в густой высокой осоке. Незнакомка, заикаясь, прошептала:

— Вы спасли мне жизнь, я ваша должница.

Темур спокойно вложил саблю в ножны и невозмутимо ответил:

— Принцессы никогда никому ничего не должны.

Спасенная красавица сильно удивилась:

— Откуда вы знаете, что я ханская дочь?!

Темур смутился:

— Так вы что, действительно принцесса?

Минуту-другую они недоуменно смотрели друг на друга, а затем радостно рассмеялись. Сарай-Мульк, так звали ханум, узнав, что Темур находится в гостях у их добрых соседей, обрадованно сказала:

— Амир Жоку ибн Мубарак — частый гость Казан-хана. Правда, последнее время отец часто отсутствует, все воюет...

— А с кем же он воюет? — поинтересовался молодой бек.

В глазах ханской дочери вспыхнули вдруг злые огоньки.

— С амиром Казаганом.

— Что-о?! — растерянно воскликнул Темур и, чтобы скрыть смущение, схватил за узду своего скакуна.

Злые огоньки тут же погасли, и глаза принцессы вновь расцвели радостью:

— Это ваш конь? Какой красавец!

Темур оживился и принялся описывать достоинства коня:

— У него благородная форма головы, высокая и тонкая шея. Чтобы увеличить гибкость передних ног и шеи, жеребят

кормят зерном, рассыпанным на кошме. Ты говоришь, красавец? Да, ты права, ханум,— и Темур предложил Сарай-Мульк погладить шелковую гриву.— Знаешь, как называются такие кони? Небесными. Они изящны и величественны, отличаются резвостью и неутомимостью. Движения их горячи и легки. В дальних переходах по пустыням небесные кони никогда не подведут, им хватает малого количества пищи и питья.

— О, мне бы хотелось покататься на этом скакуне,— тихо произнесла Сарай-Мульк.

— Конечно, принцесса, ваше желание — для меня закон.— И Темур начал придерживать коня.— Не бойтесь, что он стучит копытом и сердито раздувает ноздри, просто скакун недоверчив к посторонним.

— А я и не боюсь,— смело ответила Сарай-Мульк.

Вдалеке послышались голоса. По зеленому полю бежали встревоженные няни, воспитательницы.

— Это за мной,— разочарованно проговорила ханум.— Моя зоркая свита... Никогда не удастся погулять одной. Прощайте, бек, рада была познакомиться с вами.

Темур вскочил на коня и хлестнул его плеткой:

— До встречи, маленькая красавица, принцесса Сарай-Мульк-ханум.

А вскоре Темур блестяще закончил мактаб, намного опередив своих сверстников. Учителя, имамы, поздравляя лучшего ученика, готовили ему документы для поступления в медресе — он должен был получить духовный сан. Камалетдин, любуясь юным беком, закатывал глаза и приговаривал:

— Сходите в Мекку, мой бек. После окончания храма науки будете шейхом всего Мавераннахра.

Шемсетдин Кулял, не скрывая своего восторга, подарил Темуру миниатюрный Коран, умещавшийся на ладони.

— Гадай судьбу на сурах священной книги и никогда не прогадаешь,— ласково зашептал святой отец.

Ученики подарили своим наставникам по шелковому халату, чалме и устроили угощение. Джигиты гуляли до самого утра, а затем, словно и не было веселой ночи, вскочили на коней и с гиканьем и посвистом устремились к далекому горизонту.

Глава седьмая

ВРАЖДА ШЕЙХОВ

«Обещал Аллах тем, которые уверовали и творили доброе: им — прощение и великая награда».

Коран, сура 112.

Какая буйная фантазия у облаков, как странно, причудливо разрисовали они небосвод. Косые лучи восходящего солнца, легко проникая сквозь лохмато-барашковые завитки, «застревали» в зеленой дубраве громадного сада. Светлая предрассветная синева объяла все вокруг. Терпкий ранний воздух соперничал с ароматами земли. Множество арыков и арычков торопливо и деловито булькали, нарушая ночную тишину. И город Шахрисябз — Зеленоград просыпался.

Святой отец вместе со своим учеником Баратходжой после намаза направился в тюрьму наставлять на путь Божий преступников: воров, любителей гашиша, законченных пьяниц. Начальник тюрьмы Мадикром, ставленник Хаджи Барласа, с опухшим лицом, мутными глазами, вначале собрал в одну из мрачных сырых комнат пьяниц. Имам с неприязнью подумал о Мадикроме — видимо, курит опиум, предается прелюбодеянию, а вчера уже точно перепил огненной воды — вон, еле глаза открывает. И надо

же, Хаджа Барлас держит его здесь, на злачном месте. Ладно то, что все любимчики на жирных точках, так хоть вели бы себя достойно, не срамили бы своего хозяина. А эти только и знают пить да гулять.

Имам с жалостью оглядел «прихожан поневоле» и принялся рассказывать нарушителям шариата притчу:

— Святой человек сбился с дороги. В пути он увидел дом. На пороге его встретила красивая женщина с ребенком, пригласила в гости. За дастарханом красавица налила путнику из кувшина вино и ласково молвила: «Выпей, дорогой, желанный». Гость испуганно отвечает: «Я мусульманин, не могу». Женщина умоляюще тянет юношу за рукав: «Тогда раздели со мной эту ночь...»

Пьяницы алчно заулыбались и начали перемигиваться. Имам укоризненно покачал головой, и те вспомнили, что они не в чайхане, а на покаянии, и спрятали улыбки. Шемсетдин Кулял, еще раз строго оглядев паству, продолжил поучительный рассказ:

— «Не могу я нарушить обет», — слезливо простонал мусульманин. «Что ж, уходи. Или убей ребенка, и тогда оставлю переночевать», — предложила коварная. Путник все поминал Бога, и хозяйка выгнала его вон. Проблуждав полночи, путник, однако, вернулся: так было угодно Господу — снова проверить мусульманина. Он сдался. Выпил кувшин вина и всю ночь ласкал красавицу. Проснувшийся ребенок начал плакать и мешать их утехам, и тогда мусульманин со злобой ударил младенца и убил его. Как только он сделал это, женщина исчезла, и мусульманин понял: было ему явлено искушение — не было бы первой пиалы вина, не было бы и последующих преступлений!

Баратходжа, усмехнувшись, про себя подумал: «Вы, святой отец, так покаянно об этом повествуете, а не вы ли...» — но, испугавшись столь крамольной мысли, со свирепым видом стал рассматривать сидящих перед ним пьяниц, слушая имама.

— Два вавилонских ангела, Харут и Марут, получили приказание Бога — привести людей к истине. Но на земле первой встретилась им красавица, которая поманила их и увлекла, соблазнив своим телом. И вот ангелы беззаботно пьют вино, убивают живых тварей. Поклоняются другим богам и сообщают красавице кабалистическое имя, при помощи которого они поднимаются на небо. Произнеся заклинание, та взлетела на небеса и была обращена в звезду Венеры. А двух ангелов в наказание за предательство

и неверие в Бога повесили за волосы в вавилонском колодце. Мораль: Бог не жалеет даже своих ангелов, а пьянство стоит в ряду самых худших грехов мусульманина. И тот, кто пьет вино, делается безумным, ссорит друзей, братьев и является источником всякого зла. Выпивший навлекает на себя наказание — восемьдесят ударов кнута, которые он получает в присутствии родителей, перед ним запираются все двери рая, от него не принимается молитва. Кто выпьет первый раз — у того почернеет сердце, во второй раз — от отступника отвернется ангел-хранитель, и в конце концов — отвернется сам Бог. Вы, — имам грозно оглядел собравшихся, — сами себе определили наказание.

— Давайте следующих хулителей веры, — приказал своим стражникам Мадикром.

Вор был пойман на базаре, и ему уже отсекли руку. С отрешенным видом, прижимая культю к грязной рубаше, бывший гроза базарных торговков, был тих и смирен. Коран говорит: «У воров и воровок отсекайте руку в возмездие за деяния их, в наказание, исходящее от Бога, ибо Бог всевидящ и мудр». И имам прочел полагающееся число аятов, обладающих особенной талисманной силой, а укравший должен был повторять эти суры до утра — может быть, будут прощены его грехи. Но все равно останется вор навеки отверженным, люди сразу узнают его по обрубку руки.

Пока стража заводила следующую партию преступников, Баратходжа несколько раз прошелся по комнате: он зябко суетился.

— Я джигит, ко всему привыкший, но вот этой мерзкой сырости не выдерживаю, — проговорил он, стуча зубами.

— Мы же не в ханском дворце, — строго сказал имам.

Преступников было больше десятка, угрюмые, молчаливые. Они, кто со злобой, кто с надеждой, смотрели на имама. А тот глухо начал свою речь:

— Все мы, мусульмане, — дети Божьи. Есть семь смертных грехов. Неверие в Коран, колдовство, убийство, лихоимство, растрата сиротского имущества, бегство мусульманина от двух неверных, ложное обвинение мусульманина в прелюбодеянии. Число больших грехов — семнадцать. Есть еще три рода наказания, — имам переглянулся с Баратходжой, у обоих мелькнула одна и та же мысль: начальник тюрьмы явно грешен и заслуживает божеской кары. Но, отогнав эту праведную мысль, святой отец, мягко

улыбнувшись, продолжил свое наставление: — Вижу здесь людей, переступивших шариат. — Шемсетдин Кулял внимательно оглядел падших в грехе людей. Некоторые головорезы, по которым давно плакал топор, с нескрываемой наглостью уставились на святого отца. Но были и такие, что виновато опускали печальные глаза — в знак признания своих грехов. Имам, горестно вздохнув, с сожалением сказал: — Среди вас находится ремесленник, убивший из ревности свою невинную жену, есть воин, покинувший поле сражения, есть раб, сбежавший от хозяина, дехканин, не уплативший в срок налога. Все вы совершили грех, и наступит день, когда изменится земля и небо, а люди предстанут перед Господом Единым. Тогда увидим преступников, скованных по рукам и ногам. Деготь покроет тела их, а огонь охватит лица — ибо Господь воздаст каждой душе по ее деяниям. Я хочу перед вами раскрыть двери раскаяния, — и Шемсетдин Кулял поднял к небу руки. — Эта дверь находится в той стороне, откуда восходит солнце, у этой двери две половины, выполненные из золота и украшенные жемчугом и рубином. Расстояние между створками — сорок лет пути для всадника. Двери раскаяния открыты со дня творения. Кто раскаялся, проходит через эти створки. Но раскаяние — это путь долгий — нужно молиться, чтобы ушли все грехи, и никогда не повторять в будущем содеянного. Не преступать шариат, чтить Коран — вот что самое важное для мусульманина.

Имам повернулся к начальнику тюрьмы, постоянно находившемуся рядом, и спросил:

— У вас все заключенные?

— Остальные — особо опасные, они в цепях находятся в зинданах, — сквозь зубы ответил Мадикром.

— А вы покажите мне их, — неожиданно потребовал святой отец, и Мадикром, проклиная свой длинный язык, вынужден был взять факел и повести имама в подземелье.

Здесь сырость была еще более зловещей, прямо-таки могильной. Узники, громыхая цепями, многие после пыток, пытались поднять голову в знак молчаливого приветствия и чтобы обратить на себя внимание. Внезапно у имама перехватило дыхание — перед ним крестообразно висел человек, распятый с помощью ржавых цепей.

— Али Баходир, — услужливо подсказал начальник тюрьмы.

Голова Али приподнялась и тут же упала на грудь, и только глаза, в мгновение увидевшие имама, радужно вспыхнув, тут же погасли. «Молодец, не выдал себя, —

отметил Шемсетдин Кулял. — Дервиш из Бухары, посланник Накшбенди — как он сюда попал?» — этот мучительный вопрос задал себе имам. Он вспомнил, как дервиш весело, уверенно приглашал его стать главным сватом дочери Тарагая. Неужели идет слежка за его, Шемсетдина Куляла, мечетью и домом? И что же все-таки натворил Али Баходир?! Но как бы там ни было, все равно дервиша надо спасать. Все эти мысли промелькнули в какое-то мгновение замешательства. Остановившись перед дверью, ведущей в глубокие подвалы этого мрачного здания, имам тихо, но достаточно четко, чтобы слышали его сзади стоящие путники, сказал:

— На сегодня хватит, — и, запахнув халат, медленно двинулся назад к выходу.

Замерзший Баратходжа и несущий факел Мадикром с облегчением вздохнули — каждый из них мечтал вырваться на свежий воздух.

Пожелав бдительной службы начальнику тюрьмы, Шемсетдин Кулял отослал своего шогирта в мечеть, а сам стал в задумчивости прохаживаться вдоль арыка, отдающего свои воды молодым побегам хлопчатника. Уходить нельзя, следует срочно что-то предпринять, чтобы спасти дервиша, угодившего в подземелье, где содержатся особо опасные преступники. За спасением, конечно, надо идти к Хадже Барласу, но вот где он сейчас — в Кеше или Несефе?

Кеш — город-крепость с толстыми стенами. Город делится на несколько частей: медина — административный центр, шахристан — городское укрепление и рабад — пригород с его окрестностями. К центру города ведут четверо ворот: «Железные», «Ворота Убайдаллаха», «Ворота мясников», «Ворота Внешней медины». В центре расположены тюрьма и соборная мечеть. Есть в городе еще двое ворот: «Ворота внутренней медины» и «Баркананские ворота». Все ворота закрываются на ночь и открываются могут лишь по приказу градоначальника города и правителя. Хотя монгольский вихрь и стер толстые стены с лица земли, но людские руки восстановили заново город и его окрестности. Резиденция правителя находилась вне медины и рабада, в местности, известной под названием «Ал Мусалла».

Приемная правителя города представляла собой огромный зал, устланный туркменскими коврами. От дверей до трона простиралась зеленая ковровая дорожка. В висевших люстрах были искусно вставлены глазурированные светильники, которые ярко освещали зал. Окна были задрапированы

тиразской тканью с вышитой декоративной надписью, содержащей имя халифа, а также дату и место изготовления полотна.

Посетителей во дворце уже не было, и только в ожидании правителя на супах, расположенных по краям комнат, были небрежно разбросаны по разным углам разноцветные подушки. Днем состоялся мажлис — совещание, которое всегда проходило при закрытых дверях и окнах, и поэтому воздух был спертым и тяжелым, — слуги еще не успели проветрить комнату.

К счастью для Шемсетдина Куляла, Хаджа Барлас был у себя в кабинете, он беседовал с наибом Несефа — хазретом Убайдулло. «Как хазрет некстати», — мелькнуло у имама. Чинно кивнув головой в знак приветствия, святой отец взглянул на Хаджу Барласа — тучного мужчину с рыхлым лицом, глаза которого поблескивали, как черные угольки. Угольки эти всегда разгорались, когда правитель видел красивых наложниц, но сейчас его взор был потухшим и усталым. Одет Хаджа Барлас был в праздничный светло-бежевый халат из верблюжьей шерсти. На голове, под стать вьющейся роскошной бороде, черная мерлушковая шапка с крупным бриллиантом.

Густые брови хакима удивлено приподнялись при виде позднего гостя. Сидя на троне, покрытом персидским ковром, он приподнял руку, и черный слуга в ярком одеянии перестал махать опахалом. Два громадных телохранителя, с турецкими ятаганами на бедрах, застывшие, как мумии, молча отступили за тяжелый занавес, готовые в любую минуту появиться вновь по скрытому знаку хозяину. Хаджа Барлас зевнул, извинился и утомленным голосом предложил имаму сесть поближе к себе. Бросив быстрый, мимолетный взгляд на шейха Убайдулло, он спросил:

— Что привело вас, святейший, в столь поздний час?

Имам не счел нужным ничего скрывать и коротко изложил суть дела, попросив защиты правителя для Али Баходира.

Внезапно беркутом встрепенулся сидевший до того с безразличным видом хазрет Убайдулло. Он положил руку на локоть амира, как бы испрашивая разрешения ответить самому, и, не дожидаясь ответа правителя, голосом, полным сарказма, спросил:

— А вы, святейший, откуда знаете лазутчика?

В шелковом белом халате, в огромной белоснежной чалме, многократно закрученной на затылке, он был благообразен. И только выражение лица было лисьим.

Шемсетдин Кулял смутился от подобного вопроса, заданного в издевательской форме, он не ожидал такого поворота дела. Не подав вида, мягко ответил:

— Я знаю его как суфия, прославляющего заветы Аллаха и глубоко чтящего Коран.

— Я не сомневаюсь в его мусульманстве, — зловеще прошептал хазрет Несефа, — но он — злоумышленник, и должен выдать своих сообщников, — добавил шейх, сверкнув глазами.

— Мы в добрых отношениях с правителями Бухары, и, думаю, Накшбенди не имеет злых намерений в отношении правителей Карши, — невозмутимо ответил Шемсетдин Кулял.

— Вам бы, уважаемый, следовало больше заботиться о своих детях, чем защищать заговорщиков, на вас, кстати, жалоба поступила, и я лично приехал проверить правдивость слов обиженных, — со змеиной улыбкой прошипел несефский наиб.

Не дослушав его, имам резко бросил:

— А вам лучше расспросить битых мальчиков, которых постоянно секут за малейшую провинность, чем выслушивать клеветников.

— Мне лучше знать, кого слушать, а кого не слушать. И не вам давать мне советы, — не скрывая ненависти, завопил хазрет Убайдулло. — Где ваше благочестие, где покаяние?

— В чем должно быть мое покаяние? — с гневом спросил святой отец.

В разгорающуюся ссору вклинился Хаджа Барлас:

— Уважаемый хазрет Убайдулло, наш имам почитаем в городе, имеет авторитет как среди горожан, так и среди духовенства и знати, исправно несет свою службу, и, наконец, я им доволен. Что же касается жалобы, ваше право ее проверить, я тоже дам своего чиновника, чтобы без пристрастия разобрались в этом волнующем всех вопросе. Все мы заинтересованы в укреплении могущества нашего великого хана.

— Я не сомневаюсь в искренности деяний нашего имама, — вновь по-лисьи вкрадчиво проговорил несефский шейх, и было непонятно, говорит ли он с издевкой или же умерил свою спесь. — Имам имамом, но тем не менее бухарского шпиона завтра же переведут в несефскую башню смерти, — добавил он злорадно.

— Не очень удачное время выбрали, святейший, для своей просьбы. Сожалею, и видит Всевышний, если Али Баходир не виноват, будет он свободен.

Хазрет Убайдулло, не обращая внимания на слова Хаджи Барласа, наклонился к Шемсетдину Кулялу и сладким голосом произнес:

— Прибуду к первой утренней молитве, надеюсь, будете на месте.

Имам Кеша поднялся, поклонился в знак прощания и слишком проворно для своих лет легкой поступью вышел из покоев правителя города Кеша.

Хазрет Убайдулло после ухода имама еще долго клокотал от ярости,— с некоторых пор его трясет мелкой дрожью и лицо его покрывается красной сыпью при одном только упоминании имени набирающего силу среди духовенства молодого Накшбенди. Зависть к уму, мудрости, нравственности молодого вождя суфиев копилась в душе старого хазрета, копилась, взращивая ненависть не только к Накшбенди, но и к его последователям и друзьям. И в воспаленном мозгу хазрета зрели подлые замыслы. Волей случая дервиш Али Баходир попал в его грязные руки; черным дегтем хотел вымазать наиб доброе имя Накшбенди.

Придя в мечеть, Шемсетдин Кулял тут же вызвал Баратходжу и попросил срочно привесты Тарагая. Немного подумав, он тихо добавил:

— Заводи его с черного входа, и чтобы ни одна живая душа вас не видела.

Таким возбужденным и растерянным мюрид еще никогда не видел своего учителя. Когда Баратходжа привел Тарагая и Темура, было уже далеко за полночь. Прибывших с ними нукеров разместили в соседней келье.

Тарагай и Темур с тревогой вглядывались в озабоченное лицо имама. Сон их давно уже разогнал ночной холодный ветер — сар, они готовы были действовать. Святейший рассказал все без утайки, скрыв только, что Али Баходир просил его о сватовстве к тарагаевской дочери.

— Надо спасти посланника Накшбенди, — заключил ночной рассказ Шемсетдин Кулял.

Тарагай с ходу предложил: следует идти на приступ тюрьмы.

— Это не реально, — сразу отверг предложение амира имам.

— Удобнее и безопаснее выручать дервиша при переводе в Несеф. — вмешался в разговор Темур, — и устроить это нападение как простой грабеж. Баратходжа, дайте калам и бумагу, поясню на чертеже, — добавил Темур очень серьезно.

Он быстро провел прямую линию, соединяющую Кеш и Несеф.

— Почти вся дорога равнинная и большей частью проходит по левому берегу Кашкадарьи.— Джигит на мгновение задумался и затем начал рассуждать, составляя план захвата пленника.— Стража повезет Али Баходира через селение Кишмиштепе, где дорога упирается в перепад и переходит на левый берег Кашкадарьи. Здесь нападать опасно — Кеш близок, всегда может успеть подмога. Дальше дорога идет на Алтынтепе к городу Наукад-Курейша. До Несефа остается около восьми фарсахов. Но ловушку в местности Кабалистан, соприкасающейся с восточной границей Наукад-Курейша, ставить тоже нельзя, так как местность Кабалистан находится в вилайяте Кеша, там полно воинов обоих правителей — Кеша и Несефа. А потому захват произвести лучше всего в другом вилайяте, желательнее ближе к Несефу, не достигая Камайтепе.

Изложив план, джигит вопросительно посмотрел на отца и святейшего. Те, внимательно выслушав молодого воина, стояли в раздумье.

— Здесь, под Камайтепе, самое удобное место для засады,— повторил Темур.— Много фруктовых деревьев, целые рощи, и дорога проходит через этот огромный сад. Именно в зеленых кущах удобно спрятать мой отряд, а затем, под видом разбойников, устроить нападение. Стражу придется убраться, чтобы было похоже на правду — правду грабежа.

Имам хотел возразить против такой жестокости, но вдруг... махнул рукой.

— От злости, что не нашли ни золота, ни драгоценностей, убьем и Али Баходира, чтобы в следующий раз брал с собой сокровища,— пошутил Темур.

— Как убьем?! — не понял Тарагай.

— Для достоверности, в припадке ярости, что путник оказался не толстопузым богачом, а нищим, без единого динара, дервишем. Устроим обман, будто убили Али Баходира, чтобы не искали пленника,— неторопливо пояснил юный бек.

— Поживет у нас,— предложил великодушно Тарагай,— никто не догадается. А затем тайными тропами отправим в Бухару.

Темур, внимательно дослушав отца, мягко, по-кошачьи, приблизился к святейшему, слегка поклонился:

— Завтра прошу вас быть рядом с наибом нессефским, да и отец пусть будет на виду во дворце у Хаджи Барласа. А в остальном доверьтесь мне, а я положусь на волю Аллаха.

Шемсетдин Кулял обнял Темура, а затем молитвенно провел руками по лицу:

— В дорогу, сын мой, и да поможет Всевышний в праведном деле — освобождении невинного.

День прошел в страшном напряжении. Шейх Убайдулло и чиновник правителя дотошно инспектировали мактаб. К вечеру была доказана вина учителя Маматхалила — он не только избивал жестоко детей, но и прибегал к финансовым нарушениям. Помрачневший шейх Убайдулло сам обещал заменить провинившего учителя. Ужин прошел в тягостном молчании.

Утром, после молитвы, имам, перебирая четки, шептал: «О Боже, научи меня тому, что всего лучше для меня, освободи меня от зла, пошли мне добро. Пошли очищение от зла, которое у меня под боком».

Хазрет Убайдулло, прощаясь с Шемсетдином Кулялом, словно невзначай промолвил:

— Вы не обольщайтесь насчет своих успехов. Бухарская пташка может нам много напеть про ваши старания.

Имама не смутила такая угроза, глядя прямо в глаза хазрету, он резко ответил:

— Шейх, я тоже надеюсь, что деньги, украденные учителем, обнаружатся и найдут достойное применение, — грех красть у невинных. Покровители вора явно ошиблись в своем ставленнике. Пусть всегда пребывает с вами свет истины. Счастливой вам дороги, — Шемсетдин Кулял достойно поклонился.

Шейх Убайдулло, не ответив, стегнул коня, и свита тронулась в путь.

Чернобровый юноша Сейфетдин, долго ждавший, когда святой отец останется один, выйдя из-под кроны могучей чинары, быстро шагнул к имаму и скороговоркой сказал:

— Сокол дома, все прошло удачно, — и тут же исчез.

Шемсетдин Кулял раскрыл ладони для благодарственной молитвы:

— О приветствие Богу! Ты был, есть и будешь всемогущим помощником твоим рабам. — Имам вскинул руки к небу: — Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Хвала Аллаху, который сделал доброе дело людям, зависящим от его божественной помощи. Еще раз хвала!

Шемсетдин Кулял со своей маленькой свитой: домуллой Камалетдином, учеником Баратходжой, в сопровождении двух слуг, посетил Тарагая.

Амир зарезал барана, устроил гостям угощение. После дастархана святой отец, уединившись с хозяином дома, повел неторопливую беседу. Прогуливаясь по саду, имам поинтересовался здоровьем Тегины-бегим. Удовлетворив-

шись положительным ответом, спросил о делах юного бека. Тарагай, слегка смутившись настойчивым вниманием святейшего к юному отроку, мягко ответил:

— Он пока присматривает за больной матерью. А вообще-то Темур больше тяготеет к военным играм, битвам и сражениям.

Имам продолжал расспросы о сыне, и, наморщив лоб, амир призадумался, теряясь в догадках, об истинной цели визита Шемсетдина Куляла.

— Значит, шейхом джигит не хочет быть? — зажурчал тихим смехом имам.— Что ж, видимо, суждено ему быть воином.

Взглянув на урючину, на которой висела клетка с перепелкой, святой отец, заинтересованно наблюдая за певчей птицей, вежливо поинтересовался:

— Почему не поет?

В ответ Тарагай смущенно пожал плечами. Тогда Шемсетдин Кулял приоткрыл дверцу клетки и выпустил певунью. Перепелка, тяжело взмахнув крыльями, уселась на ближайшую веточку, не веря своему счастью. И вдруг застрекотала, оглашая сад дивными звуками.

— Смотрите, амир, птица на воле поет,— удивленно блеснул глазами имам.— Вы ненароком не обиделись, что я ее выпустил?

Тарагай засопел от чудных вопросов святого отца, но, ничего не ответив, только широко улыбнулся.

Выдержав паузу, Шемсетдин Кулял торжественно произнес:

— Амир, хочу вам дать маленький совет. У Темура выдающиеся способности во всех областях. Память у него изумительная. Если его потянуло к военному искусству, дайте молодому беку в будущем свободу действия. Пусть сам решит, кем ему быть. Не мешайте военным увлечениям джигита, пусть его отряд пропахнет дымом походных костров. Всевышний ниспосылает ему удачи.— Имам задумчивым взором обвел двор, увидев рабов, таскающих бревна, встрепенулся: — Занялись ремонтом, амир? Можно взглянуть?

Тарагай приложил левую руку к груди, а правой сделал приглашающий жест.

Святой отец не поленился обойти новые строения. На женской половине двора посоветовал Тарагаю укрепить стены и на пять ладоней поднять забор.

— Пустите собак вдоль дувала, будут охранять самый уязвимый участок,— сказал имам.— А в одну из свободных

комнат надо поселить двух вооруженных нукеров — это замкнет всю вашу систему безопасности на заднем дворе. Таксыр, вы согласны?

Тарагай тут же вызвал Джаманкула и передал все пожелания святого отца. Тот с рвением бросился исполнять волю святейшего.

— Досточтимый бек, присаживайтесь, — и имам пригласил амира на супу, устланную кошмой и курпачами. Тарагай почувствовал, что святой отец хочет сказать нечто важное, и уселся напротив, подмяв под себя кожаную подушку. — Я хочу совершить хадж в Мекку, — сказал святой отец. — Как улажу свои финансовые дела, так в путь.

Тарагай удивился такому быстрому решению, но промолчал — и вправду, первое паломничество было совершено давно, а полным считается хадж после двух-трех хождений к святому камню Каабы. Имам, словно читая его мысли, сказал:

— Амир, время летит неумолимо, оно никому неподвластно. Увы, годы идут. А сейчас вроде и обстоятельства благоприятствуют моему путешествию.

Тарагай печаленно произнес:

— Мы жили под вашей тенью.

Имам нетерпеливо прервал его:

— Амир, не нужно огорчаться, нет пока повода, какой-либо опасности, но быть осторожным, благоразумным — сам Аллах велел.

Тут во двор выбежала, запорхала бабочкой Кутлуг Турган-ага. В бархатном малиновом камзоле, в оранжевых девичьих штанах-шароварах, внизу собранных в сборку и прикрывающих ступни. В легких сандалиях, на голове маленькая шапочка, мелко заплетенные косички рассыпались по спине. Что-то напевая, она покормила кекликов, дала им напиток, резко повернулась и тут увидела святого отца и смутилась, прикрыла личико кисейным платком, низко поклонилась и тихо промолвила:

— Мы рады видеть вас, святейший, в нашем доме.

Глаза имама улыбались.

— А это что за чудо? — искренне изумился Шемсетдин Кулял. — Так быстро выросла. О, лунолика моя! Иди сюда, красавица, — святой отец поцеловал в лоб вконец смутившуюся Кутлуг Турган-ага. — Разве можно скрывать такое сокровище, бек?! — Имам вдруг вытащил из внутреннего кармана своего белоснежного халата золотой браслет — «донадор», имевший девять вправленных коралловых бусинок и инкрустированный бирюзой.

Кутлуг Турган-ага всплеснула от восторга руками и испуганно посмотрела на отца.

— Бери, бери подарок. Это все равно, что от Всевышнего,— и Тарагай улыбнулся дочке.

Святой отец погладил девочку по щеке.

— Вот так-то, бек, жених, значит, за мной,— очень серьезно сказал имам.— Красивый, богатый для твоей дочки.

Смутившаяся, но счастливая Кутлуг Турган-ага, выкрикнув: «Спасибо», стремительно убежала.

— Таксыр, воля ваша,— обрадованно воскликнул Тарагай и развел руками.— Мы ваши рабы Божьи, и ваше слово для нас закон.

При прощании святой отец еще раз посоветовал беку присматривать за Темуром, в том смысле, чтобы слуги неотлучно были рядом и не отходили ни на шаг.

— Он молод, горяч, а вокруг столько завистников.— Имам в раздумье вздохнул: — Я мечтал, что сын ваш пойдет по моим стопам, станет шейхом. Но, видимо, не судьба, предначертание определило иной путь Темуру. Я хочу поблагодарить вас.— И имам прочитал молитву из Корана.— В мое отсутствие пусть эта молитва охраняет ваше семейство от всякого несчастья, чтобы по возвращении я нашел детей ваших в добром здравии. Аминь! — и руки святого коснулись шелковой бороды.

Тарагай также вскинул две руки, коснувшись лица и жесткой бороды, а затем, приложив руку к груди, поклонился имаму за доброе пожелание.

Глава восьмая

ВОЗМУЖАНИЕ

При жизни выбрать мы имеем право:
Прах после нас останется иль слава.

Из восточной поэзии

Тегина-бегим любила рыбу, и Темур с друзьями часто привозил ей маринок, которых ловили они руками, лазя под камни в прозрачных горных речушках. Кто-то из соседей рассказал однажды госпоже, что если смотреть в глаза чешуйчатой, то рыбий дух отведет болезни печени, желудка, сердца. Темур, узнав об этом, посоветовавшись с Каххаром и отпросившись у отца, отправился со своими молодцами в двухдневный путь к тихим заводям Кашкадарьи за более крупной рыбой.

Пойма реки встретила джигитов курлыканьем журавлей, гоготаньем по плавням и затонам голосистых гусей, криканьем беспокойных уток и черно-белых гоголей.

Расседлав и стреножив коней, джигиты пустили их пасться на пожелтевшую маленькую лужайку, рядом же на твердой сухой земле разбили палатку. Гафури, готовивший ужин, заметил:

— Здесь бы поохотиться.

Темур, задумчиво глядя на речную гладь, ответил:

— И на это придет время, но охотиться будем не только на птицу — это что за охота? — так, развлечение. А вот выйти на крупного зверя — это настоящее сражение.

Вдруг с другого берега отчалила лодка и быстро стала пересекать реку. Темур, обернувшись, поднял руку и тихонько свистнул. Все, оставив работу, молча выжидательно посмотрели на бека. Башбеги указал глазами на реку. Худайдад, Сулейман, Джагуй Барлас бесшумно бросились за оружием и рассыпались по берегу, прячась за сопки, выискивая удобные места для наблюдения. Темур же остался на месте, он вытащил саблю из ножен и опробовал пальцем ее лезвие. А тем временем лодка прошла через тростниковые заросли и ткнулась в илистый берег. Из нее выпрыгнул мускулистый юноша в рваном халате, в штанах из грубой шерстяной ткани, босиком. Он вытянул лодку наполовину на берег, выпрямился, и тут увидел Темура. Сначала удивленно засопел, неподвижно застыл, а затем с достоинством поклонился.

— Мир вам, почтенный — произнес он приветливо.

— Взаимно, отважный незнакомец, — ответил Темур. — Встречайте гостя! — крикнул он громко своим нукерам. И те, словно и не было напряженного ожидания, подначивая друг друга, начали расставлять чаши на дастархане.

Когда незнакомец освоился, поел вяленого мяса и выпил касу кумыса, Темур решил, что пора приступить и к расспросам:

— Откуда родом, как зовут тебя, джигит?

— Мое имя Аббас, — ответил юноша и поведал свою нехитрую историю. — У отца с матерью нас было семеро. Старший сын Атабек, за ним я, Аббас, после меня сестричка Айгуль и четверо младших братишек. Фахритдин, сын Алаиддина, выкрал нашу сестру, надругался над ней, и она от горя утопилась в этой реке, — Аббас кивнул в сторону камышовой поймы. — Наша семья объявила кровную месть, — голос юноши задрожал от ненависти. — Атабек зарезал Фахритдина, как поганую свинью. Тогда его родной брат Фирдаус зарыл наших родителей в муравейник. Я убил Фирдауса... Отец погибших братьев бросил под копыта лошадей Атабека, моего старшего брата. Я поджег дом насильников. Разъяренный Алаиддин пообещал истребить весь наш род. Нас осталось пятеро — я и четверо братишек; живем в землянке на берегу реки. Река-то и кормит нас. Зимой, правда, очень трудно. Прячемся и выжидаем удобного случая, чтобы отомстить роду Алаиддина.

Слушатели одобрительно загудели, каждый оскорбленный и униженный на месте Аббаса поступил бы так же.

— А вы какими судьбами в наших краях? — спросил застенчиво рыбак у Темура.

— Мы за рыбой приехали, нас послали, — уклончиво ответил бек.

Аббас предложил свою помощь и, не мешкая, достал из лодки рыболовные снасти.

— Мои чертенята нашли падшую лошадь; грива, хвост, кости — все пошло в дело, все приспособили для ловли рыбы.

Он стал налаживать керси — одно из приспособлений в виде мешка с крупными ячейками, натянутого на треугольник из толстых палок. Отверстие деревянного треугольника затянато крепкими, но тонкими веревками с круглыми ячейками для рыб.

Аббас установил керси в маленьком проливчике, крепко укрепил его и сказал:

— Маленькая рыбешка пусть уплывает и растет, а большая пусть остается в этом капкане. На ночь поставим «закидушки» с наживой, а сейчас разреши, амир, съездить домой. — Рыбак, как бы извиняясь, улыбнулся: — Мои чертенята наверняка в тревоге, я быстро вернусь.

Темур подал знак, и Джагуй Барлас принес два больших свертка.

— Бери, — убежденно заговорил бек, — это от нас твоим галчатам, здесь продукты и одежда, что было под рукой.

Аббас почувствовал, как ком подступил к горлу, от волнения он только произнес:

— Спасибо, бек, я в мгновение вернусь, рыба нас ждет.

До следующего полудня молодцы наловили кучу рыбы. Львиная доля в этом богатом улове принадлежала Аббасу, и когда Темур протянул ему два динара, то друзья одобрительно закивали, приговаривая: «Правильно, бек, джигит заслужил».

У Аббаса на лице появилась тень недоумения.

— Как же так? Вы мои гости, не обижайте меня, — и он наотрез отказался от денег.

Молодой амир внимательно посмотрел на Аббаса и крикнул Сулейману, собиравшему рыбу в мешки:

— Улов повезешь домой один, в дороге будь осторожен,

отца предупреди, что мы задержимся. — И обратился к Аббасу: — Каков путь до дома твоих обидчиков?

Тот взволнованно ответил:

— Около пяти фарсахов.

— Сулейман, слышишь? Через три-четыре дня мы будем дома. Пусть не волнуются.

Собрав всех своих джигитов, Темур устроил совет, а Аббаса попросил начертить схему дома Алаиддина. Рыбак, сосредоточенно водя пальцем по песку, пояснял свои каракули. Темур спросил, какое самое уязвимое место у этого Алаиддина.

— Жадность и страх, — ответил Аббас, — он очень опасается за своих баранов и потому держит хорошую охрану и множество собак.

— Ясно, — ответил бек, — будем уводить овец, — и немигающим взглядом уставившись в одну точку, задумался.

Друзья, знавшие близко своего башбеги, жестами дали знать Аббасу, что надо удалиться в сторонку.

— Не мешай думать нашему главе, — уважительно зашептали джигиты.

Через некоторое время Темур крикнул:

— Аббас, приведи своих братишек и найди мне четырех кошек. Можешь достать? — бек вопросительно взглянул на рыбака.

Тот недоумевающе ответил:

— Здесь этих тварей бегают сколько угодно.

— Ну так найди четыре кошки и сунь их в разные мешки. — И, вспомнив что-то, воскликнул: — Да, масло у нас есть? — Услышав утвердительный ответ Джагуй Барласа, башбеги оглядел всех внимательным взглядом и отдал приказ: — В путь, время не ждет.

В полночь прискакали в селение Султанабад, привязали коней на окраине у раскидистой чинары, оставив в карауле одного из братишек Аббаса. К дому Алаиддина прошли огородами и бахчами и залегли в высохшем арыке. Усадьба Алаиддина была погружена в сон, и Темур, немного выждав, велел бросить одну из кошек во двор. Джагуй Барлас, размахнувшись, перекинул через высокий дувал визжащую тварь и отбежал к арыку. Кошка выскочила из развязанного мешка, и тут же во дворе стало твориться нечто невообразимое: собаки бешено залаяли, на их лай прибежали охранники, и их крики заглушали мяуканье кошки и рычанье псов. Разобравшись, что это четвероногое животное принесло столько беспокойства и шума, один из работников

дома ловко сбил кошку с дерева. Собаки, рыча, вновь улеглись в своих конурах, а слуги, покрикивая на них, разошлись по своим каморкам. Вновь усадьбу охватила убаюкивающая тишина.

Бек кивнул головой, и Аббас кинул вторую кошку. Двор снова взорвался захлебывающимся собачьим лаем, снова вскочили задремавшие было гулямы. И долго еще освещалось поместье факелами и оглашалось угрозами хозяина. Вторая кошка носилась без устали по двору, но и ее поймали и прикончили.

Когда наступила умиротворенная тишина, Худайдад подбросил во двор третью кошку. И все завертелось и закопошилось вновь — хрипя от испуга, носилась, как ошпаренная, кошка, за ней со свирепым лаем гонялись псы, а за псами бегали озверевшие слуги. Гулямы отворили ворота и осмотрелись вокруг. Темур и его маленький отряд, прижавшийся к сухой земле арыка, молча ждали, когда закончится шумная суэта. Не заметив ничего подозрительного, слуги захлопнули калитку — загромыхали запоры.

— Шакалы безмозглые, наведете вы порядок или нет, дадите вы хозяину выспаться? Убью всех! — слышалось то около ворот, то в глубине двора.

Кошку даже не искали, она, видимо, сумела в страшной суматохе убежать.

Наступило очередное спокойствие. Темур усмехнулся, ткнул кинжалом последнюю кошку и выкинул ее за забор. Кошка верещала от боли так, что даже джигиты оцепенели от ее дикого визга. Не менее дико завыли псы, запричитали слуги, еще более зло принялся ругаться хозяин.

Наконец увидели несчастное животное и решили не обращать на кошку внимания. С трудом загнали собак на псарню, и Темур с друзьями услышали раздраженный голос Алайддина:

— В нашей усадьбе сроду не было этих тварей, да и не весна сейчас, не время кошачьих свадеб, откуда бы им взяться здесь?

— Хозяин, видимо, на какое-нибудь селение был грабительский набег, вот эти твари и разбежались по округе в поисках пищи, — предположил один из слуг.

— Да, может, и прав ты, Бадал, и не дай Бог, они поселятся у нас?! — встревоженно заговорил Алайддин и добавил со злобой: — Устал я от этого гвалта, дашь ты мне отдохнуть, Бадал, или нет?

— Хорошо, хозяин, — раздался испуганный голос слуги. — Спите спокойно, лаять собаки больше не будут.

Прикрикнув еще раз на собак, слуги разошлись по своим лачугам. Через несколько минут уже было слышно лишь кваканье лягушек да отдаленный вой шакала.

Темур знаками подозвал всех джигитов к себе, а Гафури передал масло.

— Пройдешь по переулку, — шепотом заговорил башбеги, — смажь калитку, выходящую на скотный двор, и подожди, пока не пропитаются запоры. Затем открой калитку и вместе с братишками Аббаса ждите, когда появятся бараны. Затем гоните отару по переулку до конца, не спеша, без звука, ведите это стадо до самой чинары — этот переулочек до самого старого дерева тянется. Джагуй Барлас, ты пойдешь впереди, если кто-то встанет на пути, не щади, убирай с дороги. Худайдад, — обратился бек к своему лучшему другу, — а ты не спускай глаз с центральной улицы и больших ворот. Если кто выйдет — тому кляп в рот, а то провалим все дело.

Джигиты кивали головами в знак того, что все поняли.

— Аббас, крюк с веревкой у тебя? — обратился Темур вполголоса к рыбаку. — Нам с тобой в овечий загон. — Аббас поднял руку, что означало — все в порядке. — Ну, Всевышний, помоги в нашем деле!

И джигиты, произнеся: «Аминь!», бесшумно растворились в темноте.

Под густыми ветвями могучей чинары было просторно, но животные, тесня друг друга, от страха сбились в плотную кучу. Молодцы в темноте с трудом посчитали поштучно баранов — их оказалось шестьдесят два. Башбеги распорядился каждому джигиту взять по десять овец, а остальных отдать Аббасу и его братишкам.

Джигиты бросились с рвением исполнять приказ Темура.

— А ты, рыбак, отправляйся со своими братьями в Самарканд на базар, пока не обнаружилась пропажа. А вообще-то тебе виднее, где припрятать кучкаров, — заключил Темур. — Вы здесь каждый камышовый закоулок знаете, да и мясо в цене сейчас.

Аббас обнял Темура.

— Спасибо тебе, названный брат, за все спасибо. А за нас не беспокойся, мы сейчас «зароемся» в свои тугай.

Когда Темур сел на коня, Аббас, решительно подкочив к беку, взволнованно заговорил:

— Темур, возьми нас с собой, меня и моих братьев. Хотим к тебе в отряд — верой и правдой будем служить.

Темур одобрительно посмотрел на рослого молодца, оглядел его братьев, таких же крепышей, и подумал — через

несколько лет вырастут в хороших воинов. Прищурился глаза, бек решительно произнес:

— Аббас, будь по-твоему. Жду тебя с братьями в селении Ходжайлгар в любое время, двери для вас открыты. Будете жить у меня, а придет час,— в голо-се башбеги послышался звон стали,— ты сам убьешь Алайдина и сравняешь его дом с землей. Всевышний с нами.

И Темур, почти не касаясь стремени, вскочил на коня и поскакал в ночную тьму. Свита устремила за ним.

Ранние нежные лучи осеннего солнца подняли птиц в саду, и они, гомоном своим устроив настоящий базар, разбудили джигитов, спавших на тахте среди аромата созревших плодов.

Аббас и его братья, недавно приехавшие и поселившиеся в одной из свободных комнат тарагаевского дома, быстро освоились в усадьбе. Старший Аббас был рядом с Темуром во всех его военных играх и набегах. Высокий, мощный телом Аббасхон стал телохранителем молодого бека, неотлучно находился рядом. Молчаливый Аббасходжа стал охранять и сопровождать повсюду отца своего башбеги — амира Тарагая. Маленький Аббаскози занимался заготовкой топлива на зимний период. Сопливый еще Аббаскул присматривал за скотом.

Аббас-рыбак, проснувшись раньше друзей, услышал глухие звуки на заднем дворе, усмехнулся: как Темур умудряется вставать раньше всех? Рядом лежащий Худайдад, потягиваясь и поеживаясь от утреннего холодка, ворчливо проговорил:

— Поспать не дадите, а за нашим башбеги не угнаться, по сто раз отработывает каждый удар.

А между тем молодой бек, верхом на коне, отработывал броски дротика. Закончив это занятие, перешел к другому — дав коню шпоры, на полном ходу стрелял из лука по мишеням. Увидев приближающихся своих нукеров, соскочил с коня и, отдав поводья Гафури, громко крикнул:

— А ну, держись! — и бросился на Худайдада. Повалив его на землю, принял оборонительную стойку и, покачивая головой, прокричал: — Жду боязливых орлов! — И ватага нахохлившихся орлят бросилась на борьбу-кураш со своим предводителем.

За завтраком молодые джигиты с аппетитом уплетали

кульчатой — лапшу, сваренную в мясном бульоне, запили крепким чаем мучную пищу и, немного отдохнув, разошлись, получив задание от Темура.

Остался только Худайдад. Он нерешительно смотрел на молодого хозяина — говорить или не говорить, стоит ли беспокоить башбеги из-за пустяков. Мучившегося джигита выручил сам амир. Пытливо глядя на своего заместителя, он спросил:

— Ну, какие последние новости, джигит?

Худайдад рассказал о старике-виноградаре, который ищет работу.

— О ком ты говоришь? — переспросил Темур.

Помощник поспешно зашептал:

— Есть тут один старик-садовник, очень интересный дехканин, измотал меня беседой про виноградную лозу.

— Хорошо, я с ним поговорю, что у тебя еще? — нетерпеливо спросил молодой амир.

Большеголовый Худайдад потер переносицу и, решившись, наконец, сказал:

— Нуритдин-ага, видимо, скоро простится с нами — призовет его к себе Всевышний. Ходит сам не свой, как в воду опущенный.

— Что это с ним? — резко прервал молодого воина бек.

Немного замаявшись, Худайдад ответил:

— Большой хозяин, ваш отец, задолжал ростовщику Хабабаллаху и, чтобы покрыть долг, решил продать прислугу Рафию. А Нуритдин влюблен в нее, дело даже двигалось к свадьбе, только ждали разрешения хозяев. И вот на тебе — обернулось все целой трагедией, — мрачно закончил все знающий приятель.

Темур, не зная, что ответить, слегка поправил чалму и, пройдя немного, сел на скамейку и надолго задумался. Худайдад, зная привычку хозяина углубляться в раздумья, не стал мешать. Отломив яблоневую веточку, прикусил ее. «А Аббас — ловкач, всех своих меньших братьев пристроил, — подумал Худайдад. — Мне бы тоже надо Бердыбека Темуру показать, может, сгодится на что-то мой братишка».

Размышления Худайдада прервал башбеги, жестом пригласивший друга на скамейку. Усадил рядом с собой и поинтересовался, знает ли тот дом Хаджи Хасан Дива.

— Сын его Галиб имел большую радость учиться со мной, — бек усмехнулся.

— Да, да, бек, у вас с ним, кажется, была «дружба», — точно так же усмехнулся и его заместитель. — Я весь внимание...

Подбежал волкодав Джульбарс, имевший привилегию днем и ночью свободно бегать по двору. Он мог впустить в усадьбу незнакомого человека, но выйти тот уже ни за что не мог. Пес ткнулся мордой в колено Темура, бек слегка почесал ему за ухом. Но и этой скупой ласки было достаточно, чтобы преданный Джульбарс с бешеным лаем бросился в конец сада — что-то подозрительное почудилось ему в шорохе жухлой листвы. Темур проводил собаку добрым взглядом и затем внимательно посмотрел на своего друга.

— Мстить надо умеючи, — и юный бек жестко сжал губы.

Он не стал рассказывать даже лучшему другу той давней истории. Когда-то были большие стада и у отца Тарагая, у деда Темура. Но при продаже овец Гасану-купцу случилось так, что тучные стада угнали, а покупатель внезапно исчез, не заплатив за них. Однако вскоре меченые бараны были обнаружены верными пастухами в хлеву Хаджи Хасан Дива. Опальный амир Тарагай не мог противостоять всемогущему главному визирю города Кеша, тем более доказать воровство и грабеж. Весь этот секретный разговор Темур случайно услышал при беседе отца и Шемсетдина Куляла, и решил юный бек отомстить Хаджи Хасан Диву по-своему.

Через две недели Темур отыскал Нуритдина на скотном дворе, — тот строил из пахсы вместе с тремя рабами новую конюшню. Ну и вид же был у преданного слуги: на голове бывший когда-то белым платок, который оттенял черноту загоревшего лица, запачканная грязью штанина поднята выше колена, ноги ритмично топчут размяченную глину, а глаза смотрят в никуда. Темур подозвал слугу, и тот, волоча ноги, направился к хозяину. Остановился напротив и безразлично посмотрел на юного амира. Всем своим видом он как бы говорил: что вы еще хотите от меня? Темур вытащил тугой кошелек.

— Слушай, Нуритдин, это выкуп за твою невесту. Деньги отдай амиру, завтра истекает срок уплаты ростовщику. Если хозяин спросит, откуда деньги, скажи — продал наследственное кольцо матери.

Слуга тупо, ничего не понимая, смотрел на хозяина.

— Ты что, глухой? — закипая гневом, вскричал Темур. — Или до сир пор обижаешься за орешню? — и, недовольный, повернулся, чтобы уйти.

Нуритдин очнулся. Он бросился к ногам Темура, обхватил обеими руками его правый сапог и разрыдался. Размазывая слезы по грязным щекам, запричитал:

— Хозяин, я твой раб до конца своей жизни, до последнего дыхания. Пусть Всевышний слышит, если изменю тебе — гореть мне в аду. Да паду жертвой за тебя, молодой хозяин.

Бек помог подняться слуге, но Нуритдин снова сполз к ногам амира, и Темур, нагнувшись, сказал:

— Мне твоей жизни не надо, мне от тебя добрые дела нужны. Набери еще с десятков людей: мастеровых, строителей. Укрепляйте стены, постройте еще один дом-крепость. А главное, хорошо охраняйте усадьбу, чтобы ни один волос не упал с головы моих родичей.

Нуритдин встал и поклялся:

— Аллах свидетель, все будет построено, последние силы отдам, но пожелание ваше исполню.— Слуга приложил руки к груди, поклонился и с просветленным лицом пошел обратно на стройку. Не зло, а так, для порядка, прикрикнул на работников: — Что встали, ослы нерадивые, а ну, за работу!

Сын попросил амира поговорить с садовником, которого он хотел бы взять на работу. Подошли Хаккул и Джаманкул. Тарагай, выпив чашу кумыса и вытерев белые капли, текшие по губам, проговорил весело:

— Что ж, показывай своего работника.

Вошедший мужчина был пожилым, но жилистым и крепким, редкие, словно выщипанные усы, украшали его смуглое лицо. На лысой голове, на самом ухе, чудом держался козлиный треух. Чекмень из простого темно-серого сукна туго затянут. На ногах красовались чарыки, которые почернели от долгой носки.

Тарагай удивленно посмотрел на сына,— дескать, откуда ты его выкопал,— но Темур только усмехнулся. Хаккул презрительно фыркнул, но садовника это не смутило, он спокойно ждал, когда ему дадут слово. Наступила тишина, все собравшиеся невольно переглянулись. Наконец Тарагай рассмеялся:

— Темурджан! Твой виноградарь к тому же немой?!

Молодой бек невозмутимо ответил:

— Он начнет говорить — его не остановишь. Чаман-ага,— обратился бек к садовнику,— не стесняйтесь, расскажите о себе, о своей работе. Вы ведь столько знаете о виноградной лозе.— Темур мягко подтолкнул старика к разговору.

Дехканин поклонился, снял свою козлиную шапку, смял ее в правой руке и тихим, проникновенным голосом начал:

— Сам я из Гиждувана, это селение на Мианкале, к востоку от Данджа-Лоиша. Весь мой род выращивал виноград, мы знаем секрет сохранения этого фрукта до самой поздней весны. Ягоды сушим и делаем черный и белый кишмиш, знаем секреты разных сортов вин, изготавливаем патоки для сладостей.

— И что за причина, что ты оказался здесь? — вмешался Джаманкул.

Губы пришельца невольно вздрогнули.

— Чума, — воскликнул он и богобоязненно провел ладонями по лицу. — Страшная болезнь косила целые деревни, опустошала города. Я из кишлака остался один, чудом выжил, долго скитался по свету, а здесь сестра живет, замужем за Хафизом.

Все взрослые невольно поежились, вспомнив те ужасные годы — когда вся жизнь замерла, не устраивались праздники, хирела торговля, люди сидели под крепкими засовами, боясь выходить на улицу. Прохожих не пускали не только в дома, но и в кишлак. Тарагай боялся тогда за жизнь только что родившегося сына. Хорошо, разгул страшной болезни прошел стороной, но зато зацепила чума черным крылом другие вилайяты Моголистана и Турана.

Хаккул, почувствовав настроение хозяина, быстро спросил:

— Садовник, говорят, нет такой лозы, о которой бы ты не мог поведать!

И Чаман-ага на глазах преобразился, лицо его посветлело, он охотно принялся рассказывать:

— Да-да, это верно. Сорта винограда немало, и у каждого свои особенности. Вот, например, «Шуварганы» — куст сильного роста, довольно плодовитый. Листья большие, пятилопастные, с глубокими верхними выемками, края листа крупно-зубчатые. Ягоды же — мелкие, овальные, черные, как бы покрытые серой пылью. Кожица тонкая, сок бледно-розовый, сладкий. Цветет во вторую неделю мая, плоды созревают в августе, спелая ягода долго на кусте не может держаться — завяливается. «Шуварганы» хорош для красных вин, из него получают лучшие сорта изюма — кара-кишмиш...

— А нельзя ли, ака, покороче? — вклинился в радостную речь старика Джаманкул.

— Можно, — не задумываясь ответил Чаман. — «Дорой» — один из самых лучших сортов, украшение стола. «Сурхак» — имеет красные ягоды, у него есть и другие названия: «Каришми» и «Кара». Известны на Востоке сорта

«Тана сафидок», «Бахтиори», «Кара хусайне» — из них получается чудесное красное вино. «Чарас» дает сладкий изюм, «Сохиби», «Маски» — каршинские сорта. «Васарга», «Ак тайфи» годятся для долгого хранения. «Хусаин-люнде» не портится всю долгую зиму, известен еще как «Хусаин-ангур-калян». «Чашма-гусаля» идет на приготовление красных вин...

— Уважаемый, — перебил его Тарагай, — твои знания о винограде действительно велики. Расскажи мне об истории виноградной лозы и о ее болезнях.

— Самаркандская земля, — все больше воодушевляясь, говорил Чаман, — родина виноградной лозы, здесь ее возделывали еще на заре человечества. Лоза росла на возвышенностях Туркестанского и Зеравшанского хребтов, в Шахрисябзских, Гиссарских и Мальгузарских горах. Божественная лоза выбирала южные склоны, ютась вблизи ручейков, ключей и родников. Когда Искандер совершал свой знаменитый поход в Среднюю Азию, его войска, переправляясь через реку Джейхун на кожаных бурдюках, делали внутри бурдюков для устойчивости распорки из виноградных лоз. — Оглядев всех и увидев, что его внимательно слушают, садовник продолжил: — А страдают эти гроздья — чистый нектар — от резких перемен температуры, холодных ветров и дождей в период цветения. Иногда от сильных холодов виноградники полностью вымерзают, считай, новые посадки нужны. Дожди оказывают вредное влияние и на созревающую ягоду, которая от избытка влаги трескается и гнивает. Из насекомых больше всего вреда наносит виноградный клещ...

— Довольно, довольно, — прервал его хозяин. — Если твои слова не расходятся с твоими делами, то ты — прекрасный садовник. Иди и работай.

Темур, загадочно улыбаясь, остановил дехканина:

— Но меня, отец, интересует и другое, что можно сделать с нашим виноградником?

— Могу и это сказать, — кивнул Чаман-ага, — мы с юным беком уже осмотрели ваши виноградники. Думаю, с плантации можно взять мешков десять хорошего черного изюма.

— О! — воскликнул Тарагай радостно.

А садовник невозмутимо продолжал:

— И это без украшения дастархана и заготовок на зиму.

— Что для этого нужно? — сразу становясь серьезным, спросил амир.

— Вообще существует три способа приготовления изюма, — одухотворенно начал свое объяснение Чаман, —

тень, вода-кипяток и солнце. У вас я видел пустые площадки на крышах домов... — Садовник посмотрел на Темура, тот, подбадривая старика, подмигнул — мол, говори отцу все как есть. Чаман чиркнул пальцем по реденьким усикам и продолжал: — Так вот, нужна пшеничная или ячменная солома, чтобы сделать штукатурный раствор и выровнять место для гроздьев. Ягоды кладутся в один слой. Когда кисть под действием солнечных лучей достаточно высохнет с одного бока, ее переворачивают на другой. Период сушки обычно — пятнадцать дней. И изюм готов. Есть другой способ, — и садовник пригладил еле заметный пух на голове, — он состоит в следующем: кисти винограда складываются в корзины и опускаются в котел с кипящим раствором извести. Ягоду держат в кипятке до тех пор, пока кожица на ней не станет трескаться и морщиться. Тогда корзину вынимают из котла и раскладывают кисти на камышовые циновки, сушат на солнце семь-восемь дней. Этого срока достаточно, чтобы ягода завяла. Тут годятся сорта «Маски», «Васкарга», «Сунтаки». Для теневой сушки пригоден только мелкий сорт винограда.

Тарагай, подняв руку, остановил Чамана, с удовлетворением заключил:

— Хорошо, старик, нам этих способов достаточно. Как я понял, нужны два котла и корзины? Ну, а соломы на заднем дворе достаточно. Дам в подмогу двух слуг, хватит для начала работы?

Садовник радостно закивал:

— Амир, видел я у вас свободный участок, постараюсь там посадить лучшие виноградные сорта.

Темур, провожая садовника, пожелал ему удачи, а сам устремился навстречу Сейфетдину, который спешил со свитком в руке. Друзья обнялись, расцеловались. Темур оглядел сверстника. На голове — небольшая чалма, намотанная не очень сложным способом, свободный конец ее с левой стороны ниспадал на плечо; чекмень из красного сукна, подпоясан расшитым кушаком; малиновые штаны заправлены в меховые сапоги «араби». На левом боку висела изящная сабля. Чернобровый красавец, весь его вид источал радушие и искреннюю радость.

— Ты выглядишь как амир большого государства, — пошутил Темур.

— А что, бек, ваше напутствие — это уже полдела. А если еще расположение к нам Всевышнего да наше усердие — и все возможно в этом мире, — серьезно ответил Сейфетдин.

Вдруг раздался крик Худайдада, бежавшего навстречу друзьям. Запыхавшийся юноша быстро поправил запутавшийся в полах халата большой меч и выпалил:

— Беда, досточтимый бек! Прискакал наш дозорный с самой дальней вышки, говорит, что в сторону Ходжаилгара движется большой отряд кашкаров. Сброд людей, вооруженных чем попало, грабят на своем пути селения, кишлаки, убивают жителей.

Когда страшную весть сообщили Тарагаю, тот вначале не поверил, но, выслушав самого разведчика, отдал приказ готовиться к выступлению. Темур с юношеской горячностью попросил отца выслушать его. Тарагай отмахнулся было от рассуждений сына, но, вспомнив первый бой, который дал Темур разбойникам, осекся — настолько блистательно выглядели в том сражении юные джигиты. А что надумал юный воин сейчас? Тарагай, для порядка нахмутив брови, заинтересованно спросил:

— Сынок, что же ты хочешь предпринять на этот раз? Темур, окрыленный, страстно заговорил:

— Отец, разбойники, достигнув селения, могут разбиться на группы, чтобы проникнуть в кишлак с самых разных сторон. И отпор нашего отряда может оказаться безуспешным. Но мы встретим врага не в кишлаке, а на подступах к нему. А сейчас, пока еще есть время, следует всех женщин и детей Ходжаилгара завести в нашу усадьбу — она укреплена, как настоящая крепость. Пусть с собой возьмут самое ценное, у нас люди будут в безопасности. Мужчины смогут помогать Хаккулу-ака и его воинам отражать атаки неприятеля. Напротив нашего дома стоит старая кузница. Там надо схорониться вам, отец, с основным отрядом, чтобы шакалы оказались между двумя огнями.

— А мне что делать? — невольно спросил Джаманкул.

— А вам, ака, вместе со слугами, вооружившись, надо разместиться на крышах домов, оттуда вашим джигитам будет сподручнее пускать стрелы в неприятеля. — Темур помолчал в задумчивости, затем радостно воскликнул от пришедшей ему счастливой мысли: — На высоких деревьях, на вышках схороняется самые меткие наши стрелки, они будут недосыгаемы для врагов и смогут вести прицельные выстрелы. — Затем, скосив взгляд на Сейфетдина, башбеги закончил: — А мы вместе с джигитами войдем в селение на плечах этих кашкаров.

Хаккул причмокнул губами от восхищения.

— Самая лучшая ловушка, какую можно придумать. — И добавил, потупив глаза: — Это моя выучка.

Джаманкул, улыбнувшись словам оруженосца, сказал Темуру:

— Стрелы есть, луков мало.

Стоящий неподалеку Чаман, услышав эти слова, тут же подбежал в желании помочь и скороговоркой выпалил:

— Я могу сделать самострелы.

Хаккул усмехнулся и, не сдержавшись, съязвил:

— О, оказывается, и винодел на что-то способен, а я думал, что его хватает только на проповеди о виноградной лозе.

Тарагай одобрил план Темура и тут же приказал слугам Абдулле и Мобашару заняться размещением жителей Ходжайлгара в усадьбе, а остальные поступали в распоряжение молодого бека. Вскоре начали прибывать и бежавшие с полей дехкане. «Саранча идет!» — кричали они в страхе, но, увидев спокойные лица нукеров и джигитов Темура, тут же разбирали приготовленное для них оружие и принимались готовиться к бою.

Как только разбойники вошли в село, Тарагай подал сигнал к атаке. И пошла кровавая сеча. С гиканьем ворвалась в кишлак темуровская конница, джигиты ожесточенно налево и направо рубили степных шакалов. И в ужасе метнулась разношерстная толпа к воротам дома, но встреченная градом стрел, отпрянула к кузнице, где разбойных людишек ждал отряд Тарагая. А еще лучники с крыш исправно и метко пускали стрелы. И сброд шакалий в страхе хлынул в разные стороны, ища спасения в бегстве. Но не многим удалось скрыться.

Пленных степных шакалов за хорошую цену продали в Самарканде на невольничьем рынке, а на вырученные деньги, по предложению Темура, окольцевали кишлак высокой глинобитной стеной с крепкими воротами, чтобы вооруженные пришельцы не застали врасплох спящих жителей. А на вышках деревьев, в фарсах от кишлака, дозорные стали исправно нести свою службу, зорко вглядываясь в далекие дали — не грозит ли опасность из степей мирным сельчанам.

С наступлением весны бурлит, играет кровь в жилах молодых джигитов. Весна — это пора состязаний, соперничества. Музыка, танцы, песни звучат в домах и на улицах. От ярких нарядов пестрит в глазах, как от весеннего солнца.

Девушки, женщины в ярких национальных платьях готовят самые вкусные блюда, украшают дастарханы, угощая гостей. Воздух наполнен неповторимым запахом

свежести — ранние тюльпаны, робкие подснежники, цветы горького миндаля, нежные фиалки создают этот редкостный аромат.

Семья Тарагая готовилась к празднику. Темур получил в подарок от отца дорогое боевое одеяние а также меховую шапку из шкурок черных курчавых барашков и кинжал из дамасской стали. Надевая новую одежду, Темур произнес: «Хвала Богу, давшему мне эту одежду, питающему меня». А сестры Темура, Кутлуг Турган-ага и Ширин Бек-ага получили шелковые одежды цвета тюльпанов. Во дворе, установив большой котел, женщины и девушки, с песнями и танцами, больше суток варили из проросших зерен пшеницы сумалак. На дно котла уложили ряд чисто промытых камушков, чтобы не подгорела сладость. Но детям объясняли, что камушки не простые, а заветные — кому попадутся, когда угощение будет разливаться в касы, у того будет удачливым весь год. И девушки и женщины верят, что если они не отойдут ни на шаг от большого котла при варке сумалака, то смогут смыть все дурные помыслы, все свои грехи, а самое главное, исполнятся все их задуманные желания.

Когда Темур подошел к женщинам, мимо него, пританцовывая, пронеслась новая рабыня Суфия, купленная Тарагаем на самаркандском рынке для госпожи. Смуглая, крепко сбитая, с призывными бедрами, она вдруг резко остановилась, поклонилась Темуру и, приложив левую руку к груди, нежно пропела: «Просим, просим, молодой хозяин, повеселиться с нами». Щелкая пальцами, она извивалась, как весенняя виноградная лоза. Темур лишь улыбнулся этому начинающемуся веселью и продолжил свой путь — оседлав коня, бек поскакал в зеленый город — Шахрисябз.

Город встретил Темура и его джигитов звуками карнаев, сурнаев, дробью барабанов, призывно зовущих на праздничные зрелища.

На шумных улицах можно было встретить и знатных вельмож, и шейхов, мулл и казиев, дервишей и каландаров, разного рода военачальников и нукеров, слуг, землепашцев, охотников и ремесленников. Темур, Аббас, Джагуй Барлас, Худайдад и Сулейман, оставив своих коней и караван-сарае, перво-наперво накупили сладостей. Нежданно-негаданно встретили Сейфетдина, тот был тоже со своими джигитами. Темур, обнявшись с другом, пригласил его повеселиться вместе. Тот радостно кивнул, и они отправились на центральную площадь, где звучала веселая музыка.

Возле майдана стояли молодухи и продавали различные лепешки: оби-нон — из кислого теста на дрожжах, лочи-

ра — большая тонкая пресная, чап-чап — тонкая лепешка из пресного теста, пиезли-нон — лепешка с луком, султон-нон — царская лепешка, ширин-нон — сладкая; здесь же рядом мужчины варили в больших котлах огромные куски мяса, готовили шурпу, плов. Лавки ломились от сладостей — здесь были и помадки, и конфеты из меда, миндаль в сахаре, множество сортов халвы: тахинная, подсолнечная, кунжутная, медовая с орехами. Дети крутились именно возле этих рядов.

На большой площади веселье было в разгаре: канатоходцы показывали свое искусство. Юноша с тонкими усиками, в белой рубашке, в синих шароварах, время от времени выбивал дробь на барабане, а затем тревожно смотрел вверх, где мальчишка с длинной палкой в руках перебегал по канату, натянутому между двумя стойками. Мальчик-виртуоз восхищал всех своим бесстрашием и ловкостью.

— Острое ощущение, — заметил Сейфетдин Темуру.

Тот в знак согласия поднял большой палец правой руки. После волнующего зрелища джигиты пошли смотреть индийских факиров со змеями, посмеялись над ученым медведем, изумлялись танцам на ходулях, до слез хохотали, слушая аскию — состязание острословов.

Немного устав, Темур и его сверстники уселись прямо на зеленой траве, уплетая горячую самсу и запивая ее родниковой водой. Они с интересом наблюдали за танцующими. Выступала самаркандская труппа; кроме комических актеров были среди них и музыканты, которые носили головные платки из черного шелка. На танцорах были яркие халаты, темно-красные рубашки, штаны из узорчатого шелка, сапоги из красной кожи и белые пояса. Танцовщицы выступали в темно-красных шелковых платьях и шароварах из голубого шелка. «Танец вращения» самаркандскими джигитами и девушками был исполнен в стремительном темпе — впечатление было такое, что это вольный ветер прилетел из диких степей. Затем на импровизированную арену выкатили большой шар, на него вспорхнула бабочкой «Дева черных очей» — Гули. Быстро-быстро перебирая маленькими изящными ножками, она запела в такт музыке:

Танцовщица, танцовщица!

Сердце вторит струнам, руки покорны звукам барабана!

Удары барабана — и обе руки взмывают вверх!

Словно вихрь, несется танцовщица!

Вертится, кружится, не зная усталости.

Тысяча кругов, десять тысяч вращений, и нет конца танцу.
В мире людей, среди зверей не с кем ее сравнить...

Легкий ее танец, безыскусное пение понравились молодым джигитам, и они одобрительно закричали. Соскочив с шара, танцовщица исчезла среди нарядных повозок.

У Сейфетдина горели глаза от восхищения.

— Бек! — воскликнул восторженно юноша. — Меня просто покорила Гули. Все зрители от нее в восторге, ее называют принцессой этого праздника.

Закончились поэтичные и утонченные танцы, настал черед энергичных. «Скачущий танец» исполняли мальчики из Ташкента, одетые в блузы иранского образца с облегающими рукавами и высокие остроконечные шапки, расшитые сверкающими бусами. Они были подпоясаны длинными кушаками, концы которых свободно развевались, когда танцоры припадали к земле, кружились и прыгали под стремительный аккомпанемент инструментов. Незаметно их сменили две юные девушки, возникшие из лепестков искусственных лотосов. На танцовщицах были газовые халаты, украшенные многоцветной вышивкой, серебряные пояса, парчовые туфельки. Танец под звуки барабанов был экзотический. Девушки строили глазки зрителям и, заканчивая выступление, приспускали рубашки, чтобы были видны их обнаженные плечи. Они исчезли так же внезапно, как и появились. С затаенным дыханием зрители следили за выступлением Гули, которая теперь танцевала на натянутом канате. В руках Гули держала китайский веер, ее газовое, словно воздушное, платье развевалось — создавалось впечатление, что танцовщица парит по воздуху.

Когда Гули села на канате, слегка размахивая веером, все зрители замерли, а воздушная перь, раскачиваясь, за-пела:

Застелена скамья для гостей,
Развернут коврик парчовый.
Тройными ударами барабан
Торопит снова и снова.
Вот кружится персика лист
При свете огней неверном:
Это явилась певица из Чача,
Колышет рубашкой лиловой.
Тянут подвески узорные вниз,
Пояс на стане — цветок.
Когда же закончилась песня ее—
Никто усидеть не смог.

Создавалась иллюзия прекрасного сна: вот парит белое облачко, из него того и гляди брызнет серебряный дождь. Когда закончилось это небесное видение, гром одобрительных возгласов встретил юную танцовщицу. А она, скромно опустив взор, обходила восторженную публику с медным подносом, и довольные зрители щедро бросали на него звонкие монеты. Юная пери приблизилась к джигитам, и бек с улыбкой бросил на поднос тугой кошелек.

— Я Темур, и ты восхитила нас, — воскликнул он искренне.

— Спасибо тебе, юный воин, за царский подарок, — ответила девушка и поклонилась.

Джигиты услужливо отошли в сторону, уводя с собой не в меру любопытных.

— За такое чудо, — Темур показал глазами на канат, — фея голубого неба, за мной золотые сережки, — и вопросительно добавил: — Откуда и куда держите путь?

Отвечая, девушка кокетливо склонила голову, голос у нее был нежен:

— Живу я с братом, начинающим факиром Масаудом Каха-джани, в Самарканде, в махалле Фарундизе. — С подноса упало несколько монет, бек быстро поднял медяки и, отдавая девушке, задержал ее руки в своих. Девушка не отняла свои нежные пальцы, а только слегка кивнула в знак благодарности за поднятые деньги. — Мы бродяжничаем вместе с ташкентской труппой, хоть выручка меньше, зато безопасней, сейчас много разбойников на дорогах. Были в Индии, после Шахрисябза отправимся в Багдад. — Танцовщица, наконец, высвободила свои нежные пальчики из огрубевших от тренировок, мускулистых рук бека и печально сказала: — Прощай, джигит, мне пора, а золотые серьги с рубином — за тобой, — и скрылась в гудящей толпе.

Подбежали взволнованные Сейфетдин и Джагуй Барлас и выпалили скороговоркой:

— Башбеги, там борьба начинается, быстрее, а то не успеем к началу поединка.

Успели вовремя. К схватке как раз готовились два борца, оба в простых домотканых рубахах, в штанах до колен и кожаных калошах.

Один из борцов — гора горой, черный, волосатый, — с каких берегов, из каких стран забросила его сюда судьба-злодейка, неизвестно, — стоял спокойно, выслушивая советы наставника, и только белки глаз вызывающе играли.

Темур со своей ватагой оказался рядом со вторым борцом, русичем. Он был стройный, гибкий; ему помогал

второй урус, пожилой и с роскошной рыжей бородой, с подбитым глазом; делая массаж рук своему соплеменнику, он хмуρο выговаривал:

— Ну, Ваня, хреновина выходит, — попался бычище необыкновенный, задаст он тебе...

— Степаныч, не распускай слюни, где наша не пропадала, — весело отвечал молодой боец и, встретившись взглядом с Темуром, подмигнул ему задорно, глаза его светились, как бы спрашивали: «Верно я говорю?»

И юный бек решил болеть за этого крепкого неунывающего молодца.

Рядом с борцами стоял носатый Наджар — хозяин рабов, он хотел что-то сказать палванам, но не успел — к нему стремительно подошел важный вельможа в дорогом одеянии и начал шептать что-то на уxo.

— Ты понял? — грозно прикрикнул важный чиновник и, резко повернувшись, ушел в сторону толпы.

— Эй, раб, — носатый Наджар начал в свою очередь нашептывать на уxo светловолосому, резко при этом жестикулируя.

Наставник русича, услышав последние слова хозяина, радостно поддакнул:

— Слышь, Вань, а он дело говорит. Поборись немного для зрителя, да и ложись на лопатки — деньги-то предлагают неплохие.

— Эх, Степаныч... — огорченно крякнул борец и пошел в круг.

Рабы отработывали свой хлеб. Боролись яростно. Начал накапывать дождь, и все смешалось в диком клубке — пот, грязь, кровь. Волосатому удалось свалить более молодого, и, ухватившись за голову и ногу соперника, он начал гнуть его в дугу.

— Русь, держись! — крикнул Темур, и джигиты начали вторить ему:

— Урус, держись!

— Русич, крепись! — уже многие кричали из толпы.

Ваня вывернулся, встал, но тут же захромал, а «Черная гора», как окрестили волосатого в толпе, схватив его за пояс, приподнял и с силой бросил на землю. Раздался хруст. Светловолосый стремительно откатился, чтобы черный борец не смял его. И вновь поднялся, готовый для боя. Носатый почти ступил на круг, на котором шла борьба, и, дождаввшись, когда русич окажется рядом, зашептал:

— Ванька, ляжешь — дам свободу тебе и Степашке...

— Ванечка, милый, да ложись ты, ну что тебе стоит! — бородатый русич уже не стеснялся зрителей. — Свобода ведь она дороже чести.

И Наджар громко, не таясь, вторил наставнику:

— Ну черт с тобой, и коней дам и провожу до границы. Ты мое слово знаешь. Ляжешь, Русь?

Ваня повернул разбитую голову и харкнул кровью.

— Да пошел ты! — и, на мгновенье выпрямившись, посмотрев на плачущее небо, выдохнул: — Эх, медовухи бы сейчас! — И увидев Темура, кивнул ему как старому знакомому.

Повернувшись, он пошел прямо на приближающегося борца-скалу. Дождь усилился. Как два быка, столкнулись они и упали на землю, и «Черная гора» всей тяжестью подмял гибкое тело юноши.

— Русь, держись! — кричали уже все зрители, болевшие за неукротимого уруса.

— Ваня, вставай, вставай! — закричал вдруг Степаныч.

Как выскользнул из-под «горы» Ваня, неизвестно, видимо, с божьей помощью. Ободряемый зрителями, он изловчился и обхватил необъятную талию силача, затем мгновенно рванул его вверх и в сторону — гигант не устоял и грохнулся на землю. Ваня из последних сил пытался устоять на ногах, и это ему удалось. Черный палван сделал усилие, чтобы подняться, но рухнул в чавкающую грязь — он был слишком массивным и неуклюжим, мощный удар о землю лишил его силы. Зрители завопили от восторга. А русич сделал несколько шагов и упал около своего собрата, изо рта его маленькой струйкой потекла кровь. Степаныч, не успевший подхватить друга, бережно положил светлую голову Вани на свои колени и тихо забормотал:

— Ванюша, милый, да шут с ними, с этими деньжатами. Свобода, конечно, была близка... Да я, старый пень, ничего не понял. Русь-то главнее, чем наша свобода.

Дождь кончился, джигиты устремились в чайхану. Там, на топчанах, в одном углу четверо воинов азартно играли в кости на деньги, в другом — двое купцов румийцев с окладистыми бородами сражались в шахматы. Заказали шашлык. Темур и его джигиты, промокшие и продрогшие, с удовольствием пили теплое вино, принесенное Хасаном, одним из спутников Сейфетдина. Разливая бодрящий напиток, Хасан принялся восхвалять правителя Несефа, который в честь Навруза устроил Саиль.

— Подожди, — прервал его Сейфетдин, — здесь, в Шах-рисябзе, разве было хуже? Такой борьбы я давно не видал.

— Странный этот русич, — вступил в разговор Сулейман, — отказался от денег, от свободы. Сдался бы, и все бы исполнилось.

Темур, срывая с шампура нежное поджаренное мясо молодого барашка, остановил обоих.

— Эх, друзья мои, все не так просто, как вы думаете. Помните того знатного вельможу, что подошел к хозяину рабов, так это — Абука-Каучин, представитель Моголистана, рода Чингизидов. Он был уверен в победе, но на всякий случай, чтобы подстраховаться, приказал носатому Наджару сделать так, чтобы русич пал. А смысл такой — черная сила Орды всегда и для всех будет грозой, и все будет сметать на своем пути. Но нет, этот Иван оказался не так глуп, он все разгадал и не посчитался с долгожданной свободой! Отдал, может, и жизнь свою, чтобы не посрамить родную землю, и этим доказал непокорность Руси. Отчизна никогда не узнает об этой схватке, вроде бы обычная борьба, а толпа видела этот несгибаемый дух русича. Значит, сильна Русь вот такими богатырями. Ивана теперь хозяин все равно не оставит живым. Ладно, друзья мои, стало темнеть, видно, пора нам в путь.

Когда вышли на дорогу, на улицах повсюду горели костры из хвороста, через которые прыгали подростки — считалось это очищение огнем от всего нечистого. Дети в масках, в колпаках устраивали хороводы, распевали песни и бегали с зажженными лучинами.

Сейфетдин подошел прощаться к Темуру.

— Башбеги, в дни Навруза можно было и помириться с шайкой Галиба, они что-то готовят против тебя, не нравится мне все это.

Темур, обнимая друга, ответил:

— С кем угодно готов мириться, только не с ним. А тебя, Сейфетдин, прошу — подбирай хороших джигитов, чем больше, тем лучше, и пусть учатся владеть саблей и луком.

— Хорошо, башбеги, все будет сделано, как скажешь, — и молодые друзья, поклявшись в верности, расстались.

По дороге домой Темур все думал о храбром русиче. Что же случилось с этим богатырем? Он помнил задорный и в то же время добрый, открытый взгляд Вани, его улыбку. Человек с такой улыбкой, решил бек, не может быть плохим. Но почему, удивлялся Темур, русич улыбнулся именно ему? Неожиданно для своих спутников бек резко повернул коня обратно. Джигиты недоуменно переглянулись, помешкали секунду-другую, а затем покорно поскакали за своим предводителем.

Уплыли, растаяли набежавшие весенние тучи, и луна ровно и сильно освещала степь. В оврагах и лощинах еще плескалась талая вода. Пробудившиеся от зимней спячки почки выстреливали зелеными листочками, которые тихо и радостно шелестели на легком ветру. Над землей плыл запах цветенья. Он пьянил, наполнял жизненной силой юную кровь. Весна вселяла неясные надежды, эти надежды и указывали путь Темуру.

А в это время по вязкой после дождя дороге ехала, натужно скрипя, повозка. Уставшие лошади с трудом тянули разбитую телегу. На свалывшейся соломе лежал в кандалах Иван-борец и, отрешенно глядя на круглую, словно беременную, луну, размышлял: «Слава Богу, что жив, что не пошел супротив совести своей, а то бы всю жизнь терзали сомнения, грызла бы мысль о грехе предательства. А так душа спокойна — и слава Господу! А кроме того, чувствую, что где-то рядом движется и колышется спасение. Должно же свершиться чудо после стольких лет мытарств и лишений. Идет, идет невесть откуда надежда на долгожданную свободу. А там, на свободе-то, недолго и сестренку Оленьку найти...»

Когда телега тряслась, победитель вытягивал мощную шею и, с осторожностью придерживая покалеченными пальцами болезненно вздымающуюся грудь, силач надрывно кашлял, выплевывая при этом сгустки крови. Ноги его были заколочены в деревянные колодки. Степан угрюмо хмурил рыжеватые брови и, с ненавистью поглядывая на свирепых стражников, все обращался к своему ученику:

— Конец нам, Иванушка, окочуримся мы на чужбинушке, и никому нет дела до того, куда несет нас судьбинушка.

— Не каркай, и без тебя тошно, — зашамкал разбитым ртом борец.

— Ну что, Русь, хорошо ли вам? — заготовал один из стражников.

— А пошел ты, пес поганый! — заскрипел зубами рыжебородый.

— Ах ты дохлая крыса! — рассвирепел стражник и несколько раз прошелся по спине Степана увесистой камчой. — Сгинете на соляных копиях, это уж точно, я вам обещаю. Тамошний надсмотрщик родственничком мне приходится, шепну ему пару нужных советов.

Вдруг щербатый услышал знакомый смертельный свист стрелы и стремительно припал к шелковистой шее коня. И вовремя успел, так как трое его горе-воинов уже, хрипя

и корчась, падали с лошадей. Стражник стеганул скакуна и умчался в ночную даль. Но миновав рощу, он свернул к оврагу, оставив лошадь там, крадучись и прячась за кусты, возвратился обратно. Иван со своим дядькой не ожидали такого поворота судьбы. Перед ними гарцевал на прекрасном скакуне юный отрок. Его друзья, держа наготове оружие, выжидательно смотрели по сторонам. Присмотревшись, борец вспомнил юного бека. Это он болел и поддерживал его во время схватки с «Черной горой». Один из бесстрашных джигитов ловко соскочил с коня, снял с пояса мертвого стражника ключи и, умело отомкнув кандалы рабов, отбросил их в сторону.

— Пойдите, пойдите, — прохрипел Степан, сгребая железки в охапку и бросая в телегу. — Из них сделаем самые лучшие ножи. Кузнецы же мы, — горделиво добавил он.

Темур с интересом посмотрел на обоих русичей и неожиданно улыбнулся. И в ответ при свете полногрудой луны башбеги поймал благодарные улыбки славян. Юный бек взглянул на Джагуя Барласа, тот тут же подъехал к Темуру, и бек с сочувствием в голосе произнес:

— Увези этих русичей в горы, к своим родственникам. Найди самых лучших табибов и вылечи борца. Продай лошадей убитых стражников, а на вырученные деньги построй им кузницу. Как придут в себя, пусть поработают молотом — оружие ох как нужно будет.

Джагуя Барлас в знак согласия кивнул и негромко сказал:

— Темур, все будет исполнено, как сказано.

Башбеги недовольно поморщился.

— Прошу, не произноси имен. И трава шелестит ушами.

— Да, да, вы правы, бек, — прошептал Джагуя Барлас и ринулся исполнять приказ.

Телега с русичами покатила дальше. Борец и Степан долго еще махали вслед быстро усакавшим юношам. Иван, вобрав в себя побольше воздуха, вздохнул свободно и раскрепощенно, и понял, что выживет всем чертям назло.

Щербатый стражник, провалившийся в овраг с холодной водой, с трудом выкарабкался оттуда, выругался негромко и пополз, подминая осоку, туда, где настигли их чьи-то стрелы. И вдруг степь принесла имя — «Темур». Стражник выжидательно замер, но больше ничего не услышал, кроме посвиста утреннего ветра. «Значит, Темур!» — запомнил щербатый.

В цветущем Кешском вилайате было шестнадцать рустаков — областей. В составе Кеша большое значение имела область Хузар, где находились укрепленные города Субах, Наукад-Курейш, Искифагн, которые при любом призыве правителя Кеша незамедлительно должны были поставить фураж, доспехи, оружие, воинов.

Разнообразные ремесла были развиты в Кеше. Среди них — гончарное производство, обжиг кирпича, стеклоделие, металлообработка, ткачество, шелководство. Из Шахрисябза вывозили сладкие гранаты, сочный урюк, наливные яблоки, янтарные персики, тающие, как мед во рту, дыни, разные сорта орехов; громадные арбузы, зерно, пшеницу, ячмень, просо, бобовые культуры, хлопок, а также железную руду. Предметом вывоза была и ртуть, которая использовалась для добычи золота на рудниках Нуратинского хребта. В Кешском вилайате добывали гипс, алебастр. Высоко ценился и соляной рудник Шахрисябза, и вывоз соли в Хорасан и за его пределы осуществлялся постоянно.

После просмотра товаров, вывозимых в Мавераннахр, главный вельможа Шахрисябза Хаджи Хасан Див, уставший за целый день, отправился домой.

Визирь города Кеша Хаджи Хасан Див, с холеным белым лицом, глубоко посаженными глазами и аккуратно подстриженной бородкой, окрашенной хной, был любителем красивых женщин. В бежевом халате, расшитом золотым шитьем, полулежал он на атласной курпаче и рассеянно слушал мухтасиба Кеша Авазмурата — узколищего, с реденькой бородкой. Халат на мухтасибе был распахнут, дорогой пояс из златотканой материи валялся рядом с дастарханом. Авазмурат то и дело кивком головы благодарил хозяина дома, подкладывающего ему лучшие куски мяса, и с увлечением рассказывал о событиях дня.

— Подрались соседи. Продавец хны Кушмат заколот кинжалом продавца птиц Бонсхона. Я убийцу посадил в зиндан, — и мухтасиб выжидательно посмотрел на дастура, даже есть перестал. Но, не дождавшись ответа, продолжил свой отчет: — Мастер-строитель Гилкор-Пулат вместе со столяром устроили пьяный дебош, разбили лавку пекаря Рахима-али, нанесли ему большой ущерб.

Хозяин, наливая в пиалу душистого китайского чая, вдруг резко перебил рассказчика:

— Ты их припугни как следует — по шариату пить вино запрещено. Взывай к их совести, ведь люди теперь сидят без хлеба. А еще лучше пусть в тюрьме поучат их сами узники — ну, вспомнят, скажем, старые обиды. Когда у этих двоих от

страха язык отнимется, пошли их ко мне. Мне надо построить новую баню.

— Хорошо,— обрадовался Авазмурад, довольный тем, что угодил хозяину.— У Айши появилась новая невольница, пышнотелая, грудастая,— сверкнул глазами подчиненный.

Визирь вяло покачал головой. Тогда мухтасиб, вытерев руки салфеткой, вытащил протоколы жалоб и дал их на просмотр визирю, а сам забормотал:

— Кто выбросил арбузные корки на улицу, кто порезал скот перед лавкой, испачкав улицу кровью. Есть жалоба об испорченных мусорных колодцах, служащих одновременно отхожими местами.

Дастур побагровел, глаза налились кровью.

— Побойся Бога, я вытащил тебя из грязи, вложил в тебя столько денег, сделав одним из влиятельных людей города. Кази может сажать в тюрьму лишь после разбирательства, а у тебя такие полномочия, что можешь сажать любого. Но баранов моих, угнанных с загородной усадьбы, до сих пор не нашел. Чего же талдычишь про отхожие места? Вот посажу самого в один из этих глубоких вонючих колодцев, так быстро найдешь и баранов, и того, кто их угнал.

Мухтасиб тяжело вздохнул и опустил голову. Наступила тягостная тишина. Заглянул слуга, чтобы убрать дастархан.

— Пошел вон! — заорал хозяин дома.

Еще ниже склонилась голова Авазмурادا, так, что упала меховая шапка, обнажив маленькую беззащитную лысину.

Бросив невольный взгляд на склоненный затылок, визирь, остывая, бросил:

— Что там еще у тебя?

Встрепенувшись и сразу повеселев от того, что миновала гроза, мухтасиб, выпрямляясь, сказал:

— Вообще-то вроде и все дела,— Но вдруг он вспомнил важное: — Да, убили кешского пленника Али Баходира под Несефом.

— Что?! — закричал вельможа.— И ты до сих пор молчишь? С этого надо было начинать, сын барана! Рассказывай подробно.

И мухтасиб — одно из главных лиц в администрации города — пространно поведал о происшествии. Сосредоточенно и внимательно выслушав своего подчиненного, дастур поднялся и стал нетерпеливо прохаживаться по комнате.

— Завтра же приведешь этого стражника из охраны.— Голос Хаджи Хасан Дива креп с каждым словом и звенел

сталью.— За бухарца просил Шемсетдин Кулял. Этот святейший просто так просить не будет, притом в присутствии хазрета Убайдулло, своего смертельного врага; значит, узник слишком много знал. Этого Али Баходира не убили, а спасли, значит, появилась сильная группировка противников. На кого может опереться имам? На Тарагаю? — хозяин дома усмехнулся.— Недаром амир крутился весь день во дворце. А кто составил план спасения и исполнил? — Прищурился глаза и слегка склонив голову в сторону, глухо сказал: — Тарагай прямолинеен, на ловушки, уловки не способен; для святейшего этот замысел слишком дерзок. Хаккул? Нет, этот рубака, он прост. А может, вся троица и решила разрубить узел? Навряд ли,— усомнился в своих догадках вельможа.— Кто же тогда? Темур, сын Тарагай? — недоверчиво спросил сам себя визирь.

Услышав слово «Темур», Авазмурад виновато улыбнулся и мягко сказал:

— Нет, хозяин, этот сопляк еще бегает с деревянными мечами и ватагой ребятишек, а узника действительно убили.

Не слушая его, Хаджи Хасан Див вперил взгляд в роскошный потолок, минуту стоял так и вдруг неожиданно вскрикнул:

— Темур, это он! Змееныш умен не по годам, ловок, бесстрашен, поругался с моим сыном Галибом, вот тебе и месть. И баранов выкрал тоже он,— опешил от своей неожиданной догадки хозяин дома. Или всплыла старая история с купцом Гасаном? И вспыхнуло в воспаленном мозгу визиря мрачное воспоминание.

Воспламенев любовью к Шахнозе, ревнивец, ослепленный ненавистью к ее супругу, напал со своими нукерами на торговый дом Гасана. Угнал стада овец и ограбил при этом только что пришедший с Бадахшанских алмазных копей караван. Позже главный вельможа узнал, что бараны эти были тарагаевскими, за них-то и не было еще уплачено купцом. Чтобы не поднимать большого шума, визирь тогда кинулся на поклон к могущественному Убайдулло, прихватив с собой в подарок рубиновые камешки. И все без утайки рассказал — про свою несчастную любовь, про назревающее противостояние с амиром Тарагаем. Хазрет милостиво улыбнулся, ослепленный блеском драгоценных камешков. Он же и помог — руками своих дервишей — продать в рабство и далеко упрятать в заморских странах несчастного купца. Ползучие слухи, что Гасан жив и что украденные стада припрятаны у Хаджи Хасан Дива, стихли

после того, как были четвертованы разбойники, признавшие-ся в убийстве Гасана-купца. Но, может, просочилась все-таки правда в тарагаевский дом и Темур узнал об этом? Последние слова визирь воскликнул вслух.

— Да нет,— искренне ответил Авазмурад на возглас Хаджи Хасан Дива.— У Темура в голове детские шалости, для таких дел нужен зрелый ум мужчины.

— О нет! До меня доходили предсказания звездочетов. Да и слава об его организаторских способностях летит из селения в селение. Из маленького птенца вырос орленок, и надо его уничтожить, пока он не превратился в могучего орла.— Подойдя к окну, вельможа с тревогой сказал: — Теперь жди гонцов от правителя Несефа и хазрета Убайдулло. Ладно, завтра я жду тебя вместе с этим горе-воином, а сейчас ко мне должна прийти вдова Шахноза,— и визирь задумчиво поправил свои роскошные усы. Влиятельный человек Кеша, от которого многое зависело в городе, произнеся имя вдовы, просветлел лицом и как-то странно смутился.— Я благодарен тебе, мухтасиб, что нашел эту золотоволосую пери, она моя отрада.

Авазмурад изобразил на лице подобострастное внимание, и, видя это, визирь не смог сдержать чувств:

— Все мои мечты, надежды в единственном сыне Галибе, но я не чувствую в нем сыновних чувств. Когда я болел, если он и приходил, то с таким видом, будто делал одолжение. Ни разу не услышал от сына теплого слова, не говоря уж о доверительных беседах. А его высокомерие...— в словах визиря слышалась горечь обиды. Хаджи Хасан Див помолчал и уже равнодушно сказал сочувственно кивающему Авазмураду: — Ладно, мухтасиб, до завтра.

Не успел Авазмурад с поклонами удалиться, как в ворота громко постучали:

— Именем правителя Несефа откройте!

— Срочно вызови кади, райса и кутвала, вместе прибудьте к Хадже Барласу и ждите там,— тихо промолвил визирь.

Отослав мухтасиба, вельможа на мгновение задумался: кого же они послали? Видимо, решили искать по всем направлениям, теперь нет покоя и Хадже Барласу. Что за птица этот бухарец и какой резон поднимать такой шум? В любом случае нужно быть осторожным.

Прибыл амир Вахид со своими головорезами, большой двор дастура сразу же наполнился людским гомоном, стуком копыт. С Вахидом вельможа учился в мактабе, одно время они дружили, после окончания школы часто встречались.

выпивали, было время — делили одну наложницу на двоих. Теперь изредка встречались на приемах у правителя в Несефе. В последние годы амир Вахид возглавил карательный аппарат — «шихны», обладающий неограниченной властью и вмешивающийся во все дела, представляющие опасность для правителя. Амир Вахид устанавливал надзор за теми, кто мог настраивать население против ханской власти.

Старые друзья обнялись. Визирь осмотрел своего друга, одет амир был в халат из златотканной дорогой материи, на голове величественно держался кавук — высокий головной убор, вокруг которого была обязана белая чалма, оранжевые штаны заправлены в высокие голенища черных кожаных сапог.

— А ты — щеголь, тебе бы гаремы своих противников обслуживать, а не заниматься вынюхиванием... — сладко улыбаясь, сказал дастур Кеша.

— Ты прав, уважаемый визирь, — ответил начальник «шихны», — настолько прав, что когда буду удаляться, приготовь мне медноволосую красавицу твоего вкуса, а моему хозяину — молоденького слугу, того, что открывал ворота, у него кукольное лицо.

У визиря сжалось сердце — неужели прознали про его наложницу? Дикая ревность охватила Хасан Дива, представившего Шахнозу в объятиях амира. «Нет, — сам себя успокаивал хозяин дома, — просто игра слов».

— Я спешу, — прервал размышления визиря амир Вахид, — не стоит накрывать дастархан. — Выпив касу шербета, несэфский посланник рассказал о цели приезда. — Поймали случайно дервиша Али Баходира, он — член ордена Накшбенди, имеющего огромное влияние на правителей Бухары. Из него хотели сделать осведомителя, а наш хазрет Убайдулло изъявил желание выудить кое-какие тайны, но рыбка уплыла. — Амир потер пальцем переносицу. — Вообще-то пока под сомнением: убили его или выкрали. Нету его, и Бог бы с ним, но за него просил ваш светлейший Шемсетдин Кулял, и это взбесило нашего пира Убайдулло. Вот указ о следствии, — и амир Вахид, вытащив из левого рукава халата бумагу, развернул ее перед визирем.

Внимательно просмотрев содержание указа, Хаджи Хасан Див удивленно спросил:

— Этот указ должен быть скреплен благороднейшей, высочайшей подписью правителя, но...

Его быстро перебил начальник сыскного отдела:

— Знаешь, приятель, хоть у тебя и острый взгляд, все правильно, это подпись Убайдулло, но все согласовано

с правителем, все делалось быстро, чтобы не терять драгоценного времени. Итак, каковы твои соображения? Как ты решишь, в таком виде я и подам в высокий диван, а оттуда нашему правителю, обладателю мудрости и разума...

После недолгого колебания дастур сказал:

— Пусть это дело идет как грабеж, а смерть узника — от досады грабителей, что нечего было взять с дервиша. А то много крови попортим друг другу. А расследование, тайное, проведу сам, и если подтвердятся мои подозрения, если выяснится, что это лишь уловка, чтобы освободить Али Баходира, то, с помощью твоих людей, я утоплю в хаузе умника-организатора. На этом закончим, — и, обняв амира, визирь тепло сказал: — Свою орду оставь здесь, пусть отдохнут, хорошо поедят. С тобой поскачут мои провожатые, Хаджа Барлас уже ждет тебя со своими подданными, а я дам кое-какие распоряжения и тоже прибуду.

Удивившись столь быстрому и твердому решению визиря, амир Вахид только развел руками и быстро вышел из комнаты.

Темур со своими нукерами отправился в Кеш на базар. Сколько бы ни ездил он этой дорогой, не переставал восхищаться открывающимися картинами. Бескрайний простор с терпко-ароматным воздухом, а вдали благородные, седые вершины гор. Там, высоко, в белых кладовых черпал Всевышний неистощимые запасы воды, чтобы увлажнять земли Кашкадарья и Мавераннахра, превращая их в цветущий сад. Оттуда, с изломанных хребтов берут начало удивительные реки: Джейхун, Сейхун, Заравшан, Кашкадарья, и мощными потоками несут свои воды к далекому Хорезмскому морю или теряются в жгучих песках. Изумрудная зелень лежит на бескрайних просторах, радужно ласкают глаз ковры клевера, цветут и благоухают травы. Это весной. А осенью раскрываются белоснежные комочки хлопчатника, поспевают пшеница, медовые дыни зреют на бахчах. Рядами вдоль дорог стоят стройные тополя, пышные карагачи, низко кланяющиеся плакучие ивы. А когда начинаются сады, дух захватывает от божественных запахов — ласкают взор нежные персики, бархатные груши, наливные яблоки, кровавые гранаты. Но вот начинаются дувалы, оберегая семейную жизнь от любопытного взгляда. Спешат по узким улочкам закутанные с головы до ног божественные женщины, снуют по площади всадники, пеший люд спешит по своим делам — здесь и вельможи, и ремесленники, и дехкане. Неожиданно

останавливается поперек дороги осел, не давая прохода никому, и только отчаянные удары плеткой заставляют вьючное животное идти дальше. Семенит стадо козлов и баранов — их гонят на продажу. Над пестротой базаров — в золоте минареты. Базар в Кеше славится своим неповторимым обликом, своими разнообразными товарами — здесь суть и дух Востока.

Темур, сделав на базаре нужные покупки — взяв с десяток мешков муки, риса, купив коней, а также оружие, — принялся выбирать подарки домашним. Долго искал и, наконец, взял отцу пышную табаристанскую чалму за десять динаров, матери купил отрез знаменитой мервской ткани «мулхан», сестрам присмотрел серебряные серьги. Погрузив всю поклажу в крытые повозки, молодой бек отправился домой.

Неожиданно при выезде с базара, у главных ворот, обоз молодого бека был задержан бородатым и нагловатым стражником. Осмотрев тщательно телеги и не найдя ничего подозрительного, лашкары извинились, а начальник стражи, молодой, изящно одетый джигит, объяснил:

— Бек, прошу великодушно извинить нас, мы ищем опасных преступников — айяров: одного самаркандского, второго кешского — двух главарей. Ах, какая будет досада, если мы их упустим, — нахмурившись, добавил юный фронт. — Их опознал наш осведомитель — такой случай отличиться. Если встретите их по дороге, задержите. За поимку этих ночных воров награда большая.

Темур молча кивнул и махнул рукой, разрешая своим нукерам двигаться дальше. Только вышел обоз на улицу, как вдали замаячил еще один конный отряд. Стражники. Молодой бек, рассеянно бросив взор по сторонам, вдруг наткнулся на отчаянный взгляд юноши, который, вместе со своим старшим собратом, стоял под козырьком калитки большого дома. Айяры держали перед собой большие ножи, они решили драться до последнего вздоха. Юный амир, не сводя глаз с ночных разбойников, одними губами прошептал Джагуй Барласу:

— Отвлеки стражников.

Джигит резко повернул коня и поскакал обратно к шумному базару. Ехавшие навстречу сарбазы, решив, что кто-то удирает, с веселым гиканьем бросились в погоню. Темур, поравняв коня с парнями, тихо обронил:

— Садитесь в повозки, да побыстрее.

Айяры мгновенно бросились к повозкам. Когда страсти улеглись и обоз остановился в квартале игольчиков,

Худайдад по знаку Темура приоткрыл занавес крытой телеги и крикнул: «Выходите». Юноши спрыгнули на землю. Того, что постарше, звали Абу Саидом, совсем юного — Зухейром.

Подскакал Джагуй Барлас, резко остановив коня перед телегами, весело крикнул:

— Погнались за мной, приняв меня за ночного разбойника, и чуть не зарубили.

Абу Саид, вложив нож в ножны, которые висели у него на поясе, обратился к Темуру:

— Я самаркандский айяр. Здесь мы были по делу, но на нас донесли. Спасибо, досточтимый бек, что выручил. Мы с напарником джаванмардом в неоплатном долгу перед тобой, ты спас наши жизни. Джаванмарди,— продолжал Абу Саид,— держится на трех принципах: первый — что говоришь, то и делаешь. Ты — наш друг, мы так сказали, так и будет. Второй принцип — не поступай против правды. Ты, амир, сам — правда, что скажешь или прикажешь, будет для нас настоящей правдой. Третье условие устава джаванмарди — будь терпелив. Мы были терпеливы и дождались подарка судьбы в твоём лице.

Темур слегка улыбнулся:

— Полно вам, джигиты, изливаться в любезностях, мы выполнили долг мусульманина.

Абу Саид, однако, с болезненным упорством продолжал:

— Я глава джаванмарди, у нас нет программы, но наш кодекс, кодекс ночных благородных воров,— не допускать убийства спящих врагов, никогда не предавать смерти женщин. И если у тебя будет желание видеть нас, у старой мечети всегда сидит одноногий Вали,— дай только знак...

Темур, терпеливо выслушав айяров, крикнул Сулейману, чтобы принесли два халата.

— В вашей одежде вам далеко не уйти,— пояснил он.

Айяры, надев чапаны и еще раз поблагодарив, растворились в темноте. После ухода ночных грабителей начали собираться в дорогу и джигиты башбеги.

— Мнят из себя благородных, а сами — бродяги и воры,— выпалил Джагуй Барлас.

— Не скажи, Джагуй,— прервал его Джако.— Они мужественны, терпеливы, во всяком деле держат слово. Грабят только богатых, идут на выручку друзьям, даже в тюрьме.

Вмешался Сейфетдин:

— Айяры непременно участники всяких бесчинств в городах во время восстаний или безвластия. В Сирии,— уже обращаясь непосредственно к Темуру, продолжал

Сейфетдин, — большую роль играли отряды молодежи — вот это были настоящие айяры.

— Откуда ты все это знаешь? — недоверчиво спросил Джагуй Барлас.

— А к нам один купец приезжал из Багдада, его самого ограбили айяры, вот он все и рассказал про ночных грабителей. Кстати, в Багдаде в джаванмарди в основном вступают городские жители: мелкие ремесленники, болтающаяся молодежь. Они объединяются в братства и вначале требуют себе место в обществе, а потом уж занимаются ночными кражами.

Возвратился Сулейман, которого отправляли к арыку за водой. Через несколько минут он крикнул:

— Последнего коня пою.

Бек, слегка приподняв руку в знак того, что слышал, задумчиво произнес:

— Такие храбрецы есть и в Себзеваре, и в Хорасане, и в Тусе. Что далеко ходить, есть они в Бухаре, и в Самарканде есть братство айяров, и при любых беспорядках, волнениях правители всегда помнят об этой могучей силе. Многие айяры, те, кто вовремя удалился с большими деньгами «на покой», стали влиятельными вельможами. Но... разговоры разговорами, а дело нельзя забывать. — Темур подошел к своему коню, ласково похлопав по крупу, негромко крикнул: — Подойдите, джигиты, поближе. Джагуй, Джако, вы с продовольствием отправляйтесь домой и предупредите родителей, что я остаюсь в городе по делам. Сейфетдин с Сулейманом, вы отправляйтесь в горы, припрячьте оружие. Худайдад, ты найди наш отряд и проверь, все ли сделано из того, что я приказал.

Послышался скрежет телег и топот коней разъезжающихся джигитов. Темур вместе со своим телохранителем Аббасхоном и двумя молодыми слугами держал путь в дом Наджара, чтобы отдать долг отца Тарагая. Вечером остановились в харчевне поесть, а заодно и выпили ячменной водки. Темур не захотел оставаться ночевать ни на постоялом дворе, ни у родственников. Дважды ему показалось, что за ними следят двое дюжих молодцев. Но, может, это так — померещилось спяну?

Ночь была темной, холодный ветер быстро освежил всадников. Достигнув квартала купцов, Темур резко остановил коня. Впереди мелькнули тени, и отряд вооруженных всадников выехал на майдан. Всадники начали со знанием дела закрывать все пути для прорыва или отступления. В мгновение ока Темур, его телохранитель

и слуги были окружены. Ловушка захлопнулась. «Как глупо попался», — скрипнул зубами Темур. А всадники, обнажив мечи и сабли, молча приближались, и в этой зловещей массе людей чувствовалась смерть. Наемные убийцы, словно шупальцы огромного чудища, тянулись по всем улицам и закоулкам, ведущим к площади. Выставив длинные копыя, лашкары приготовились убивать. Вперед выступил, гарцуя на караковом скакуне, громадный, заросший черной щетиной, воин-предводитель. Смачно сплюнув, привстав на стременах и звеня доспехами, он издевательски крикнул:

— Эй, цыпленок, твоя смерть пришла, прими ее достойно.

Сарбаз, с оторванным ухом и осоловевшими глазами, вторя хозяину, радостно зашипел:

— Резать их надо, резать! — И, закатив глаза от предстоящего удовольствия, крикнул: — Эй, пойте похоронную молитву. — И завыл по-волчьи, дергая головой из стороны в сторону.

Темур окончательно протрезвел, лицо его оставалось спокойным, но глаза горели праведной ненавистью. Повернувшись к своим слугам, он сказал:

— Если вы будете убиты в бою, спасибо за верность. — Тяжело вздохнув, Темур приказал: — Будем пробиваться через левый переулок от главной улицы, прикрывайте мне спину. — И молодой бек, выхватив саблю из ножен, бросился вперед, на отчаянную сечу. Но силы были слишком неравны.

Двух слуг тут же изрубили саблями, искромсав тела на куски, яростно защищался Аббасхон, но и он, ужаленный стрелой, свалился с коня. Были потери и среди нападавших — с десятков воинов сумели уложить Темур и Аббасхон.

Предводитель пьяным голосом вопил:

— Живым взять змееныша!

И арканы захлестнули шею молодого бека. Сарбазы, скинув пленника с коня, затолкали его в большой мешок.

— В хауз его! — начальник карательного отряда первым начал пинать тяжелый куль ногами.

— Получай, тарагаевский выкормыш! — ему принялся усердно помогать воин с оторванным ухом. — Дай мне его, Матназар, я его зарежу.

— Нет, дорогой Абу Касым, я получил приказ утопить змееныша, — со зловещей улыбкой ответил Матназар.

— Тогда хоть отведем душу, — и озлобленные гибелью своих товарищей, они стали лупить дровками копий по безжизненному мешку.

Насытив свои изуверские души, наемные убицы подхватили с двух сторон мешок и, раскачав, бросили в хауз.

Матназар, сверкнув глазами, с сарказмом спросил:

— Ну, Абу Касым, не считаешь ли ты, что наши действия совпали с желанием визиря города Кеша Хаджи Хасан Дива. У нас общий враг, и дастур первым дернул ниточку мщения. Мы поддержали и теперь получим высочайшее благословение на уничтожение тарагаевского рода. Эй, амир Тарагай, много у тебя сильных врагов! — И главарь, запрокинув мощную голову, захохотал. Вдруг Матназар смолк и закрыл глаза, покачиваясь в седле, хрипло произнес: — Вот ради таких счастливых мгновений стоит жить. — И, наклонившись к своему соратнику, угрожающе продолжал: — Мой удар — это не украденные бараны Хаджи Хасан Дива и даже не освобождение дервиша Али, мое мщение за тарагаевский удар саблей — страшная смерть его единственного наследника.

Абу Касым помнил то позорное побоище, где и он недосчитался зубов, но предводитель! Предводитель получил удар сзади, словно бы при бегстве, и не куда-нибудь, а по мягкому месту, что ниже спины.

— Берегись, Тарагай, и до тебя доберусь, — остервенело прохрипел Матназар.

Отряд, окруживший хауз, напряженно ждал команды предводителя, чтобы забросать водоем копьями. Но вдруг раздался другой приказ и сильный, уверенный голос потребовал:

— Именем визиря города Кеша пропустить!

Показалась закрытая, расшитая шелком повозка, ее сопровождали богато одетые всадники..

Сарбазы оцепенели от неожиданности: как смогла незаметно подъехать к опытным лашкарам арба? Кажется, они увлеклись и забыли об осторожности. Головорезы оцетинились копьями и приготовились к схватке. Впереди арбы на гнедом коне ехал мощный воин в доспехах, он властно поднял руку и грубо крикнул:

— Выполнять приказ Хаджи Хасан Дива! Именем визиря города Кеша отпустить пленника!

На лице Матназара появилось ядовитое выражение.

— А вот и хозяин пира, — шепнул он своим приспешникам. — Без лишнего шума исчезнем! — И он негромко свистнул — летучий отряд мгновенно растворился в ночи.

Но Матназар, этот матерый бандит, ошибся, это был не визирь Кеша, это была госпожа Шахноза, вдова убитого в дальних странствиях купца Гасана.

Молодая женщина возвращалась с ночного свидания с визирем. Услышав в стороне шум, Шахноза-ханум высунула голову из-за шелковой занавески и спросила:

— Что там происходит, Останкул?

Испытанный воин, зорко всматриваясь в сторону хауза, ответил:

— Какие-то неизвестные воины бросили в хауз...— немного помедлив, он договорил,— по-моему, тело убитого.— И, выпрямившись в седле, оглядев поле боя, озабоченно произнес: — Хозяйка, не стоит здесь задерживаться... Опасно.

Но госпожа тихо промолвила:

— Останкул, видимо, сабля ваша заржавела! — и сверкнула надменной улыбкой.

Имевший немало боевых шрамов воин смутился:

— Госпожа, ваш язык острее любой сабли. Но не за себя опасаюсь, за вас. Ведь я поклялся моему хозяину Гасану беречь вас до последнего своего вздоха.

— Полно, полно, Останкул,— прошептала молодая женщина,— не к добру вы покойного Гасана вспомнили. А что, если и сейчас невинного убивают?!

Старый воин, приложив руку к груди, поклонился своей хозяйке.

— Да не даст Всевышний свершиться нечестивым замыслам.— И он смело повел свой «обоз» к хаузу. Его мощный крик «Именем визиря...» ввел убийц в заблуждение и решил все дело.

Нукеры Шахнозы-ханум вытащили мешок и извлекли из него бездыханное тело.

Госпожа и Останкул молча переглянулись. Старый вояка, нагнувшись, приложил ухо к груди Темура и радостно прогудел:

— Жив джигит.

Шахноза, прислонившись к арбе, тихо сказала:

— Видно, Аллаху угодно было послать нам это благое дело. Останкул, пошлите кого-нибудь за табибом.— В голосе хозяйки послышалась решимость: — И надеюсь, ваши воины могут держать язык за зубами?

Телохранитель лишь укоризненно посмотрел на госпожу. Один из гулямов тут же ускакал за табибом, а молодого амира, истекающего кровью, остальные слуги уложили в крытую повозку к Шахнозе.

Вдова оглядела поле битвы и задумчиво сказала:

— Да, этот воин доказал свою смелость! А сейчас дай Бог, чтобы он остался жив.

Шахноза сама помогала служанкам отмыть Темура от грязи и крови и надела на юношу шелковый мужнин халат. Прибывший вскоре табиб перевязал беку голову, смазал мазями кровоподтеки, ссадины. Табиб, сухой, как щепка, старик, покачивая маленькой головой, приговаривал:

— Да, отделали джигита, не знаю, как внутренние органы — отбили или нет. Не реагирует ни на что. Надеюсь, молодой организм выдержит. Вот это лекарство давайте постоянно, я буду заходить каждый день.

Через три дня, обрыскав весь город Кеш, подняв на ноги все службы города, Тарагай случайно вышел на табиба, лечившего Темура, и только тогда попал в дом покойного купца Гасана. Гроыхая сапогами, распугивая прислугу, ворвались его нукеры в особняк Шахнозы-ханум. Они хотели немедленно увезти почти безжизненного Темура, но вдова не позволила.

— А где вы, воины, раньше были?! — гневно закричала она. И уже тише добавила: — Везите, если довезете живым.

Это остановило джигитов. И сам Тарагай, убитый горем, махнул рукой — дескать, надо оставить сына.

Еще две недели лежал Темур под присмотром вдовы. Он то приходил в сознание, то снова забывался в горячке. Поседевший, исхудавший Тарагай неотлучно находился при сыне.

Наконец, табиб позволил отцу забрать молодого бека. Джигиты с большими предосторожностями переправили его в Ходжаилгар. Темур болел долго и тяжело. Подолгу лежал, не вставая и упорно глядя в потолок, словно выплескивал свою ярость на красивые узоры, начертанные искусным мастером. Тарагай весь извелся, мрачно покусывая усы. Он укоризненно поглядывал на друзей Темура, которые не смогли уберечь молодого хозяина от дикой напасти. Джигиты, собравшись в саду, обнажив сабли, поклялись отомстить за своего вожака, за убитого Аббасхона и двух гулямов, отомстить убийце, кто бы он ни был — хан, визирь, глава разбойников.

Они обшарили все темные места Кеша, выспрашивали у бродяг, у воров и разбойников, у вездесущих мальчишек — не знает ли кто свидетелей той истории. Но зацепку найти не могли. Десятки раз пересказывал подробности спасения Темура старый вояка Останкул, но вот сказать, что это был за отряд, он не мог — у нападавших были закрыты лица.

А Темур все не поднимался, — лежал отрешенный, ко всему безучастный. Глаза его по-прежнему были устремлены в потолок, он не хотел общаться ни с кем.

Наступила зима. Мохнатыми хлопьями падал снег, и земля покрывалась белым покровом. Воздух был чистый, острый. Нукеры весело расчищали дорожки и убирали деревянными лопатами сугробы с крыш. И вот, в первый зимний день, словно очищенный этим белым празднеством от тяжких, безысходных мыслей, Темур, наконец, изъявил желание встать, выйти на улицу.

Во дворе дрожащими руками молодой бек скатал тугой белый комок и сказал обрадованному отцу:

— Да очистит Аллах мою душу от скверны!

— Да, да! — засуетился отец, счастливый от того, что вновь слышит голос сына. — Снег — это чистота. Это от Аллаха...

И второе желание пробудилось у молодого бека:

— Хочу в баню!

И тут Тарагай понял — жив, будет жить его сын.

Хаммом — баня — была гордостью амира Тарагая. Соорудил ее местный мастер Алимарди, желтолицый старик, с потухшим взглядом — видно, грызла его болезнь, — но дело свое знал до тонкостей. Уютной сделал прихожую и место отдыха, за ними следовала комната, где омывали ноги и стояла печь, оттуда маленькая дверь вела в куполообразный зал, в нем, слева, помещались два больших чана — один с холодной, другой с горячей водой. Нагревался чан с горячей водой от печки в прихожей; он был обложен речной галькой, к нему вел деревянный настил. Купающийся обливал холодной водой горячие гальки, поднимался пар, увеличивался жар. С правой стороны мастер устроил полки, там можно было париться или принимать массаж.

Купальный зал был связан со сводчатой комнатой, где находился маленький бассейн. Усто Алимарди, побывавший в Константинополе и Трапезунде, многое позаимствовал у тамошних строителей.

Алимарди пользовался особым раствором, известным под названием «кыр». На ведро ганча клали ведро известки, добавляли песка и золы. Замешанный на воде раствор Алимарди ставил в котле на огонь, от утренней молитвы до вечернего намаза один из подручных помешивал густеющую на огне массу. Этим раствором усто штукатурил печи, бассейны, смачивая сверху штукатурку сырым молоком, содержащим казеин, для удаления мелких трещин. Затем лощил поверхность галькой. Когда «кыр» подсыхал, поверхность штукатурки сбрызгивал патокой, затем опять лощил кайраком, снова сбрызгивал патокой. И так дня два, но зато штукатурка отличалась исключительной прочностью

и в отличие от ганча не боялась сырости. Вода использованная уходила через стоки в маленький ров.

Темур отказался от помощи слуги и решил мыться сам, но когда, залезши на полку, выронил из рук ковш, пожалел, что не прихватил кого-нибудь из слуг: была такая слабость, что не хотелось спускаться вниз — не было ни сил, ни желания. Выручила новая служанка Суфия, ладная, крепкая, с выразительными глазами, принесшая свежее белье для своего молодого хозяина. Когда она заглянула в купальный зал, Темур поманил ее рукой — помощи. Суфия счастливо пробормотала: «Сейчас», — быстро накинула крючок на дверь в предбаннике. Мгновенно скинула одежду и, словно впотьмах, вытянув вперед руки, пошла к Темуру. Сильными, но нежными пальцами стала массировать голову хозяина, затем перешла на плечи, долго разминала мышцы спины. Темур никак не реагировал, лежал, точно труп. И тогда Суфия наполнила медный тазик ледяной водой и окатила Темура. И тут хозяин ожил. «А-а!» — завопил он, но не от обиды или испуга. Он вспомнил... Хауз, холодные воды водоема и заросшее бородой лицо с кривой ухмылкой. Сколько раз, упершись взглядом в потолок, пытался он понять, осознать, вспомнить, что же произошло той ночью. И не мог — в голове была пустота. И вот пришло озарение. И наступило успокоение души.

— Зачем меня оставили в живых? — произнес он вслух.

Суфия ловко взобралась на полку и нежно проворковала:

— Что говорит мой хозяин?

Темур убрал со лба слипшиеся волосы, и, перевернувшись на спину, сказал:

— Теперь я буду мстить!

Суфия, словно все понимая, начала молча массажировать грудь молодого бека, затем незаметно распустила свои волосы, и они призывной волной окутали Темура. Девушка нагнулась ниже и начала ласкать молодое тело губами. Совсем близко, прямо у глаз, оказались молодые, тугие груди с темными торчащими сосками. Темур с вождением прикоснулся к этим сладостным холмикам. И тогда Суфия, обхватив крепкими ногами слабое еще тело, стала раскачиваться, точно молодое деревце на ветру... В заснеженном, чистом, сверкающем мире они были в эти минуты один. И лунная дорожка уходила от тарагаевского дома и терялась в далеком пространстве.

Глава девятая

ТЕМУР В САМАРКАНДЕ

Славна вовеки жемчужина Азии —
Город святой Самарканд!
В зелени садов мечетей купола,
В золоте шелков ранний листопад.

Из восточной поэзии

Тяжелогруженные подводы миновали селение Мухтарина, расположенное между Кешем и Самаркандом. Подводы сопровождала группа всадников во главе с Темуром. Тегинабегим уговорила Тарагая послать сына в Самарканд к дальним родственниками, да заодно Нуритдин продаст на базаре товар — черный кишмиш, изготовленный Чаманом-ага. Сопровождали Темура его друзья: Сейфетдин, Джагуй Барлас, Худайдад, Сулейман и Нуритдин с нукерами. Еще несколько дней пути, и маленький караван достиг Афрасиаба.

Афрасиаб при нашествии монголов был сильно разрушен во время осады крепости. Погибших защитников хоронили прямо среди руин, и получилось кладбище. Город сместился юг-западнее.

Миновав Афрасиаб, эту мрачную тень Самарканда, отряд устремился к Самарканду. Медленной рысцей проследовал по махалле Гатвер, знаменитой кипарисовыми насаждениями, отряд остановился на улице Хайяна. Здесь жила

Айша — родственница Тегины-бегим. Нуритдин, попрощавшись, направился с нукерами, — а их было с десятков рослых гулямов, — в караван-сарай. Ранним утром надо было занимать места на базаре. Груженная телега жалобно заскрипела по уснувшим улицам.

Калитку открыла Айша-апа, крупная женщина с угловатым лицом, голова ее была покрыта пухом седеющих волос, птичьи глаза тут же закрылись от радости. Пошли объятья, ритуальные расспросы. Башбеги велел джигитам заносить в дом гостинцы — тушу барана, мешок риса, мешок муки, кувшин масла, сушеные фрукты. Хозяйке башбеги подарил отрез на платье и платок. Айша-апа, увидев ткань «босма шол», обомлела. Этот материал отличался мягкостью и изумительной красотой, шились из него дорогие халаты. Айша даже прослезилась.

— Ну вот, в невестках такие платья не носила, а теперь, на старости лет, наряжаться придется.

После ночного ужина старая тетушка хотела постелить молодому беку отдельно в гостиной, но башбеги улегся вместе со своими друзьями на айване. Айша-апа рано лишилась мужа, а вскоре ее постигло и более страшное горе — страшная непонятная болезнь унесла сына и невестку. Трудно выдержать такие испытания, но Айша терпела и растила внуков.

Темура ранним утром подняло с постели петушиное пение. Спустившись с айвана, башбеги оглядел двор. Утоптанная тропинка делила двор на две половины — с одной стороны росли фруктовые деревья, с другой — был разбит огород. В конце двора, среди своего куриного гарема, прохаживался красно-огненный петух, так рано разбудивший Темура. С женской половины донесся голос Айша-апы:

— Рихси, запомни, голова должна быть слегка откинута назад и плечи свободны и опущены...

— Но я устала, — раздался капризный голосок девушки. — И зачем все эти занятия, если вы не разрешаете мне танцевать на праздниках?

— Эх, внученька, увидит тебя на празднике какой-нибудь амир и, не дай Бог, украдет. Но танцевать девушка должна уметь. Вот когда выйдешь замуж... — И с горделивой ноткой добавила: — К тому же ты прекрасно играешь на инструментах. Не стыдно тебе будет в любом обществе.

Башбеги, дожидаясь Айша-апу, взял палку и начал размахивать ею, упражняясь в рубке. С женской половины

донеслась нежная мелодия, послышался приятный юный голос, напевавший песню весны.

— Слушаешь, сынок? — спросила незаметно подошедшая Айша-апа.

— Да, хорошо поет, трогает душу, — ответил молодой бек.

— Вот так мой будущий муж своей музыкой увлек меня, навлекши гнев всех родичей. Только мать твоя поддержала меня, не отвернулась, и я благодарна ей за это.

Заиграла задорная мелодия на другой половине двора.

— А это мой внучек, — с гордостью сказала тетушка. — Они там со своим другом Маулан-заде, оба хотят поступить в Самаркандское медресе, я поощряю их рвение к наукам, а играть на инструментах любят оба. Пойдем, сынок, — таинственно прошептала Айша-апа, — я покажу то, что собиралось родом мужа, — и она повела башбеги в наккоракону — специальное помещение, где играют музыканты и хранятся музыкальные инструменты.

Мальчики, игравшие на дутарах, при виде Темура и бабушки вскочили. Мавлонберды, смутившись, бросился обнимать родственника со словами:

— Почему ночью меня не разбудили?

Маулан-заде, красивый мальчик, застенчиво поклонился.

— Темур-ака, завтра праздник «Микрджан». — На удивленный взгляд башбеги стал с удовольствием рассказывать. — Это всенародное состязание в стрельбе из лука. Необыкновенное зрелище. Каждый правитель устраивает этот праздник в своих владениях. Обычно «Микрджан» происходит в первый день шестой луны, но некоторые государи назначают его осенью, после сбора урожая. Эти игры любимы народом, так как в этот день победитель состязаний становится «правителем города Самарканда», получает этот титул на один или три дня.

— И где все это происходит? — заинтересованно спросил молодой бек.

— Эти военные торжества происходят на берегу реки Сиаб, восточнее Самарканда, в просторном охотничьем заповеднике, где охотятся на вепрей начинающие воины, — охотно пояснил мальчик и добавил: — В этот день люди надевают новые одежды, замаливают грехи, раздают милостыню и с чистыми помыслами идут на всенародное гулянье.

Тепло поблагодарив юного отрока, башбеги после обеда

собрал своих джигитов, и друзья до вечера упражнялись в стрельбе из лука.

Место для военных упражнений было выбрано древними предками не случайно. Зеленую, почти круглую долину окружали волнистые террасообразные холмы. Слышался хрустальный перезвон падающего маленького водопада. Поднимающийся из-за холмов сияющий диск солнца простирал ласковые лучи к свежей зелени, что будто ковер стелилась по долине. Расседланные кони, встряхивая головами и фыркая от удовольствия, пощипывали мягкую россыпь трав.

В бирюзовом небе снуют, резвятся, стрижи. Плетут своими раздвоенными хвостами кружева с невидимыми узорами легкокрылые ласточки. Неожиданно в голубизну небосвода врывается громадная стая голубей разных мастей: сизые, белогрудые, бурые. Птицы дружной семьей делают круг над городом. И вылетает из хоровода игровик-вертушник. В лихом полете он вдруг замирает, на секунду зависает в пустоте неба и вдруг устраивает чудо-перевороты. Птицы ликуют в свободном своем полете.

Тем временем подготовка к торжествам закончена. Природная чаша — амфитеатр — была заполнена жителями и гостями города.

На обширной поляне установили шесть мишеней. Слева от щитов с мишенями расстелены дастарханы, покрытые красной тканью. На них лежали призы и три больших лука, изготовленные из рогов горного козла. На таких луках лучники натягивали тетиву с трудом, но зато выпущенная стрела пробивала стальные шлемы и щиты. Призы — три большие вазы изумительной красоты — сработали местные мастера.

На длинных скамейках восседали судьи. Отсутствовал правитель города, простудившийся на охоте, и его заменил главный визирь, которому явно доставляло удовольствие заправлять этим торжеством. Рядом расположились вельможи разного ранга. Участники, после предварительной договоренности, разбились на группы по шесть, лучники встали против своей мишени на расстоянии пятидесяти шагов. Среди тех, кто жаждал победы, были и воины в новых легких доспехах, и сыновья кушцов, молодые ремесленники и члены религиозных сект. Главный вельможа города махнул белым платком, загремели таули — барабаны; выбив торжественную дробь, они внезапно смолкли. В долине все замерло в ожидании открытия праздника.

И вот состязания начались. После каждого удачного

выстрела зрители одобрительно гудели, каждый промах сопровождался вздохом огорчения тысячной толпы. Промахнулся — вылетай. Так быстро отсеялась половина участников. Двенадцать обслуживающих нукеров, по два гуляма на один щит, заменили прежние мишени размером с касу, на новые — размером с пиалу. Страсти накалились. Неумолкаемый гул зрителей поддерживал мергенов — лучших стрелков. После полуденной молитвы для решающих состязаний осталось шесть лучников. Гулямы прикрепили к деревянным щитам белые листы бумаги и перед ней подвесили на шелковой ленте золотые монеты.

Встал со своего места главный визирь, поднял руку. Толпа постепенно стихла. Вельможа зычным голосом выкрикнул:

— Право выстрела имеют шесть лучников. Если все они попадут в цель, то заново повторят свой выстрел. Выигравший состязание получит титул «владыки города» на три дня. Да будет так!

И вновь величественно взмахнул белым платком главный сановник города.

Зрители заревели от восторга, предвкушая редкостное зрелище. Двух первых стрелков постигла неудача. Оба промахнулись. Темур, принимавший участие в состязаниях, усмехнулся: нет, его рука не дрогнет. Настала очередь Темура. Друзья, выбывшие из борьбы, расположились в первых рядах и криками поддерживали своего башбеги. Молодой бек, медленно подняв лук, неторопливо прицелился и спустил тетиву — стрела с веселым свистом попала точно в цель, пригвоздив золотую монету к белому листу. Долина огласилась ревом восторженных зрителей. Кто-то из друзей молодого бека выкрикнул: «Правитель города — Темур!» И толпа тут же подхватила: «Темур, Темур!» Главный визирь еле успокоил возбужденную толпу. Следующим стрелял воин с крючковатым носом — он был похож на птицу, которая хочет взлететь, но никак не может расправить крылья. После его промаха толпа застонала в ответ: «Ах-у-у!» За воином шел трепальщик хлопка Абу Бакр Келеви. Худощавый, лицо — словно высушенное на солнце. В глазах его при удачном выстреле соперника вспыхивал мрачный огонь, при неудачном — появлялись веселые искры. Его смуглые руки цепко держали лук. Сняв полосатый халат, оставшись в одной белой рубахе, Абу Бакр Келеви, исподлобья взглянув на Темура, пустил стрелу. Сочувственный вздох зрителей пронесся над долиной прежде, чем Абу Бакр осознал свое поражение.

Трепальщик хлопка бросил взгляд на своих товарищей-ремесленников, — и вдруг губы его задрожали от гнева. В этот миг он готов был крикнуть всем этим сытым вельможам, что стал членом тайного общества сарбадаров-висельников. Сарбадары готовы к борьбе не только с монголами-насильниками, но и с амирами, с надутыми вельможами. Но через мгновение, опомнившись, Абу Бакр Келеви опустил глаза, — ведь его могут обвинить в том, что он призывал честной народ к мятежу. Лучник, смирившись, покинул ряды стрелков.

Последним остался один из лучших стрелков города — кузнец Хурдек-и Бухари. Кучерявые волосы черной шапкой обрамляли огромную голову, глаза в узких щелках были остры, как лезвие клинка. Лучник, в упор глядя на Темура, злорадно рассмеялся:

— Смотри, незванный кешский гость, как стреляет лучший стрелок города.

Легко повернув массивную голову в сторону мишени, еще раз бросил уничтожающий взгляд на молодого бека и зарычал по-звериному, заранее торжествуя победу. Как маленькую игрушку, вскинул лук и, прицелившись, жестко отпустил стрелу — с хлестким ударом достигла она цели.

— Хурдек! — взревела толпа, видимо, здесь его знали многие.

Когда возбужденные зрители смолкли, Темур осторожно взял стрелу, бросил взгляд на своих друзей. Сейфетдин озорно подмигнул — мол, все будет в порядке. Худайдад ободряюще кивнул. Джагуй Барлас поднял руку. Сулейман с тревогой смотрел на башбегу. А Аббас, молитвенно подняв две руки к небу, выкрикнул:

— Аллах благословил твою победу.

Темур, натянув тетиву, нежно пустил стрелу. Мгновенный звук полета — и стрела на просто пронзила монету, но и в щепы раскрошила древесину щита. Толпа вновь взорвалась одобрительными криками.

Хурдек-и Бухари долго ждал, пока возбужденные зрители успокоятся. Потемневшими глазами посмотрел он на небо, прося помощи у Всевышнего. Но сегодня счастье отвернулось от него — кузнец промахнулся. Он обхватил руками голову и под гул толпы пробормотал:

— Я все равно достану тебя, Темур, а сарбадары все равно будут владеть городом.

Но его никто не слышал. Ликующая толпа подняла Темура и под гремучую дробь барабанов, нежные трели

флейт и страстные звуки карнаев и сурнаев понесла к величественному трону. К подножию престола «властелина Самарканда» дети и девушки бросали пестрые ленты и цветы. Главный визирь взял сверток, развернул его и надел на башбеги парчовый халат и бобровую шапку. Добавив тугой кошелек, произнес:

— Это от меня смелому кешскому джигиту.

Получил молодой бек и тяжелый лук с колчаном стрел, и согдийскую вазу, которую вручила самая красивая девушка города. И только поздно вечером Темур и его друзья пробились домой к Айша-апе.

На следующий день молодой бек отправился на могилу святого Кусамы ибн Аббаса — воздать благодарственную молитву Аллаху, оставить приношения. Жители города в ночь на понедельник и пятницу несли сюда дары. Над гробницей было возведено четыре куполообразных здания, в углах которых стояли колонны из разноцветного мрамора, по мрамору шел золотой орнамент и надписи из Корана.

Совершив моление, Темур задумчиво окинул взглядом святое место и сказал своим верным друзьям:

— Сердце мусульманина должно трепетать от величия и красоты Божьих святынь. Когда-нибудь я возведу такое святыще!

Друзья молитвенно сложили руки и изрекли:

— Да исполнятся желания наши по воле Божьей!

Перекусив в переполненной чайхане свежей бараниной, друзья, поручив коней нукерам и слугам, двинулись осматривать дворец правителя. Внутрь джигитов не пустили бородатые лашкары. Цитадель еще полностью не восстановили после нашествия монголов, как и разрушенные крепостные стены. Хорошо сохранилась здесь лишь тюрьма. Пройдя в шахристан, джигиты помолились в большой соборной мечети, а затем вышли по большой дороге в рабад к базарам. Перед входом в торговые ряды Темур обратился к друзьям:

— Ваши покупки оплачиваю я. Никаких возражений не принимаю — правитель я или не правитель?!

Обрадованные джигиты сразу же прошли к лавкам, где продавали различное вооружение. Старик, с козлиной бородкой, с хитринкой в глазах, начал расхваливать свой товар:

— Луки большие, средние, малые, могут носить от велика до мала. А вот арбалеты-самострелы, — такому стрельцу что ни есть, все к лицу. — При этом продавец почему-то все смотрел на Сейфетдина.

Поэт рассмеялся:

— Уговорил, старик, беру я этот арбалет.

Джигиты заинтересовались щитами, сделанными из разных материалов: кожи, металла, дерева. Металлический щит, орнаментированный чеканкой и насечкой, взял Джагуй Барлас. Щиты из кожи скреплялись металлической пластинкой в форме кольца, на которую часто наносился разноцветный орнамент. Большинство кожаных щитов были покрыты черной краской и обведены красными и зелеными полосами. Джако выбрал именно кожаный щит продолговатой формы. Сулейман предпочел легкий тростниковый щит. Затем джигиты завели башбеги в кольчужный ряд и выбрали молодому беку джибу по его размеру. Джиба представляла собой металлическую — из колец, продетых друг в друга — рубаху с короткими рукавами. В кольца воротника продеты были полоски кожи, прочной ткани, полоски бархата — это обеспечивало высокое положение воротника. К кольчуге же закупили и латы, и металлический шлем с кольчужной сеткой. Затем джигиты любовались клинками: от огромных мечей русичей до кривых турецких ятаганов.

А базар кипел своей пестрой, красочной, шумной жизнью. Самый разнородный люд стекался сюда; в этой разноликой массе смешались знатные вельможи и бродяги, дородные купцы и нищие, бедняки, могущественные духовные лица и простые дервиши и каландары, искусные ремесленники и мошенники, мужественные воины и лихие айяры. И тут же сновали посредники, перекупщики.

— В честь нашей победы завтра устроим той. Я с Айша-апой договорился. Нужно сделать кое-какие покупки. Вначале выберем котел, — предложил друзьям Темур.

Выбирали долго, рассматривая котлы чугунные, бронзовые, медные. Маленькие, средние, большие и огромные. Наконец, взяли бронзовый средних размеров, и слуги, семеня, понесли домой эту праздничную чашу. Купили и офтоба — кувшин для омовения рук после молитвы. Одного маленького кувшинчика Айша-апы джигитам явно не хватало.

Торговцы, приветливо улыбаясь, расхваливали товар и зазывали покупателей. Седоусый старик, игриво покачивая головой, выкрикивал:

— Фата, фата, легкая, полупрозрачная, накиньте на ханум — увидите неповторимые прелести.

Черноглазый юнец пел тонким голосом:

— Атласные ткани, шелковые ткани, берите, берите — станете беком, амиром или знатным вельможей!

— Как просто! — усмехнулся в ответ Темур.

Уставшие, оглушенные, джигиты взмолились:

— Бешбеги, не завернуть ли в чайхану?

Темур кивнул и повел друзей в ту сторону, откуда доносился божественный запах шашлыков.

Чайхана была заполнена до отказа: цирюльники, банщики, носильщики, конюхи, псары, весовщики, водоносы, сторожа с удовольствием поглощали жирные, острые блюда. Чужаков встретили добродушно, тут же нашли места. Джигиты, плотно поев, расположены были отдохнуть, но Темур поднял друзей:

— Пройдем на скотный двор, — предложил башбеги, — надо купить баранов для праздника.

Купили одного барана серо-голубой окраски, бухарского — курдючной породы, другого — самаркандского, тоже с огромным курдюком. Владельцы взвалили на себя тяжелых животных и упруго зашагали, ведомые одним из слуг Темура, к дому Айша-апы. Когда увидели голубого барана с закрученными рогами, Сулейман с вождением причмокнул: «Самое нежное мясо... Высоко в горах разводят таких кучкаров, питаются они сочным разнотравьем, пьют горную чистую воду».

В поисках Нуритдина зашли в ряд, где торговали сухофруктами Лавки ломались от изобилия сушеных даров природы: застывшая в сладкой патоке вяленая дыня, сияющая золотистой желтизной курага, сушеная вишня, гератская слива, бело-черные, сморщенные от сушки абрикосы, высушенный белый, черный, красный тутовник, был здесь и тутовник, истолченный в темно-бурую медовую массу, соленые косточки, жареный горох, маис всех оттенков радуги. Здесь друзья нашли улыбающегося Нуритдина.

— Осталось четыре мешка, хозяин, а вот деньги за проданный кишмиш, — и он передал Темуру полный хурджун звенящих монет.

Башбеги, передавая мешок с деньгами своему нукеру, спросил Нуритдина:

— На гостинец себе и слугам оставил?

— Конечно, хозяин, даже с избытком, — рассмеялся тот.

Молодой бек, покачав головой, предупредил:

— Завтра подойдем. Будьте осторожны, базар есть базар.

Кажется, все дела на базаре были сделаны, и джигиты отправились домой. Неожиданно для себя они вышли на

большой майдан, заполненный невольниками. Самарканд считался одним из центров торговли рабами, сюда свозили пленников со всех концов азийской земли. Здесь же многих рабов обучали; юношей, например, военному делу, и впоследствии они пополняли гвардии амиров, беков, а некоторые из них становились и военачальниками, благодаря своему упорству и настойчивости. Другой поток невольников шел из Поволжья, через Дербент. Это были в основном русичи, славившиеся как отменные кузнецы, хорошие ремесленники, а русоволосых славянок в основном брали в гарем. Ценились рабы из сказочной Индии. Черные рабы вывозились из стран Магриба — из них выходили преданные телохранители, а негротянок охотно покупали в наложницы и прислуги. Рабов-франков было не так много, но именно из них выбирали евнухов, столь необходимых для гаремов амиров и беков. До сорока тысяч невольников проходило за год через невольничий рынок Самарканда.

Рабов не клеймили, многие из них были искусными мастерами, умелыми строителями. Но Темура прекрасно знал, что хакимы городов редко используют их по назначению. «Раб есть раб», — говорили беки-амиры и гнали невольников на черные и тяжелые работы. Темура с сочувствием смотрел на изможденные лица с потухшими глазами. Многие были связаны одной веревкой по десять человек, каждый с петлей на шее; других заковали в деревянные колодки или цепи, третьих, тех, кто пытался совершить побег, помещали в клетки. Почти все — в лохмотьях, еле прикрывающих наготу. Угрюмые, безучастные... Тем неожиданнее для молодого бека было увидеть рабов, демонстрировавших свою силу, ловкость, и девушек с вызывающими взглядами и волнующими движениями бедер, мечтавших попасть в богатые дома.

Внимание Темура привлекли две юные девушки. Одна светловолосая, — ее волосы так и переливались золотым отливом, — со вздернутым носиком и васильковыми глазами, которые так и вспыхивали синеватым блеском отчаяния. Под длинной домотканой рубахой угадывалось стройное молодое тело. Девственный румянец тускло выступал на щеках. У нее были узкие ступни, тонкие щиколотки, и сама она выглядела тонкой березкой. Девушка мотнула распустившейся копной волос цвета спелой пшеницы, приподняла тонкие с изломом брови и случайно бросила на Темура взор небесно-голубых глаз — и они вспыхнули радостным любопытством и искоркой надежды. Может, этот красивый юноша купит ее, это куда лучше, чем попасть в грязные лапы

какого-нибудь старикашки. Вторая девушка, полногрудая, соблазнительная, с иссиня-черными волосами, струившимися волнами по плечам, глядела на бека отрешенно, словно сквозь прозрачную стену.

Темур подошел к работорговцу и учтиво попросил снять веревки с девушек. Надсмотрщик Гусейн — тяжеловесный мужчина с округлой бородкой, с недобрыми глазами, вперил мутный взор в незнакомца. Рядом с ним — красиво одетые воины. Гусейн собрался было смачно выругаться, думая, что это, как часто случалось, дети богатых амиров решили позабавиться. Но взгляд незнакомца был столь тверд, что работорговец понял — перед ним не хитрые увертливые лисята, а волчата, на зубы которых лучше не попадать. Кисло улыбнувшись, он ответил сквозь зубы:

— Рабство — это наказание за грехи, его надо сносить со смирением, чтобы заслужить божье вознаграждение.

Сейфетдин зло бросил:

— Ты что нам проповедь читаешь?

Темур остановил его движением руки и, не повышая голоса, сказал:

— Как Аллах милостив к рабам своим, так и хозяин должен проявлять заботу о своих рабах.

Работорговец передернулся и, почесав мизинцем густую бровь, хмуро произнес:

— Я все понял, вы хотите купить этих девственниц?

Темур жестко повторил:

— Я хочу, чтобы вы сначала освободили девушек от пут.

Гусейн отдал приказ своему помощнику распутать невольниц. Русая красавица неотрывно глядела на молодого воина — глаза ее выражали мольбу о спасении. Черноокая пери, не веря происходящему, не могла сдержать слез.

Хозяин рабов многозначительно поднял палец:

— Хочу предупредить, я могу продать товар только после того, как его просмотрит ясаул Баба Кадам — чиновник по особым поручениям при правителе.

Темур бросил торговцу мешочек с золотом, и тот ловко поймал его на лету. И тут же протянул мясистую руку для скрепления договора. Не успели джигиты отойти вместе с девушками, как грозный окрик остановил покупателей:

— Кто дал право продавать рабов без моего разрешения?

Нойон, весь в тяжелых латах, в окружении десятка вооруженных всадников зло глядел узкими глазами на юношу.

Темур молчал, ухватившись за рукоятку сабли.

— Эй, щенок, тебе говорю!

Темур молниеносно выхватил клинок, друзья сделали то же самое.

Баба Кадам, не обращая внимания на воинственность джигитов, обнажил в ухмылке прокуренные гашишем зубы. Сопровождающие его лашкары вскинули копья. Баба Кадам поддел копьем работаровца.

— Я жду ответа.

Гусейн, низко кланяясь, зачастил:

— Я джигитам говорил... я предупреждал.

Темур, бросив на Баба Кадама острый взгляд, голосом, полным угрозы, заявил:

— По всем законам сделка уже состоялась.

— Я буду решать — состоялась или нет сделка, — прошипел Баба Кадам.

Темур презрительно фыркнул:

— Мы не нарушили законов шариата.

Спор разгорался, и на шум сразу же сбежался народ. Многие узнали в Темуре победителя лучников. Послышались крики: «Да это же наш «правитель»!» Базарная толпа неожиданно начала поддерживать Темура, давшего отпор этому напыщенному чиновнику.

Позеленев от злости, Баба Кадам вдруг громко заорал:

— Именем закона схватить непокорных!

Друзья Темура, окружив своего башбеги, приготовились к обороне. Неожиданно для всех в спор, принимавший мрачный оборот, вмешался один из просвещенных людей Самарканда — Мухаммад Самарканди. Белый халат свободно облегал его статную фигуру, мужественное лицо дышало благородством. Ученый муж негромко, но твердо потребовал:

— Баба Кадам, немедленно отпустите джигитов.

Нойон не решился вступать в пререкания с человеком, которого знал и уважал весь город. Склонив голову в знак почтения, он быстро отвел коня в сторону и с грозным видом набросился на толпу, которая, видя мирный исход, начала расходиться. Джигиты бросились поблагодарить ученого мужа за заступничество, иначе могло пролиться много крови. Невольницы, ставшие причиной столь бурных событий, испуганно прижавшись друг к другу, ждали своей участи. Когда страсти улеглись, черноволосая красавица, рыдая, неожиданно бросилась к ногам Темура:

— Бек, если уж вы спасли меня, то будьте до конца великодушны — выкупите и моего братишку Азима.

Темур взглянул на Гусейна, тот молча щелкнул пальцами, и его помощник с молниеносной быстротой вывел из толпы маленьких оборванцев мальчугана лет семи-восьми. Темур, глядя на невольницу, сказал:

— Ради твоей улыбки стоит выкупить весь базар.

Та в ответ лучезарно расцвела сквозь счастливые слезы.

Девушек и Азима решили до отъезда домой оставить у тетушки Сейфетдина, которая жила совсем одна в доме с маленьким двориком.

Темур с Сейфетдином на другой день посетили тетушку Сажорат. Джигиты привезли с собой продукты, одежду для девушек и попросили рассказать, что же с ним случилось.

Сальма была дочерью видного в Герате вельможи — дадхо, принимающего челобитные на имя хана. Они с братишкой Азимом ехали на отдых в одно из своих поместий. Но по дороге их обоз подвергся нападению, Сальма была выкрадена вместе с Азимом братьями горцами. В споре за обладание девушкой младший убил старшего брата, а сам был вынужден бежать от правосудия. Отец братьев, посчитав Сальму причиной всех бед, продал девушку от греха подальше надсмотрщику рабов Гусейну, следовавшему в Самарканд со своим товаром.

У светловолосой была своя история.. Когда заболела Олина мать, местный знахарь посоветовал сухой климат, кобылье молоко и побольше солнца. И большая, многочисленная семья отправилась в южные степи. Братья стали разводить лошадей, женщины вели хозяйство. Мать начала поправляться. И вроде все начало входить в счастливое жизненное русло. Но беда, как всегда, нагрянула неожиданно. Сотня монгольских всадников случайно наткнулась на кибитки в степи: взрослых перебили, а детей продали в Хорезм. Оленьку купила богатая хотин для мелких услуг. Вскоре Оля уже могла бойко объясняться на тюркском, таджикском языках. Но внезапно хотин умерла, и ее невестка тут же сплвила светловолосую девочку, на которую жадными глазами поглядывал ее ненавистый муженек. Так Оля и попала на рынок рабынь.

На туй, устроенный по случаю победы Темура, пригласили ахунда Самарканда. Мухаммад Самарканди явился со своими учениками — Алимом и Мавлонберды.

Ахунд облачился в чалму, которую носили только преуспевающие ученые, юные шоги́рды были одеты в полосатые чапаны и серые чалмы.

Мухаммаду Самарканди было лет тридцать; с мудрым лицом и живыми, пронзительными глазами, он сразу располагал к себе людей.

За дастарханом речь зашла о правителях. Мухаммад Самарканди с иронией отозвался о монгольском хакиме города Самарканда.

— Мне знакома история древнего Турана, — сказал ахунд. — Взять хотя бы правителя Джамшеда... Он возводил города с помощью прекрасных мастеров-строителей, которых привлекал из разных стран. Больницы, общественные бани — все это делалось для народа. А что мы видим сейчас? Эти моногольские нойоны и кюраганы, погрязшие в разврате, мздоимстве, в безделье, только тормозят развитие общества. Вся их забота — увеличить налоги, этим они душат в петле рабства нас, мусульман.

— А про правителей Турана где можно прочитать? — заинтересованно спросил Худайдад.

Ученый муж терпеливо объяснил:

— В «Авесте», в священной книге. В основание ее легли труды Заратустры, а затем в «Авесту» вливались бесценные рукописи других ученых Средней и Передней Азии.

Слуги подали ароматную шурпу, на некоторое время все замолчали, поглощенные едой. Закончив есть, Темур, желая продолжить разговор, тихо промолвил:

— В давние времена кочевые тюркские племена добирались до рек Орхон и Енисей. Говорят, там сохранилось много надгробий тюркских династий.

— Вы правы, — одобрительно подтвердил Самарканди. — Древние тюрки, наши предки, создали мощное государство, бравшее начало у Великой китайской стены и доходящее до Руси. Граничило это могущественное царство с тремя великими державами: Китаем, Ираном и Византией. Из «Авесты» можно много узнать о древних предводителях и их доблестных супругах. Когда могучий царь Кир разбил войско саков и взял в плен его вождя Аморга, то жена Аморга Спаретра сумела собрать новое войско, насчитывавшее до трехсот тысяч мужчин и двухсот тысяч женщин. Одержала победу над Ки́ром и вызволила супруга из плена. Вот такие воительницы-амазонки были у нас в Туране.

Шурпа, плов, наконец, подали шашлык. Мухаммад Самарканди, покачивая головой от удовольствия, снимал с шампура искусно прожаренные кусочки печени.

— Шашлычнику спасибо, очень вкусно, — вытерев платком руки, сказал ахунд. Затем откинулся на подушки и неожиданно гневно произнес: — Нашествие монголов приостановило развитие культурной жизни Турана и отбросило многие народы на сотни лет назад. Сколько разрушено городов, селений, сметено с лица земли мечетей, сожжено книг духовного наследия, собираемого столетиями лучшими мыслителями Востока.

Мавлонберды, дождавшись окончания гневной тирады своего учителя, не менее гневно произнес:

— Несчитано дымных костров, на которых сгорели рукописи нашей истории. Сколько культурных памятников погибло. Подверглись уничтожению научные труды таких ученых, как Абу Наср Ираки, Абу Сахл Масихи, Абу Мансур Бухари, Абу Хасан Кисан Марвази; а многие трактаты по философии Абу Наср Фараби, прозванного Аристотелем Востока, утеряны навсегда, как и множество писаний других лучших умов Средней Азии. До нас дошли только крохи того, что было сделано лучшими сынами отчизны.

Не утерпел и Джако, вступил в беседу, подлив масла в огонь:

— Уважаемые, я хочу сказать, что некоторые монголы с презрением относятся к трудам наших ученых и держат книги в отхожих местах. А книги великого Абу Райхана Беруни использовали для растопки костров. Его труд «Памятники минувших поколений» содержит интереснейшие сведения о древней истории, мифологии, медицине, поэзии, о жизни персов, греков, византийцев, согдийцев и многих других народностей. А его полное писание «Ал Асар» — это история культуры народов Востока. — Лицо Джако пылало от гнева. — Эти «джете» хотели выкорчевать наши культурные корни и насадить свои «Яссы».

Темур залпом осушил бокал шербета, затронутая тема взволновала его.

— Некоторые монголы принимают мусульманство, поняв, что свою языческую веру им среди нас не насадить. Но это их язычество, как мутные потоки воды, загнанные в плотину, может прорваться и снести все на своем пути. И пока не будет уничтожен их воинственный дух в самом зародыше, как в Моголистане, так и в Золотой Орде, нет и не будет покоя ни одной народности на земле. Но есть у них и чему поучиться. Например, везде пройдет великолепная монгольская конница. Так что с «Ясс» тоже надо взять все полезное и нужное.

— Ты прав, башбеги,— подтвердил Джако,— монголы хороши на конях. А вот за книгой их не увидишь. Что им Беруни или Ибн Сино, разве они могут знать им цену!

— Вообще-то, друзья мои,— вдруг торжественно провозгласил Сейфетдин,— по-моему, Аллах ошибся в дне рождения Ибн Сино. Этот ученый муж настолько опередил своим разумом нас всех, что появиться ему надо было когда-нибудь в будущем.

Глаза Темура загорелись:

— А может, наоборот, Аллах явил миру этого гения как факел, как светоч для людей?!

Сейфетдин кивнул.

— Ибн Сино современники удостоили звания «Глава ученых». Его рукописи — это медицинское наследие на многие века. — Лицо Сейфетдина, одухотворенное воспоминаниями о создателе, опередившем звездное время, сияло детским восторгом. — Знания прошлого, настоящего, а может, и будущего воплотились в одном разуме.

Забрезжили ранние звезды. Полная луна матовым светом объяла отдыхающую от знойного дня землю.

Темур сладко потянулся, но вести беседу был готов хоть до утра.

— Ибн Сино — это те всходы, которые дала плодородная земля Турана. Он — маяк Востока, пробивающий светлым лучом тропинку познания в будущее.

Все задумались о человеческих судьбах, и каждому из сидящих захотелось оставить после себя хоть маленький след в памяти народа.

На следующий день джигиты во главе с Темуром посетили знаменитую площадь голубей, где обосновались тысячи великолепных птиц. Они безбоязненно подлетали к детям и взрослым, смело клевали корм, хлеб прямо с рук. Послушали и глашатая, который читал указ об увеличении налога.

Затем отправились в великолепный парк, где мелодично журчала вода большого арыка. Башбеги и его друзей заинтересовали многочисленные фигуры животных, созданные из искусно подрезанных кипарисов. Здесь были лошади и быки, верблюды и дикие козы. Молодой бек встал перед тигром и зарычал. Раздался звонкий смех. Темур резко обернулся и заулыбался — перед ним стояла Гульбахор, юная канатоходка-певица.

— О, у вас прекрасно получается,— нежным голосом подзадрила бека девушка.

Темур махнул рукой в знак приветствия и заметил, что встречаются они всегда в светлые праздничные дни. Девушка поздоровалась с джигитами и, лукаво улыбаясь, промолвила:

— А разве это плохо? Вы знаете, бек, у меня было предчувствие, что я сегодня вас увижу. Когда мой брат сказал, что состязание лучников выиграл кешский стрелок, у меня сразу мелькнула мысль, что это мой знакомый Темур, а вот это — юному правителю города Самарканда, — и она протянула большое красное яблоко.

Темур, надкусив сочную мякоть, заявил:

— Юный правитель города Самарканда в долгу перед прекрасной принцессой.

Девушка лукаво улыбнулась, грациозно вскинула руки и схватила нежными пальчиками за мочки ушей. Темур встревоженно спросил:

— Что случилось?

— Да вот ушки болят от тяжести ваших обещаний.

И оба они радостно рассмеялись.

— Вы и без сережек выглядите красавицей.

Гульбахор зарделась маковым цветом.

— Будет вам дразнить меня. Лучше пойдем взглянем на факиров, зовите своих верных друзей.

Майдан уже был полон зрителями, образовавшими большой круг — посреди этого круга и выступали согласно своей очередности фокусники. Смуглый юноша, играя на флейте, вызывал змею из корзины, и та грациозно и замороженно вытягивалась под заунывную мелодию. Факир неуловимым движением схватил змею за голову и, прижимая пальцами точку, известную только ему одному, сильно встряхнул гада. Змея вытянулась и стала твердой, точно железный прут. Затем фокусник мгновенным движением бросил ее на землю, и змея ожила. На арену выходили факиры, глотающие огонь и клинки, протыкающие язык длинными гвоздями.

— А сейчас увидите моего брата, — сказала Гульбахор и глазами повела на молодого факира.

Темур кивнул в знак того, что увидел Масауда Кахаджани.

Юноша демонстративно показал всем зрителям зернышко мангового дерева, затем засыпал маленькое семечко песком и накрыл белым платком. Время от времени приоткрывая белую материю, приговаривал: «Бог велел тебе расти на радость детям и на усладу влюбленным». Через некоторое время факир приподнял кусочек белой ткани —

под ним оказалось карликовое деревце с почками и листьями. Все зрители ахнули. Джигиты недоуменно взглянули на Гульбахор. Гульбахор небрежно махнула рукой:

— Это индийское каучуковое дерево, оно сворачивается вот так, — и красавица взяла кисть башбеги и сомкнула его пальцы в кулак, а затем расправила ладонь.

Закончив номер, Масауд Каха-джани подошел к сестре. Был он в черном атласном халате и мягких ичигах. Смуглое худощавое лицо его выражало дружелюбие.

— От своей сестренки только и слышу: «Темур», «Темур». — И, глядя на отважных джигитов, добавил: — Теперь понимаю, почему. Да, кстати, дорогой правитель, поздравляю вас с победой. — Вдруг лицо Масауда Каха-джани озарила радостная улыбка: — Я к тому же провидец, и знаете, что открылось моим скромным очам?

Молодой бек нетерпеливо взглянул на друзей — мол, слушайте. Те с интересом смотрели на факира.

Масауд Каха-джани изобразил на лице сосредоточенность и, вглядываясь в даль, монотонно забубнил:

— Вижу — на белом скакуне возвращается из дальнего похода с победой и с огромной добычей правитель всего Турана амир Темур.

— А меня рядом с победителем нет? — насмешливо перебила его Гульбахор.

Ее брат нетерпеливо махнул рукой:

— Не мешай. Вокруг него военачальники, те, что сейчас стоят рядом с ним. И огромное войско во главе со своим полководцем входит в столицу семи чудес, прекрасный Самарканд. Но самое главное — велика заслуга в этой победе разведчика, вызнавшего все секреты противника. «Мои глаза и уши», говорит о нем правитель Темур. И этот ловкий лазутчик — бывший факир Масауд Каха-джани. — Брат Гульбахор весело и как-то очень хорошо рассмеялся.

Друзья польщенно заулыбались. А Темур серьезно сказал:

— На все воля Аллаха, но я думаю, что это не последняя наша с тобою встреча.

Факир, попрощавшись, удалился, — ему надо было готовиться к следующему номеру. А Гульбахор бросила на башбеги загадочный взгляд.

— Жду завтра в гости. К сожалению, брат с отдельной группой уезжает в Ташкент, так что принимать вас придется одной.

Вечерело, воздух был пронизан неповторимым ароматом весны. Темур, сопровождаемый новым черным рабом Мосулом, отправился в гости к Гульбахор.

Зинджи сразу же освоился и пошел за служанкой помогать рубить принесенную тушу барана. Бек знакомился с домом, разделенным на мужскую и женскую половины. Двор был очень опрятен и чист. Между ветвистой яблоней и корявой урючиной стояла супа, перед ней была выстлана из мелкого кирпича ровная площадка. Подле журчащего арыка начиналось царство цветов.

Темур с изумлением глядел на едва распустившиеся бутоны царственных цветков.

— Это моя долина роз, — польщенная вниманием бека, сказала девушка. — Черенки роз собраны моими дедом и прадедом со всех концов света, — и пери, видя загоревшиеся глаза молодого бека, повела его в благоухающий сад. — Розы изображались даже на монетах некоторых правителей. В Римской империи проводили праздники роз. В Греции торжественно отмечались дни, посвященные подношению этих дивных цветов богам Олимпа.

Башбеги, незаметно взяв руку девушки, помог ей перейти через шаткий мостик, перекинутый через небольшой арычек.

— Смотрите, досточтимый бек, вот растет пустынная роза. Ее можно встретить и у берегов Персидского залива и в высоких горах Джунгарии. Свои оранжевые лепестки она раскрывает только после захода солнца. Льющий слезы цветок.

— Плачущий? — удивился башбеги.

— Да. По легенде жених этой розы погиб в знойной пустыне. Вот она, одинокая, и проливает море слез, увлажняя землю.

— О да, — страстно подхватил Темур. — Роза — это символ любви. Великой любви.

Они вернулись во двор и присели на супе. Темур, с несвойственной ему задушевностью, продолжил свою речь:

— Когда двурогий Искандер во время похода на Среднюю Азию взял согдийскую скалу, то не тронул и не разорил жилища горных людей. Суровый македонец неожиданно для всех влюбился в Роксану, дочь правителя горного гнезда Оксиатра. На пиру, после дивного танца девушки, Александр подарил ей букет алых роз. И по обычаю Македонии, преломив хлеб, женился на светловолосой красавице.

Гульбахор широко раскрыла глаза от удивления. Темур, выдержав паузу, невозмутимо продолжил:

— Вы слышали, Гули, о махровой гальской розе?

Девушка покачала головой — нет, никогда не слышала. Молодой бек с воодушевлением поправил белоснежную чалму.

— В прошлом столетии один юноша из Галлии, Флуар... Имя это обозначает цветок...

— Простите, досточтимый бек. — Гули выставила перед собой ладони, умоляюще спросила: — А где же находится эта Галлия?

— В Фарингистане, — охотно ответил бек. — Так вот, этот франк попал к нам в Азию. Любопытство путешественника и ученого тянуло его к неведомым восточным странам. Караван подвергся нападению, и раненый Флуар был чудом спасен старым горшечником, у которого было пять дочерей. Четверо невестками благополучно, с согласия Всевышнего, ушли в дом своих мужей. Пятая, черноволосая красавица Гули, ухаживала за раненым франком, и молодые полюбили друг друга. Проницательный отец сразу же заметил это, но не мешал возлюбленным. Юноша понравился ремесленнику, и втайне старик мечтал увидеть его своим сыном. У старого усто был сад с душистыми розами...

Гульбахор невольно встрепелась, подлила в пиалу Темура шербета из пузатого кувшина и, боясь произвольным вмешательством, не дай Бог, прервать трогательный рассказ, оперлась подбородком на кулачок, всем видом показывая, что она во власти обаятельного рассказчика.

— Глядя на распутившиеся бутоны, мастер наносил на вазы изумительные узоры. Флуар по природе был одарен, быстро научился этому ремеслу и с удовольствием помогал своему учителю. Но временами юноша не находил себе места, его тоскливый взгляд устремлялся на Фарингистан — Запад. В один из летних вечеров старик открыл сарайчик и пригласил Флуара. «Сынок, вот сделанные твоими руками сосуды, ими могли бы гордиться и знаменитые мастера. Они очень дорого стоят. Я вижу твои страдания. Завтра утром возьми арбу, отправляйся на базар, продай свои творения и уезжай к себе в Галлию. Тебе этих денег с лихвой хватит на дорогу». Юноша в слезах бросился обнимать старика. С первыми петухами, ни с кем не попрощавшись, Флуар уехал. Гули была в отчаянии. Отец как мог успокаивал безутешную дочь. — Гульбахор горестно вздохнула. А Темур продолжал: — Но вечером Флуар появился в их скромном дворике. «Отец, в этом доме я родился во второй раз и полюбил вашу розу. Осмелюсь просить руки вашей дочери. И по обычаю этой страны примите мой калым», — и он протянул старику мешочек с золотыми монетами. Отец

молча соединил руки молодых. Три года они жили счастливо. Родились маленький рыжеволосый Флуар и черноглазая Розалия. Но вновь затосковал Флуар, он угасал, тая, как свеча. Ничто не радовало франка. Его росписи на вазах дышали печалью. Горы, леса, озера его родной Галлии вызывали умиление и слезы у богатых покупателей. Видя умирающего сына Флуара, старик решил: «Сынок, с позволения Всевышнего, я отпускаю вас с миром домой». Флуар на прощанье оставил большую вазу с портретом Гули. В Галлии семья Флуара зажила поначалу безбедно и радостно. Но вскоре начала таять Гули, теперь ее снедала тоска по родине. И тоска эта была столь сильной, что молодая женщина стала терять зрение, а тело ее покрылось язвами. Каким только врачам и знахарям ни показывал женщину Флуар — все было напрасно. Но в один прекрасный день в доме их появился... старый горшечник. Свой приезд он объяснил случившимися дома плохими приметами: цветник завял, умерла у порога голубка, треснула сама по себе ваза с портретом дочери. И сердце подсказало: что-то случилось с дочерью. Усто немедля тронулся в путь. С собой он привез настой роз. Промыл розовой водой глаза любимицы, смазал тело больной дочери розовым маслом со словами: «Этот бальзам-нектар вобрал в себя колодезную домашнюю воду, привольный степной воздух и дым родного очага». И случилось чудо: Гули выздоровела и расцвела небесной красотой. Отец после выздоровления младшенькой собрался обратно в дорогу. С посветлевшим взором старец обратился к своим близким: «Больше я вас не увижу, а чтобы мои родные не болели и помнили свою родину, я привез вам черенки роз». С тех пор во Франции появилась гальская махровая роза, родоначальница всех роз франков.

Молодой бек встал, устремил взор в сторону благоухающего сада и неожиданно с нежностью произнес:

— Гули! Я подарю вам все цветы мира!

Землю окутали дымчатые сумерки, и синеватый занавес опустился на дивный цветник. На темнеющем бархате неба зажглись первые звезды. Девушка голосом, выдававшим волнение, пригласила бека в дом.

На низком столе ждали их редкостные вина и сладости.

Прежде чем поднять бокал с мускиром, Темур извлек из-за пояса бархатную коробочку, раскрыл ее.

— Все розы мира — в будущем, а пока дарю вам, луноликая, обещанные серьги.

Пери вспыхнула от радости, принимая подарок, красуясь перед зеркалом, словно бы ненароком расстегнула пуговицу

на шелковом наряде. Башбеги отвел взгляд от молодого тела с нежной кожей, от кокетливо выглядывающих тугих грудей. С преувеличенным рвением принялся за угощение. Обмакнул фелитэ — сладкое печенье на овечьем сыре, — в гульбашакар — патоку, приготовленную из лепестков розы и сахара. Смакуя божественный цветочный нектар, молодой бек восхищенно произнес:

— Какое наслаждение!

— Наслаждение не там, а здесь, — игриво бросила пери и вдруг осеклась, поняв, что переступила границу дозволенного.

Молодой бек вмиг оказался рядом. Девушка изменившимся голосом прошептала:

— Что-то мне не по себе, — и торопливо расстегнула еще одну пуговицу.

Темур, увидев крепкие груди и враз напрягшиеся соски, осторожно обнял Гульбахор, и россыпь падающих волос окутала молодого бека...

Утоливши страсть, они обнялись и лежали, как два голубка.

— Почему портишь себе жизнь? Тебя любой амир взял бы в гарем, ведь девственницей оказалась, — удивленно спросил Темур.

— А ты думал, опытная, распутная?.. — Гульбахор вдруг вздохнула: — Я сама себя взбадривала, чтобы казаться многоопытной... А в последний миг растерялась и вслепую шла, как на плаху. Поступила, как велело мне сердце, а потом... я ведь гадаю — определяю судьбу по звездам, на кофейной гуще, на костях.

— Что ждет меня? — с интересом спросил башбеги.

Прорицательница взяла раскрытую ладонь левой руки молодого бека и начала читать по линиям жизни.

— Много трудностей ждет тебя впереди и постоянная борьба за власть. И будет дорога, ведущая на грань смертельной опасности... будут болезни, ранения и необъятная власть, а дальше...

Башбеги сжал нежные пальчики юной прорицательницы:

— А ты, кем будешь ты в моей жизни?

Пери кокетливо вздернула подбородок:

— Буду тебе преданной любовницей.

— Верных гурий не бывает, — покачал головой молодой бек.

— Если любит, то будет верна, всюду пойдет за возлюбленным. С женой не вырвешься из круга стыдливости. А любовница — это любовные игры, это фантазия в приемах и позах.

Темур многозначительно поджал тонкие губы:

— Колесные путешествия, встречи с молодыми воинами воспаляют пылкое воображение.

— Вот этой лунной ночи хватит мне надолго, и мысли о вас будут согревать меня в тоскливые дни.

Облизнув пересохшие губы, башбеги ревниво сказал:

— Если хоть раз почувствую на твоём лице дыхание другого джигита, искромсаю тебя на куски и брошу бешеным псам на съеденье.

Гульбахор вся засветилась от счастья. Темур ощутил вдруг легкость в теле и душевный подъем.

— Завтра пришлю садовника, чтобы ухаживал за цветами. Оставлю двух слуг — сторожить дом, вернее — твою особу.

Пери в сладкой истоме потянулась:

— Надеюсь, мой бек, вас всегда будет тянуть в Самарканд, в этот райский сад?

— Конечно, — тут же отреагировал бек, — к этим восхижительным глазам, к этим нежным рукам, которые могут соблазнить и обласкать...

— Вы правы, мой бек, я была подготовлена к этой встрече. Когда мы были в Индии и жили около храма, жрица, восхищавшаяся моими восточными танцами, обучила меня искусству любви. — Гульбахор взяла крупную виноградину и попросила бека надкусить и оставить в зубах, и сама прильнула мягкими губами к сахарной ягоде. Затем своим гибким язычком дотронулась до языка Темура и, сладко улыбаясь, проворковала: — Этот поцелуй — встреча друзей.

Темур покачал головой:

— Свидание милых влюбленных.

Гульбахор зарделась, обняла его нежными руками и уснула в объятиях любимого.

Темур с друзьями еще раз отправился на базар, чтобы забрать Нуритдина и его помощников. Бешбеги и его свиту ожидала ужасная картина: Нуритдин был сильно избит, слугам тоже досталось с лихвой. Еле ворочая языком, Нуритдин рассказал о случившемся. Группа людей, возглавляемая братьями Жавлоном и Муталибом, вооруженная палками и кастетами, требовала дань за занятое место.

— Что за люди? — перебил молодой бек.

— Не знаю, — ответил Нуритдин. — Мы базарному заплатили сполна. И им отдали то, что они просили.

Вмешался сосед по ряду, продавец кураги, с оглядкой, шепотом, одними губами произнес:

— Мы все платили подать братьям-бандитам. Ваш работник отдал положенное, но им показалось мало. Стали придирааться к вашим слугам. Лучше с ним не связываться, для них убить — раз плюнуть. Пока не поздно, гоните своих лошадей без оглядки, — с сочувствием посоветовал сосед-торговец.

Темур озабоченно сказал:

— Видимо, кто-то видел нас вместе с Нуритдином и доложил Баба Кадаму, вот он и натравил братьев. Подождем этих бандитов.

И долго ждать не пришлось. Большая группа джигитов окружила маленькую свиту молодого бека. Братья Жавлон и Муталиб были очень похожи друг на друга. Оба громадные, с бычьими шеями и залпывшими глазками. Черные чапаны туго обтягивали жирные животы, тюбетейки чудом держались на грязных спутанных волосах. Когда-то Жавлон и Муталиб выступали в борьбе кураш, брали призы, потом вступили на кривую дорожку, но кто-то подобрал их и умело, невидимой рукой, управлял братьями.

Жавлон, захватив рукой, точно лапой, горсть черного кишмиша, принялся демонстративно давить в кулаке сухой фрукт, превращая его в черную густую массу.

— Кишмиш мой, а ты его портишь, — с угрозой в голосе проговорил Темур.

Бандит с интересом посмотрел на молодого бека, поковырялся мизинцем в пещерной ноздре, вытащил козявку, сдул ее в сторону Темура.

— Согласен, — сквозь зубы процедил Жавлон. — Изюм твой, но надо как истинному мусульманину платить долг. — И огромная туша оскалилась, обнажив чудовищный рот с желтыми зубами. А в следующее мгновенье спрессованная в комок черная масса была пущена прямо в лицо молодому беку.

Темур на лету перехватил комок и с криком: «Держи свой куш и подавись», — лихо метнул его обратно, прямо в зияющую дыру. Поперхнувшись, бандит с вздутыми на шее жилами с трудом выплюнул сладкий сгусток.

— Ах ты щенок! — взревел Жавлон. — Да я тебя покалечу...

— Я готов, — жестко ответил молодой бек, — и надеюсь, ты не побоишься выйти из стен базара.

За брата злобно ответил Муталиб:

— Ты много не кукарекай, бек, а выходи на драку.

Недалеко от базара нашли укромный тупичок. Образовался круг из свиты того и другого. Любопытных и зевак не

было — никому не хотелось навлекать на себя гнев братьев. Жавлон отверг клинок, а оружием выбрал длинную палку и тут же с криком «Иа-ах» бросился на молодого бека. Темур едва успел уклониться, но удар все-таки пришелся по левому плечу. Рука повисла, как плеть. Башбеги, крепко сжав зубы, не издал ни звука, несмотря на невыносимую боль. В ответ он пытался нанести удар саблей по жирной, наглой физиономии. Но Жавлон, видя это, стал стремительно крутить палку выше уровня своих плеч. И тогда молодой бек, сделав вид, что атакует голову противника, внезапно пригнувшись, сделал стремительный выпад и проткнул вздутый живот Жавлона. Раздался дикий рев раненого. Лицо бандита исказилось от смертельной боли и, покачнувшись, он рухнул навзничь, прижав свои волосатые лапищи к животу. В следующее мгновение Темур подскочил к растерявшемуся брату Жавлона и точным выпадом слегка вонзил острие сабли в его жирную шею. Хриплым голосом молодой бек крикнул:

— Прикажи своим кекликам бросить оружие.

Нападавшие превосходили свиту Темура почти втрое.

— Я жду,— нетерпеливо бросил башбеги и слегка надавил на клинок. Показалась струйка крови.

— Бросайте все, что в руках,— сдавленно прохрипел бандит.

Сообщники нехотя побросали оружие. Джигиты быстро собрали его в кучу. Темур, вложив саблю в ножны и осторожно приподнимая левую руку, словно опробывая — работает ли, хмуро произнес:

— Не попадайся больше на моем пути. Иначе убью, как собаку.

Муталиб вслед прорычал:

— Ты зажег огонь мщения в моей груди. Ты его и получишь.

Джигиты собрались в обратный путь, домой, в Ходжалгар. Но вдруг заболела Ольга. В горячечном бреде все звала она своего брата Ивана и какого-то дядю Степана. Сажорат-буви упростила Темура оставить бедную девочку у себя.

— Поправится, заберете ее, досточтимый бек, а так может скончаться в дороге.

Башбеги согласился с доводами старой женщины и взял в путь Сальму с маленьким Азимом, а буви оставил деньги, чтобы пригласила табиба и лучше смотрела за золотоволосой Ольгой. Прощание с семьей Айша-апы было теплым

и сердечным. Пообещав приехать к ним осенью, молодой бек со своей свитой тронулся в родной Кеш. От Самарканда до Кеша было два дня пути. На ночлег решили остановиться в Дириздехе, селенье, расположенном как раз на полпути. Стало быстро темнеть, солнце, словно желток круто сваренного яйца, застыло на горизонте, на самом пике снежной вершины, посылая на землю последние лучи. Качнувшись, потухший шар медленно исчез, оставив после себя отсветы неяркого зарева. О том, что селенье недалеко, говорили начавшиеся зеленые предгорья. В кустах боярышника завел свою вечную песнь влюбленный соловей; выбирая место для ночлега, с надоедливym чириканьем перелетали с деревьев на деревья воробьи. Со стороны негромкого ручья доносилась звонкая переключка жаб. Где-то позади пройденного пути неистово закаркали вороны. Сальма, сидевшая с братишкой в повозке, вздрогнула, но, встретив ободряющую улыбку Темура, успокоилась, нежно прижала к себе братишку, который спал, свернувшись в клубочек.

А между тем Темура встревожило карканье птиц.

— Кто-то спугнул ворон,— бросил он джигитам и, спрыгнув с коня, прижал ухо к земле; так неподвижно, сосредоточившись, лежал некоторое время.

— Так и знал,— сказал он, устало поднявшись. Лицо его помрачнело.— Погоня, и отряд большой.— И тут же решительно крикнул: — Распрягайте лошадей, опрокидывайте арбу.— Сейфетдину Темур отдал хурджун с деньгами, вырученными от продажи кишмиша: — Отвезешь домой.

Сейфетдин покачал головой и твердо сказал:

— Я остаюсь с тобой.

Темур оглядел друзей — те отводили взоры; молодой бек понял, что все хотят остаться и биться с противником рядом с ним. Темур жестко приказал:

— Времени для препирательств нет. А потому... Худайдад, вот деньги — передашь отцу в руки.

Тот со вздохом кивнул, обнял Темура и молча вскочил на коня. Сейфетдин, радуясь тому, что оставлен с отрядом, бросил вслед товарищу: «Отныне и навеки — ты казначей нашего отряда». Цокот копыт был ответом поэту-табибу.

— Джако,— обеспокоенно вскричал Темур,— в этой спешке я забыл передать Худайдаду лекарство.

Тот, оцетинившись, зло ответил:

— Сам передашь.

Темур зашипел:

— Лекарство для матери, понимаешь?..

Джако с остервенением выхватил сверток из рук башбеги и, не прощаясь, ускакал.

— Аббас, рыбачок ты мой любезный. Речь идет о нашей чести. Я не хочу, чтобы Сальма попала руки Баба Кадама, не смогу пережить торжества этого негодяя и глумления над девушкой. Это будет позор всем нам, отважным джигитам.

Аббас, с враз повлажневшими глазами, прохрипел: «Я готов». Слуги помогли усадить к нему на лошадь девушку и ее братишку, и рыбак жестко хлестнул коня.

— За такой арбой, как за неприступной стеной,— воскликнул Джагуй Барлас,— жаль, что стрел мало.

Сулейман молча протянул припрятанный было колчан Темуру, тот радостно схватил его и тут же передал Нуритдину:

— Добавь слугам и нукерам и пусть лучше целятся, чтобы зря не пропал ни один выстрел.

Раб Мосул с вытаращенными глазами начал мычать и приставать к Темуру.

— Чего он хочет? — возмущенно фыркнул башбеги.

— Лук и стрелы,— ответил Сулейман.— Просит, значит, может стрелять.

— Дайте ему мой запасной, висит на луке седла,— сказал бек.

Неожиданно из темноты вынырнула Сальма, в ответ на гневный взгляд молодого бека жалобно протянула:

— Лошадь не выдержит нас всех,— затем, вскинув руку с кинжалом, с отчаяньем в голосе заявила: — Живой я Баба Кадаму не дамся.

Башбеги только махнул рукой. Послышался глухой топот приближающихся скакунов. Темур, пересчитав имеющееся оружие, с сожалением произнес:

— Действительно мало стрел.

Рядом, присев на корточки, устроился Сейфетдин и, сверкая белыми зубами, мечтательно произнес:

— Когда-нибудь, когда доживу до старости, Темур, отпустишь меня в Мекку на хадж, чтобы я замолил свои и твои грехи.

— За собой никакой вины не чувствую,— серьезно ответил башбеги.— Но хадж совершим обязательно.

А конский топот становился оглушительным. Дрожащая Сальма, ища укрытия за арбой, прилегла рядом с Темуром, который только искоса взглянул на нее и тут же пустил стрелу — начался бой.

Баба Кадам, узнав из жалобных причитаний своего подопечного Муталиба о смерти Жавлона, быстро собрал

отряд из пятидесяти наемников и ринулся в погоню. И вдруг, неожиданно для предводителя, его отряд был обстрелян, пришлось принять сражение. Послышались стоны, хриплое ржанье лошадей, бьющихся в предсмертной агонии.

У Темура быстро кончились стрелы. Видя это, Сальма отползла в сторону и через несколько мгновений принесла колчан, наполовину заполненный стрелами из белого тополя.

— У убитого нукера взяла, — тихо проговорила девушка.

Поблагодарив кивком головы Сальму, Темур тут же устремил свой взор на дорогу — там столпилась плотная кучка наемников. Вот туда и направил свои, не знающие промаха, стрелы Темур. Подползли Нуритдин и Мосул, у негра сломался лук, и он умоляющими знаками просил у Темура его лук. У Нуритдина лицо было в крови, на тревожный взгляд башбеги он махнул рукой:

— Царапнуло по щеке. Вам надо уходить, бек, настало время.

Темур отдал лук Мосулу, и раб, схватив оружие, почти не целясь, принялся метко отстреливать близко подскакавших бандитов. Свалили еще пять нукеров. Сулейман и Сейфетдин почти насильно подтолкнули Темура к оврагу.

— За нас не волнуйся, башбеги. Уходи, спасай девушку. А мы еще продержимся, а потом уйдем горами, — сказали в один голос верные друзья.

Темур, схватив за руку подлетевшую Сальму и пригнувшись, бросился бежать по дну оврага. Выскочив в густую джидовую рощу, беглецы ринулись через непроходимую чащобу. Колючие ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду. Не обращая внимания на стоны девушки, Темур тянул ее за собой, сквозь высокий кустарник. Девушка задыхалась, она не была готова к таким испытаниям.

— Спасение наше в быстроте наших ног, — твердил как заклинание Темур, и неизвестно, кому предназначалась эта ободряющая фраза — Сальме или ему самому! И только миновав фруктовый сад, обогнув три холма, горный иссохший ручей и выскочив на зеленую поляну, башбеги остановился. Увидев перед собой старую, с пышной кроной и обнаженными, выступающими большими корнями арчу, Темур решил:

— Под этим шатром мы сможем отсидеться... — И, помогая девушке взобраться на ветвистую крону, предупредил: — Если издашь хоть один звук, считай, мы — рабы Баба Кадама.

Наконец, кое-как взобравшись на толстую ветку, устроившись поудобнее, они прислонились друг к другу. Остава-

лось только ждать, когда наступит рассвет. Вокруг царила дремотная тишина. Но вдруг все переменялось — послышались громкие голоса, топот копыт, и небольшой отряд с горящими факелами появился на задремавшем лугу. Темур, увидев испуганные глаза девушки, приложил палец к губам — молчи.

Раздался резкий голос Баба Кадама:

— Муталиб, твой покойный брат был орел, он давно бы скрутил кешских цыплят.

«Сразил же орла этот цыпленок», — подумал бандит, но вслух ничего не ответил.

Раздражаясь его упорным молчанием, Баба Кадам язвительно продолжал:

— Ушел убийца твоего брата, и хурджун денег ушел. А что мы получили взамен? Черного бешеного зинджи?

— Но и мы положили джигитов Темура, — осторожно вставил Муталиб.

— Какие это воины — слуги неотесанные! Это тебе, дурачку, только с ними и сражаться.

Муталиб, вскипая, с усмешкой произнес:

— Но Темур-цыпленок, кажется, вас тоже чем-то обидел? Увел из-под носа красавиц! А?!

— Недорезанный шакал, чего меня с собой равняешь?! Темур теперь мой кровный враг, что между нами произошло, это мое дело, и не болтай много, а то вырежу язык.

— Мой господин, — опомнился сразу же Муталиб, — вы с правителем на короткой ноге. Как мне равняться с вами? — и он угодливо заулыбался.

— Ладно, ладно, — снизошел до милостивого прощения Баба Кадам. — Лыстить ты можешь. — А представь, что сидит этот Темур сейчас вот на этом дереве и насмехается над нами, — добавил он на полном серьезе.

Муталиб суетливо, с преувеличенной готовностью соскочил с коня и направился в сторону темнеющей кроны. Темур осторожно приложил свои пальцы к губам девушки.

Раздался лающий смех Баба Кадама, ему вторили громким ревом его воины.

— Осел ты, Муталиб, и сын ослицы, — сквозь выступившие слезы, заикаясь, выдавил из себя нойон. — Темур давно уже в горах, как заяц, петляет — замечает следы. Давай сигнал к отходу, — обратился он к своему оруженосцу. И Баба Кадам первый повернул коня.

Воины последовали его примеру. Муталиб постоял немного, словно в раздумье, затем, разбежавшись, с криком «Ур», грузно оседлал коня. Тронувшись вслед за отрядом, обернулся и негромко произнес:

— Он не заяц, а хитрый гепард, — и, держа перед собой арбалет, на скаку выстрелил в сторону темных ветвей.

Стрела, завизжав в ночной тишине, отсекая ветви арчи, пронзила густую копну волос девушки и припечатала Сальму к стволу.

— Ах! — раздался негромкий стон девушки.

У Муталиба отвисла челюсть от удивления. Он явно услышал человеческий голос.

— Поехали, — это птица, — крикнул удаляющийся Баба Кадам.

Бандит продолжал прислушиваться. Но стояла мертвая тишина. Недоверчиво покачивая головой, Муталиб стегнул своего коня.

Светало. Защебетали птицы. Девушка вымученно улыбнулась сквозь гримасу боли. И одними губами прошептала:

— Я в раю или в аду, на небесах или с вами, бек?

— Ты со мной в облаках, с черным жалом в волосах, — пошутил бек и выдернул стрелу. — Если бы дрогнула рука этого негодяя, осталась бы без глаза.

Только теперь, осознав всю опасность случившегося, Сальма вся обмякла и чуть не свалилась с ветки, еле успел удержать ее башбеги.

— Ну, теперь падать не надо, — стал успокаивать Темур девушку.

И осторожно, помогая друг другу, они стали спускаться. На последней ветке, уже у самой земли, Сальма вдруг неловко перехватила руку, сорвалась, и, зацепившись платьем за сук, повисла вниз головой. Шелковая материя лопнула, и девушка упала на траву. Темур, прыгнув, помог девушке подняться. Сальма, прикрыв руками тяжелые голые груди, застенчиво и виновато улыбнулась:

— Вот, платье порвалось...

Неожиданно поляна огласилась злорадным смехом:

— Меня называют ослом, дураком, а я вот оказался хитрым, как лис. — Неподалеку от арчи стоял, потрясая арбалетом, Муталиб. Не спуская глаз с беглецов и держа их под прицелом, бандит осторожно слез с коня и, продолжая щериться, бросил: — А ну, кешская дохлятина, снимай все с себя, не хочу хорошую одежду пачкать кровью. Гляди, а эта беглая красавица сама разделась для меня.

Сальма с диким ужасом смотрела на осклабившегося в гадливой улыбке страшного преследователя, затем с надеждой перевела взор на молодого бека. В ответ Темур только хмуро кивнул головой. Сальма обреченно побрела в сторону бандита, тот, держа арбалет одной рукой, другой

ловко скинул с нее халат, накиннутый беком, и прижал к себе вздрагивающее юное тело. Бугристые брови его подрагивали от вожделения, а на лице отражалось самодовольство.

— У кешского цыпленка кишка тонка против меня. Сколько я должен ждать? — злобно крикнул бандит, целясь правой рукой в молодого бека. — Раздевайся.

— Что ж, придется, — кивнул смиренно молодой бек, а пальцы его торопливо искали мешочек с золотом, что спрятал он за пояс. Найдя мешочек, предложил: — У меня есть золото, оно твое.

— Меня не купишь, убийца моего брата, — Муталиб с презрением плюнул.

Темур, тем не менее, размахнувшись, бросил мешочек: — Вот, лови!

Желтые монеты рассыпались у ног Муталиба.

— Как ты глуп, кешский цыпленок, после твоей смерти золото все равно — мое, — вновь захохотал бандит.

Темур все так же смиренно продолжал:

— Это только капля в море, но я могу сказать, где закопал целый хурджун желтых кругляшков.

— Врешь! — заорал Муталиб.

— Зачем нужна ложь, когда жизнь висит на волоске, — с печалью в голосе произнес молодой бек.

— Оно и верно, жизнь — сладка, — ухмыляясь, согласился бандит. — А далеко идти?

— Нет, место — у высохшего ручья, надо отсчитать от... — и башбеги замолк, затем, тяжело вздохнув, сказал: — Лучше я сам покажу.

Муталиб молчал, размышляя...

Лицо Темура прояснилось, есть долгожданная передышка. Теперь надо закрепить и развить успех — незаметно вытащить нож из голенища сапога.

— И сапоги снимай, — словно читая мысли башбеги, приказал Муталиб.

Башбеги нагнулся, и по всему его телу пробежала нетерпеливая дрожь, он твердил пересохшими губами: «Сальма, отвлеки его, отвлеки».

Муталиб, решивший, что сломил дух кешского цыпленка, расслабился. Свободной рукой он грубо похлопал по обнаженному телу Сальмы:

— Сейчас я потешусь с тобой, красотка...

Сальма потеряла сознание и рухнула у ног бандита. Тот качнулся и на миг упустил из вида бека. Этого было достаточно, чтобы Темур, точно сжатая пружина, распрямылся и послал клинок точно в цель — нож вошел в жирную

грудь по самую рукоятку. Лицо бандита, лоснящееся от жира, исказилось детским изумлением: «О боже, как больно», — пробулькал он клекочущим голосом и рухнул замертво на приходящую в себя Сальму.

Девушка истошно закричала от ужаса и снова лишилась чувств. Когда она пришла в себя, то долго не могла понять, в чем дело.

— Вы живы? — простонала девушка, увидев перед собой молодого бека. Медленно повела головой — на лужайке, мирно пожеывая зеленую травку, пасся жеребец, горел маленький костер, на нем булькал котелок с варевом. Глаза беспокойно искали насильника. Осознав, что кроме молодого бека рядом никого нет, она прошептала: — Слава богу, что это не сон.

Темур насыпал из амулета на ладонь какого-то зелья и приложил к ранке, что была на голове девушки. Затем улыбнулся доброй, успокаивающей улыбкой и сказал:

— А негодяя я завалил камнями.

— Пусть бы шакалы разорвали его тело на куски, — срывающимся голосом истерично закричала Сальма.

Темур понимающе кивнул, но твердо сказал:

— Я последний и единственный мусульманин, который видел его перед смертью. И по воле божьей должен был сделать это.

Накормив девушку горячим бульоном, бек выложил на дастархан суховатую лепешку и овечий сыр.

— Хурджун полон продуктов, запасливый был этот Муталиб.

Позавтракав, Сальма немного успокоилась. Благодарно глядя на Темура, сказала:

— Милосердный услышал мои молитвы. Для полного счастья — был бы жив Азимчик, да еще хоть краешком глаза увидеть родителей.

— Ты встретишься с ними, — твердо пообещал Темур, но не стал объяснять, что поклялся самому себе, в случае, если Сальма отвлечет внимание Муталиба, исполнить любое ее желание. Падение девушки спасло его от неминуемой смерти, теперь он должен исполнить клятву.

Гератка смотрела на Темура широко раскрытыми глазами:

— Повторите, досточтимый бек, я наверно, не так поняла ваши слова.

— Я отвезу тебя к отцу и матери, — тихо сказал Темур, — а Азим у меня дома, ждет нас не дождется.

Гератка закрыла лицо ладонями, сквозь изящные пальцы просочились светлые, крупные капли — она не в силах была сдержать слезы благодарности.

Прежде чем отправиться дальше, решили хоть немного поспать — этой страшной ночью не удалось сомкнуть глаз. Легли рядышком, укрылись халатом Темура. Бек задумчиво смотрел в небо.

Сальма поежилась.

— Мне холодно, — почти простонала она.

Темур плотнее прижал к себе гератку, и рука медленно поползла вдоль стройного тела, глядя нежную кожу девушки, а требовательные губы объяли вздрагивающий сосок. Сальма застонала, дыхание ее стало прерывистым:

— Милый, не делай мне больно, возьми меня осторожно и нежно.

— Я буду божественным облачком для тебя, мое сокровище, — дрожа от возбуждения, прошептал молодой бек.

И они подчинились своим чувствам, зову молодой горячей крови. Зеленый ковер весенних трав был их ложем, необъятная синь неба — шатром. И встающее над долиной солнце благословило их своими нежными лучами.

Глава десятая

ПУТИ-ДОРОГИ

«Аллах — друг тех, которые уверовали:
Он выводит из мрака к свету».

Коран, сура 2.

Восточный мир жил, кипел шумной, многогранной жизнью. Вереницы караванов днем и ночью чинно отсчитывали отрезки путей по дорогам Мавераннахра и Туркестана. Звонко перекликались бубенчиками катары верблюдов. Начинающие безусые юнцы и опытные купцы везли свои товары по Великому торговому пути. Берущий начало от восточного Средиземноморья путь этот лежал через Сирию, где изготовляли редкостной красоты шелка, мелодично звенящую стеклянную посуду, к Дамаску, славившемуся на весь мир оружейниками — сделанные ими мечи, сабли, панцири из дамасской стали высоко ценились воинами. В Дамаск стекались купцы всех стран мира: из Венеции — диковинного города, где улицами служат каналы, по которым плавают лодки-гондолы, из богатой торговой Генуи, из каменной Толеды, из Константинополя, являющегося бриллиантовым мостом между Востоком и Западом. Он стоял на пересечении двух важных торговых путей, сухопутного из Европы в Азию и морского из Средиземного

моря в Черное. Древний торговый путь через Сирийскую пустыню тянулся к Багдаду — «Сокровищнице мудрости». Затем через цветущий Рей к житнице Востока и Запада — Нишапуру, чьи товары шли во все страны, а в нишапурские ткани наряжались жители Египта и Магриба. У этого города от Великого торгового пути ответвлялись ветки-дороги... В Герат, славившийся различными сортами винограда, превосходными коврами, войлоком. И в Балх — пораженный изобилием фруктов, но торговавший также и свинцом, серой, купоросом. Основная же караванная дорога приводила в Мерв — город большой и славный. Из Мерва вывозились знаменитые дыни, хлопок, шелковые материи «казин» и «мульхам», сладкое печенье из овечьего молока — «фелятэ», виноградный уксус. Затем торговый путь змеевидной лентой тянулся через пустынные и степные просторы к солнечной Бухаре, а оттуда в город-сад Самарканд. Из города-рая торговая дорога, вытягиваясь длинным шнуром, достигала красавца Ташкента и убегала дальше — в Кашгарский оазис. Эта область окаймлена с трех сторон — севера, запада, юга — полукольцом горных хребтов. Город расположен в среднем течении Кызылсу или Кашгадарьи. В вилайате большое количество базаров, которые заполняют торговцы — от крупных купцов до мелких разносчиков. Очень ценились кашгарские ткани: «хам», «дабу», «мату», «чакмень», «саргязь». От Кашгара торговые дороги разветвляются ручьями. Одна из них вела через Чадыркуль к Узгену и Андижану. Вторая — связывала Кашгар через перевал Терек-Давань с Алтайской долиной и с Ошем. Эта ветвь пути была удобной и круглогодичной. А основной Великий торговый путь раздваивался, обходя с севера и с юга пустыню Такла-Макан, и сходился у озера Лобнор. Южная дорога выходила на Яркенд, богатый масляничными культурами: кунжутом, коноплей, шафраном, льном, маком; дивного вкуса фруктами — белым и розовым виноградом, финиками, грушами, айвой, сливой, грецкими орехами, а также курдючными тонкорунными овцами и шалевыми козами. Затем торговая дорога, проходя через северные отроги таинственных гор Кулунь, минуя озеро Лобнор, богатое рыбой, упиралась в город Дуньхуан.

Северный путь, прорезая город Куч, устремлялся к Турфану. В Турфанском вилайате купцы закупали белую овечью шерсть, меха, тягловых быков, яков, овец, масло, арбузы, дыни, зеленый кишмиш. Торговый путь от Турфана вновь разветвлялся и тянулся вдоль северных склонов Тянь-

Шаня, приводя в Гучэн и Урумчи, и связывался с Джунгархией.

По основному Великому пути проводники караванов предпочитали идти к озеру Лобнор и городу Дуньхуан, делая большой крюк, через город Хами. Так как прямая дорога от Турфана до Дуньхуана была ужасна и совершенно безлюдна — барханы Белого Дракона представляли соляную пустыню, некогда составлявшую часть дна озера Лобнор.

От Дуньхуана Великий путь, пройдя Яшмовые ворота, пограничную таможенную крепость, огибал светлую, чистую реку Юй и заканчивался у поселка Черный дракон. По Великому торговому пути шли большие караваны, которые насчитывали сотни купцов, имели солидную охрану и до тысячи вьючных животных. Хоть и считалось, что от Красного моря до Китая двести дневных переходов, но непогода, эпидемии, войны замедляли движение караванов. Так что путешественник добирался от Тира до Китая в течение двух-трех лет.

В своей средней части, в Центральной Азии, Великий торговый путь дробился на множество рукавов, которые разбегались к городам и странам.

Существовали и морские дороги, идущие вдоль побережья Северной Европы, или путь лежал от Аравии к Южной Индии и далее к Малайскому архипелагу, а от него вокруг Вьетнама к Южному Китаю. От каждого истока пути, как бы ни был он мал, текли грузы, от каждого начиналось русло, которое вливалось потом в основной поток. Эти дороги изобиловали труднодоступными горными тропами и стежками, идущими влажными низинами. И по всем дорогам шли караваны купцов. Кочует купец по плоской степи, вязнет в пустыне и проходит по берегам морей и рек. Изнывает караван от жары и зноя, бьется в ознобе от холода и дождей. Порой грабят караваны разбойники, но, невзирая ни на какие трудности, движется живая торговая цепочка.

Эти дороги были проходимы только благодаря исключительным достоинствам верблюдов, которые могли отыскать для изнывающих от жажды купцов подземные родники, а также чувствовали приближение смертоносных песчаных бурь. Когда надвигается такой смерч, лишь старые верблюды чувствуют его заранее, они сразу же сбиваются в кучу и погружают свои головы в песок. Путники замечают это и тотчас закрывают рты и носы войлоком. Смертоносный ветер налетает мгновенно и так же внезапно стихает, но если

люди не успеют защитить себя подобным образом, то караван непременно гибнет.

Торговый путь был пульсирующим сосудом, источником новостей, предметом раздоров, сражений и войн, мирных договоров. Сам Чингизхан стремился господствовать на Великом торговом пути. Рыцари-крестоносцы шли завоевывать Святую землю и освобождать гроб Господень, не подозревая, что их толкают к войнам генуэзские и венецианские купцы, которые желали бы контролировать важнейшие порты Средиземноморья.

Многие города и страны поставляли товар для караванов Великого торгового пути. Купцам одним было тяжело вести караванную торговлю, и многие таджиры были объединены в торговые компании. В торговых операциях в употреблении были чеки — и купцам не было нужды возить с собой большие суммы. Они сдавали деньги в каком-нибудь городе представителям объединений — менялам и брали у него официально-финансовый документ — чек; по предъявлении его таджир мог получить в назначенном месте полностью сданную сумму.

В городах и селениях, через которые шли караваны, строились караван-сарай. В них имелись худжры для купцов и обслуживающего караван персонала: вооруженной охраны, переводчиков. При караван-сараях имелись и помещения для верблюдов, лошадей, ослов, а также необходимый фураж и провиант.

Караван-сарай являлся местом, где можно было продать и купить оптом выгодный для купца товар, узнать о последних событиях, происходящих в разных странах, а самое главное — познакомиться с ценами на товары.

Но наступило такое время, когда Великий торговый путь, проходящий по Средней Азии, начал хиреть. Во-первых, развелось множество разбойников, которые безбоязненно грабили проходящие караваны. Исчезла вода в колодцах. Рушились караван-сарай, правители маленьких вилайятов сами были не прочь урвать лакомый кусочек от пирога. Но главной причиной этой трагедии явилось то обстоятельство, что могущественные монгольские предводители крупных родовитых улусов Золотой Орды повернули караванный поток из Бухары и других городов Ирана и Ирака через Кавказ в свою столицу Сарай-Берке, в Моголистан, в Китай. И все-таки неутомимые, отважные купцы вели на свой страх и риск караваны по Средней Азии.

Перемещение людей, помимо караванов, было усилено еще и переходами кочевых племен в поисках новых пастбищ,

а также мирными походами оседлых степных кланов в поисках плодородной земли для выращивания злаковых культур.

С высоты птичьего полета было видно, как ручейками стекались паломники в светлый город Мекку, чтобы коснуться черного камня, освободиться от скверных мыслей и грехов. В молитвах очиститься духовно. И в будущем, став в своих деяниях святым, прославлять Всевышнего, быть его проводником, зеркалом души, все помыслы посвящать благу правоверных мусульман во исполнение заветов Корана.

Шемсетдин Кулял, наконец-то, собрался совершить хадж в Мекку. Была собрана нужная сумма денег для паломничества, и святой отец, пригласив улемов, сейидов, имамов, шейхов, беков, друзей, родственников, устроил прощальный туй. К приглашенным гостям Шемсетдин Кулял обратился с такой речью:

— Братья, ваше благополучие, ваши успехи предопределены Аллахом, как и все предстоящие события. Поэтому никогда не забывайте обязанность мусульманина участвовать в общественном богослужении. Я хочу, чтобы вы приняли заветы покорности, терпения, надежды и упования на Аллаха. Я давно проникся убежденностью в истинности слова Божьего, но каждый должен идти все дальше и дальше в познании истин Аллаха. И потому принимаю иджтихад и отправляюсь в священный город.

Высокопоставленные духовные лица Турана тепло приняли признание Шемсетдина Куляла.

Перед отъездом святого отца Тарагай и Темур дали имаму телохранителя Аббаскози, уже возмужавшего и умело владевшего кинжалом. Темур подарил халат, при этом почтительно объяснил:

— Дорога дальняя, много трудностей впереди, могут быть невзгоды, болезни, здесь я зашил деньги, при сильной надобности вспомните про них.

Шемсетдин Кулял, приняв дар от юного бека, проникновенно обратился к Тарагаю.

— Спасибо вам, амир, за помощь в организации хаджа. Я же могу вам дать только добрый совет: берегите Темура и будьте всегда осмотрительны. Сын ваш рожден с верой в Аллаха и с жадой познать мир.

По прибытии каравана быстро и организованно собралась группа паломников. Спутниками Шемсетдина Куляла стали преданный мулла Камалетдин; ходжа Раунтанган — рыхловатый мужчина лет сорока, со сросшимися бровями, широким лбом и оттопыренными ушами; молодой Фахнави

с тоненькими ниточками усов на верхней пухлой губе; старик Кельдибобо с потухшим взглядом, с затрудненным дыханием; каменщик Азиз, пожилой, рассудительный и услужливый усто. Неожиданностью для всех отъезжающих явилось то, что в путь отправился и учитель Маматхалил. Он, любезно поздоровавшись с Шемсетдином Кулялом, как ни в чем не бывало, словно и не было никакой ссоры, деловито устраивался в караване. Сопровождали его двое крепко сбитых мужчин.

Святой отец приготовился к путешествию на большом двугорбом верблюде. Аббаскози щеголял на вороном коне, подаренном амиром Тарагаем; мулле Камалетдину попался огромный мул, норовистый, но привыкший к дальним переходам. Итак, кто в седле, а кто и пешком отправились в дальний путь. И у всех паломников одна мысль — дойти до Мекки.

Караван, к которому они примкнули, составляли семьдесят два верблюда, навьюченных шерстяными тканями, паласами, коврами, а также мелким товаром: ножницами, иголками, молитвенными ковриками, высокими седлами из Кимухта.

Караван принадлежал купцу Григорию — армянину с большими глазами, крупным носом, рыжей большой бородой. Григорий был настоящим купцом-таджиром, торговавшим широко и масштабно. Караваны с его грузом можно было встретить от Каира до Шаша, от Булгар до Тебриза. Хотя охрана у него была обученная и надежная, таджир на базаре отобрал еще дюжину крепких джигитов, согласившихся охранять караван в пути.

После утреннего намаза караван двинулся в путь через перевал Тахиакарача, держа направление на Самарканд. После гранатовых и яблоневых садов потянулись хлопковые поля, где работали рабы и их дети. Мужчины, исподлобья поглядывая на вытянутую цепочку каравана, продолжали работать, женщины вообще не поднимали головы, и только дети радостно махали руками, а когда грозный надсмотрщик хлестнул бичом мальчишек, ловкие пальцы вновь стремительно замелькали, выбирая из коробочек белое пушистое «чудо», набивая хлопок в мешковины, фартуки, корзины.

Через три привала прибыли в Самарканд. Караван вошел в город через большие кешские ворота. Афрасиаб, некогда сердцевиной Самарканда, был так разрушен и разграблен, что город сместился к западу. Увидев осыпавшуюся, некогда мощную ограду, имам с грустью подумал: кто же все это восстановит? После монгольского смерча не находилось такого правителя, что занялся бы укреплением и ростом

Самарканда. В такт его мыслям мерно ступал громадный верблюд, с высоты которого хорошо был виден приближающийся город-сад.

Проехали квартал кожевников у начала акведука, миновали квартал ремесленников и остановились у караван-сарая. Встретивший их помощник хозяина караван-сарая, юноша с благородным лицом, был приветлив и учтив. Он сумел разместить всех гостей на ночлег. Но подошел еще один караван, увешанный козлиными бурдюками, наполненными нефтью, и не дал спокойно отдохнуть путникам. Были слышны возмущенные голоса, крепкая ругань — караван с огненной жидкостью не пустили в караван-сарай, отправили на окраину города, в особую махаллю. Наконец шум утих, и святой отец мгновенно уснул, словно провалился в небытие.

Рано утром, после намаза, Шемсетдин Кулял, его верный телохранитель Аббаскози, мулла Камалетдин, ходжа Раунтанган, молодой Фахнави, старик Кельдибобо и каменщик Азиз отправились на самаркандский базар. Здесь у каждого товара было свое, традиционное место. Кроме базара общего существовали и специальные, более мелкие базары. И только конский базар требовал огромной территории и располагался на окраине города. Земельный участок, занятый под главный городской базар, принадлежал кази Валиходже.

Мелкие торговцы и ремесленники обычно владели лишь лавкой, мастерской и платили за аренду участка.

Фахнави купил три кувшина вина, оделся в доспехи, выбрал красивый женский платок, признавшись мулле Камалетдину, что в Бухаре у него возлюбленная. Камалетдин набрал книг, ходжа Раунтанган сделал запасы продуктов. Аббаскози выбрал несколько коротких, с тяжелыми ручками ножей. Кельдибобо подобрал себе снадобья-лекарства, Азиз взял маленький топорик. Шемсетдин Кулял после долгих поисков нашел то, что искал — широкий пояс, куда удобно укладывались все мелкие предметы, необходимые для похода: иголки с нитками, нож, ложку, соль, огниво, противоядие от укусов скорпионов, лекарства от лихорадки, головных и суставных болей, мумие — слезы гор, плоские тыквенные фляжки для питьевой воды. Всему нашлось место в стеганом кушаке, в нем были даже кармашки для курта и тайник для золотых монет. Широкий пояс стоил уйму денег, но имам, не скупясь, бросил мешочек с деньгами седому старику.

Вечером, когда Шемсетдин Кулял находился один в худжре, к нему зашел посетитель, держа в руках маленькую корзину.

— Вот, просили передать вам от амира Тарагая,— отведя нечистый взгляд в сторону, процедил сквозь зубы незнакомец.

Неожиданно заглянул Фахнави с предложением сыграть партию в шахматы. Увидев неожиданного гостя, юноша застыл в дверях. Имам вопросительно взглянул на корзинку и строгим голосом промолвил:

— А ну-ка, откройте и покажите, что там.

Пришелец замялся и тихо промямлил:

— Мне велели оставить корзину у вас и тут же удалиться, да вот, хотел заработать за доставку. Но... как прикажете...— И незнакомец начал развязывать тонкий шнур, опоясывающий корзину. Сняв маленькое зеленое покрывало, он с ехидно-озабоченным видом прохрипел: — Пожалуйста, забирайте.

И тут, грозно шипя, из искусно сплетенного ивового гнездышка выглянула змея и, сделав молниеносный бросок, укусила незнакомца за палец. Тот завопил на весь караван-сарай.

Разрубив на куски змею, Фахнави схватил за руку непрошеного гостя и, не обращая внимания на его крики, стал высасывать яд из ранки. Затем он попросил у святейшего огня. Имам зажег свечу и приложил лезвие кинжала, к мерцающему огню. Фахнави, зажав руку пострадавшего, попросил подать нож. Но святой отец сам приложил раскаленную сталь к ранке. Посетитель, судорожно дернувшись, замолк. Запахло паленым мясом — имам приоткрыл дверь худжры, чтобы проветрить комнату. Незнакомец, дуя на укушенный палец, принялся причитать: подошла, мол, к нему на базаре одна красивая женщина и попросила передать посылку святейшему Шемсетдину Кулялу. Фахнави пинком выдворил негодяя из худжры и многозначительно покачал головой.

— У вас, святейший, в пути есть тайные враги.

В Самарканде в караван влилась новая группа паломников, и Шемсетдин Кулял познакомился с поэтом Камолом Худжанди. Худжанди родился и провел детство в Ходженте, учился в Самарканде, а теперь следовал до города Рея. Там он должен был покинуть караван и уже другим путем отправиться в Тебриз, во дворец, куда пригласил его правитель. Когда караван уже готов был выйти из Самарканда, прибежала юная красавица — она пришла проводить поэта. Камол прочитал ей стихи.

Внимательно слушавшая стихи красавица вдруг заплакала и, бросив «Прощайте», мгновенно исчезла.

Имам укоризненно покачал головой:

— Почему обижаешь девушек?

Камол, мягко улыбнувшись, ответил:

— Святейший, это соседская девочка, она... просто полюбила мои стихи...

В Самарканде купцы, пополнив свои поклажи знаменитой самаркандской бумагой, большими котлами из красной меди, доспехами, кольчугой, панцирями, ножами, стрелами, а также изящными зеркалами, уведомили караванбаши, что готовы отправиться дальше. Караванбаши дал знак погонщикам верблюдов, и караван тронулся в путь.

Медленно проплывали мимо лавки, бани, караван-сарай, мастерские ремесленников, городские ворота, сады... Впереди лежал Иштыхан.

Утро было свежим, радостным. Фиолетово-сизые очертания холмов, обступивших дорогу, резко выделялись на фоне прозрачного небосвода. Тутовая роща от бодрого ветерка качала ветками, словно прощально махала вслед каравану.

Огромная, с раздвоенным стволом чинара высоко раскинула свои кроны, в седловине двух стволов парочка аистов сидела в гнезде. Аист — птица семейная, брак лайлаков заключается на всю жизнь, потому и относится к ним люди с любовью.

Аисты, свившие гнездо на старой чинаре, ждали потомства. Самка сидела на яйцах. Самец важно, с достоинством обхаживал ее. И вдруг, словно вспомнив что-то важное, лайлак, распластав черно-белые крылья, винтообразно поднялся в воздух на очень большую высоту — отсюда он и увидел караван. Беспокоясь за самку, медленно, в планирующем полете вернулся к своему гнезду. Величаво запрокинув голову, издал громкие, как бы отпугивающие звуки и, встав длинными ногами на край гнезда, с заинтересованным видом стал наблюдать за проходящим катаром верблюдов. Затем громко щелкнул клювом, словно грозил проглотить неосторожного путника, решишь тот подойти к его жилищу.

Но караван, не обращая внимания на птиц, шел своей дорогой, и Шемсетдин Кулял только успевал провожать взглядом селения — Иштыхан, Кушания. В Рабинджане купец Григорий закупил рабинджанские красные шерстяные плащи, кожу, кипы веревок, изготовленных из конопли в Дабусии, хлопчатобумажную ткань «вейдарская», которую называли еще хорасанской парчой. Это была плотная ткань желтоватого оттенка, не подвергавшаяся отбелке. Ее носили все — от эмиров и визирей до воинов и простого люда.

Довольный хорошей покупкой, Григорий отправился в чайхану, пригласив туда и Шемсетдина Куляла. И когда все путники разошлись спать, купец Григорий и святейший уютно сидели в тенистой чайхане. Таджир, поглаживая свою рыжую бороду, улыбнулся.

— Вот мы с вами уединились, и вы, досточтимый имам, наверное, гадаете, зачем я вас пригласил? Просьба у меня будет к вам, просьба. Конечно, деликатная...— и купец загадочно повел глазами.

— Я — весь внимание,— сказал имам и поблагодарил за пиалу душистого чая, протянутую заботливым Григорием.

— У меня есть родственник, Ованес Воротрец — уважаемый ученый муж, и он с детства увлекался философией, богословием,— осторожно начал свою речь таджир.— Ованес попросил меня найти книгу «Армения», Степаноса — писца Таронского монастыря.

— Чем могу я помочь? — и святейший окинул задумчивым взглядом рыжебородого купца.

— Книга находится в библиотеке правителя Бухары... Я не поскуплюсь на затраты...

— Почтеннейший, вы сами откуда родом? — тепло спросил имам.

— Я из города Ани, столицы армянских царей династии Багратуни,— охотно, но с оттенком горечи начал свой рассказ купец.— Среди всех царей особенно прославился Гагик. В его правление в Ани были сооружены монументальные здания: дворец царя Гагика, церковь Тиграна Опенца, кафедральный собор, огромный трехъярусный купольный храм, пятикупольная церковь Апостолов.

— А почему вы с такой грустью говорите об этом? — спросил святейший.

— Ани — мой родной город, я его частица, боль моего очага — моя боль,— и купец тяжело вздохнул.— Ани неоднократно завоевывался и разорялся чужеземными захватчиками: монголами, византийцами, турками-сельджуками. Скрываясь от завоевателей, население Армении стало рассеиваться по всему миру, и нашего брата, армянина, можно встретить и в Грузии, и у русичей, и в Константинополе, на Балканах, в Крыму. И где бы мы ни были, стараемся не забывать наш язык, культуру, письменность.

— И давно у вас своя письменность? — запахивая поплотнее халат, спросил имам.

— Месроп Маштоц,— торжественно ответил купец,— выдающийся ученый древней Армении, в самом начале пятого века создал армянский алфавит, которым пользу-

ются до настоящего времени и, думаю, будут пользоваться в будущем. Было основано книгохранилище в Вагаршапайском матенадаране, где были собраны редкие книги, рукописи, документы.

Святой отец проникся глубокой симпатией к этому человеку, с такой любовью и такой болью вспомиравшему о своей растерзанной родине. Достоинство уважения было его стремление по крупицам собрать самое дорогое — книги по истории своей отчизны.

— Спасибо за беседу, — святой отец легко поднялся и стал прощаться. — Заждались меня мои спутники.

Григорий, тоже грузно поднявшись, подал имаму оброненные четки и, смущенно потупив глаза, обратился к святейшему:

— У меня к вам еще одна просьба.

— Слушаю вас, уважаемый, — поблагодарив за четки, сказал Шемсетдин Кулял.

— В бухарской тюрьме есть мастерская, там делают подпруги и седла, они дешевые, но добротные сделанные. У вас большие связи... а мне хотелось приобрести партию подпруг и седел, в Багдаде они ценятся.

— Хорошо, по прибытии в Бухару я займусь вашими просьбами, — ответил святейший.

Миновав белеющие хлопковые поля, чередующиеся с янтарными фруктовыми садами и яхонтовыми виноградными плантациями, дорога вывела караван на потрепавшуюся от зноя, покрытую густым слоем бархатной пыли, большую дорогу. По пустынным грядам гулял «забул» — жаркий ветер, который высушивал любую появляющуюся зелень. Давно уже смолк шум воды в арыках. Исчезли последние глинобитные селения.

В пути все молитвы сократились до двух ракатов, за исключением вечерней молитвы в три раката. Когда располагались на постой, Шемсетдин Кулял часто наталкивался на вороватый, исподлобья взгляд Маматхалила, который не расставался со своими свирепыми спутниками. Фахнави беспробудно пил и пристрастился к азартной игре в кости, вскоре он проиграл все свои деньги спутникам Маматхалила и начал прислуживать этой святой троице. В черных глазах его были безысходность и тоска. У колодца, когда поили вьючных животных, святой отец подозвал Фахнави и, строго глядя в глаза юноши, спросил, сколько он должен этим игрокам в кости. Джигит покаянно опустил голову и тихо произнес:

— Пятьдесят монет.

Имам тут же вытащил мешочек, отсчитав деньги, с расстановкой произнес:

— Если еще раз увижу пьяным, то сам продам тебя на первом встречном базаре.

Аббаскози, тенью стоявший сзади имама, молча проткнул ножом бурдюк с вином. Красная жидкость, словно алая кровь, обагрила руки пьяницы и полилась на жаждавшую влаги землю, которая, точно губка, тут же впитала в себя пьянящую благодать.

Караван неспешно, но настойчиво отмерял кулемы пути; Дебусия, Худиманкан, Мазйамиджет, Кермине, Тававис — оставались позади. И вот уже перед путниками предстала несравненная Бухара.

Караван, пройдя мимо башни айяров, заторил улицу Дихканов, быстро освободив ее, проплыл мимо шумного базара Харкан, выйдя на улицу магов, расположился в караван-сараяе, рядом с другим базаром — Дарвазача.

Григория тут же утащил с собой базарком. Вернулся таджир несколько растерянным.

— Что случилось? — внимательно взглянув на купца, спросил Шемсетдин Кулял.

Тот смущенно помялся и нехотя ответил:

— Этот шакал решил содрать с меня три шкуры...

Имам решительно увлек за собой Григория:

— Отведите меня к этому обдирале.

Базарком Сойфи, тучный мужчина лет сорока, настороженно встретил непрошенных гостей. Его раздвоенная борода встопорчилась, грибовидный нос побагровел. Но благообразный вид имама сдержал его ярость.

— Чего желаете, святейший? — проквакал базарком.

Шемсетдин Кулял вперил строгий взгляд в мутные глаза базарного чиновника и ровным голосом сказал:

— Желая только справедливости. Верните незаконно приобретенные деньги их владельцу.

Лохматые брови чекчи от удивления приподнялись — дескать, не понимаю, о чем речь.

— Вы обираете путников — это большой грех. Мусульманин...

Чекчи бесцеремонно перебил святого отца:

— Читайте проповеди у себя дома, а я... Извините, я занят.

Григорий виновато развел руками и неуклюже потянул за рукав Шемсетдина Куляла.

— Пойдемте, святейший, в этом мире не найти правды.

Имам поджал сухие губы и молча вышел из каморки чекчи.

Вечером, когда солнце уже скрылось за горизонт и на город опустилась прохлада, таджир заглянул в худжру имама — ему хотелось извиниться за те неприятные минуты, которые испытал святейший у мелкого чиновника. Шемсетдин встретил его любезной улыбкой.

Но не успели они обменяться приветствиями, как, протаранив головой дверь, вполз Сойфи. На четвереньках он подполз к ногам Шемседина Куляля и простонал:

— Ваши уста никогда не произносят слов лжи. Я безмозглый ишак, который польстился на чужое добро. Вы правы, я действительно перебрал с деньгами. Умоляю, простите козла вонючего...

У купца Григория от удивления округлились глаза. Шемсетдин Куляль брезгливо поморщился.

— Встаньте.

— Нет, нет! — завилал толстым задом Сойфи. — Когда возьмете обратно деньги и простите, тогда поднимусь. А то ждет меня казнь и муки неопишуемые...

Имам взглянул на таджира, затем на базаркома.

— Вы обворовали заморского купца...

— Все правильно, все правильно, — твердил, как попугай, Сойфи.

Имам, не обращая внимания на его нытье, продолжал:

— В следующий раз обманутый купец не привезет сюда товары. Нет каравана с купцами — хиреет торговля. Нет купли-продажи — беднеют вилайаты. Слабеют вилайаты — значит, рушатся основы государства.

— О, пощадите, святейший! — взвыл вконец перепуганный Сойфи.

Святой отец, поглаживая бородку, заключил:

— Если вы приняли сердцем наши речи, мы прощаем вас.

Сойфи подскочил от радости. Передав мешочек с деньгами таджиру и поцеловав руку святейшему, чекчи, пятась, выскользнул из худжры.

А Шемсетдин Куляль объяснил со скромной улыбкой все еще недоумевающему таджиру Григорию:

— Я ведь родом из Бухары, вот и отослал письмо с жалобой начальнику охраны — давнему моему знакомому...

— Да, хорошо, когда у человека много друзей, — с удовлетворением заключил Григорий.

Глава одиннадцатая

ТЕМНАЯ НОЧЬ КОНЧАЕТСЯ СВЕТЛЫМ РАССВЕТОМ

Не насытится огонь дровами,
Не насытится земля дождями,
Каплями — поток ревущий,
Жизнью — на земле живущий

Народная песня

В самый разгар летнего зноя, когда «горячий» ветер соперничал с «сильным» ветром, сжигая зелень на пастбищах, иссушая голые тела рабов на хлопковых плантациях, когда улицы селений кажутся вымершими, многие мусульмане оставили все свои срочные дела и попивали душистый чай в тенистых чайханах. В один из таких огнедышащих дней Темур объявил Сальме о готовящейся поездке в Герат. Рабыня, не говоря ни слова, упала без чувств. За время пребывания в доме Тарагая гератка ни разу не обмолвилась об обещании молодого бека. Она исправно шила свадебные атласно-бархатные курпачи, с рвением чистила, мыла, расчесывала шерсть на гребне-дарак; резкими движениями огрубевших от работы рук дергала чистую шерсть и пряла нить вручную с помощью веретена. Спряденную в мотки шерсть рабыня подвергала обработке — кипятила в растворе пшеничной муки, чтобы нитки стали прочными и гладкими. Работала и мечтала рабыня только об одном — о свободе, о счастливой перемене

в своей злосчастной судьбе. Придя в себя, Сальма счастливо обронила:

— Думала, ваше обещание растаяло, словно утренняя дымка.

После приезда Темура и Сальмы из Самарканда их ждала приятная весть. Друзья Темура благополучно добрались до дома. Радостно навстречу сестре бросился счастливый Азимчик. Девушка служанкой вошла в бекский дом. Быстро научилась ткать и с лихвой отработывала свой хлеб. Иногда ночами закахивал Темур. И вот наконец радостная для Сальмы весть — они с братом едут в Герат.

Тарагай перед отъездом пригласил молодого бека и дал советы в дорогу.

— В странствии поступай всегда по примеру отцов и дедов, согласно шариату. Никому беспричинно не делай зла. Помни, что все мы — рабы Всевышнего и высшей его рукой выпущены в жизнь под этим синим сводом. Поэтому будь доволен всем дарованным тебе от Аллаха, будь ему благодарен за все милости во всех своих деяниях, повторяй непременно имя Аллахово, исповедуй его единство, будь послушен его велениям и не делай того, что запрещено. — Тарагай внимательно вглядывался в сына — в благодатную ли почву падают семена напутствия. И видя, что Темур с глубоким почтением внимает заветам отца, успокоился и продолжал наказания. — Щедро награждай всех, кто служит тебе. Старайся быть мужественным. Люди всегда тянутся к сильному по духу. Имея богатство, держи власть крепко. Упустишь — свалишься, свои же подданные затопчут...

Тарагай знал, что говорит, ведь все это он прочувствовал своим нутром, своей шкурой. Но и Темур еще в детстве постиг одну истину — надо быть сильным. Под монотонную проповедь отца он вспомнил картину детства, врезающуюся в его память на всю жизнь.

С мальчишками ловил он рыбу на берегу мелкой речушки близ Ходжаилгара. Вдруг услышал хлюпающие, фыркающие звуки. Раздвинув высокую траву, увидел неподалеку бородатого воина, который, засучив рукава халата, с шумом мыл волосатые руки, шею, лицо, набрав в рот воды, выпускал ее фыркающей струйкой. Внезапно его хищный взгляд упал на молодую женщину, пришедшую с ведром за водой. Воин, оскалившись по-волчьи, в два прыжка настиг молодку. Та от испуга споткнулась и упала, затем, как резаная, закричала. Услышав крик о помощи, прибежали трое дехкан, работавшие рядом на пашне. Они размахивали мотыгами и громко кричали, словно хотели отпугнуть птиц со вспаханного поля. Увидев крестьян, насильник ухмыльнулся

и оглушил огромным кулаком кричащую женщину. Взял в руки лук и придвинул к себе топорик.

Темур с жадным любопытством и с подползающим к сердцу страхом ждал развязки этой внезапной стычки. Смертоносное жало стрелы опрокинуло одного из пахарей. Топорик, просвистев, вошел в распахнутую грудь второго дехкана. Последнего защитника воин взял тараном, наклонив могучую голову. И прикончил неудачника резким ударом костяшек пальцев в выступающий кадык. Затем насильник, оглядевшись по сторонам, спустил штаны и, наклонившись, разорвал одежду на лежащей без чувств женщине...

У Темура все поплыло перед глазами, и он свалился прямо в кусты. Когда очнулся, насильника и след простыл. И только в предвечерней тишине раздавался вой поруганной женщины. Острое чувство вины пронзило тогда душу маленького Темура — он осознал, что слаб и беспомощен, что не смог защитить такое же слабое существо. Надо быть сильным, очень сильным, чтобы никто не мог причинить тебе боли или унижить тебя. Это он понял еще тогда...

Из детских воспоминаний молодого бека вывел голос отца:

— К преданным тебе относись милостиво, но будь беспощаден к своим врагам.

— Будьте спокойны, отец, я буду справедлив, тверд, и жесток.

Тарагай повел сына в мечеть и объявил, что звание амира воинов переходит к Темуру по наследству от предков. Все молящиеся мусульмане приняли это известие с пониманием и искренне поздравили молодого бека с совершеннолетием.

Перед отъездом зарезали пять баранов на борец. Седоусый монгол умело порезал мясо на длинные полосы, шириной с палец, и вывесил на сушку. Провялив несколько дней, борец аккуратно сложили в переметные сумы. Месяцами он мог храниться, не теряя своих вкусовых качеств. Нарезав маленькими кусочками, борец бросали в котел для приготовления любой мясной пищи. Летний борец отличался от зимнего, он быстрее сох на солнце и приобретал темный цвет. Зимний борец вялился и сох на ветру, был светлее и вкуснее и ценился больше, чем осенний или весенний. Хурджуны наполнили крупами, мукой и рисом. Козьи бурдюки залили ключевой водой. С собой взяли еще несколько крупных головок овечьего сыра, сало, соль, огниво, лук. Торбы соломы всегда находились в поклаже у джигитов.

Дождавшись, когда караван с кешскими товарами отправится в Герат, Темур со своими джигитами присоединился к обозу. До селения Кендек, расположенного в долине Кичи-Уру-дарья и находившегося в трех днях пути от Кеша, джигиты добрались на одном дыхании. Сокращая время остановок, воины гнали лошадей во весь опор. Из уст Сальмы и Азима не раздалось ни звука, ни стопа. Они молча переносили трудности пути.

Урочище Кичи-Уру-дарья называлось еще Тенг-и Харам. Рукава реки Чекдалик соединялись у Катилища, где джигиты и решили сделать большой привал. Многие походы Темура в будущем будут проходить через это урочище. Нукеры привычно расставили юрты. Слуги быстро развели костры, повесили над ними котелки с ключевой водой, а когда она закипела, бросили туда накрошенный мелкими кусочками борец, добавили крупу, немного муки, щепотку соли,— и вскоре закипела походная похлебка-шол. После ужина и смены сторожевых гулямов Темур присел у входа в свою юрту. Прохлада окутала долину, и друзья молодого бека улеглись пораньше спать — впереди ждала трудная дорога. Сиреневый сумрак проник в лощину. Где-то перекликались говорливые ручейки. Дрозд — сам весь черный, клюв оранжевый,— вертя головкой и срываясь с кочки на кочку, скрылся за кустами с пронзительным щелкающим криком. Незаметно к башбегу подседа Сальма.

— У нас в саду горлицы так и воркуют, раньше я не понимала их любовного щебетанья, а сейчас... Мне бы только на миг увидеть отца и мать и снова возвратиться к вам.— Ее затуманенные глаза выражали боль предстоящего расставания.

Бек, глядя волосы девушки, тяжело вздохнул и сказал:

— Сальма, твои родители не выдержат новой разлуки. Я благодарен тебе за то, что подарила мне счастливые мгновения. Но твоя судьба не сходится с моей судьбой.

Сальма упрямо поджала губы и обожгла словами:

— Родители будут делать то, что я скажу. Главное, ты от меня не отказывайся,— и, заплакав, юркнула в палатку молодого бека.

... От Кендека один день пути до «Железных ворот». Знаменитое с древних времен ущелье, называемое «Железными воротами», находилось в долине Сурхана и Кафирнигана. Маленький каум шел по гладкому дну,

усыпанному мелким речным песком и галькой. Бока ущелья были почти отвесны и представляли собой угрожающую мрачную трещину. Многие путники приходили в ужас при виде скал, которые, казалось, вот-вот сомкнутся. Весной здесь протекает поток разливающейся Ширабад-дарьи. Через ущелье проходил главный торговый путь, связывающий Мавераннахр с Бактрией, Индией, Гератом, Багдадом, Меккой. Узкий проход имел в длину около двух тысяч гязов, а ширина составляла от пяти до двадцати гязов. Кого только не пропустило это ущелье... Грозной лавиной, заполняя маленькое, ограниченное пространство, шли полчища кочевников. Звеня бубенчиками, проходили караваны верблюдов. Брели и странствующие монахи, распространяя по Средней Азии свою веру. Сновали гонцы. Вот и навстречу маленькому кауму вылетела кавалькада византийских вельмож. С какими дипломатическими планами движется эта процессия? Просить у правителей Турана помощи в сборе наемного войска или налаживать торговые связи?

При выходе из расщелины путники остановились в красивом караван-сараяе, украшенном разноцветной майоликой и мозаикой. Начальник тима, сердобольный старик, со своими сыновьями содержал в порядке дорогу, расчищая от завалов, снежных заносов, давая ночлег всем уставшим божьим детям. Вкусно кормил, поил отменным вином, выслушивал различные байки, легенды, которые охотно рассказывали разомлевшие путники, сам тоже подбрасывал какую-нибудь историю. За ужином кто-то из джигитов спросил: «Откуда происходит название «Железные ворота»? Старик на мгновение задумался, затем неторопливо произнес:

— Рассказ мой долгий. Хватит ли у вас терпения выслушать?

Темур велел своим нукерам подбросить поленья в очаг и, повернувшись к начальнику тима, попросил:

— Отец, ночь впереди долгая, мы готовы слушать вас хоть до самого утра.

Старик встрепенулся, блеснув помолодевшими глазами, начал свой сказ:

— Кочевые народности, живущие в междуречье Сейхуна и Джейхуна, собрав свой юрт, двинулись в поисках новых пастбищ и мест для кочевья. После трудного пути остановились перед неприступными горами. Долго стояли своим аймаком кочевники, не зная, что предпринять. Назад идти — поля вытоптаны, трава на пастбищах съедена, да еще продолжает прибывать новый поток степняков.

Впереди — скалы. Поднялся ропот недовольства среди простолюдья, бросавшего волчьи взгляды на некогда почитаемого вождя. Это он надоумил выйти в путь, сорвал с родных мест аймак; там хоть истощенные земли, но все-таки свой юрт. А здесь — палящее солнце, выгоревшая трава, недостаток воды — вырытые колодцы не обеспечивали все кочевье питьем. Женщины плакали, болели дети, начался падеж скота. Вождь попросил сына собрать весь порох и зеркала у соплеменников, которые они по его настоянию везли аж с далекого Мачина — Китая. Вождь хорошо помнил далекое детство, когда приезжал в степь заморский гость: гостя поразили зеркала, и он тут же выменял несколько штук на золото. А за порох, кроме желтого металла, добавил бочку меда. Вождь не только искал плодородные земли, но и хотел путем обмена пополнить золотой запас аймака. И вот — впереди эта неприступная скала. Вождь был умен, не раз спасал свое племя от голода...

Неожиданно раздался храп задремавшего Джагуй Барласа. Худайдад незаметно толкнул заснувшего джигита. Темур кивнул головой одному из слуг — взгляни, как там Сальма с братишкой. Нукер быстро вернулся и почтительно ответил:

— Бек, все спокойно, гулямы охраняют сон девушки. Лошади напоены, накормлены.

Тем временем Джагуй Барлас, встрепенувшись и увидев насмешливые лица друзей, сонно вскричал:

— Я не спал! — И в доказательство скороговоркой выпалил: — Вождь стоял перед каменной преградой в глубокой задумчивости.

Рассказчик, удовлетворенно хмыкнув, продолжал:

— Вождь приказал отобрать джигитов, умеющих лазить по горам и не боявшихся высоты. Такие удалцы нашлись, и вождь попросил смельчаков взобраться на вершину, а затем доставить туда зеркала и порох. А сыну предводитель велел подальше увести аймак от громады скал. Много джигитов, прокладывающих путь наверх, сорвалось со скал и погибло...

Взобравшиеся на пик храбрецы сбросили веревки, и наступил не менее ответственный момент — поднятие груза. На вершине вождь долго выискивал что-то, припадая ухом к каменистым грядкам. Подолгу лежал с застывшим лицом, слушая биенье выступающих скальных ребер, украшавших эти горы. Наконец он радостно воскликнул:

— Самое слабое место горы здесь!

Один из самых сметливых юношей обратился к отцу племени с вопросом:

— Вот в расщелине борозда, и не лучше ли нам уложить порох здесь?

Вождь в ответ скупно улыбнулся и подвел джигита к одному из зеркал; закрыв глаза, он начал осторожно постукивать пальцами по зеркальной поверхности, при этом тихо зашептал: «Китайцы умный народ, додумались делать небьющиеся зеркала, крепче железа». Найдя нужную точку, вождь откинул голову и попросил джигита ударить камнем по зеркальной поверхности. Сколько ни старался молодец разбить зеркало — ему это не удавалось. Вождь, сделав непонятное движение, одним щелчком вдребезги разбил зеркало под удивленные крики джигитов.

— А положите хоть весь порох в эту расщелину, получится только одна большая яма,— объяснил своим соплеменникам вождь и добавил: — Природа тоже имеет уязвимые места. Если хочешь определить состояние хотя бы этой горы, надо послушать дыхание скалы.— Взглянув на солнце, он негромко произнес: — Ну, джигиты, пора устанавливать зеркала. И все лучи должны сходиться в одном месте. Как установим, прикройте своими халатами, и только по моему сигналу отбросьте покрывала от этих волшебных стекол.

Вождь долго размещал громоздкие стекла, показывая смельчакам, под каким углом надо устанавливать зеркала. Сложив весь порох на пересечении солнечных жгучих нитей, вождь с размаху воткнул железный лемех в каменистую почву. Отведя джигитов на безопасное место, вождь выждал, когда солнце окажется в зените, и резко взмахнул рукой. Отражаясь от зеркал, огненные снопы устремились к железному копыю. Но ничего не происходило. Более того, железо расплавилось. Вождь, увидев это, бросился на расплавленный металл. Он виден был со всех сторон. Сын, увидев отца, радостно подал знак, и весь родной юрт устремил свои взоры надежды на вождя. И он в фокусе пламенных лучей твердо сказал: «Человек, сильный духом, крепче железа». И уже стгорая в бушующем пламени, прокричал: «Племя мое, нужно уметь терпеть, преодолевать трудности. Впереди вас ждет счастливое будущее. Прощайте!» Солнце ушло между тем из зенита, и зажигательные лучи объяли порох. Когда произошел взрыв, вождь не рассыпался в прах, а горящим факелом вошел в каменистую землю. А второй взрыв совпал с землетрясением, и каменную гряду разорвало, из нее вылетели огромные валуны,

образовав ущелье. И потекла ручейком по ущелью вода из Ширабад-дарьи. Улусы и кочевники, напившиеся чистой воды, набрав выброшенной горой железной руды, устремились через вновь пробитый проход на новые горные пастбища — яйла. Кочевники дошли до самого Персидского залива, до земель Турции и смешались с местным населением. И постоянный поток кочевников вливается в эти народности, — и рассказчик, заканчивая свою легенду, в заключение произнес: — Все мы люди одной крови.

Сейфетдин, задумчиво потерев подбородок, спросил старика:

— А железная руда осталась?

Тот отрицательно покачал головой:

— Когда-то вход в ущелье преграждали двустворчатые ворота, к створкам которых было прикреплено множество железных колокольчиков. Ворота были покрыты железом, и никто без разрешения правителя этих мест не мог пройти через них. Потом пришли полчища неприятельских войск, которые снесли ворота. И осталось только название.

Как только забрезжил рассвет, караван тронулся в путь, и через три дня утомительной дороги путешественники вошли в Термез. Город был расположен на берегу Джейхуна. Соборная мечеть и базар находились в центре города. Ближайшие сады и пашни орошались водой Чаганианской реки. Путники помолились в беломраморном мавзолее святого хакима Абу Абдаллаха Мухаммеда Али Термези, умершего в 869 году, полюбовались великолепным фонтаном, стоящим на мощеной площади. Долго не хотелось уходить от живительной влаги. Джако, подставлявший лицо под брызги высоко поднимающейся струи, удивленно спросил:

— Бек, почему мы скачем в такой зной?! Нет, нет, я ничего не имею против Сальмы и Азима, но только можно было отвезти их до жары или после этого пекла.

Темура в какой-то задумчивости ответил:

— Не хотелось говорить... Но коли зашел разговор — ответу. Все караульные стражники, даже самые ретивые, прячутся в тени в этот самый жаркий месяц — саратан. И нет изнурительных допросов — куда, зачем, почему?

Друзья, понятиливо закивав головами, молча собрались в путь. Выйдя из Термеза, маленький отряд под предводительством Темура наметил дальнейший путь следования.

Между Термезом и Балхом находилось селение Сияхгирд, но молодой бек решил в Сияхгирде не останавливаться, а обойти его, так как шли слухи, что кишлак наводнен разбойниками. И, хоть и дальний путь, но безопасней сделать остановку в Келифе, отстоящем от Термеза на расстоянии двух дней пути.

Келиф встретил путешественников приветливо. Город раскинулся на обоих берегах реки Джейхун. Этим он отличался от многих городов Турана. На одном берегу находился дворец правителя, соборная мечеть, базары, лавки купцов, дуканы, мастерские ремесленников, а на другом — жилища горожан. Темур разрешил джигитам искупаться, и друзья бека млели от удовольствия, окунаясь в ледяные воды Джейхуна. К Келифу также тянулась дорога из Бухары, через долину Кашкадарья. Ниже Келифа на реке Джейхун были расположены города Земм и Ахсисек. Первый на левом, второй — на правом берегу. От Келифа до Балха восемнадцать фарсахов.

Джигиты, отдохнув, прищипорили коней и понеслись, споря с ветром. По приказу бека старались избегать сторожевые посты, обходить караульные заслоны, шатры свои ставили далеко от дороги. При этом джигиты старались поставить свои кибитки подальше от шатра башбеги, чтобы не слышать сладострастных стонов молодой девушки.

Перед Балхом караульный пост все-таки преградил путь маленькому отряду. Караулбеги — начальник стражи сторожевых постов — с грубыми чертами лица и тупым взглядом, оглядев джигитов, прикрикнул:

— Куда путь держите, молодые птенцы?

Темур приблизил коня к начальнику стражи, ровным голосом сказал:

— Я кешский бек, сын Тарагая, вместе со своей свитой направляюсь в Герат по неотложному делу. Вот соответствующие документы, удостоверяющие мою личность.

Караулбеги насмешливо скривил губы:

— От тебя несет духом лжи.

— Я не знаю, что такое ложь, — наливаясь гневом, отчетливо ответил Темур.

— Ну, это мы еще посмотрим, — зловещим голосом выкрикнул начальник стражи. — Ты что, не знаешь, что Балх находится с Гератом в состоянии войны. И чудится мне, что вы настоящие лазутчики. — И вдруг взгляд начальника усиленного дозора ужалил Сальму. Пристукнув каблуками сапог по брюхатому животу своей лошадки, он подъехал

к замершей от страха гератке, вальяжно обнял ее и, оскалившись, крикнул: — А это что за красавица? А, молодые джигиты? Для забавы везете с собой?

Темур, размахнувшись, хлестнул нагайкой, но не достал обидчика. Караулбеги, резко повернувшись в сторону молодого бека, панически заорал:

— Нападение на стражу, вы все арестованы!

И тут же маленькую свиту Темура окружили закованные в латы стражи. Джигиты и их нукеры выхватили сабли, палицы, луки. Начальник стражи, щерясь на молодого бека, поднял копьё для броска. Темур, нацелив самострел на караулбеги, прорычал:

— Одно движение — и на твоём маленьком грязном лбу будет зиять большая дырка. Так что не шевелись, а зови сюда своего главного.

Начальник караула Окчибек раздумывал недолго, осипшим голосом приказал:

— Мумин, гони что есть духу в крепость и пригласи самого Набибулло. Скажи, что задержанный отряд оказывает сопротивление. Да мигом!

— Слушаюсь, — и лашкар, вскочив на коня, мгновенно исчез.

Дозорные и задержанные терпеливо ждали развязки. Через некоторое время показался отряд, во весь опор мчавшийся к месту стычки. Сипахсалар — военачальник, тучный, пожилой мужчина, весь в железных латах, подскакав, испытующе уставился на молодого бека.

— В чем дело, Окчибек? — недовольно проворчал Набибулло и, не дожидаясь ответа, угрюмо бросил, обращаясь к башбеги: — Лучше будет до разбирательства сдать оружие. Дайте приказ своим джигитам, бек.

Темур твердо ответил:

— Думаю, легче будет на месте решить все неурядицы.

— Но я так не думаю, — покачал головой сипахсалар. — Вы сами добились, чтобы вас взяли под стражу. Ну, что случилось, рассказывай, — обратился Набибулло к караулбеги.

Тот с подобострастной улыбкой ответил:

— Вы приказали усилить дозор в самое пекло... Вот мы и... увидев отряд, задержали, дознались... Лазутчики это, везущие устные донесения в Герат.

— Они назвались? — небрежно спросил Набибулло.

— Да, Темур, сын Тарагая, — слегка откашлявшись, ответил Окчибек.

— Кто-кто? — удивленно вскричал сипахсалар.

— Я что-нибудь не так сделал? — тускнеющим голосом проговорил начальник стражи.

— Нет, нет, ты очень правильно поступил, — расплылся в улыбке сипахсалар. — Подарил мне встречу с сыном моего лучшего друга Тарагай, — и он бросился обнимать башбеги. — Сколько походов совершили вместе, приходилось и из одной чашки хлебать. У него дочь была старшая, и сын Темур, и младшая, по-моему, сестренка.

Молодой бек, слегка удивившись такой осведомленности, кивнул — верно. Набибулло нервно поиграл раздувающимися ноздрями.

— Ты что, Окчибек, дурмана объелся? Да Тарагай зять нашего правителя Казагана.

Темур крепко стеганул нагайкой по сгорбившейся спине начальника стражи.

— Что-то не так? — хмурясь спросил сипахсалар.

Темур помотал головой:

— Дозор несет исправно, а это — за наглость, — и на недоуменный взгляд Набибулло молодой бек коротко ответил: — Приставал к моей девушке...

Сальма так и зарделась, услышав эти слова.

— О, мы с твоим отцом столько знали девушек, и сколько сейчас черноголовых наших детишек бегают по земле, только Всевышнему известно, — раскатисто расхохотался Набибулло. — Что-то я разоткровенничался, — смущенно признался сипахсалар, — наверно, от радостной встречи с вами. — И из-под насупленных бровей выглянули ясные глаза. — Никаких отговорок, вы сегодня мои гости.

— Ака, — почтительно и растроганно произнес Темур, — мы и так потеряли уйму времени. Нам нужно торопиться...

— Тарагай не простит, что я вас не угостил, — взволнованно сказал сипахсалар.

Молодой бек с теплотой ответил:

— Вот и отец был больше всего заинтересован в продолжении нашей поездки.

— Ну, ладно, — с лукавой улыбкой глядя на девушку, примирительно произнес Набибулло. — Но я жду вас на обратном пути в гости. Моя улица...

Темур осторожно перебил:

— Вы живете в старом городе, около базара, напротив конторы менял. Отец дал адреса всех своих друзей во всех городах.

Старый воин чуть не прослезился.

— Молодой бек, спасибо за память, которую чтит ваш

отец. Не примите мои наставления за нравоучения. В городах, чтобы не привлекать внимания стражников, разбивайте свой отряд на маленькие группы, но не теряйте связи между собой. В вилайяте Балха действует пароль «Ночная фиалка», ответ «Кустарниковая роза». При тяжелых обстоятельствах можешь назвать мое имя. Жду вас на обратном пути. Познакомлю с сыновьями. И на прощанье нескромный вопрос: Тарагай помирился со своим тестем?

Темур призадумался:

— Ну что ответить? И да, и нет. Главное, Иукун-хотин успокоилась. По праздникам не забывает Казаган, шлет гонцов с подарками.

— Ну и хорошо,— широко улыбнулся Набибулло.— Счастливого пути, сын мой. Будь осторожен в пути.

Балх, стоявший на перекрестке торговых путей, идущих из Китая, Кашгара, Турана, Ирана, Индии, был городом шумным, многолюдным. Караван-сарай были всегда переполнены чужеземными караванами. При нашествии Чингизхана монголы в ярости, что не могут взять Балх, разрушили знаменитую плотину Банд-и Амир на реке Балхаб и затопили весь город. Но он, как Феникс, возродился вновь и стал еще краше.

Балх славился обилием богатых базаров, красивых мечетей, различных дуканов, лавок, госпиталей, бань. Речка шла со стороны ворот «Наубехар» и орошала близлежащие окрестности вилайята Балх.

Свита Темура расположилась в одном из караван-сараев. Молодой бек с Сальмой быстро уснули в своей худжре. Ночью что-то словно подтолкнуло башбеги и он, приоткрыв сонные глаза, осмотрелся. Сальма после любовных игр, обнаженная, с разметавшимися длинными волосами, крепко спала. Но что-то насторожило Темура. И вдруг в расщелине двери показался нож, который осторожно двинулся вверх, чтобы сбить запирающий комнату металлический крючок. Темур в душе поблагодарил лунную ночь и прижал ладонь к припухлым губам девушки. Сальма проснулась и закивала, что все поняла и не будет кричать. Молодой бек знаком приказал девушке лежать спокойно, а сам бесшумно схватил кушак и встал около двери. Дверь тихо приоткрылась, в проем тенью проскользнула невысокая фигура. Увидев Сальму, ночной посетитель застыл, подался было вперед, но, увидев открытые расширенные глаза девушки, неожиданно икнул и, подняв руки с пустым мешком, попятился назад. Там его ждал бешбеги, который мгновенно накинул на шею

ночному гостю бельбаг и скрутил его. За дверью послышался невероятный шум, и в комнату влетел Аббас с гулямами. Со свирепым лицом он грозно вскричал:

— Я тут еще двух шакалов скрутил.

Темур попросил рыбака зажечь светильник, а сам все закручивал жгут. У непрошеного гостя перекошилось лицо и высунулся язык. Молодой бек, слегка ослабив хватку, зловещим шепотом спросил:

— Кто тебя направил?

Ночной гость хрипел, не в силах сказать ни слова. Затем квакающим голосом простонал:

— У входа в караван-сарай увидели девушку-красавицу, хотели украсть, за нее дали бы большие деньги. О Боже, знали бы мы, что здесь ее охраняет целый отряд! — и ночной гость заплакал.

Темур, многозначительно улыбаясь, зло процедил:

— Пошел вон, — и пнул незадачливого похитителя так, что тот вылетел за дверь.

— А с теми что делать? — вопросительно взглянул на молодого бека Аббас, кивнув на дверь.

— Юнцы небось, дай пинка под зад и вышвырни на улицу.

И снова дорога — степи, горы, перевалы. Встречи с дозорными смягчал пароль, данный Набибулло. Каум переночевал в Чечекту, городе, находившемся на большой караванной дороге, связывающей Балх с Гератом. Чечекту стоял в десяти переходах к востоку от реки Мургаб, а там до Герата — рукой подать. Область в верховьях реки Мургаб носила название Гарч или Гарчистан, раскинулась она близ горной системы Гур. Город Герат и прилегающие горы, служившие водоразделом между рекой Герируд и системой Мургаб, были известны под названием Паропамиса.

От Герата — шесть дней пути на северо-восток до Мерверруда, земли между ними назывались Кендж-Рустак, а на северо-запад до Серахса пять дней пути, земли назывались Бадгисом. Гератский вилайят находился в долине реки Герируд и южнее граничил с Сеистаном.

Главная дорога из Герата в Мерв шла через древний мост в урочище Чиль-Духтерен. До вторжения монголов столицей Хорасана был Нишапур. Впоследствии Герат стал одним из основных городов Хорасана. И именно здесь зародилось движение сарбадаров, направленное против черной чумы — монгольской власти. Вся тяжесть гнета ложилась на дежкан, ремесленников, людей, которые были связаны с просвещени-

ем, духовенством, работников низших сословий, а о рабах и говорить нечего — потому эта среда и поставляла самых яростных и непримиримых борцов против насилия монголов.

На одном из привалов Темур уединился с Сейфетдином. Молодой бек, покусывая горький высохший стебелек полыни, коротко поведал о цели поездки в Герат. Еще весной в Самарканде на туе у Айша-апы Мухаммад Самарканди поведал, что ходят упорные слухи о том, что монгольские нойоны готовят деньги для подкупа чиновников и хотят потопить в крови Себзевар. Какому монгольскому хану хочется сидеть на бочке пороха с подожженным фитилем? Хан даже опасается, как бы движение против монголов не распространилось по всему Турану и Моголистану.

— А совсем недавно, — понизил голос Темур, хотя вокруг не было ни души, — меня посетили айяры Абу Саид и Зухейр, а их сведения всегда достоверны. Они сообщили, что через Герат должен пройти караван с оружием для уничтожения государства свободы. Говорят, в этом деле замешан один из визирей хакима города Герата. Абу Саид и Зухейр дали адреса своих побратимов — к ним можно обратиться за помощью.

— А в чем наша задача? — заинтересовано спросил Сейфетдин.

— Захватить караван.

— О Аллах! — воскликнул табиб-поэт. — Нам ведь это не под силу.

— Справимся, — уверенно ответил Темур, — каждый наш слуга — это отлично подготовленный гулям, испытанный во многих походах.

— А как же провезем столько оружия? — недоумевал Сейфетдин. — Нас схватят в том же Балхе, несмотря ни на какие знакомства и пароль.

Темур внимательно посмотрел на друга.

— Я понимаю твои опасения, табиб. Но за нами следом идет караван Ильчи-Бугай Сальдура, с охранной грамотой Казагана. Отцу моему пришлось постараться. Вот почему наша поездка была окутана тайной, вот в чем секрет нашего стремительного движения — надо успеть завершить свои дела до прихода каравана.

— Это безумие, нас могут схватить в самом Герате, — с упавшим сердцем промолвил табиб-поэт.

— Ну, это уж моя забота, — ответил Темур, выплевывая горький сгусток полыни.

— А где мы будем хранить такое количество оружия? — с недоумением спросил Сейфетдин.

— Хаккул-ака отвезет его в пещеру, пусть лежит до лучших времен, этим оружием можно будет вооружить целое войско. А оно у нас будет.

Сейфетдин знал, что башбеги не отступит от намеченной цели. Конечно, если пропадет караван с оружием, то все зашевелится — и монголы, и мусульмане, а с другой стороны, монголы боятся огласки и операцию эту проводят очень скрытно. Так станут ли монголы рьяно искать это оружие? Нет. А подкупленные вельможи-мусульмане, захотят ли они выдать себя, что причастны к этому каравану? Головоломка, стоящая рассуждений! Темур, словно читая его мысли, добавил:

— Монголы соваться в это дело не будут, а сторят те вельможи, что помогали «джете» скупать и сбывать оружие. Так что, мой друг, опасения твои, конечно, оправданны, но это дело стоит риска. Если какая-нибудь случайность не сорвет намеченного. Но, надеюсь, силы Всевышнего помогут нам.

Впереди виднелась горная гряда Гур. На снежных вершинах этих гор брала начало Герируд, а также реки, текущие на юго-запад, в Сеистан. Когда-то на Герируде одним из богатых вельмож был возведен мост, он был построен из жженого кирпича и имел двадцать шесть арок, была также сооружена дамба — для предохранения моста от наводнений.

Каум остановился как раз в том месте, где Мургаб впадала в Герируд. Путники искупались в мутных и холодных водах Мургаба. В эту реку впадали с юго-запада реки Кушк и Кашан, не отличавшиеся многоводностью и в нижней части своего течения доходящие до города Мерв, а затем теряющие свои воды в песках. Почти все реки Передней и Средней Азии летом мелели, не хватало каналов, чтобы доводить влагу до жаждущих земель, и многие поля орошались исключительно дождевой или колодезной водой. Темур и его свита убедились в этом воочию, когда повстречался им седобородый старик, вертевший колодезный ворот при помощи огромного быка и вычерпывающий воду как для всех жаждущих, так и для полива фруктовых деревьев. Темур, напившись холодной воды, поблагодарил аксакала теплыми словами:

— Доброе дело делаете, ата, не устали?

Старик покачал головой и, жмуря подслеповатые глаза, вытер платком коричневый, изрезанный глубокими морщинами лоб. Затем, вздохнув, приветливо ответил:

— Сынок, для внуков стараюсь, значит, в радость.

Поразили Темура и его путников кяризы — сеть подземных каналов, проведенных на пашни. Джагуй Барлас, внимательно осматривающий эти подземные арыки, удивленно сказал:

— Я видел такие кяризы в горах Копет-Дага и в Кашгарии. В сухих местах, где водохранилище далеко, в местностях с жарким климатом дехкане научились ценить «влагу жизни».

Кяризы — это подземная водосборная галерея. Там, где с водой туго, кяризных дел мастер ценился на вес золота. Это «подземное» мастерство передавалось из поколения в поколение. Работа очень тяжелая, трудоемкая. Мастер-крот, ползая на коленях, выгребает горную породу при помощи корзинок и мешков в шахту-колодец, откуда ее уже поднимали на земную поверхность. Кяризчики должны были работать скорчившись, сутками. В кяризах всегда мокро, слякотно, темно, как в аду, и постоянно слышатся раздражающие до потери сознания неумолчные звуки падающих капель. Кяризы достигали одного фарсаха в длину, подземные галереи строились по направлению грунтового потока.

Древний мост, бурная Мургаб позади. Конный отряд Темура тяжелым шагом двигался по высохшему руслу когда-то широкой речки. Глубокие трещины, словно старческие морщины, покрывали иссохшую землю. У коней подкашивались ноги после долгого и утомительного пути. Молодой бек, нагнувшись, внимательно вглядываясь в эти безводные проемы-ловушки, нетерпеливо крикнул:

— Сальма, будь осторожна, как бы ноги твоей лошади не попали в расщелины. Лошадь может упасть и не подняться.

— Ну что ж, поползу,— весело ответила девушка и игриво добавила: — А вы, бек, пустите воду в эти безжизненные пустыни, и будут вас величать «Темур — повелитель водных стихий».

— Придет время, и я проведу каналы в Мургабскую пустыню,— серьезно и решительно ответил Темур.

Абдулла, поглаживая вздрагивающий мелкой дрожью от утомительной скачки потный круп своего коня, недовольно проворчал:

— Мой светлейший бек, кони выдохлись.

Слуга Мобашар, стремительно соскочив с лошади, бросился к белому коню Темура. И сорвав пучок высохшей травы, провел по длинной шее скакуна.

— Да, хозяин, еще немного, и загоним наших коней.

Абдулла и Мобашар были из тех немногих слуг, что иногда могли давать советы молодому беку. Башбеги, приправ к гриве, слился со скакуном.

— Эх, столько силы в себе чувствуешь и никакой усталости! Скакать бы хоть на край света.— Бек выпрямился.— Ладно, джигиты, объявляю привал.

И началась монотонная работа по сооружению стоянки. Нукеры и слуги действовали бесшумно и быстро — шатры, кибитки, костры возникли в пустынном месте, как по мановению волшебной палочки. И над этим усталым лагерем раскинулось просторное вечеряющее небо, сулящее прохладу и покой.

... С рассветом из ближайшего селенья пришли дехкане и, убедившись в миролюбивости пришельцев, пригнали баранов, быстро разожгли костры и взялись готовить для гостей обед. Одеты земледельцы были в легкую обувь, войлочные одежды, у многих джигитов на кушаках висели длинные кинжалы. Это были дехкане, охранявшие поля проса: ночью от кабанов и барсуков, а днем от птиц. Пришедший знакомиться староста оказался худым, с впалой грудью стариком. Судя по всему, староста любил поговорить.

— Когда зовет Вали-правитель, то мы — воины, а сейчас вот роюсь в земле,— и добрая улыбка осветила лицо главы селенья.

Темур учтиво ответил:

— Все мы рабы Всевышнего, и наши истоки от матушки-земли.

Внимательно посмотрев на молодого бека, староста начал свою речь словами:

— Уважаемый гость, сын высокопоставленного вельможи, если у вас найдется время для нас, сынов Аллаха, то не откажитесь принять участие в празднестве нашего селения. Наш бахшдар справляет той в честь рождения сына. И мы хотим, чтобы наши пахлаваны сразились с вашими богатырями.

Подошли друзья Темура. Узнав, в чем дело, они стали просить башбеги принять участие в торжествах.

— Разумеется, призы мы выиграем, разобьем в пух и прах этих земляных червей,— самоуверенно заявили джигиты.

Темур задумчиво покачал головой:

— Как бы нам не опозориться, эти дехкане с хитринкой.

Крестьяне внимательно осмотрели шатер Темура и удивились:

— Разве ваш предводитель так беден, что нет у него даже ковра, а вместо подушки — седло?!

Нукеры и гулямы дружно рассмеялись.

— Нет,— ответили они с достоинством.— Наш молодой бек богат, он может спокойно купить все ваше селенье и коврами завалить ваши дома. Наш башбеги живет, как мы, его войны, делит с нами все тяготы походов.

Земледельцы, пораженные, задумались, а затем кто-то из них произнес:

— Быть этому бедному воину великим полководцем.

— Да,— с вызовом ответили гулямы,— в нем витает дух непобедимости.

Крестьяне с уважением щупали мускулы Джагуи Барласа, качая головой, посмеивались и приговаривали:

— Жаль, нет у нас таких богатырей.

Темур и староста начали обговаривать условия состязаний. Вначале приняли предложение главы выступить джигитам в семи дисциплинах, но молодой бек осмотрительно добавил: и еще восемь игр. Чтобы состязания не затянулись, решили выставлять на поединок по одному участнику с каждой стороны. Счет вести надумали кафками — горными индейками. В качестве приза за победу староста попросил белого коня башбеги; в свою очередь староста обещал наградить соперника победителя пятилетним быком. На том и порешили.

На состязание пришли все жители селенья — и взрослые, и дети. Многие приехали верхом — невдалеке от огромной поляны небольшой табун лошадей, пофыркивая, жевал желтоватую колючку. Многие сельчане, предвкушая острое зрелище, с удовольствием попивали вино из проса и ячменя, и заодно кричали: «Побьем чужеземцев». Молодой бек вежливо отказался от почетного места, где сидели старейшины села, а устроился рядом со своими джигитами. Усаживаясь около Сальмы, башбеги с мрачною улыбкой промолвил:

— Сердце мое чует подвох со стороны хитроватого старосты.

Стайка девушек из горного селения задирала Сальму:

— Под подолом прячешь лучшего джигита.

Когда на лужайке появились борцы, Темур от удивления аж привстал со своего места, а затем махнул рукой:

— Я так и знал, они провели нас. Смотри и любуйся,— хмуро бросил он Сальме.

Борец-богатырь большого селения был настоящим великаном — мощным, как дуб. Насколько Джагуи Барлас считался рослым богатырем, но этому рослому Зарифу он явно проигрывал. Джагуи Барлас едва достигал плеча сельского богатыря.

Первый вид состязаний — борьба-кураш. Ничего не оставалось Темуру, как поставить против гиганта Зарифа Джагуй Барласа. Стальные объятия Зарифа печально кончились для друга бека — он был повержен на землю. Гром рукоплесканий пронесся над горным ущельем — односельчане пахлавана радовались первой победе. Молодец уверенно выиграл и второе состязание. Телегу, нагруженную мешками с мукой, которую, как ни пытался, не смог сдвинуть с места Джако, пахлаван-дуб легко покотил, словно пустую арбу. Зариф вновь доказал, что он самый сильный. Мышцы так и перекатывались в этом натренированном красивом теле. Вид у пахлавана был экзотический — волосы на голове вызывающе торчали ежиком, круглое лицо светилось торжествующе-добродушной улыбкой, узкие штаны, сшитые из черной кожи, туго обтягивали ноги, напоминающие колонны, на красном поясе была завязана голубая ленточка, видимо, подарок любимой.

И в третьем виде состязаний староста выставил именно Зарифа. В пять «надувов» заполнил воздухом козий бурдюк богатырь. Аббас надувал, надувал, пока судья не объявил победителем Зарифа. Девушки, сидевшие рядом с Сальмой, задиристо заметили:

— Вашим джигитам колючку лучше собирать, чем с нашими богатырями тягаться.

Гератка, ничего не ответив, отвернулась. Темур ненавидящим взглядом уставился на поле, где шли состязания. А Зариф не знал усталости. Зарядив пращу увесистым камнем, он тщательно прицелился и метнул камень в далеко стоящее чучело, набитое соломой. Голова чучела после сильного удара мягко покотилась по выгоревшей траве. Сулейман ладно вложил в пращу округлый камень и тоже запустил его в хорошо укрепленную цель. Голова осталась на месте, но камень с глухим звуком вошел чучелу в место, что пониже живота. Лавина смеха раскатисто пронеслась по ущелью. Счет стал четыре ноль в пользу богатырей селения. Темур, крепко сцепив зубы, качал головой — позор!

Зариф, между тем, взял в мощные свои руки начах — копьё, наконечник которого напоминал двузубец, в бою начах был очень грозным оружием. Размахнувшись, палван послал копьё, как молнию, и оно вонзилось в дерево далеко на скалистом холме. Зариф поднял руки и под одобрительные крики своих односельчан прорычал:

— Мне придают силы мои горы! И мне сопутствует удача!

Копьё, брошенное Сейфетдином, не достигло и половины полета копьё, пущенного его соперником.

Юношеский, очень звонкий голос на языке дари запел гимн селения, и дехкане, встав, подхватили припев. Зариф выстрелил из огромного лука стрелой, которую можно послать очень далеко, и тростиночка с оперением, вибрируя, делетела до самых каменистых изваяний на вершине раздвоенного хребта. А стрела Худайдада после выстрела упала и затерялась у подножия горы. И вот тут произошло самое обидное — сельчане дружно запели язвительные лапары-частушки, когда попеременно поют юноши и девушки. Особенно старались девушки, они пели о джигитах, которым не мечами размахивать, а граблями, и не лучше ли таким палванам сидеть на лавке дома, чем шататься по свету и выставлять себя на посмешище где-то далеко на чужбине.

Праздник продолжался. Сальма, виновато улыбаясь, делала вид, что не замечает колкостей местных девушек. Староста сиял, он уже предвкушал, как будет владеть белым великолепным конем Темура.

— Тулпар ваш, башбеги, очень красив, — воскликнул староста и лукаво посмотрел на гостя.

Темур, сжав кулаки, устремил молящий взор в голубизну безоблачного неба: «Всевышний, дай мне силы вытерпеть этот позор, помоги выиграть состязание». А толпа удовлетворенно гудела, радуясь и все больше увлекаясь интересным зрелищем. И когда в следующем поединке — скольжении по канату, натянутому между двумя деревьями — очередной джигит молодого бека потерпел еще одно поражение, Темур резко встал и решительно сбросил шелковый халат. Отстранил Сулеймана, который, держа в руках дротик, растерянно смотрел на своего соперника Зарифа, только что удачно пославшего метательный снаряд в начерченный круг. Тигриной поступью выйдя на лужайку, он подпрыгнул и легко побежал, громко крикнув Сулейману: «Дай топор!» Тот, не раздумывая, подкинул топорик. Башбеги, с лету подхватив дротик, не добегая до черты броска, сильно метнул грозное оружие, и оно с треском вонзилось в яблочко, в самую середину дощатого круга. Станный звук пронесся по ущелью, звук, похожий на клекот проснувшегося могучего орла. Обслуживающие состязание дехкане нехотя положили против семи жирных индеек одну тощую и маленькую и, усмехаясь, отошли в сторону. Но вскоре насмешка уступила место досаде, а затем и тихому ужасу. Темур быстрее своего соперника залез на скалу. В следующем поединке он срубил на полном скаку четырнадцать лоз, тогда как Зариф только девять. Толпа встревоженно загудела. Состязание соперники

начинали от старой раскидистой яблони и заканчивали у огромной высокой урючины. Юркие нукеры недалеко от яблони установили мишень. Зариф, тяжело откинувшись на заднюю спинку седла и натянув лук, послал коня вперед, к урюковому дереву и, удаляясь от мишени, начал метать стрелы. В цель попало всего три «огненных» жала. Темура был впереди на девять стрел.

В ущелье между двумя горами словно подул самум, пронесся вихрем, он заткнул своим жаром даже рты говорливых соседок Сальмы. Дехкане застыли в оцепенении, наступила напряженная тишина. Народ горного селенья был поражен и смущен. Сейфетдин, приободрившись после побед башбеги, ловко сплюнул и громко высказался:

— Да, теперь как бы не улетела птица Семург, обитающая на горе. Похоже, будут ходить крестьяне не под счастливой звездой, а под тревожной планетой Сатурн. И будут в удивлении и недоумении целый год вспоминать нас.

А когда молодой бек на полном скаку достал с земли на семь монет больше, чем Зариф, дехкане вдруг монотонно затаили печальную касыду: «Нас постигло горе, к нам пришла беда. Мы никогда и никому не проигрывали. Наши богатыри были самые сильные на этой земле». Гулямы и слуги Темура в ответ вскочили и, сжав кулаки, стали кричать, подбадривая башбеги:

— Урр, урр! — Бей! Бей!

В следующем состязании Темура, пустив своего коня во всю прыть, семь раз уверенно нырнул под брюхо своего скакуна. Зариф на своем Ракше неуклюже «прошелся» под выпуклым брюхом лошади только один раз, на втором заходе — застрял. Так и прискакал с поднятыми над седлом ногами. Толпа вначале в ужасе притихла, а затем завывла-заголосила: «Придет к нам смерть, всем нам конец. Ждут нас несчастья, горе и слезы. Всевышний отвернулся от нас».

Настало время поединка. Обоим пахлаванам натянули кольчуги, голову защищали шлемы, коней накрыли специальными попонами. В руки богатырей гулямы вложили боевые палицы. Затрубил карнай, вызывающий на бой. Музыкант, выпятив грудь, усердно раздувал маленький музыкальный инструмент, похожий на хвост коровы.

По знаку старосты соперники, прищипывая своих хрипевших скакунов, ринулись навстречу друг другу. Слепленные яростью, схлестнулись они, и словно молния сверкнула меж грозных палиц. От испуга кони присели. У молодого бека онемела рука, настолько был силен удар

соперника. Темур, до крови закусив губу, развернул коня навстречу ухмыляющейся громаде. И, не раздумывая, вновь пришпорил скакуна. Зариф, приподнявшись на стремянах, грозно поднимал оружие, чтобы припечатать своего противника. Но Темур, опередив соперника на долю секунды, первым метнул прямо ему в лицо остроконечную палицу. Не успев увернуться, Зариф, со звериным оскалом разорванных губ, грузно свалился на выгоревшую траву. «Уу-уу!» — крик отчаяния потряс горное ущелье. И стих...

Наступила удивительная тишина. Но вот один, два, несколько голосов одобрительно выкрикнули имя победителя: «Темур!» И все жители селенья подхватили: «Вала, вала!», что значило: достойный, доблестный воин. Сальма, никого не стесняясь, бросилась в объятия молодого бека. Что нужно еще для счастья, когда любимый — самый отважный, самый... Девушка прикрепила на грудь возлюбленного яркий горный цветок. Это привлекло внимание одной из прилетевших птиц, она подлетела и села прямо на головной шлем. Мгновение, и крылатая вестница растаяла в сизой дымке уходящего дня. Народ застонал от отчаяния. Это была Хумай — волшебная птица: тот, на кого падет ее тень, становится шахом. «Хумай села на военный шлем, этим предвещая юноше царский сан», — восхищенно зашептали дехкане.

Счет горным индейкам стал семь на семь. Джигиты готовились к игре в човганбази, до первого забитого деревянного шара. Людское море ликovalo — давно не было такого великолепного зрелища. Зариф не играл. Два палвана обложили его разбитую голову двумя секирами, и он лежал и стонал — не то от боли, не то от злости, что пришлось расстаться с титулом «Непобедимый».

Човганбази была любимой игрой Темура и его друзей, с детства они тренировались в ловкости и меткости и потому радостно встретили это состязание. Когда судья подбросил деревянный шар, Джагуй Барлас, оттеснив своим рысаком лошадь противника, молниеносным ударом клюшки откинул его назад. Где поджидавший Джако сильным ударом, почти не глядя, послал шар на правый край, куда уже мчался Сейфетдин. Защищавший маленькие ворота противник пустил своего жеребца наперерез Сейфетдину. Но Сейфетдин, увидев мчавшегося по центру Темура, перекинул крутящийся шар ему, и молодой бек, нагнувшись, сильнейшим ударом послал шар в угол ворот. Это была победа. Подняв руки вверх, Темур впервые завопил от избытка чувств: «А-аа!» Это была победа, трудная, общая победа.

Друзья бросились обнимать героя с криками: «Победа, победа!» Потрясенные дехкане не знали, что делать: то ли горевать по поводу упущенной победы, то ли радоваться знакомству со столь славными джигитами. Наконец, они решили отдать не только приз — проигранного быка, но и сделать подношение победителям: красивые турдоны — приземистые сосуды с округлыми боками. Зариф подарил Темуру кинжал-палалак — клинок дамасской стали. Староста надел на молодого бека шелковый халат и памаранд — пояс победителя. Молодой бек также одарил подарками всех участников состязания и обратился к земледельцам со словами:

— Спасибо за оказанное гостеприимство. Ваш кишлак — прекрасное, сказочное место. А о вашем трудолюбии можно судить по вспаханной почве. Вы сильный народ и можете защитить свою родину.

И, поблагодарив старосту, Темур с друзьями вскоре собрались и тронулись в путь.

Глава двенадцатая

САРБАДАРЫ

Ум истиной просвещается,
сердце любовью согревается.

Персидская пословица

Отряд Темура, подъезжая к окрестностям Герата, сделал вынужденную остановку. Джигиты с удивлением взирали на открывающуюся впереди возвышенность, на которой происходило нечто непонятное — странная человеческая масса кружилась в диком, копошащемся хороводе.

Темур с досадой воскликнул:

— Мы почти прибыли... и вдруг это препятствие!

— Что это, кто они? — мрачно вопрошал Аббас.

Джигиты выхватили клинки из ножен, они были готовы к бою.

Сальма коснулась руки Темура:

— Кажется, я знаю, кто они. Отец как-то говорил, что за городом есть холм, где собираются наркоманы: курят анашу, потребляют опиум. Там происходят оргии.— И девушка грустно добавила: — Правитель города не раз направлял туда стражников, чтобы разогнать их, но вскоре эта безумная толпа вновь появлялась на холме.

Темур напряженно слушал, размышляя над тем, как поступить. Джигиты ждали его слова.

— Держите клинки наготове, — наконец распорядился бек. — Не вступайте ни в какие споры. Проскочим — на то воля Божья, нет — придется драться.

Отряд намеревался обойти холм стороной, но был замечен — странная человеческая масса покатила вниз, к подножию. Толпа курильщиков гашиша в основном состояла из молодых парней, одетых в живописные лохмотья. С холма шел тяжелый смрадный дым. Слышались крики, брань, стоны, всхлипыванья. Многие любители ядовитого зелья с обезумевшими глазами тянули руки к джигитам и просили хлеба. Некоторые беспричинно смеялись.

— Таймас, гляди, кто к нам пожаловал, — вскричал один из кутил, предвкушая кровавое зрелище.

Вожак агрессивно настроенной толпы был бледен, от постоянного употребления ядовитого дыма лицо его стало белее самаркандской бумаги, а в ядовитом тумане, поднимавшемся над холмом, оно менялось: становилось то зеленым, то лилово-шафрановым. Он вскинул мышиную голову и гнусавым голосом прошелестел:

— Мы всегда рады чужестранцам, — и полоснул Темура острым взглядом. Вдруг, выставив перед собой большую палку, кривляясь, крикнул: — Джигиты, купите дубинку. Купите — проедете, нет — кровью заплатите.

Темур спокойно спросил:

— Сколько просишь?

— О! — завопил, продолжая кривляться, Таймас. — Она стольким пробила головы, что стоит дорого. Очень дорого.

— Не тяни, говори, — повышая голос, прикрикнул молодой бек.

— Тысяча динаров, — выпалил Таймас, — и палка ваша, — и, зыряка глазами, добавил: — И девушка ваша будет... цела.

Башбеги с угрозой в голосе произнес:

— Я везу в Герат важное донесение, и ты должен пропустить меня.

Таймас ухмыльнулся:

— Донесение?! Да хоть мухтасибу, да хоть самому правителю! Мне все равно... Здесь, на этом холме, я — хозяин. И если не купишь у меня палку, то можешь потерять все.

Башбеги побледнел, но не потерял самообладания.

— Таймас, ты слишком высоко взлетел, больно будешь падать,— сказал он как можно спокойнее.

В ответ только послышалось угрожающее хмыканье.

И вдруг Темура озарило, и он, подняв руку, громко крикнул:

— Славные джигиты, я также везу послание вашему главе айяров Фитрату.

Неожиданно при имени «Фитрат» толпа шарахнулась в сторону — никому не хотелось связываться с ночными разбойниками. Эти слуги тьмы могли достать любого кутилу, где бы он ни скрылся. А если это действительно гости Фитрата? Не дай Бог их обидеть. Доносчиков хватает. Толпа оборванцев, нищих, калек, сразу потеряв интерес к чужеземцам, стала медленно подниматься к себе на холм. Таймас, почесав затылок, сник и растерянно проговорил:

— Вообще-то эта палка мне самому пригодится... — И добавил, цедя сквозь зубы: — Устроили потеху... Сразу бы и сказали, что едете к самому Фитрату.

И маленький каум, беспрепятственно миновав обиталище курильщиков, устремился в Герат. Проехав множество садов, огородов, рощ, отряд остановился перед знаменитой святыней — местом молитв. Мусульмане собирались здесь в основном для празднования двух больших праздников: для разговения после рамазана и жертвоприношения, отмечаемого десятого числа месяца зу-л-хиджа. Большая толпа молящихся собиралась в этом святом месте в пятницу. Путники усердно помолились, сделали подношение, набросав горку золотых динаров на огромный поднос. Джигиты в своих молениях просили Всевышнего, чтобы помог счастливо возвратиться домой. Сальма и Азим были уже у порога своего родного города, и их молитва была благодарением за ниспосланное счастье.

Герат состоял из шахристана — собственно города, рабада — предместья и кухендаза — цитадели. Город имел четверо ворот на четыре стороны света. Южные ворота, Фируззабад, вели в Сеистан, от западных дорога катила в Нишапур, восточные ворота назывались Кушк. От северных ворот шла дорога в Балх. Только северные ворота были железными, остальные — сделаны из дерева. Почти весь город был окружен еще и внешней стеной, отстоявшей на расстоянии четырнадцати шагов от внутреннего глиняного забора. В самом центре города высилось здание удивительной красоты — фундаментальная мечеть, построенная в 1201 году гуридским султаном Гияс-ад-дином.

Перед мечетью плескался обширный хауз. К западу от молитвенного здания мрачно возвышалась тюрьма — сколько она поглотила неугодных правителям людей: мятежников, разбойников, государственных преступников, налогоплательщиков, бродяг, убийц. Широкие мощеные улицы поражали чистотой. К северо-востоку от города располагалась одна из резиденций бывших гератских правителей с гробницей шейха Абдаллаха Ансари. Гератский вилайят смотрелся как одна громадная крепость, воздвигнутая на самом высоком месте, и подходы к ней были усеяны горными узкими тропинками.

Население гератского вилайята делилось на гордых и самолюбивых горцев, населявших местность Гура, и жителей долины.

Гурцы приняли мусульманство позже всех народностей, уже в одиннадцатом веке, они в основном пополняли войско.

В отличие от горцев жители долины занимались земледелием, ремесленничеством и не рвались к власти, как горные сипахсалары.

Из гурцев выходили сильные правители, и они постоянно владели Гератом. Язык гурцев сильно отличался от диалекта жителей равнины, настолько, что даже в разговоре порой нужен был переводчик.

Самым сильным правителем города был Муизз-ад-дин Хусейн, при котором произошло падение персидских монголов. В 1353 году погиб монгольский хан Тугай-Темур. После смерти последнего монгольского кагана Муизз-ад-дин сделался самостоятельным владельцем и подчинил себе все области вплоть до Мургаба, откуда предпринимал набеги на восточные округа.

Отряд Темура вошел в Герат через северные ворота и направился в южную часть города, где находился дом Сальмы. Улицы утопали в зелени.

Остановившись около своих ворот, девушка спрыгнула с коня и, припав к деревянным створкам, застыла. Наконец, решившись, Сальма забарабанила медным кольцом по массивным деревянным дверям. Никто не отзывался. Сулейман устало пнул сапогом по крепкому дереву с изящной резьбой. Тут калитка в воротах приоткрылась, появилась лохматая голова слуги. Сальма без сил опустилась прямо на землю и слабо прошептала: «Салим, здравствуй!» Растрепанная голова исчезла — и тут же во дворе раздался вопль: «Вай дод! Умершая воскресла!» Девушка буквально вползла во двор, за ней следовал Азим. Джигиты неуверенно вошли следом.

Из подсобных помещений выглядывали испуганные слуги, они с недоумением и страхом смотрели на вошедших. Наконец появился и сам Парпихожа. С непокрытой седой головой, когда-то ухоженная бородка торчала ключьями. Поверх белого нижнего белья был накинут только шелковый халат. Двигаясь навстречу своему потерянному чаду с вытянутыми, трясущимися руками, старик шептал:

— Я знал, Аллах поможет мне.— Дойдя до Сальмы, он рухнул на колени и, обхватив ее ноги, простонал: — Дочь моя жива, и снова жизнь пришла ко мне.— Увидев сына, он зарыдал и запричитал еще сильнее: — О, Аллах, как ты милосерден. Ты услышал мои молитвы, ты вернул мне веру. Чудо свершилось. А ведь мы совершили похоронный обряд и только недавно справили поминки и оплакивание. О Аллах, ты щедр ко мне и милосерден.

Вдруг раздался истошный крик:

— Доченька моя! Сыночек! — это в истерике билась мать.

Джигиты смущенно переминались с ноги на ногу — чем тут можно помочь? Когда потрясенные родители и верные им слуги немного успокоились, отец поведал горестную историю. После похищения Сальмы и маленького Азима вскоре нашли около реки труп молодой девушки. Стражники, посчитав погибшую за похищенную дочь Исмаила Парпихожи, отдали ее несчастному отцу. Девушка была так сильно изуродована, что ее трудно было опознать. И родители Сальмы в большом горе похоронили девушку, посчитав ее за свою дочь. Не было вестей о сыне. Это был самый настоящий ад для отца — ведь он сам отправил детей отдыхать в кишлак. Почерневший от страданий Парпихожа, целуя руки своей дочери, покаянно шептал:

— Я сам толкнул тебя на муки, и нет мне прощения.

А между тем во дворе уже резали быка, готовили туй в честь возвращения детей. Усталые джигиты, наспех перекусив, отправились спать. А утром, встав раньше всех, Темур обошел усадьбу дадхо. Дом стоял на крепком фундаменте, мозаично, с рисунком, сложенным из больших камней; само здание сложили из обожженного кирпича.

Во двор вышел хозяин дома. В белоснежной чалме, в халате из дорогой шелковой материи, в мягких сапогах. Радость буквально за одну ночь преобразила дадхо — он снова был важным сановником. И лишь печальные глаза выдавали то, какие страдания перенес этот человек. Голос его на удивление звучал мягко и душевно:

— Темур-бек, сынок, я жду вас с вашими джигитами

в гостиной комнате.— И, сделав паузу добавил: — Нужно поговорить, пока не соберутся родственники.

— Да, да, уважаемый дадхо,— почтительно ответил башбеги и пошел звать друзей.

На завтрак подали свежий каймак, ароматный чай, горячую самсу, хрустящие лепешки и всевозможные сладости. Хозяин дома почти ничего не ел, но зато усердно ухаживал за гостями. Когда с чаепитием было покончено, слуги быстро убрали дастархан, оставив чайник с пиалами. Зашла Сальма, тепло поздоровалась с джигитами, кинула нежный взгляд на Темура, лебедем проплыла по комнате и села рядом с отцом. Парпихожа взял ее нежную руку в свою ладонь и не отпускал до самого окончания беседы.

— Темурджан,— голос дадхо задрожал.— Ты видел мое состояние в день приезда. Но вот по воле Аллаха и благодаря твоей смелости моя дочь осталась невинной,— и он одарил счастливой улыбкой свое любимое чадо.

Та при этом, ничуть не смутившись, слегка кивнула в знак согласия восхитительной головкой. И джигиты тоже закивали в знак одобрения. Почти у всех промелькнула мысль: а девчонка молодец, ведь невинность удваивает выкуп. Темур слегка смутился, но не выдал своего волнения. Дадхо, широко улыбнувшись, с чувством сказал:

— Темурджан, пришло время нам рассчитаться. Я на все согласен.

Молодой бек внимательно взглянул на Парпихожу и потеплевшим голосом сказал:

— Я полюбил вашу дочь.— Сальма радостно встрепенулась. Темур, выдержав маленькую паузу, продолжил: — И был близок с ней. Я бы просил руки вашей дочери, но знаю, вы не переживете новой разлуки с ней. Вы сами должны решить судьбу дочери.

Важный вельможа побледневшими губами вымолвил:

— Бек, спасибо за честность. Вы читаете мои мысли. Потерять еще раз дочь, это значит объявить свои похороны. А Сальму я принимаю такой, какая она есть. И это не будет влиять на цену выкупа,— и дадхо широко улыбнулся башбеги.

Темур покачал головой.

— Уважаемый Парпихожа-ага, есть вещи, которые не продаются, — это любовь отца к дочери, к сыну. И я хочу, чтобы ваше семейное счастье было безоблачным.

Джигиты недоуменно переглянулись — стоило гнать лошадей в такую даль из-за какой-то девицы. Сальма

торжествующе взглянула на отца. Парпихожа растерянно и с тревогой в голосе спросил:

— А чего же ты хочешь, амир? — и опережая его ответ, он поспешно сказал: — Сальма с детства помолвлена с бекем Сарраджой, за ним уже послали гонцов.

Сальма сникла и опустила голову. Темур понимающе посмотрел на друзей и негромко произнес:

— Ну хорошо, уважаемый Парпихожа, я прошу об одной услуге.

Дадхо встrepенулcя, глаза засветились:

— Говори, сын мой...

Молодой бек не спеша допил остывший чай, остаток выплеснул в другую пиалу и перевернул чашу — достаточно. Затем с расстановкой сказал:

— Нам нужна охранная грамота вашего правителя Хусейна Курта на караваны, проходящие через Хорасан.

Неожиданно наступила тишина, слышно было только непрерывное жужжание пчелы, бесцельно бьющейся об окно. Дадхо застыл в задумчивости. Джигиты вновь переглянулись — дескать, просьба оказалась слишком тяжелой для вельможи. Темур устремил бесстрастный взгляд на отца Сальмы. Парпихожа попросил дочь:

— Милая, позаботься об обеде для наших гостей.

Гератка обиженно поджала губы, но тут же быстро вышла из комнаты. Молодой бек бросил выразительный взгляд на друзей — и те удалились вслед за Сальмой. В давно потухших глазах Парпихожи вспыхнул огонек, он тихо сказал:

— Сынок, у тебя есть терпение выслушать меня? — Темур ободряюще улыбнулся в ответ. Дадхо тяжело вздохнул и, освобождаясь от терзающих его мыслей, начал рассказ. — У меня есть друг Амин Васиф, не в одном трудном походе бывали вместе. Сейчас он служит секретарем у Муизз-ад-дина Хусейна Курта, пользуется расположением правителя. Между нашим детьми Сарраджой и Сальмой преломлена лепешка. Жили мы припеваючи, пока темные тучи не нависли над нашими домами. Мою дочку случайно увидел ханский приказчик Мирак Дауд. Пораженный красотой Сальмы, он решил сосватать ее своему племяннику Хамрачу. Отец Хамрача — Уркад-Футабаф, крупный меняла гератского базара, конечно же, был на седьмом небе. Но, получив отказ от нашего семейства, затаил злобу. Нанял двух братьев-гурцев, и они выкрали мою ненаглядную дочь.

Башбеги со злостью сказал:

— Мне известна эта подлая история... Но откуда вам известно о Мирак Дауде?

— Один из оставшихся в живых братьев, Файзаддин, был пойман моими людьми и под пытками во всем сознался.

Темур задумался. А Парпихожа неожиданно высоким голосом сказал:

— Охранную грамоту я выправлю в течение трех дней. Темур облегченно вздохнул.

— Но это не плата, которой я хотел отблагодарить вас,— уточнил хозяин.— Я поклялся перед Аллахом, что подарю пять тысяч золотых динаров тому, кто найдет мою дочь и сына. И не смей отказываться от этих денег,— резко заключил дадхо.— Всех джигитов, нукеров, слуг твоих одарю. Ты вернул в мой дом жизнь, радость.— Но вдруг Парпихожа вновь нахмурился и тяжело вздохнул.— Только боюсь, Мирак Дауд и Уркад-Футабаф не остановятся на первой неудачной попытке.

Башбеги с горечью произнес:

— Такие не останавливаются ни перед чем.

Парпихожа побледнел, но затем глаза его налились кровью.

— Я — смиренный раб Божий, но теперь решил защищать родной очаг, бороться за своих детей.— Сделав глубокий вздох, вельможа проронил: — Хочу открыть тебе одну тайну, вообще-то я осторожный человек, но гарантом служат мои дети. Приказчик связан с монголами, они его поддержка. Мирак Дауд — их глаза и уши. Султан прекрасно об этом знает, но ничего поделать не может. Он тоже побаивается монгольского осведомителя,— и дадхо быстро-быстро заморгал.— Ничего поделать с собой не могу,— болезненно усмехнулся вельможа,— как только вспоминаю ненавистное имя, так нервничаю.

Молодой бек ободряюще улыбнулся:

— Это со временем пройдет.

— Дай-то Аллах! — воскликнул дадхо, но мигать не перестал.— В Себзеваре произошел именно антимонгольский мятеж — власть в руки взяли сарбадары, ты об этом прекрасно знаешь, сынок. Но вот Мирак Дауд, науськиваемый ханом Моголистана, собирает в Сеистане наемное войско для борьбы с сарбадарами в Хорасане. Все это делается по прямому указанию «джете», для поддержания давно упавшего монгольского могущества. Через Герат и Сеистан должен пройти караван с оружием и большим количеством золота для оплаты наемников.

У Темура перехватило дыхание, неужели удача поверну-

лась к нему лицом: ведь цель его приезда в Герат — захват этого каравана. Молодой бек, овладев собой, непринужденно спросил:

— Что вы предлагаете, уважаемый?

Парпихожа привстал, сжал побелевшие пальцы в кулак и с ненавистью выпалил:

— Я хочу уничтожить этого негодяя.— И уже спокойнее спросил: — Сынок, ты сможешь мне?

Темур был уже готов к ответу:

— Мой меч и мои джигиты готовы помочь в этом святом деле. Мы уничтожим его самого и спалим его дом...

Парпихожа легко встал, прошелся по комнате, приоткрыл дверь — посмотрел, нет ли кого поблизости, и впился воспаленными глазами в башбеги.

— Нет, бек, мы поступим иначе. Мы нападём на караван.

Лицо молодого бека приняло радостно-изумленное выражение, он решительно кивнул:

— Я согласен.

— Товар весь ваш, за риск, за опасность дела я прибавлю еще пять тысяч золотых,— шепотом добавил вельможа.

И Темур вновь кивнул головой.

— И еще,— Парпихожа сел и протянул руки к пиале с остывшим чаем.— Уркад-Футабаф и сын его Хамрач хотят влить в монгольский караван свой катар верблюдов с товаром — под сильной охраной безопаснее. И еще один обоз хочет отправить в Балх.

— И что там? — поинтересовался молодой бек.

— В основном шитая золотом ткань, а также разные сладости, фисташки, мед.— Лицо вельможи взмокло, достав платок, он промокнул морщинистый лоб, опавшие щеки.

Башбеги удивился:

— Много же вы знаете о своих врагах!

Дадхо развел руками:

— А что вы хотите, врагов надо знать, чувствовать даже их дыхание. Я не жалею денег на слежку за своими недругами.

Темур сощурил и без того узкие глаза:

— Узнайте у своего друга более подробно и о времени прибытия каравана с оружием, и о месте стоянки. Через два дня выработаем план нападения. А завтра я должен навестить старого друга отца сарханга Бақыра и еще одного почтенного человека — сподвижника пророка. У вас есть преданный слуга, который, закрыв глаза, найдет любую улицу Герата?

Парпихожа утвердительно кивнул, затем вышел из комнаты. Вернулся он с подносом, на котором лежало пять мешочков — в каждом из них было по тысяче золотых динаров.

— Теперь я чист перед Кораном и перед детьми, а джигитов награжу утром, каждому дам по коню и шелковому халату.

Темур колебался недолго.

— Осквернить вашу просьбу к Аллаху грешно, я возьму эти деньги, тем более, что сейчас они нужны для успешного завершения нашего дела.

Слуга Икбол, веснушчатый джигит, действительно знал город, как свои пять пальцев. Сарханг Бакыр, увидев Темура, расплылся в широкой улыбке. Мясистое лицо с округлыми чертами выражало радость, обвислые усы от удивления встопорчились.

— Какими судьбами, Темурджан? — он долго обнимал и хлопал по спине молодого бека. — Как поживает старый вояка, мой друг Тарагай? А ты возмужал, окреп. Хорошая примета — к плову поспел, теща любить будет. Познакомься с моими гостями.

Перед Темуром предстали двое юношей. Один из них — высокий, с шапкой курчавых волос, с длинной шеей, на которой кадык так и ходил ходуном. Звали его Мидат. Второй — ниже ростом, но плотнее, с точеным носом, с глубокими темными глазами, тонкая полоска усов подчеркивала бледность лица. Полное имя джигита было Ходжа Али ибн Муйяд Тусей.

— Мидат, мой родственник, — представил сарханг, — сын Хасана Джурии, бывшего хакима Себзевара, который погиб в борьбе с Гератом. Вот так ирония истории, постоянно воюем между собой. Брат с братом, отец с сыном. Сначала переженимся, побратаемся городами и вилайятами, а потом перессоримся и бьемся насмерть. — И обнимая Али Майяда, усадил гостей на затененную старым виноградником супу. — Я-то давно на отдыхе, зализываю старые раны. Ну-ка, мои родные, попробуйте мой плов.

И сарханг, захватив большую горсть риса в огромную ладонь, мизинцем скинул кусок мяса с горки дымящегося блюда, уплотняя рисинки утолщенными пальцами, ловко отправил комок плова в огромный зияющий рот.

Все принялись за угощение...

— Темурджан, о семье расскажешь позже, — вытирая руки, с доброй улыбкой проговорил сарханг. — А сейчас познакомься поближе с этими дервишами, сидящими перед

тобой. Это самые настоящие сарбадары из Себзевара, в котором свергли монголов и где простой люд управляет государством, и довольно успешно.— И амир Бакыр громко расхохотался.— А вот теперь, наложив в штаны, бегают, не знают, что делать.

И было непонятно, говорит сарханг с иронией или вполне серьезно. Темур, идя к старому другу отца, надеялся на помощь его нукеров или же сарбазов-воинов. Но, оказывается, амир Бакыр давно уже не у дел. «А вот почему эти сарбадары здесь, неспроста же крутятся в Герате?» — промелькнула мысль у башбеги. Видимо, тоже прослышали про грозящую опасность. Надо прощупать почву под ногами этих юношей. И молодой бек, восхвалив обед и принимая от Мидата пиалу душистого чая, как бы невзначай бросил:

— Идет молва, что готовятся темные силы для подавления мятежа в Хорасане.

— Я же говорил! — вскочив с места, закричал Мидат.

Али Муйяд невесело кивнул головой и негромко сказал:

— Значит, наши опасения были не напрасны.

Амир Бакыр, почувствовав себя плохо, извинился и вышел. Мидат неодобрительно покачал головой.

— Дядя как наестся плова, так ему плохо. Как перешел на сидячий образ жизни, так и заболел.

Али Муйяд, сорвав извилистый стебелечек виноградины, пожевал его и выплюнул кислый комочек. Запахнув халат каландара, усмехнувшись, сказал:

— Приходится в целях безопасности рядиться. Бек, если можно, немного откровеннее,— неожиданно попросил сарбадар.

Темур понял, что ему вновь крупно повезло, сама судьба подарила эту встречу. Надкусив сочное красное яблоко, Темур откровенно заявил:

— Это не слухи, а чистая правда, известие из верных источников.

Мидат отставил в сторону блюдо со сливой и, пригнув голову, впился ястребиными глазками в башбеги. Али Муйяд не мог скрыть восторга:

— Сам Аллах послал вас, бек, нам в помощь.— Приложив руки к груди, сарбадар проникновенно сказал: — Нас с вами связывает амир Бакыр, имя которого и вам и нам дорого. Моя откровенность — это доверие к вам, досточтимый бек.

Темур с вниманием всматривался в лица сарбадаров. Переглянувшись с Мидатом, Али Муйяд сказал:

— Нас прислал наш правитель. Лазутчики сообщили, что скоро на Себзевар пойдут «джете».

Темур понизил голос и непроизвольно оглянулся на дверь.

— У вас донесение — только концовка готовящегося события. По чистой случайности мы узнали, что идет караван с оружием в Сеистан, где в одной из крепостей собирают наемное войско.

— Все правильно, — тяжело вздохнул Али Муыйд, — один из лучших стрелков Сеистана Араш вербует за большие деньги даже франков.

— Почему именно в Сеистане? — удивился башбег.

Мидат, блеснув глазами, выпалил:

— Себзевар находится в состоянии войны с Сеистаном, а самое главное, там много крепостей со своими предводителями.

— Большой ли караван, где он проходит, будет ли стоянка в окрестностях Герата? — перебил своего друга Али Муыйд. — Я понимаю, что требую от вас невозможного, досточтимый бек. Но если открыли бутылку вина, надо опустошить ее до конца.

— Вообще мы приехали по другому поводу, — и башбеги вкратце рассказал о зловключениях Сальмы. — Мы еще в Самарканде слышали о подготовке монголов и о том, что поход планируется с двух сторон. С севера войско «джете», пройдя через Бухару, Мерв, Абивард, намеревается ударить в самое сердце Хорасана — в Себзевар. А с юга Сеистана пойдет наемное войско.

Али Муыйд с вызовом воскликнул:

— Сколько в мире было восстаний рабов, мятежей — и все напрасно. Мы единственное в мире государство, свалившее монгольское иго и установившее в нескольких городах Хорасана власть простых воинов. И нас хотят задушить в колыбели нашей свободы.

Темур, никак не отреагировав на вспышку Али Муыйда, продолжил свою речь.

— Это не те монголы, что воевали при Чингизхане. Те с быстротой молнии смяли бы и вывернули наизнанку Себзевар. Видите, времена не те — монголы ослабели, стали боязливы и осторожны.

— Досточтимый бек, мы не успеем вернуться домой, даже имея летучих коней, — взволнованно перебил башбег Муыйд. — Караван уйдет. Надо напасть на него до прибытия в Сеистан. И в зародыше уничтожить мысль о походе. Конкретно, не поможете ли нам со своими нукерами?

Темур крепко задумался. Али Муйяд, считая, что бек колеблется, воскликнул:

— Добыча вся ваша, для нас главное уничтожить этот вооруженный караван,— а затем с отчаяньем добавил: — Мы заплатим золотом.

Темур покачал головой:

— Сарбадары — мужественные люди. За свободу вашу плату не возьму, но караван золотой, и алчное пламя горит в сердцах моих джигитов.

Не скрывая радостных слез, друзья бросились обнимать молодого бека со словами:

— С нами пятьдесят сарбадаров-смертников, готовых идти в огонь и воду.

Темур мягко отстранил друзей и объявил:

— Исполнять мои приказы быстро и точно — это станет залогом успеха. Меня не ищите. Будет вестник, который принесет в дом сарханга устный приказ о месте нашего сбора, о времени нападения на караван и о дальнейших наших действиях. Пароль — «Ветка персидской сирени». Ответ «Роза Галлии».

Появился амир Бакыр, радостно потирая руки, воскликнул:

— Привезенного Темуром барана зарезали, скоро будет готов тандыр-кебаб. По вашим лицам вижу, что вы подружились. Темурджан, расскажи о семье, поведай, зачем пожаловал?

Темур развел руками:

— В семье все в порядке. А прибыл...— бек бросил вопросительный взгляд на сарбадаров. Те быстро закивали головами, говори, мол, не стесняйся, мы поддержим. И башбеги решительно продолжил: — Скоро должен прийти караван, его охраняют мои джигиты. Провиант у них с собой. Ну вот, чтобы не болтались у всех на виду, нужно где-то их устроить.

Амир Бакыр стал серьезным.

— Темурджан, Темурджан. Я всю жизнь боролся с монголами и буду сражаться с этими завоевателями до последнего дыхания. И Себзевар — это лишь начало. Придет час, и мы уничтожим господство «джете». Мой родной кишлак встретит ваших гулямов с сурнаями и карнаями. Я и сам соберу полсотни гулямов. Только помоги борцам за свободу.

Темур возразил:

— Никаких сурнаев. Пышный прием излишен, сразу бросится в глаза. У вас в селении есть кто-нибудь на выданье?

Вельможа задумался.

— Есть одна дальняя родственница, но она живет на окраине. И потом, у девушки не все дома. В общем, юродивая.

Темур оживился:

— Это то, что нужно для нашего общего дела. Повезло кому-то из моих джигитов... Завтра же посватается к вашей невестке...

Старый воин захлопал глазами, а сарбадары недоуменно переглянулись. Темур усмехнулся.

— Мои молодцы приезжают в ваш кишлак якобы в сопровождении родственников жениха, чтобы породниться. Пожив немного, они узнают о странностях и причудах невесты. И тут же скрываются... Конечно, после успешного нападения на монгольский караван.

Хозяин дома и сарбадары одобрительно рассмеялись — военная хитрость. То, что предложил Темур, устроит всех — и сарбадаров, и противника. Ведь все равно лазутчики «джете» будут шнырять по окрестностям, вынюхивая, не прознал ли кто про караван.

— Бакыр-ага, ваших нукеров ни в коем случае нельзя впутывать в это дело. Все должно быть сделано руками чужаков,— заключил Темур.

Сарханг ласково посмотрел на сына своего друга.

— Темурджан! Ты перерос и отца, и меня,— и улыбнулся.— Зато какое племя идет на смену.

Темур успокоился, дождавшись своего каравана, пришедшего из Кеша. Оптом продав весь товар, друзья молодого бека — Джагуй Барлас, Ингу-Темур, Хасанбахадур, Джамолитдин — послали гонца в дом Парпихожи: товар продан, тридцать гулямов в укрытии, ждем дальнейших указаний. Темур вместе с гонцом послал слугу Бақыра, который должен был позаботиться о тридцати нукерах и указать им их жилище, а друзьям отдал такой приказ: «На все деньги нанять мулов, лошадей и достать как можно больше вместительных мешков. Пусть сидят и терпеливо ждут дальнейших распоряжений, как заботливая наседка, высиживающая яйца».

Живя у Парпихожи, молодой бек почти не бывал дома, его можно было увидеть то в одном конце города, то в другом. А однажды башбеги и вовсе исчез с двумя нукерами на три дня, а приехав, тут же свалился и долго не могли дожидаться его к обеду.

В это же время отец Сальмы принес известие от своего

друга Амина Васи́фа: караван придет через три дня, но в Герате не задержится, проследует дальше. Торговый караван Уркада-Футабафа уже влился в общий поток монгольского катара. Банкир-саффара решил не испытывать судьбу, провести свой обоз подальше от любопытных глаз, а главное — под надежным укрытием.

Собрав друзей и взяв карту окрестностей гератского вилайята, Темур принялся объяснять суть плана по захвату каравана с оружием.

— Из окрестных деревень нам на помощь придет отряд Али Муйяда. Нападение произведем на подступах к Герату.

Парпихожа хотел что-то сказать, но Темур нетерпеливым движением руки пресек это желание дадхо.

— Вопросы и обсуждение потом — после знакомства с планом. Итак, когда караван втянется в лощину, мы перекроем вход и выход, а то верблюды разбегутся с поклажей по знойным степям. Фактически караван будет зажат в кольцо. Головной отряд каравана встретит Сейфетдин с пятнадцатью гулямами.

Табиб-поэт удивленно вскинул брови, его взгляд выражал немой вопрос.

— Так мало даешь мне нукеров, бек?

Башбеги с лукавой усмешкой проговорил:

— Там, благодарение аллаху, много лиственных деревьев, подумайте, где и как устроить засаду. Тогда вам останется только вовремя подстреливать ничего не подозревающих охранников. Ваша задача — не дать им прорваться сквозь заслон. Хвост обоза отрубит Аббас, также с пятнадцатью джигитами. Устройте камнепад, так, чтобы захлопнуть ловушку.

Молодой бек испытующе взглянул на друга-рыбака. Аббас с готовностью кивнул. Башбеги повел глазами, увидев нужного джигита, с хрипотцой в голосе сказал:

— Сулейман, слушай внимательно. Стены ущелья высоки, на краю одной из них лежат пять огромных валунов, установишь за ними десять самострелов с лучшими стрелками, вступишь в сражение по моему знаку. Смотри, будь осторожен, не перестреляй своих. — Молодой бек разгладил старую карту, нагнувшись, долго всматривался в линии и знаки на пожелтевшей бумаге. Выпрямившись, метнул взгляд на Худайдада. — Вниз от дороги — пологий скат, туда и устремится охрана. Ты, Худайдад, вместе с отрядом Али Муйяда, численностью в пятьдесят человек, встретишь их. Вы будете вооружены длинными копьями. Главное, чтобы из наших тисков не ушел ни один охранник

каравана. Смотри, птицелов, чтобы не упорхнули пташки.

Худайдад в ответ только засопел.

— Когда бой закончится, ты, Джамолитдин, направишь слуг к верблюдам, снимете поклажу и скатывайте тюки вниз, там будет ждать наш обоз, состоящий из мулов. Один тюк оставьте, он будет нам нужен как доказательство. Весь груз следует переложить в принесенные мешки — но это уже забота Джагуй Барласа. Когда закончится погрузка на мулов, мы расстанемся с отрядом Али Муйяда. Под нашей охраной караван пройдет два фарсаха пути в глубь гор и сложит весь груз в одну из пещер. — Молодой бек окинул всех строгим взглядом. — Друзья мои, предупредите всех гулямов, слуг, чтобы никто не польстился на товар. Убивайте на месте того, кто нарушит приказ. Маленькая зацепка может навести на наш след врагов, и тогда все поплатимся головой. В горах груз будет охранять Джагуй Барлас с кешскими барласами. Провиант им оставят. — Темур неожиданно зевнул и, побарабанив кончиками пальцев по губам, извинился: — Спать не хочется, а зеваю. — И тут же повел взглядом на Сулеймана. — После выгрузки оружия в пещеру поведешь пустой обоз в караван-сарай, скажешь особенно любопытным, что торговая сделка не состоялась. Ждите от меня гонца. И наконец, — и башбеги уперся взглядом в Хасана. — Поведешь катар верблюдов без груза в Гарчистан, в одно из поместий Мирак Дауда, пусть полюбуется парваначи на ограбленный караван. Возле дома его сбросьте тюк с оружием и постарайтесь, чтобы поклажа рассыпалась. Сопровождающий проводник объяснит управляющему, что верблюдов прислал Мирак Дауд. Затем скачи в Кеш и набирай отряд. Завлекай джигитов хорошей платой, полным вооружением и великолепными скакунами.

Дверь приоткрылась, и показалась головка Сальмы. Бросив обжигающий взгляд лучистых глаз на Темура, она нарочито недовольно сказала:

— Отец, хватит секретничать, ужин стынет.

Дадхо извиняющимся голосом ответил:

— Сейчас, дочка, нас задержали важные дела.

Молодой бек, дождавшись ухода гератки, продолжил свою речь:

— Остальные джигиты возвращаются на туй, на объявленную помолвку Сарраджа и Сальмы.

— На какую помолвку? — удивился Парпихожа. — Не рано ли?

Темур улыбнулся:

— Ну, на торжества в честь приезда дочери. Главное, пригласить как можно больше гостей из дворца правителя.

Джако и Джагуй Барлас спросили башбеги с обидой:

— А мы что, не у дел оказались?

— Вот вы со своими слугами и нукерами и будете кутить всю ночь, создавая видимость, что весь отряд на месте. Все наши оруженосцы останутся, разрешаю пить, танцевать, веселиться. Все знают, без оруженосца ни один бек не тронется в путь. И кони наши пусть тоже отдыхают в конюшне. Лошадей из караван-сарая приведет Ингу-Темур, который затем постоянно будет рядом со мной. На твое, уважаемый Парпихожа, ваша задача — спойть меня.. фруктовым соком, а затем совершенно пьяного, на виду у всех, увести спать. Для моих джигитов найдите наложниц.

— Прекрасных, как пери,— добавил Сейфетдин.

Темур только усмехнулся на сказанное.

— Пусть поразвлекаются, если успеют до вечерней молитвы. А затем, палваны мои, смело подсыпайте сонное снадобье вашим пери и удирайте через черный ход. Разобьетесь на группы, проводники помогут просочиться через городские ворота. Место сбора — у родника. А там — все в руках Всевышнего. У кого возникли сомнения, вопросы, прошу излагать,— и башбеги выжидательно оглядел собравшихся.

Парпихожа, смущаясь, высказал свои опасения.

— Я активно вмешиваться в суть происходящего не смогу, не из-за страха или опасения мести. За мной идет постоянная слежка людей парваначи. И я боюсь провалить дело до его начала.

Темур тут же его успокоил:

— Уважаемый, мы все это учли.

Парпихожа, бросив благодарный взгляд на башбеги, продолжил:

— На такое вооруженное нападение не каждый гератец решится. Если попытка окажется неудачной, сколько голов полетит.— Отец Сальмы, волнуясь, поправил чалму.— Моя тревога: наберем ли сотню джигитов. Вас, Темурджан, могут подвести новые друзья.

— Все эти сомнения правильны, уважаемый дадхо, но я всегда стараюсь доводить до конца начатое дело,— деловито ответил молодой бек.— Слушайте мой расклад: пятьдесят смертников только и ждут приказа, чтобы с потрохами уничтожить этот ненавистный монгольский караван. От исхода сражения зависит судьба свободолюби-

вого города. Тридцать кешских барласов, пришедшие в охрану моего каравана, ждут сигнала в селении сарханга Бақыра. Вместе с нашими гулямами получается больше ста аскаров.

Парпихожа все никак не мог успокоиться и качал головой.

— При всем моем уважении к вам, бек, все это мне кажется какой-то мальчишеской игрой — лощина, пять валунов, пещера...

Темур вздрогнул, словно от удара, но, взяв себя в руки, стал терпеливо объяснять:

— Я облазил эти места сам, думаю, этого достаточно для вашего доверия.

Дадхо не унимался:

— А вдруг проводник не сможет убедить управляющего, что катар верблюдов приказал пригнать Мирак Дауд?

— Этот проводник раньше служил у парваначи, но за маленькую провинность был выброшен с семьей на улицу. Он ненавидит своего бывшего хозяина. В том имени проводника хорошо знают и не ведают еще об его измене. Следопыту заплачено, он уйдет потом в Мерв к брату. Так что здесь все продумано. Задуманная монголами операция по уничтожению Себзевара должна обернуться и против Мирак Дауда. Нашими действиями мы должны доказать «джете», что парваначи сам украл и продал оружие.

— Насчет проводника... откуда такая осведомленность? — поинтересовался вельможа.

— Базар, отец, базар, который все слушает и все ведаёт, — ответил за Темура Худайдад и добавил: — Мы тоже зря хлеб не едим.

Молодой бек, вмешавшись в разговор, добавил:

— Чуть не забыл, раненых отвезем в кишлак амира Бақыра, там о них позаботятся, — И вдруг широко улыбнулся: — Откровенно говоря, я обошелся без помощи местных айяров.

Парпихожа, получив толковые разъяснения, успокоился. И на его прежде озабоченном лице появилась улыбка.

— Я слышал от дочери восторженные отзывы о нашем госте: Темур подобен льву, Темур может все. Ну что ж, братья мои, дай-то Аллах, чтобы это было именно так. И пусть Всевышний пошлет вам птицу удачи. А я буду готовиться к празднеству в честь моей дочери.

... Отец Сальмы готовился к свадебным торжествам, еще не зная, что дочь беременна. А когда узнал, не опечалился, не ругал свою любимицу, просто дал ей пузырек с кровью белого ягненка и тихо сказал:

— Брызни из пузырька на постель зачатия, да так, чтобы не видел жених.— Тяжело вздохнув, Парпихожа заключил: — Делаю это для вашего семейного блага и спокойствия. Думаю, Милосердный простит меня.

Нападение на караван произошло точно так, как было задумано, как планировал молодой бек. Была, правда, небольшая осечка. Один из нукеров из охраны каравана незаметно бежал и сообщил о случившемся дозорному отряду. Башбеги, переложив оружие и товар Уркад-Футабафа в свои мешки и навьючив их на мулов, двинулся в путь. Вот тут-то и настиг победителей неожиданный окрик дозорных. Друзья башбеги вздрогнули и замерли в тревожном ожидании.

Молодой бек, не принижая достоинства начальника дозорного отряда, тем не менее громко крикнул:

— Кто стоит на пути посланцев правителя Герата? — и подал охранную грамоту.

Пожилой салар — начальник, внимательно изучив разрешение хакима Курт Муизз ад-дин Хусейна на прохождение без таможенного досмотра каравана, призадумался. В нем боролись два противоречивых чувства. Страх, ведь не дай Аллах, если кто-то донесет правителю, что салар дозорного отряда копался в его товаре! Казнь неминуема. Однако ж и бешеная награда, обещанная Мирак Даудом за поимку разбойников, великий соблазн. Тогда, считай, безбедная старость обеспечена. Салару не хотелось говорить об ограблении каравана этому юному амиру, и он прибег к обтекаемой речи:

— Досточтимый амир, произошло нечто из ряда вон выходящее. И если вы, малик-заде, позволите осмотреть груз, мы будем весьма признательны.

Темур с непроницаемым лицом ответил:

— Нам не ведомо случившееся. Но если пропадет хоть один моток ниток или хоть один кусок мыла из тюков правителя, не уверен, что голова ваша все так же будет сидеть на ваших плечах. И мне не хотелось бы скорбеть по случившемуся.

Салар неуклюже пнул подбежавшего охранника и рывкнул угрожающе:

— Осмотри все внимательно, ничего не трогая.— И повернувшись к молодому беку, негромко произнес: — Простите, малик-заде, за беспокойство — служба.

Темур небрежно махнул в сторону каравана:

— Пожалуйста, можете начинать свой осмотр.

Слышавший весь разговор сбежавший охранник при виде каравана растерянно развел руками и заплетающимся языком промямлил:

— У нас были верблюды, а здесь одни мулы, да и товар у них в мешках, наши тюки совсем другие.

И, повернувшись лицом к малик-заде, чтобы выразить ему свое почтение, нукер каравана Уркад-Футабафа обомлел — перед ним восседал на коне тот самый башбеги, который и руководил нападением. Нельзя забыть эти рысьи глаза и жесткую улыбку, которые таили угрозу. Охранник затрясся весь мучительной дрожью и, почти теряя сознание, завопил:

— Это не они!

Салар облегченно вздохнул: охранная грамота правителя Герата — это все-таки важный документ. И начальник дозора злобно крикнул:

— Ну, что раскудахтался?! Садись на коня, искать надо! — И подскакав к Темуру, светясь дружелюбием, произнес: — Почтеннейший малик-заде, путь ваш свободен.

Дозорный отряд, освещая путь факелами, двинулся дальше.

Молодой бек с друзьями отлеживался у Парпихожи. Дней через десять пришло известие, что Мирак Дауда нашли мертвым близ его родового селенья. Приближенные решили — конь парваначи нечаянно сорвался в пропасть. Даже в истерзанном трупe нетрудно было узнать важного вельможу. Темур же предположил другое — нашли, видимо, монгольские лазутчики оружие в родном селенье Мирак Дауда и пытали нещадно.

Уркад-Футабаф, потеряв весь свой товар, в страшном беспокойстве начал готовить новый караван в Балх. Но, лишившись покровителя в Герате, после совета с сыном Хамрачем, решил переехать в другой город. Правда, в какой, он не мог пока надумать.

А тем временем Парпихожа собрал в саду своего роскошного дома совет. Правитель отсутствовал, но прислал нового молодого визиря. Во дворце шли перемены. Главный вельможа был весел и остроумен. Полуобнимая хозяйина дома, он очень тепло сказал:

— Хаким дал распоряжение устроить вечер-совет у вас, но сам неожиданно приболел. И я надеюсь, что наш правитель по выздоровлении тут же посетит вас.

Увидев Темура с друзьями, визирь, учтиво поздоровавшись с джигитами, с лукавой улыбкой тихо промолвил:

— Уважаемый дадхо, вы заметили, что в городе воздух стал намного чище.

Гератской знати было известно о скрытой борьбе парваначи и дадхо, и все переживали за спокойного и уважаемого в городе мусульманина Парпихожу.

Политический крах и смерть Мирак Дауда придворные дворца встретили с удовлетворением — его давно подозревали в предательстве. Хаким города, проявив царскую милость, дал распоряжение вне очереди устроить торжества в доме Парпихожи.

Гости пришли в богатых нарядах. Мужчины были одеты в шелковые рубахи, поверх них гератская знать облачилась в халаты из парчи и тяжелого шелка. Халаты были украшены вышивками и усыпаны драгоценными камнями. На голову каждый водрузил белоснежную чалму, обмотанную вокруг меховых шапок. Вельможи щеголяли в сапогах с расшитыми голенищами и в туфлях с острыми носами. Одежду придворных дополняло дорогое оружие. Пальцы холеных рук буквально унизывали перстни и кольца.

Гератские красавицы нарядились в жилетки самых ярких расцветок — зеленые, как весенняя трава, желтые, как осенние дыни, алые, как молодая кровь. Но всех модниц перещеголяла Сальма — на ней было платье, прозрачное, как крылья мотылька, поверх платья — облегающий фигуру жилет. Головку красавицы украшала лента и обшитая жемчугом тюбетейка, поверх которой был повязан прозрачный платок. На руках девушки — восхитительные украшения: золотые браслеты, звенящие серебряные кольца, в просвечивающих ушках рубиновые сережки. Гератка, узнав о скором отъезде Темура, была печальна.

А в это время в саду гремел дутар, воодушевленно играл органон — небольшой инструмент с мехами. Призывно напевала кеманча — восточный смычковый инструмент. Очаровательная певица с задором пела песню, юная танцовщица исполняла танец живота.

Дадхо постарался насчет угощения — дастарханы ломились от яств и питья. Заманчивый дух шел от блюда «тафшила», приготовленного из рубленого отварного мяса, которое заправлялось золотистым луком, сладким миндалем, морковью, яйцами, кориандром, медом. Дымился ароматным запахом кашкин — мясо, тушенное с фасолью и горохом, птица с белым нежным мясом предназначалась для самых требовательных гурманов. На отдельных тарелочках лежали специи: трава-зафа, похожая на горный чеснок, трава гушпа, трилистник и разновидность ревеня —

карла. Фрукты так и манили своим великолепием. Персики «хух», слива «шафтаранг» — наполовину красная, наполовину белая, айва «абн» и «абинар». Индийская хурма — саба, горьковатая дыня «кабасан» — для любителя. На расшитых скатертях различные сорта вин: «Бигмаз», «Сийаки», «Набед», «Шараб». Но гостям, конечно, понравились более крепкие напитки: «Расатун» — изготовленный из сотового меда, «Сур» — вино из риса, «Панднун» — вино с примесью сиропа терьяка. Поражало изобилие печеного — «фулатэ» — сладких коврижек на кислом молоке, «фархашта» — хлебцев из крахмала с миндальной халвой, которые пекли на камнях. Слуги усердно подносили к чаю халву — «палуду», приготовленную из меда, миндаля и крахмала, семиореховую сухую халву — «малкана», которую готовили из ядер миндаля, грецкого ореха, фисташек, фундука, ядрышек из косточек персика и абрикоса и плодов хвойных деревьев.

Сад цвел и благоухал божественными ароматами. В укромной беседке ухоженного сада укрылись от шумного общества Темур, ученый Ходжа Афзал, эрудит Масуд ибн Умар Тафтозони. Здесь же находился и каллиграф из Багбана Мансур ибн Мухаммади. В непринужденной беседе касались они вопросов истории, поэзии, философии, религии, каллиграфии. У каждого был собственный взгляд, свое миропонимание. Юноши много говорили об устройстве государства. Здесь мнение спорщиков было единым — необходимо объединение всех вилайатов. Сделал же хорезмшах Мухаммад Алаадин свое царство всесильным, границы которого простирались от пустынь Хорезма до Персии. Но сам виноват, что не смог удержать власть в своих руках, не убежал от злого рока. Но при его правлении почти прекратились внутренние распри. Смысл один — объединение в одно цельное мощное государство. Даже малочисленные народности собирают свои племена по крупницам, по родовым кланам, княжествам, сохраняя свой быт, традиции, обычаи, и создают свои государства. Возьмем болгар конца VII века... По нижнему течению Дуная, к северу от Балканского хребта, возникло Булгарское царство. Объединилась и Киевская Русь в IX веке, Польское княжество в X веке.

— О-о! — протяжно зацокали юноши. — Вот тебе и государство со своей структурой правления, со своим войском. А вместо этого у нас пока борьба за власть, междоусобицы.

Ученый Ходжа Афзал возмущенно прохрипел:

— Вот говорят о жестокостях мусульман, а Карл Великий в борьбе с саками казнил четыре с половиной

тысячи человек, а рыцари при крестовых походах лили кровь тысяч как мусульман, так и католиков. Или вспомните чуму, прокатившуюся в 1348 году по земле. В этой трагедии обвинили евреев, и доблестные рыцари убивали невинных людей по всей Европе.

После выплеснувшегося возмущения Ходжи Афзала наступила пауза. Затем подал свой голос Мансур Мухаммади:

— В память об окончании чумы римляне осенью того же года, верные обету, данному деве Марии, соорудили высокую мраморную лестницу, ведущую к церкви святой Девы Марии на капитолийском холме.

Тафтазони продолжил мысль Ходжи Афзала:

— Когда спросили папского посла, как отличить еретиков от добрых католиков, он ответил: «Убивайте всех подряд. Бог на небе узнает своих».

Темур задумчиво произнес:

— Я думаю, жестокость должна быть зрячей, справедливой и показательной. Нарушил закон, слово, обещание — отвечай.

После сладких пирогов всплыл разговор о библиотеках. Хвалили бухарское, нишапурское, рейнское книгохранилища.

— А вот багдадская библиотека называется «Сокровищницей мудрости», — почти с вызовом сказал Мансур Мухаммади.

— Ты прав, — возбужденно жестикулируя руками, заговорил Тафтазони. — К тому же в Багдаде и Дамаске созданы обсерватории и астрологи пользуются сложными инструментами, они сумели приблизительно вычислить размеры земного шара, описали положение видимых звезд на небе.

Темур удивленно усмехнулся:

— Вопреки Корану?

— Но как бы то ни было, перед тем, кто отправляется в путь ради науки, открываются двери рая, — сказал Ходжа Афзал.

К беседке, шурша платьем, подошла Сальма со своим женихом Сарраджем. Девушка улыбнулась и спросила:

— Моим гостям не пресытили душеспасительные беседы? Вино льется рекой, призывно танцуют наложницы. Жених и невеста ушли.

— Какая девушка! — прищелкнул языком Ходжа Афзал. — Темурбек, как же вы могли упустить такую красавицу?

Темур, улыбнувшись самому себе, тихо произнес:

— Да вот... упустил...

Художник и каллиграф Мансур ибн Мухаммади восторженно воскликнул:

— Лицо принцессы! Чудо природы! Я бы охотно запечатлел ее облик.

— Не пойму, почему ислам запрещает изображать живые существа на полотне? — перебил каллиграфа Тафтазони.

За художника ответил Ходжа Афзал:

— Эта заповедь выбита в суре Корана. Там сказано, что воссоздавать образ человека и творить идолов — дело Иблиса. А также в хадисах Мухаммада читаем: «Несчастье тому, кто будет изображать живые существа». В судный день люди, лица которых художник рисовал, сойдут с картин и придут к нему с требованием дать им душу. Но художник всего лишь человек, он не способен дать своим творениям душу, и потому будет в иной жизни гореть в вечном пламени».

— А вот франки рисуют и своих королей, и простой люд, — вмешался Темур. — Действие ислама не направлено против каких-нибудь художников, этот жесткий запрет возник, чтобы искоренить из сознания новообращенных в ислам идолопоклонство и иконопоклонство, так как наши родовые племена поклонялись идолам, скульптурным изображениям, скальным рисункам. Вот и решило духовенство, что это грех — изображать человеческий образ. И усилия мастеров были направлены на отражение растительного мира, а также на каллиграфическую передачу слова Божьего. Достаточно взять в руки благородный Коран, чтобы увидеть, какого мастерства достигали каллиграфы. Несмотря на запрет, создаются изумительные образцы миниатюрной живописи и, мало того, есть миниатюры, изображающие самого пророка: иногда с дымчатой завесой на лице, а больше — с открытым лицом и нимбом в виде языков пламени. Так же изображаются мусульманские святые и сподвижники Всевышнего.

— Есть какие-нибудь школы? — заинтересованно спросил Ходжа Афзал.

Мансур ибн Мухаммади вступил в разговор:

— Их много. Багдадские школы создаются для развития миниатюрной живописи Халифата. Очень колоритны мастерские Тебризской школы.

Темур медленно встал, глаза его светились. Он мечтательно произнес:

— Дай Бог, когда мы построим великолепные дворцы, то при них обязательно введем сан художника. Художники

своим искусством оставят память о нашем времени. Мансурджан, когда-нибудь ты откроешь школу миниатюрной живописи в Кеше или Самарканде. А еще я соберу такую библиотеку, что ахнет мир.

Художник-каллиграф благодарно посмотрел на молодого амира, ему не терпелось рассказать о своих задумках, зарисовках. Ходжа Афзал поднялся и с сожалением сказал:

— Друзья мои, надо пойти к гостям. Кажется, хозяйка дома недовольна нашим уединением.

— Жизнь сегодня напоминает кочевую — сегодня в Герате, завтра — в Самарканде, когда еще свидимся, — с ноткой сомнения промолвил Тафтазони.

Темур поднял обе руки.

— Свидимся. На все воля Аллаха! И пусть наши стремления воплотятся в укреплении нашего государства Турана.

В городе и его окрестностях стало спокойно. И Темур засобирался домой. Сальма не сказала беку ни слова упрека, но он видел, как она страдает. Их последнее свиданье в саду, среди нежных роз, было чистым и печальным. Опустив глаза, девушка прошептала:

Любовь лепит и жжет сильней огня,
Лишь горсточку золы оставит от меня.
Но даже если ты любовь под корень срубишь,
Побеги прорастут из пня.

Темур поднял на возлюбленную прощальный взгляд и ответил:

Одни боятся мук, другие жаждут мук,
Одним подай бальзам, другим подай недуг,
А мне по сердцу то, что нравится любимой.
Приму и радость встреч, приму и боль разлук *.

Поздно ночью отряд Темура покинул Герат. Сальма лежала в своей опочивальне и надеялась на чудо — сейчас прискачет Темур на своем белом коне, сметет на пути все преграды, ворвется в ее покои и увезет на край света. Но когда процокал последний конь каума и наступила тревожная тишина, гератка застонала от невыносимой душевной боли. Затем вдруг зло рассмеялась и одними губами прошептала: «Ты никогда не узнаешь о своем сыне».

* Баба Тахир.

Дорога, пересекавшая местность Бала-Мургаб, проходила через мрачное ущелье. После выхода из него путь устремлялся вверх по берегу реки Мургаб. Затем, петляя, выходил в одну из боковых Мургабских долин и через хребет Тирбенди вел к мутноватой реке Кара-Джангал. Наконец, миновав урочище Кала-Вели, устремлялся — прямой, как полет стрелы — к горе Талькану. Отсюда все пути вели к Балху.

Никак не миновать отряду Уркад-Футабафа мрачного ущелья в Бала-Мургабе. И Темур решил устроить засаду в самом узком месте ущелья. Джигиты башбеги, замкнув вход и выход, устроили западню. Наспех собранная Уркад-Футабафом на базаре Герата дружина почти не оказала сопротивления. А более прытких защитников каравана нукеры молодого бека отстреливали, словно горных козлов. Группу людей, близких к Уркад-Футабафу, пытавшихся прорваться через заслон, гулямы Темура забили и завалили камнями. Из пленных бек отобрал ремесленников, мастеровых, остальных захваченных раздал друзьям. Добыча также оказалась богатой. Помимо золота было много тюков со сладостями и дорогими фруктами: финиками, изюмом, медом, грецкими орехами, сахаром... После испуганных криков, безудержных стенаний наступила чуткая тишина. Слышался только рев раненого верблюда. Его тут же добила нукеры Темура. И вдруг раздался истошный визг и крики на плохом тюркском:

— Не смейте меня трогать! Где ваш предводитель?!

Темур, осматривавший добычу, услышав женские вопли, недовольно спросил:

— Что случилось? Кто это такая?

Подскочивший гулям услужливо объяснил:

— Пленница... рыжеволосая.. буянит...

Перед Темуром возникла разъяренная женщина: зеленые глаза горели ненавистью, рыжая грива волос разметалась по плечам. Темур жестко усмехнулся — тигрица. А женщина от негодования вся напряглась, точно лук для выстрела, и выпалила:

— Я — Златислава, первая жена кази-каляна — верховного судьи города Балха. Мой супруг Ходжа Аллаиддин повесит всех... за мужское достоинство, если не отпустите меня и мою свиту.

Тигрица вскинула руку, в которой сверкнул кинжал, но бек предотвратил удар, стремительно перехватив ее за запястье. И восхищенный безрассудной смелостью пленницы, улыбаясь, воскликнул.

— Гурия, опуститесь с небес, здесь — я ваш хозяин,— и притянув к себе рыжеволосую, крепко поцеловал.

Увидев ухмыляющиеся лица придворных Златиславы, Темур беззлобно заметил:

— А свита не любит свою тигрицу...

Извиваясь змеей, госпожа, чтобы вырваться, до крови прокусила руку башбеги.

Темур непроизвольно взвыл и тут же, в припадке ярости, рванул дорогие одежды Златиславы. Рывок был столь мощным, что не только облегающий халат, но и платье с треском лопнули, обнажив пышную, белоснежную грудь. Все еще с помутившимся взором от нанесенного ему оскорбления, башбеги затащил орущую женщину за тюки со сладостями и, окончательно сорвав с нее одежды, бросил прямо на землю. Рыжая копна волос веером легла на спаленную солнцем траву. Тигрица выла и кусалась, сопротивление ее было неистовым. И тогда Темур, намотав шелк рыжих волос на руку, рывком притянул к себе ее голову и запечатал жадные женские уста грубым поцелуем. Златислава обмякла, затихла, а через минуту ее белые лебяжьи руки обвили загорелую молодую шею бека.

Когда все было кончено, Темур вышел из-за тюков. За ним брела Златислава, прикрываясь тем, что несколько минут назад было дорогими нарядами.

Все с той же жесткой усмешкой Темур крикнул свите Златиславы:

— Ваша тигрица больше похожа на растерзанную курицу. За нанесенное мне оскорбление она поплатится головой. Кто из вас хочет остаться в живых — пусть плюнет в ее сторону.

И все придворные стали с усердием харкаться в сторону своей госпожи, некоторые — в угоду молодому беку — по нескольку раз. Сыпались и грязные шутки.

Златислава с гадливым презрением смотрела на своих придворных, которые еще недавно ловили каждое ее слово, считали счастьем поймать ее божественный взгляд. Да, характер у нее необузданный, но никому из своих приближенных она не причинила зла. Ох, как непостоянны и трусливы люди, готовые пойти на любую низость, затоптать в грязь собственную честь, чтобы только сохранить жизнь. А она им верила. Госпожа точеной рукой убрала огненную прядь со лба, обвела всех взглядом. Вскинув голову, с презрением крикнула приближенным:

— Меня взяли силой, но я боролась за свою честь. А вы — трусливые шакалы.— И повернулась к Темуру: — Руби мою голову, пусть не видят глаза этого позора.

Темур, проведя пальцами по груди, расцарапанный острыми коготками страстной женщины, сказал:

— Готовься к смерти, тигрица, пусть глаза твои успеют увидеть закат.

И вдруг башбеги, взяв руку госпожи, поднес ее к губам и нежно поцеловал. Затем поднял меч, и лицо его искривила все та же жесткая усмешка. Златислава обреченно склонила голову. Молниеносный удар меча — и к ногам госпожи покатилась голова одного из сановников ее свиты.

— Вы, смердящие гиены, не можете защитить свою госпожу! — закричал, заходясь от ярости, бек. — Вернуть женщине все, что у нее отобрали. А изменникам — смерть! Рубите, мои джигиты, этих негодяев...

Женщина, прижав белые руки к груди, с восторгом и удивлением смотрела на странного воина.

— Как ты попала в отряд Уркад-Футабафа? Кто ты? — спросил Темур. — У тебя имя, как у урусов.

— Я сербиянка. Моя семья, спасаясь от турок, перебралась в Дамаск, к родственникам. Жили бедно. Однажды меня увидел Ходжа Аллаиддин, приехавший в Дамаск по делам. Посватался... Заплатил большой калым... О, старый мерин, он превратил меня в кобылицу, вернее, в старую клячу, которую загнали в стойло. И только с тобой, сейчас, я поняла, что я — тигрица. Благодарю тебя, воин. Скажи свое имя...

Бек широко улыбнулся:

— Я — Темур.

— Я хочу, чтобы ты всегда помнил меня, — и Златислава протянула молодому беку фамильный перстень. — Там выгравировано мое имя. Если придешь с весточкой к моим родным, они всегда помогут тебе. Прощай, бек...

С небольшого холма открылся им долгожданный Балх. Пришпорив коней, отряд с гиканьем и веселыми криками ворвался в город. Пройдя по улицам еврейской махалли и индийского квартала, каум остановился в старом караван-сарае. Усилив отряд гулямами и нукерами, Темур отправил дорогой груз домой. А сам с друзьями решил остаться в Балхе — погостить у Ингу-Темура. Пили за первые победы, за будущие подвиги. И вот как-то в одну из хмельных ночей молодому беку пришла шальная мысль — увидеть сказочную Индию. Джигиты, позабывшие, что такое трезвость, восторженно поддержали своего башбеги. На следующий день многие из друзей уже не помнили ночных мечтаний, но не Темур. С утра он начал излагать план подготовки — никто не посмел ему возразить.

Ингу-Темур пригласил на совет своего друга амира Акбугу, юношу с мужественным, словно высеченным из гранитного камня лицом. Глаза из-под припухших век смотрели строго и внимательно. Темур, окинув изучающим взглядом молодого амира, спросил:

— Не зазорно идти в поход, амир?

— А что тут стыдного? — невозмутимо ответил Акбуга. — Если хан Казаган со своими сыновьями и внуками грабит Гератскую область и прилегающие окрестности для пополнения казны, почему бы нам, обедневшим амирам, не пополнить опустевшие сундуки в другой области? Думаю, это не важно, совершаешь ли ты набег на город, селенье, караван или чужую страну. Сейчас кто сильнее, тот и отнимает у слабого. Мой вилайят после варварского покорения разделили надвое Хусейн, внук хана Казагана, и Ульджай-бука Сульдужи, глава могущественного племени Сульдужи — так легче грабить. А все караваны, которые я отправил в заморские страны, захватил Кейхосроу Хуттолянский. И потому теперь могучий когда-то род Акбуга бедствует, — и губы амира скривились в горькой усмешке. — Когда-то мое семейство имело войско нукеров в десять тысяч сабель; сейчас со мной двадцать пять, и то полуголодных джигитов. Так что я готов идти под вашим знаменем.

Темур глянул в посветлевшие глаза Акбуги и со стальной ноткой в голосе проговорил:

— Амир, не хотелось бы вас обидеть, но хочу предупредить: от тех, кто идет ко мне в отряд, я требую железной дисциплины.

— Бек, не утруждайте себя нравоучениями, при малейшем вашем недовольстве я отказываюсь от своей доли в добыче и ухожу, — с достоинством ответил Акбуга.

Темур дружески похлопал его по спине.

— Думаю, до этого не дойдет...

Остальные бахадуры — Зинда Чашма, Тунг, Тикши — также понравились молодому беку. Крепкие, с задубленными от солнца и ветра лицами, они были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Джигиты с большой охотой согласились идти в дальний поход. Они пообещали привести с собой по десять нукеров каждый. Итак, отряд формировался, нукеров, соблазненных туманной мечтой, оказалось больше, чем предполагал Темур.

Труднее оказалось найти хорошего проводника. Беседовали то с одним, то с другим, но башбеги морщился всякий раз и недовольно качал головой. Наконец, однажды Акбуга

привел тощего балхи по имени Кубай. Темур недоверчиво посмотрел на амира, тот поднял руку, дескать, не волнуйся, и подтолкнул тощего балхи к беку. Морщинистое, сморщенное лицо балхи было отталкивающим, голову прикрывала засаленная тубетейка. Белесые глаза смотрели заискивающе. Молодой бек, недовольно косясь на Акбугу, спросил балхи:

— Ты сможешь описать нам дорогу на Индию?

Балхи, тут же расстелив потрепанную карту, корявым пальцем принялся медленно водить по бумаге.

— Из Балха в Индию ведут несколько путей, и почти все они проходят по долине реки Хульм, которая, подобно Балхабу, вытекает из Гиндукуша и не доходит до Амударьи.

— Сколько дней пути от Балха до реки Хульм? — спросил молодой бек, с интересом глядя на карту.

— Два дня пути, — бросил тощий и добавил, — эта местность — обиталище змей. Там — могила святого Али, есть предание о его борьбе со змеями. Из Хульма дорога вступает в узкое ущелье. Скалы настолько сходятся, что едва остается место для тропинки и речки, а в одном месте ущелье настолько сжато, что катар верблюдов проходит, словно через угольное ушко.

— Отметь это место каламом, — тихо проговорил Темур.

Тощий, подняв бесцветные брови, понятиливо кивнул, склонился над картой и сделал пометку. После небольшой паузы Кубай продолжил:

— От Хульма до Семингана раскинулась широкая долина. Семинган имеет сильную крепость Хейбак. Окрестные земли плодородны и славятся богатыми садами. — Побарабанив сухими костяшками пальцев по карте, Кубай мягко подчеркнул: — В этих краях народ дружелюбный и доверчивый. И принял, как губка, почти все религии. Много памятников буддизма, есть даже церковь русичей.

Этот тощий балхи начал нравиться Темуру, главное — не упускает мелочей, отменно знает свое дело.

— От Семингана или же, вернее, от крепости Хейбак главная дорога идет на восток, через горы, до города Баклан, что стоит на реке Ак-Сарай.

— Расстояние? — прищурился, спросил Сейфетдин.

— Тоже два дня пешего хода, — скрипуче ответил проводник, облизнув пересохшие губы.

Темур щелкнул пальцами и повел глазами на чайник — Аббас услужливо предложил балхи пиалу свежего чая. Тощий, глядя на карту, поднес ко рту пиалу, и его выпирающий кадык заходил ходуном. Кивком головы

поблагодарив за чай, Кубай продолжил водить пальцем по карте.

— От Баклана в три дня достигаем Андераба, расположенного непосредственно у главного хребта Гиндукуша, затем проторенная тропинка спускается в бассейн Инда, в долину реки Бенджхир через перевал Хавак, здесь же — развалины крепости Хавак*.

— Тоже отметь, — попросил башбеги.

— Хорошо, — коротко ответил проводник. — В оазисе Бенджхир находятся города Гарьяб и Перван. — Затем, понизив голос, который стал еле слышным, добавил: — Это — знаменитые места чеканки монет.

— Что-что! — подскочил задремавший было Худайдад. — Повтори, что ты сказал.

Потирая заскорузлой рукой подбородок, Кубай четко ответил:

— Местность впадения реки Гурбена в реку Бенджхир богата серебряными рудниками.

— Да, да, я слышал, Перван — одно из главных мест чеканки серебряных монет, — подтвердил Ингу-Темур.

Палваны Балха — Зинда Чашма, Тунг, Тикши — закивали головами — все так, как излагает этот тощий.

— Дорога от Первана имеет две ветви. Один путь направляется на юг через Чарик и Исталиф в Кабульскую долину. Другой — тянется на юго-запад вверх по Гурбенду в Бамнан.

Темур бросил довольный взгляд на Акбугу, и тот наконец улыбнулся. А Кубая уже невозможно было остановить, он решил выложить все свои познания.

— В Бамнан ведет также другой путь, горный, через долину Хульма, он проходит выше крепости Хейбака. Дорога настолько узка, что есть места, где можно пройти только козьими тропами, кроме того, трудность представляют перевалы, самый сложный из которых Акробат.

— А можно ли в долину Хульм пробраться незаметно? — задумчиво спросил Темур.

Кубай загадочно хмыкнул.

— Можно. Я знаю скрытые тропы, но все они опасны. Одна из них идет берегом реки Балхабу и доходит почти до истока. — Тощий смолк и вдруг, закатив глаза, прогнул: — Красотища неописуемая. Речка у горного переката Бенд-Эмир перекрывается естественными плотинами в виде

* При правлении Темура крепость была восстановлена.

скал и образует шесть озер, полных диковинных рыб. Эти места считаются священными.

Сулейман, перехватив нетерпеливый взгляд башбеги, остановил проводника:

— Уважаемый, вы отвлеклись.

Тот, дернув птичьей головой, выпалил:

— С гор в долину Хульм можно спуститься козьими тропами,— и, причмокнув губами, замолчал.

Темур, пригубив чай и окинув тощего потеплевшим взглядом, задорно спросил:

— Пойдешь со мной в поход?

— Конечно,— был молниеносный ответ.— Я проведу вас никому неизвестными тропами. У меня много старинных карт, и сам я побывал во многих местах Турана, Мазендарана, Ирана.

Темур встал, подошел к окну — в саду садовник умело собирал в большую корзину тяжелые грозди винограда. Упругим шагом подошел башбеги к толкователю карт.

— Кубай, считай, что ты в нашем отряде. Сможешь ли провести нас незаметно к Бадахшану, к его рубинам и лазуритовым копиям?

Тощий после слов Темура аж подался вперед как бы в порыве благодарности и тихо прошептал:

— Спасибо, бек, за доверие. Есть такой путь из Балха в Бадахшан, он прсходит через Хульмскую долину и ведет в большой город Талькан. Шесть дней пути,— глядя на карту, добавил проводник.— На этой дороге расположен город Варвализ, утопающий в зелени в долине Ак-Сарая.

Неожиданно в рассказ тощего вмешался бахадур Тунг, насмешливо спросивший:

— А как попасть из Ак-Сарая в Кундуз? — и, усмехаясь, устоялся на проводника.

Джигиты встревоженно взглянули на Кубая, заранее сочувствуя ему. Тот прикрыл глаза и сказал, припоминая:

— Сначала извилистая дорога ведет в Андераб, а оттуда через Гиндукуш в Кундуз.

Пахлаван Тунг только развел руками:

— Правильно,— и пояснил: — Я из этих мест и потому спросил...

Проводник, нисколько не обидевшись за проверку, был готов к дальнейшим объяснениям.

Темур по достоинству оценил проводника. Кубай явился настоящей находкой. Сам Аллах подарил Темуру путеводителя.

Через несколько дней отряд Темура тигриными тропами отправился в поход.

Два нападения на отряды, сопровождающие караваны, оказались неудачными. Начальник первого каума умело организовал оборону. Отпор был столь решительным, что Темур не стал испытывать судьбу и отвел своих растерянных джигитов в горы. При атаке на второй отряд чуть не попали в западню. Спасли быстрые кони. Но потери были — погибла разведка.

Несколько дней Темур был мрачен и сосредоточен. Результатом невеселых размышлений было решение более тщательно разрабатывать план нападения. И в этом ему помогал новый проводник. И пошли удачи. Первая же засада, устроенная на дороге, ведущей из Хульма прямо в ущелье, принесла победу и добычу.

Караван был нагружен тюками с чаем, порохом, шелками. Добыча была богатой. Но радость победы омрачала смерть супруги сарханга. Увидев, что муж ее, храбро защищавший и свое богатство, и честь жены, рухнул, пригвожденный копьём к земле, женщина с безумными, душераздирающими криками: «Дадаси, дадаси!», схватила кинжал и вонзила себе в грудь. Темура потрясла эта сцена. Он хотел быть воином, он хотел сражаться с такими же хабрецами, но не с женщинами.

— Похороните их достойно, по мусульманским обычаям, — приказал башбеги. — Они это заслужили.

Бек поднял с земли пояс сарханга, свалившийся с него, видимо, во время сраженья, ощупал. Пальцы его наткнулись на что-то твердое — в следующее мгновенье он высыпал на ладонь поразительной красоты изумруды.

— Так Аллах нас наградил, — невесело воскликнул башбеги и, высыпав драгоценные камешки обратно в мешочек и как бы взвесив его на ладони, бросил его Худайдаду: — В общую добычу, поровну всем джигитам.

Друзья запротестовали, возмутился даже мрачноватый Акбуга.

— Башбеги, это ваша добыча, храброго сарханга одолели вы!

Темур сверкнул глазами и жестко произнес:

— Запомните навсегда — добычу будем делить поровну. Акбуга только покачал головой.

— Амир Хусейн, внук амира Казагана, оставил бы эти изумруды себе, и никто бы не посмел заикнуться о дележе. Но вы, башбеги, проявили благородство, — и амир Акбуга взволнованно обнял Темура. — Отныне и навсегда — под вашим знаменем.

По суровому лицу молодого бека скользнула улыбка.
— Досточтимый амир, умерьте ваши излияния, все наши битвы еще впереди.

Маленький городок Хенджан, расположенный к западу от Андераба, стоял на пересечении важнейших торговых путей, из Балха в Индию через Хульм и Семинган. В этом горном селенье находилась таможня, где всегда сердитые таможенники производили таможенный сбор. Караваны обычно проходили через перевал Хавак, расположенный примерно в семи фарсах к востоку от Хенджана. От этого пограничного городка до перевала через Гиндукуш только один переход, а там — сказочная страна Индия.

Достигнув севера Индии, путники остановились в Кунаудже, где купцы, торговавшие сахаром, тут же закупили у Темура по бешеным ценам косяк жеребцов.

С жадным любопытством знакомились друзья со страной, о которой были столько наслышаны.

В стране этой был благодатный климат, позволявший выращивать два урожая в год: осенний и весенний, а в некоторых орошаемых землях собирали и по три урожая. На полях выращивали просо, рис, пшеницу, ячмень, хлопок, различные сорта гороховых, сахарный тростник. Вывозили из Индии хлопчатобумажные ткани, бенгальские шелка, оружие, радующие глаз украшения из золота, серебра и меди. Везли товар на слонах, которыми управляли погонщики. По проторенной дороге, вливаясь в русло Великого шелкового пути, непрерывно шли караваны из этой сказочно богатой страны.

Каум Темура, несколько раз столкнувшись с сильными индийскими патрульными отрядами, не испытывая судьбу, ушел на перевал Хавак. И в развалинах старой крепости бек решил дать передышку своим джигитам. Да и лашкары Акбуги посоветовали отсидеться и не болтаться по дорогам, предупредив своего земляка, что по горным тропам бродит разъяренная толпа рабов, сбежавших с Бенджхирского серебряного рудника. Беглые рабы уже ограбили у города Первана караван с серебряными монетами. С другим караваном обошлись и того хуже — зверски избили охрану, затем, отрубив головы, побросали собакам. Шайтан поселился в душах рабов-гиен, так что безопаснее переждать.

Госпожа Нушафарин — сладкорожденная, как величал ее муж, вместе с женой своего брата Камилой отправилась в селенье «Старая чинара» сватать для племянника невесту. Амиля, дочка сборщика податей, гостила как-то в Андерабе

у родственников — соседей Нушафарин — и произвела на нее большое впечатление. Мать племянника, Камила, была против невесты из провинции, но Нушафарин была не только сладкорожденной, но и сладкоголосой. Она сумела всех убедить, что лучше Амили невесты для племянника не найти. Времена были тревожные, дороги небезопасны, и кортеж сватов решил присоединиться к одному из караванов, имевшему неплохую охрану. Караван на рассвете вышел из Андераба и направился в Индию, а к вечеру Нушафарин рассчитывала уже добраться до «Старой чинары».

Преодолев особо крутой подъем, караван остановился для передышки. Погонщики быстро освободили верблюдов от поклажи — надо было дать животным полноценный отдых. Охрана, выставив дозоры, сложила оружие — кажется, место было глухое, безопасное, можно было и вздремнуть до того, как приготовят горячую пищу.

Никто из отряда не видел, откуда появились лихие джигиты, словно невидимые, просочились они сквозь скалы. Несколько воинов из охраны, вступившие в схватку, тут же пали, сраженные меткими стрелами нападавших. У Нушафарин чуть не отнялся язык — все происходящее было похоже на страшный сон. Все ее родственницы и служанки в ужасе сбились в кучу у раскидистого карагача. Камила потеряла сознание. Нушафарин схватилась за голову. Это она повинна в той беде, которая постигла их. Ни родственники, ни Камила никогда не простят ей поездки в «Старую чинару». Мысль ее лихорадочно работала — надо что-то делать, как-то спасти положение. И вдруг ее осенило... Она сняла драгоценный перстень и, схватив за руку рябого нукера и задыхаясь от волнения, прошептала:

— Кольцо — твоя добыча. Скажи только два слова для моего спасения. Как зовут вашего предводителя, имя отца или матери, а самое главное, откуда он родом?

Джигит, держа в руке перстень и чувствуя, что подарку цены нет, так же шепотом ответил:

— Его имя Темур, отца зовут Тарагай, — и воин, резко повернувшись, исчез в сутолоке происходящих событий.

Всех пленных собрали у старого карагача. Пришедшая в себя Камила с ненавистью сверлила взглядом Нушафарин. Но госпоже было не до Камилы. Она молча смотрела, как ловкие джигиты проворно переключивали поклажу с верблюдов на лошадей. Конный обоз, наконец, подвели к горной тропе, а верблюдов готовились гнать обратно, в Андераб. Тощий проводник по-хозяйски прогуливался по лагерю. Госпожа с ненавистью плюнула ему вслед. И стала

искать башбеги. Ее взгляд остановился на красивом джигите, к которому обращались многие гулямы. Но это не он, не башбеги, тут же решила Нушафарин, продолжая следить за красавцем. Из наскоро поставленной палатки вышел молодой джигит с двумя телохранителями. Красавец подошел к нему и обратился с великим почтением. И вообще сразу почувствовалось, что нукеры, слуги, воины стали бегать быстрее, работать четче. «Вот он — башбеги!» — поняла женщина. Нушафарин молила бога, чтобы башбеги не зашел обратно в палатку. Что это Темур, она уже не сомневалась. Красивый юноша вновь сказал что-то башбеги, и они, переговариваясь, медленно приблизились к группе пленных. Нушафарин невольно услышала обрывок их разговора.

— Сейфетдин, захваченные воины обещали выкуп. Остальных пленных отдай бекам и амирам. Они найдут способ, как вытянуть с их родственников побольше золота.

Нушафарин прижала руки к груди и, закрыв глаза от страха, с дрожью в голосе воззвала:

— Бек, досточтимый амир Темур!

Она не поняла, что ей ответили, но только, открыв глаза, увидела округлившие от ужаса глаза Камилы и услышала отчаянный вопль родственниц — они решили, что уж теперь-то им всем конец.

— Я слушаю вас, госпожа, — Темур смотрел на нее с любопытством.

Нушафарин, приободренная, дрожащим голосом проговорила:

— Досточтимый бек Темурджан, как поживают амир Тарагай и его драгоценная супруга? Когда-то я бывала с отцом в ваших краях, и мы заезжали в ваш гостеприимный дом. Вы тогда были совсем маленьким. Но я вас узнала. — И Нушафарин выдавила на своем бледном лице улыбку. — Я очень рада встрече.

Суровое лицо башбеги слегка оживилось, глаза потеплели, и молодой бек вежливо промолвил:

— Что вы хотите, госпожа?

Нушафарин низко, в пояс, поклонилась, но, почувствовав спиной испепеляющие взгляды родственниц, преодолевая страх, прошептала:

— Можно пройти в вашу палатку?..

Темур, переглянувшись с Сейфетдином, не скрывая удивления, молча пропустил отважную женщину в свое скромное жилище.

— Ну, что у вас за тайны? — его начала занимать эта молодая, красивая женщина.

Нушафарин заломила руки.

— Досточтимый бек, в плену у вас я не одна, со мной куча родственников, злобно настроенных по отношению ко мне. Я увлекла их в этот поход, и ехали мы с благими намерениями, готовились к свадьбе. В моей повозке — дорогие подарки. Они — ваши. Только оставьте в живых... — женщина разрыдалась и в бессилии опустила на кошму.

Темур подошел, поднял Нушафарин.

— Вы вспомнили имя моего отца, этого достаточно, чтобы освободить вас, моя красавица. Вас и ваших спутников. Мне не нужны подарки. Но прошу об одном: никогда и нигде не упоминайте больше моего имени. Мои нукеры не выпустят из плена узнавших меня людей. Прощайте...

Нушафарин вспыхнула красным маком и поспешно скинула с головы женское покрывало.

— Я вам не нравлюсь? — с печалью в голосе спросила молодая женщина.

Глаза башбеги вспыхнули алчным огнем.

— Ханум, зачем вы меня дразните? Вы же видите мое к вам расположение...

Лицо Нушафарин мгновенно преобразилось, взгляд стал томным, призывным, улыбка лукавой.

— Почему же вы медлите?! — воскликнула она и потянулась к нему алыми губами.

... Темур с восхищением смотрел, как молодая женщина одевается, поправляет волосы.

— Вы отважная женщина, ханум. Отважная и прекрасная, как гурия. Имя ваше — сладкорожденная. Вы действительно дарите сладость...

— Не всем, не всем, — рассмеялась соблазнительница. — Только избранным.

Темур, загадочно улыбнувшись, достал из шкатулки редкостной красоты браслет и надел на запястье молодой женщине. Та, вытянув холеную руку, восторженно воскликнула:

— Ах, бек, я всегда буду помнить этот восхитительный день.

Когда башбеги и Нушафарин подошли к сбившимся в кучу родственницам, женщина нарочито громко сказала:

— Наш юный бек находится в состоянии войны с нашим вилайятом. Кровная месть... — Башбеги при этом виновато развел руками. — Но узнав о нашем сватовстве, джигит-рыцарь отдает двух верблюдов-трехлеток, жертвует быка, а также возвращает все свадебные вещи и дарит моей

любимой невестке Камиле повозку, запряженную великолепными рысаками.

Пленницы радостно засуетились, а гулямы растерянно взглянули на башбеги. Тот жестко хлестнул нагайкой по голенищу сапога и крикнул:

— Немедленно исполнить приказ госпожи.

Когда Нушафарин в сопровождении нукеров Темура отправилась дальше, башбеги призвал к себе рябого воина.

— Это была она?

Рябой кивнул.

— Досточтимый бек, эта женщина справлялась о вас и вашей семье.

Темур восхищенно рассмеялся:

— Ходила по лезвию ножа!

Худайдад мрачно заметил:

— Зря вы ее отпустили, бек! Она знает ваше имя.

Рябой с готовностью предложил:

— Еще не поздно, от меня не уйдет...

Темур задумчиво покачал головой:

— Нет, такая женщина не выдаст.— Достав кольцо госпожи, он залюбовался голубым камнем. Затем протянул его рябому воину.— Возвращаю твою добычу.

Рябой, преданно глядя в глаза башбеги, проговорил:

— Досточтимый бек, примите...

Темур покачал головой:

— Госпожа, спасая жизнь, сделала подарок тебе. Да и ты честно исполнил свой долг.

Со сбежавшими с рудника рабами отряд Темура столкнулся на одной из тайных горных троп. Рабов было много, и они, словно саранча, облепили отряд башбеги. Но Темур четкими и решительными действиями организовал такой яростный отпор, что вскоре сам перешел к атакам. Восставшие дрались отчаянно, зная, что дороги назад нет, везде ждет смерть. Но силы были неравные. Что могли противопоставить настоящим воинам, хорошо вооруженным джигитам истощенные невольники со своими дубинками? Почти все они полегли. Башбеги недосчитался тринадцати гулямов, не говоря о раненых. Четверых оставшихся в живых рабов допрашивал Джагуй Барлас. Все они были ранены, и один из них, не вынеся пыток, выдал тайник, где было спрятано награбленное. Клад поразил джигитов — в нем оказалось пять хуржумов серебряных монет. Целый день ушел на то, чтобы поровну разделить деньги среди воинов. Но, кажется, никто не остался в обиде.

Глава тринадцатая

НЕОЖИДАННЫЕ ОПАСНОСТИ

«Сражайтесь с ними,— накажет их
Аллах вашими руками, и опозорит их,
и поможет вам против них,
и исцелит грудь у людей верующих».

Коран. сура 9

Вечерняя мгла, лишь изредка рассеиваемая тусклыми светильниками, неслышно опустилась на город. Босоногие ребятишки, собрав осенние листья, жгли костры. Полусизый, загадочный дым окутывал глинобитные дома, делая их похожими на сказочные дворцы.

Дым проникал в дома и нес с собой запахи прошедшего лета и беспечного детства.

Шемсетдин Кулял вместе с муллой Камалетдином, ходжой Раунтанганом, Фахнави, Кельдибобо, Азизом-каменщиком и своим любимцем Аббаскози держали путь в суфийский орден к Накшбенди. Встретил гостей красивый, стройный юноша — мюрид Маджид. Услышав имя имама, он молча кивнул головой и повел прибывших по лабиринтам такии — общежития суфиев, представляющего собой большой четырехугольный двор, окруженный высоким забором. Вдоль одной из стен были построены кельи-худжры, в которых и жили мюриды, духовные ученики. С западной стороны двора находилась мечеть шейха Накшбенди.

Проходя мимо помещения для общего радения, мулла замедлил шаг, и Аббаскози, шедший сзади, чуть не сбил с ног своего учителя. Имам, обернувшись к своим друзьям, приложил палец к губам. Взору паломников открылась впечатляющая картина: толпа дервишей, образовав круг, раскачивалась в трансе, тела их извивались, как змеи, иные вертелись посреди круга, глаза у суфийских братьев были закрыты, губы крепко сжаты, имя Божье произносилось не языком, а сердцем, при этом руки дервишей были сложены на груди, а голова склонена к сердцу.

Маджид вдруг встревожился, заторопился, — шейх не любит ждать.

Шемсетдин Кулял, шедший вслед за Маджидом по тусклому коридору, знал, что одни дервиши в своих молениях произносят имя Божье с криками, шумом, кривляниями, танцами, это что-то вроде радения. Другие же произносят им Божье в молчании, прерываемом время от времени громкими отрывистыми возгласами, одни сбиваются для этого в круг, другие садятся рядами и не молятся даже, а отрешаются от всего земного.

Шейх Накшбенди принял своих гостей в большом зале, ярко освещенном чирогами, пол здесь был застлан прочными циновками. Фахнави сразу обратил внимание на священную книгу Коран в старинном вишневом переплете, которая выделялась среди других рукописей. Маленький минбар, за которым сидел шайх, представлял собой высокую трибуну с деревянным навесом и симметричной лесенкой, обращенной в сторону молящихся.

Минбар был декорирован резьбой, инкрустирован драгоценными породами дерева. Имам поднялся по оригинальной лестнице, и они обнялись и расцеловались с шейхом, восклицая при этом:

— Слава Богу, давшему мне возможность снова увидеть вас здоровыми и благополучными.

Отослав друзей святого отца в келью и отдав распоряжение молчаливому дервищу, стоявшему у дверей, об ужине, Накшбенди строго наказал, чтобы гостей не обидели, накормили по-хански. После того, как все ушли, шейх, тепло улыбаясь, спросил:

— Хаким-мудрец, какую новость вы принесли в наш приют?

— Новости у меня разного склада — и плохие и хорошие, — интригуяще начал Шемсетдин Кулял. — Не знаю, с какой и начать... Последний чингизид, хан Казан, погиб в сражении с Казаганом, и власть в Мавераннахре перешла

в руки полководца нашего племени и роду. Чтобы не дразнить монголов, Казаган не провозгласил себя ханом, ограничился титулом эмира и монеты чеканит от имени подставного хана Данишмендча.

Накшбенди, вежливо прервав, поинтересовался насчет ужина. Имам отрицательно покачал головой:

— Моему желудку желателен ночной покой. Так вот... Зиму Казаган проводит в Сали-Сарае, — продолжал имам, — лето в Хутталяне у Кейхосроу, который тайно и давно точит кинжал на правителя. У Казагана все мысли о набегах, тем более, что его подстрекают беки и духовенство во главе с Убайдулло, все они заинтересованы в личном обогащении. Амир Казаган вместе со своим молодым воинственным внуком Хусейном готовится к захвату Гератской области.

Шейх, незаметно поправив свой белоснежный шелковый халат, заинтересованно спросил про Хусейна.

Шемсетдин Кулял, подумав мгновенье, ответил:

— Самолюбив, жаден, груб, но настоящий воин, его боятся, и, видимо, дед отдаст ему Балх, — он явный наследник престола Мавераннахра, — и тяжело вздохнув, имам сказал: — Мы так надеялись, что все вилайаты объединятся и будет единое мощное государство мусульман. — И с еще более горьким сожалением добавил: — Не строятся ни соборы, ни мечети, ни медресс, ни школы, ни лечебницы, даже хороших бань нету, — и святейший, приложив пальцы к уставшим глазам, слегка потер их.

Шейх, невозмутимо слушавший собеседника, вновь задал вопрос:

— А как там Хаджа Барлас, правитель Кеша?

— Этот безвольный человек предался мирским утехам, — огорченно заметил святой отец. — Его покинуло благоразумие, он в полном соглашении с Убайдулло и танцует под его дудку. Только благодаря Тарагаю, а вернее его сыну Темуру нам удалось спасти Али Баходира.

— Да, он мне рассказал об этом — мягко улыбнулся шейх. — Растет джигит на славу всего Мавераннахра.

— Тфу, тфу, не сглазьте, — нарочито сердито сказал имам. — До сих пор ищейки Вахида ищут освободителя Али Баходира. Убайдулло никак не может успокоиться, видимо, думал, что если развяжет язык дервишу, то выявит тайны бухарского ордена и откусит немалый кус. — Вспомнив что-то, имам с чувством сказал: — Готовьте к свадьбе жениха Давуда. Тарагай согласен.

— Спасибо вам, святой отец, что вы не оставили мою просьбу без внимания — и шейх, переменяв тему разговора, стал с озабоченностью говорить о хорезмских правителях: ведут агрессивную политику против Бухары в стоворе и согласии со степными монголами, грабят пограничные селения, везде междоусобицы...

Тихо, стараясь не мешать разговору, зашли спутники имама и осторожно присели у стены.

Ходжа Раунтанган осторожно сказал:

— Великий шейх, нас отправляли спать, но мы не пошли. Для нас великая честь побыть с вами и поэтому просим простить нас за непрошеное вторжение. Я думаю, Всевышний простит нас за прерванную вашу беседу.

Шейх одарил всех присутствующих долгим задумчивым взглядом.

— Я весь в вашем внимании,— шейх, замолчав, оглядев всех паломников, переглянулся с Шемсетдином Кулялом.

Кельдибобо, еле приподнявшись с толстой циновки, неуклюже потирая свои больные ноги, очень робко спросил:

— Хазретали, не осветите ли нам главные заповеди ваших учеников?

— Почему же не открою, Божий человек? Главная заповедь наша — страх Божий,— слегка улыбнулся шейх.— Нужно не испытывать к земным созданиям ни любви, ни ненависти, любовь и ненависть отвлекают человека от его обязанностей по отношению к Богу, а сердце благочестивого мусульманина принадлежит только Всевышнему. Надо довольствоваться тем, что назначил Создатель нам в удел, и приписывать все Богу, потому что все исходит от него...

Фахнави, приложив руки к груди и поклонившись, спросил:

— Пири, предположим, я ваш ученик. Чем руководствуется в своих денях мюрид и как далеко простирается ваша власть над ним?

— Мюриду во всех делах нужно руководствоваться волей шейхов,— жестко сказал Накшбенди,— будь то дела веры или житейские: принятие пищи, питья. Мюрид должен считать своего пири единственным в мире и самым важным наставником. Власть шейха над мюридами весьма велика. Предводитель ордена всегда был господином над душой мюрида, и они всегда провозглашали, что ученик должен быть в руках шейха, как труп в руках омывателей мерт-

вых. — Шейх повысил голос. — И если бы вы были моим учеником, вы давно были бы трупом, потому что без моего ведома и против моей воли включились в нашу беседу, но поскольку вы мои гости, прибывшие с моим другом Шемсетдином Кулялом, я вам прощаю и прощаюсь с вами...

Растерявшиеся паломники, кланяясь и спотыкаясь друг о друга, пятась вышли из зала.

— Не слишком ли резко? — спросил удивленный имам. — Мне идти с ними в долгий путь.

— Нет, дорогой мой, в самый раз. Пусть знают, что если с вами что-нибудь случится, их покарает моя десница и гнев Божий. Хотя вряд ли это остановит руку осквернителя, но главное, предупреждение принято и страх Божий вселился в их души. Кто-то же направил их сюда, значит, интересуются нашим разговором.

Успокоившись, святой отец поведал шейху о просьбе купца Григория насчет книги «Армения» и о выкупе подруг и седел из городской тюрьмы.

Шейх подумал и успокоил гостя:

— Вы об этом не волнуйтесь, все будет доставлено купцу. Да, кстати, чуть не упустил: в Мекке живет молодой духовник из Андхея, зовут его Барака. Если будет возможность, познакомьтесь с ним, все-таки наш человек, из Мавераннахра, там, вдаль от отчизны, вам будет о чем поговорить. А завтра осмотрите город, я всех предупрежу, чтобы не было задержек в вашем пути. В провожатые я вам дам одного из учеников — мюрида Маджида. Кстати, он вас будет сопровождать и в Мекку, а я буду ждать вашего счастливого возвращения.

Эх, дорогой мой Шемсетдин Кулял, как быстро летит время! — и шейх задумчиво улыбнулся. — Вы все время были имамом в Карши, оттуда совершили хадж в Мекку. Сблизились в Ираке с влиятельными шейхами, усвоили их обычаи и стали распространять их в Мавераннахре. Вначале я очень враждебно принял ваше новое учение, — признался шейх, — но затем понял, что оно не шло вразрез с нашим уставом братства. — Дотронувшись до руки имама, Накшбенди признательно сказал: — Нашим общим учителем является Сайид эмир Кулял. — Шемсетдин Кулял, внимательно слушавший шейха, согласно кивал головой. — Так вот, мой почтеннейший имам, вы мне не только симпатичны, но и дороги. А так как у вас много недоброжелателей, мое желание, чтоб вы избежали опасности на вашем пути.

Глаза святого отца увлажнились:

— Достопочтеннейший, спасибо за заботу.

Шейх покачал головой:

— Нет, милый мой, эта тревога за ваше путешествие от глубины сердца. Так что будьте осторожны. А в Карши вы в скором времени вернетесь имамом самой большой соборной мечети. Представьте себе, от вас, вернее от вашего имени, в наш орден до сих пор идут ученики.

Шемсетдин Кулял удивленно вскинул брови.

— Не может быть, достопочтенный шейх. За последние месяцы я никого не посылал.

Накшбенди озабоченно ответил:

— Нет, как я помню, совсем недавно прибыл ученик с Нахшеба и сослался на вас.

Имам машинально потер вспотевший лоб.

— Почтеннейший шейх, если вас не затруднит, извольте пригласить сюда новоявленного послушника.

Когда дервиши привели ученика, Шемсетдин Кулял, побледнев, протестующе поднял руку. Он сразу узнал того лопухого юношу, что покушался на его жизнь. Охнув, он напряженно вглядывался в ненавистное лицо. Нет сомнения, это тот молодец, который хотел отравить его в медресе во время лекции со студентами. Послушник, увидев имама, обмяк телом и в панике отвел свой взор, осознавая безвыходность своего положения. Но тут же выпрямился, гордо вскинув голову, глаза его загорелись неопишуемой ненавистью, затравленно озираясь, прикусив губу до крови и раздувая ноздри, он закричал, и голос его рвался от крика:

— Я жалею, что мой яд не достиг цели! Я все равно свершу то, что задумал...

— Ему место в геенне огненной — сурово проговорил шейх, — уведите его. Ваш приезд в нашу обитель, имам, божественное знамение. Вы избавили наше братство от змеиного выкорыша-соглядатая. Надеюсь, теперь вы проникнитесь мыслью, что путь ваш не прост и опасен, — голос шейха стал глубоким, напевным.

Шемсетдин Кулял стряхнул с себя оцепенение, молча проглотил сухой комок, застрявший в горле, и негромко ответил:

— Опасность, идущая рядом со мной, стала настолько повседневной в моей жизни, что я привык, — и с просветленной улыбкой добавил: — Если я встречаю что-то поганое, вроде этого негодяя, то тут же обращаюсь к Всевышнему: — О Боже, кроме тебя никто не может дать счастья, все хорошее исходит от тебя, зло не исчезнет, если ты его не уничтожишь; у меня нет воли, нет силы, разве что Бог

поможет. И он, милосердный, окрыляет меня и вдохновляет божественным озарением.

Шейх легко вскинул красивую голову и, доброжелательно улыбнувшись, ответил:

— Вы отправитесь в путь в четверг, в самый светлый для путешествия день. И я попрошу у Бога милости, чтобы поддержал вас в вере. Его благословения на все, что у вас будет в будущем, а также на благодатный хадж и счастливое возвращение.

Добрая улыбка скользнула по мягким губам имама, признательно взглянув на шейха, он смиренным голосом сказал:

— Напутствия ваши я принимаю всем сердцем. И в вашем присутствии обращаюсь к Всевышнему. О Боже, у тебя ищу знания, к твоей мудрости прибегаю, к твоей силе и твоему величию: ты всеведущий, ты знаешь, будет ли предполагаемое мое путешествие полезно для меня, укрепит ли оно меня в вере, усилит ли мое благочестие. О Боже, пошли мне спокойствие и безопасность в этом путешествии.— Молитвенно сложив руки у груди, имам обратился к Накшбенди: — Извините, что я все обременяю вас своими заботами.

— Святой отец, вы собрались в путь в Мекку, а хадж святое дело. Вы — человек глубоко убежденный в истинности слова Божьего, и у меня к вам просьба.— Накшбенди, выдержав паузу, продолжил: — У нас прекрасный минарет Калян. Будет ли начато в этом столетии или же в другом строительство мечетей и минаретов, но орден собирает на это деньги, и суть моей просьбы такова: много хороших мастеров угнано с нашего города за время нашествия монголов. По пути своего следования вы будете встречаться с ними,— возвращайте этих умельцев обратно, сулите им деньги, мы построим для них дома. Можете при этом ссылаться на нас,— раскрасневшийся шейх перевел дух. У него была манера быстро переходить к другому вопросу, и дальше он говорил уже о другом: — Благочестивый отец, я хочу оградить вас от грозящей в пути опасности, для чего познакомлю с моими людьми. Монголы уничтожили многих наших единомышленников. Но оставшиеся последователи десятилетиями ведут тайную войну против монголов.

Шемсетдин Кулял вскинул густые брови. Шейх с неприкрытым видом продолжал:

— Не удивляйтесь, имам, они встретят вас в Багдаде, в квартале кузнецов в чайхане «Весенний ветер». Вы должны

подойти к чайханщику Мамеду и отдать вот эту половинку таньги со словами: «Аллах всемогущ. Примите эту монету за динар». Он сведет вас с посланниками, которые постараются предотвратить любое покушение на вас.

— О Боже, мне этого только не хватало, — испуганно промолвил святой отец, взяв половинку монеты. Всегда спокойный, никогда не выдававший своих эмоций, имам был поражен.

Шейх понимающе кивнул головой:

— Надо иметь силы, которые помогут нам в борьбе против заклятых врагов монголов, чтобы уничтожить эту систему насилия. В этом наши цели совпадают. Но я вам хочу сказать другое, — продолжал шейх. — Бог един в своей власти, и воплощен в разных, реальностях, как бы растворяясь в них. Поэтому не следует уж так сильно стремиться к самоотречению, аскетизму, наоборот, следует пользоваться всеми радостями жизни! Внимать состязаниям поэтов, читать великолепные газели, слушать ласкающую слух прекрасную музыку, любоваться чарующими танцами пери. — Шемсетдин Кулял от неожиданности даже поперхнулся. Не обращая внимания на своего друга, Накшбенди продолжал вдохновенно излагать свои мысли: — Надо развивать нашу культуру, святейший, наши традиции, обычаи, быт.

— Простите меня, раба Божьего. Вы желаете мне всего хорошего в пути, да будет ваша молитва услышана Богом, который установил прощение за все наши прегрешения. О Всевышний, храни и возвеличивай заветы братства. И дай Бог здоровья главе ордена, — и друзья, не стесняясь слез, обнялись на прощание.

Проходя узкими проходами вместе со своим молодым провожатым Маджидом, имам увидел в маленьком дворике толпу молящихся.

Святой отец устало посмотрел на Маджида:

— Дорогой мой ученик, отведи меня в мою келью.

Утром, после беседы с представителем Хорезийского суфийского ордена Ибрагимом Бахарзи, святой отец со своими спутниками и провожатым Маджидом пошли осматривать город. Посетили мавзолей Саманидов, построенный на рубеже IX — X веков: по преданию он был возведен Исмаилом Самани — основателем Саманидского государства.

Путешественников изумляли массивные стены сооружения, на которых были установлены тонкие арки. Толстые

стены могли предохранять памятник от разрушения в течение тысячелетий. Позади арок, поверху здания, проходила световая галерея с небольшими стрельчатыми окнами. Это придавало зданию легкость, упругость и создавало внутри усыпальницы божественное освещение. Шемсетдин Кулял, хоть и бывал здесь раньше, с превеликим удовольствием и неповторимым трепетом взирал на творения человеческих рук.

Пройдя через маленькие улицы Бухары, вся группа вышла на большую площадь, где красовался минарет Калян. Минарет возвышался над городом в строгом величии, словно палец Божий. Макушка его то задевала хмурые свинцовые тучки, то тянулась к чистому голубому небу — к подножию трона Всевышнего, словно прося у него защиты от пожаров, наводнений, землетрясений, нападений чужеземцев.

Здоровый усатый стражник, узнав Маджида, дал приказ часовым пропустить группу. Поломники поднялись наверх по узкой и крутой винтовой лестнице. Фахнави, первым взобравшийся под небеса, насчитал сто пять ступенек; запыхавшись, взошли и остальные. Воины-дозорные с бесстрастными лицами встретили их молча, они следили своим орлиным взором за дорогами, ведущими к городу.

С птичьего полета город был как на ладони: маленькие, словно игрушечные домики, сети арыков ниточкой пронизали город, фруктовые деревья мягко стелились внизу в пушисто-желтом оперении.

Плохо было только мулле Раунтангану, который припелся последним и, не стесняясь, присел, тяжело дыша, опершись на стены. На вопрос Фахнави, не хочет ли он посмотреть на сказочный город, мулла только вяло махнул рукой. Шемсетдин Кулял благодарно глянул на Маджида и, глубоко вздохнув, сказал:

— Вот мы и приблизились на шаг к Всевышнему.

Перед самым отъездом каравана Шемсетдин Кулял решил отыскать книгу Абубакра Наршахи «История Бухары», про которую очень красочно расписал местный бухарский мулла. Ходжа Раунтанган вызвался найти рукопись великого историка у родственников. Прогуляться решила вся компания во главе со святым отцом. Плутавший по всем переулкам и закоулкам города, потерявший ориентировку растерянный ходжа Раунтанган вывел наконец измученных путешественников к харчевне на окраине Бухары, где уставшие путники решили подкрепиться, в то

время как ходжа Раунтанган зашел в один из ближайших глинобитных домиков за книгой. Хилый старик с морщинистым лицом, хозяин чайханы, приветливо встретил гостей. Постелил новые курпачи на супе, заварил душистый чай и подал лапшу. Пожелав паломникам приятного аппетита, чайханщик грозно цыкнул на девочку лет пятнадцати, с любопытством выглядывавшую из окошка, и шаркающей походкой пошел в свой угол, где были расставлены, с одной стороны, чайник и пиалуши, с другой — горячие лепешки.

Фахнави озорно подмигнул девочке, а поэт Камол, любуясь юным созданием, восхищенно рассмеялся. Девочка, фыркнув и гордо вскинув головку, исчезла. Маджид неодобрительно посмотрел на Фахнави, а Кельдибобо покачал головой, осуждая заигрывания молодых юношей. Лишь учитель Камалетдин, не обращая внимания ни на кого, уплетал лапшу. Шемсетдин Кулял, ткнув пару раз деревянной ложкой в касу, отставил чашку и принялся за чай. Зато каменщик Азиз работал челюстями, словно мельничными жерновами, поглощая еду за двоих.

Вдруг двери с шумом распахнулись, и в харчевню ввалилась ватага бородатых разбойников.

— Эй, хозяин, дай нам пожрать что-нибудь вкусного и водки побольше, — крикнул предводитель, щербатый, с густыми бровями вразлет и короткой бородкой.

Джигиты, переговариваясь и пересмеиваясь, уселись на длинные скамейки за крепко сбитые столы. На других посетителей чайханы гости не обратили ровно никакого внимания. Хозяин с тревогой засуетился, подавая непрошеным головорезам еду и питье. Разбойники не снимали мохнатых бараньих шапок, почти все были одеты в чекмени из простого темно-серого сукна, за поясами у них торчали массивные ножи. Вся шайка состояла из девяти человек. Бандиты гогоча ели мясо, запивая его водкой. Вдруг, обернувшись, щербатый увидел девочку в проеме открытой двери кухни. У предводителя алчно сверкнули глаза.

— Эй, старик, пусть внучка подаст нам воды! — громко крикнул главарь банды.

— Воды? Сейчас... — и чайханщик проворно для своих лет подбежал с касой, наполненной водой, успев зачерпнуть ее из ведра, стоявшего у порога.

На лице разбойника появилась гримаса недовольства.

— Вот коровье вымя... Ты глухой, что ли? — Выхватив чашку, главарь вылил воду на голову старика, а касу с размаху ударил об пол. — Я говорю, пусть девчонка обслужит нас.

— Сейчас, сейчас, сокол ясный. Только не трогайте моих посетителей и пожалейте дитя родное,— и старик, позвав внучку, срывающимся голосом промямлил: — Хайринисо, милая, дай воды доблестному джигиту.

Фахнави и поэт Камол гневно привстали со своих мест. Святой отец, приподняв правую руку, знаком усадил их на место. Девочка дрожащими руками приподнесла щербатому чашку с водой. Предводитель выпил ее одним глотком и трахнул об стол пиалу. Вперив хищный взгляд в тоненькую шею девочки, где висели нанизанные на нитку монетки и бусинки корралового ожерелья, он протянул ей золотой динар. Хайринисо вопросительно глянула на дедушку, и тот обреченно сказал:

— Бери, дочь моя, видимо, на то воля Божья.

Хайринисо взяла монету и не успела она отойти, как главарь схватил ее за верхний ворот платья и с силой рванул к себе. Послышался дробный стук падающих монет, рассыпающихся на полу бусинок корралового ожерелья. Всех поразила белизна девичьего тела, а Хайринисо, закричав, мгновенно перекрестила руки и с дикими от ужаса глазами кинулась на кухню. Бандит, потирая от предвкушения руки, громко крикнул:

— Да, на то воля Божья! Принимаю дар судьбы. Сначала я, потом вы все.

Головорезы заржали в надежде на развлечение-удовольствие. Главарь устремился вслед за девчонкой, но его настиг твердый голос Шемседина Куляла:

— Стой, шакал!

— Что? — взревел щербатый.— Кто тут мне указчик? — и, повернувшись, пошел на святого отца, которого тут же заслонили грудью Маджид и Фахнави.

Аббаскози в это время медленно отходил к стойке чайханщика. Разбойники повскакали с мест и окружили своего главаря. Скаля зубами и поигрывая ножами, они стали медленно приближаться к группе паломников.

— Кто здесь командует? — рявкнул предводитель, вытаскивая из-за пояса длинный узкий нож.

— Невежа, извинись перед стариком,— негромко, но довольно четко и ясно сказал Шемседин Кулял и, отстранив Фахнави, вышел вперед.

Губы у щербатого сжались в ухмылке, издав нечленораздельный звук, он бросился с ножом на имама, но удар принял на себя Маджид, заслонив собой имама. Он качнулся, зажал рукой истекающее кровью правое плечо, обмяк и свалился на пол. Главарь, издав торжествующий

воплъ, сделал два маленьких шага вперед и со зловещей яростью поднял руку с ножом на святого отца. Послышался легкий свист — и головорез-предводитель, с торчащим в шее ножом, рухнул под ноги имаму. Аббаскози, выложив на прилавке свои огненные ножи, начал метать их быстро и метко. Пока бандиты опомнились, еще четверо насильников, извиваясь и изрыгая проклятия, ползали на полу. Остальные, опомнившись и увидев, откуда идет нападение, почти одновременно метнули смертоносные кинжалы в Аббаскози, но телохранитель имама защитился подносом. Ножи хлестко вошли в тонкий металл, испортив красивый рисунок подноса, и этого времени было достаточно, чтобы Аббаскози кинул еще два ножа, которые точно достигли цели. Одного растерявшегося разбойника достал Фахнави. Последний, ошарашенный таким поворотом событий, бандит бессмысленно размахивая ножом, неосторожно приблизился к мулле Камалетдину, и тот с испугу ударил его по голове большим чайником. Ошпаренный грабитель заорал благим матом. Поэт Камол, вложив всю силу в кулак, влил такую затрепину, что тот мешком упал на своего предводителя. Поднимавшихся раненых бандитов выгонял из чайханы палкой каменщик Азиз.

Когда все утихло, двери со скрипом распахнулись и появился встревоженный Раунтанган.

— Что случилось? Что за напасть такая?

Имам, остановив жестом трескотню ходжи Раунтангана, наклонился над Маджидом и, взглянув на рану, сказал:

— Надо побыстрее перевязать руку, и срочно нужен таиб, — святой отец вопросительно посмотрел на чайханщика.

Тот, поняв имама, быстро крикнул:

— Хайринисо, дай что-нибудь из твоих тряпок...

Девочка вышла, неся белое чистое полотенце. На ней был брошен мужской халат, видимо, дедушкин.

— Быстрее не можешь? — с раздражением проворчал чайханщик. Взяв кусок материи, он передал его имаму, который, наклонившись над Маджидом, быстро перетянул руку повыше раны.

— А теперь таибба... — подняв голову, резко крикнул Шемсетдин Кулял.

Чайханщик молча бросился к выходу.

— На всякий случай я с ним, — прокричал Фахнави и побежал за стариком, в то время как Аббаскози молча собирал свои ножи.

Лекарь, молодой безусый юноша, появился быстро, будто ждал за углом, когда кончится эта драка. Осмотрев рану

и наложив повязку со своим снадобьем, он ободряюще сказал:

— Ничего страшного не вижу. Правильно, что перетянули рану. Отлежится недельки две, пока не заживет рана, и будет здоров. Могу забрать к себе. Если не хотите, буду приходить сюда. Как решите, сообщите хозяину Мусину-ата, он знает, где я живу.

Ходжа Раунтанган, считавший себя виновником этой заварухи, расплатился с табибом. Шемсетдин Кулял вопросительно глянул на чайханщика. Старик тут же ответил:

— Он будет жить у нас, пока не выздоровеет.

Маджид, приоткрыв глаза, тихо пробормотал:

— Я вас все равно догоню.

— Хорошо, хорошо, — успокаивающе положив руку на бледный лоб, тихо промолвил имам и вытащил кошелек с деньгами.

Чайханщик посмотрел на него и отрицательно покачал головой:

— Вы спасли от позора мою внучку. Не надо денег.

Святой отец понятиво кивнул головой, оглядел чайхану, своих притихших спутников и обратился к старику:

— Рано утром вы отправитесь к шейху Накшбенди, скажете, что вы от Шемседина Куляла. Расскажите, что здесь произошло. И ваш дом, Мусин-ата, будет находиться в полной безопасности. Можете торговать, не боясь ничего и никого.

Старик, поклонившись, ответил:

— Спасибо вам, милейший. Пусть Всевышний хранит вас в пути и озарит счастливое возвращение домой.

Святой отец взял в обе руки собранные и поданные Фахнави бусы и монетки-украшения и передал их Хайри-нису.

— Держи, дочка. Корраловые бусы — любимое украшение Мавераннахра. Они являются талисманом в появлении крепкого потомства, а мы уберегли тебя от зла и насилия. Так цвети бутоном, готовясь к свадьбе на радость своему деду и будущему жениху.

Выйдя на улицу, паломники услышали щебетанье птиц.

Золотисто-желтые иволги с шумом гомонили на ветках урючины. Им весело вторила стайка бухарских синиц, перелетающих с ветки на ветку. Птицы приветствовали паломников, словно знали, что в долгом пути по раскаленным пескам им много дней не доведется слышать птичье пенье.

... Пылает зноем пустыня, шевелятся барханы, взметаемые могучим ветром гармсилем, искрятся на солнце солончаки, и тянется вслед бесконечная песочная пыль. Все живое прячется от испепеляющего ада, зарываясь в спасительный песок или забираясь на веточки скудной растительности. Мелкое зверье, живущее в горячих песках, приспособилось к невыносимой жаре и горячим ветрам: степная агама, ушастые круглоловки, полосатые ящерки, змеиполозы, черепахи, фаланги и скорпионы. Под стать им пустынная славка, саксаульные сойки и воробьи, мохнатый тушканчик, угрюмые филины, степные канюки, южные бармотушки. Вся пустынная живность разумно использует влагу, которую получает с пищей, они не зависят от расположения водопоя. Но есть нежные птицы, которые нуждаются в воде, — чернобрюхие и белобрюхие рябки, сизые голуби. И все равно все живое в пустыне тянется к спасительным источникам — колодцам, кяризам и сардобам.

После огнедышащей жаровни, вечером, на закате солнца, возникают причудливые тени от еле заметных кустов и сыпучих барханов, превращающие пустыню в сказочный город. Зелень безлистных кустов становится густой и темной, а барханы обманчиво бархатными. Вот среди этого безмолвия серо-сыпучих гряд и появился устало бредущий караван.

Караван пополнился в Бухаре паломниками, загрузился бухарскими, хорезмийскими и болгарскими товарами. Тяжелые вьюки были набиты доверху. И чего здесь только не было! Какие хочешь меха: соболя, серой белки, горноста, куницы, бобра, крашенные зайцы, козы, а также воск, стрелы, белая кора тополя — для дубления кож, рыбий жир и рыбы зубы, бобровая струя, амбра, шагреновая кожа, мед, лесные орехи, мечи, кольчуги, печенья, сладости, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча для подарков, покрывала, цветные одежды, луки, которые под силу натянуть только самым сильным людям, особый сыр, бухарские ткани — белые, красные, зеленые.

Купец Григорий, помимо подпруг и седел, при содействии Шемсетдина Куляла раздобыл в ткацких мастерских также узорчатые ткани, занавеси, ковры, покрывала, молитвенные коврики.

Выйдя из Бухары, тяжело нагруженный караван, обогнув несколько кварталов и пройдя через торговый центр Пайкенд, надолго застрял в селении Феребре, пока таможня не собрала положенный сбор. Главный таможенник был

рябой, с отвислыми ушами, наглыми глазами и грозным взглядом, который говорил без слов: куда вы от меня денетесь, пока не выложите деньги. Увидев его, поэт Камол в гневе высказался святому отцу:

— О Боже! Как носит земля таких людей?

Фахнави вдобавок усмехнулся:

— Она их еще как лелеет. Они и богатеют за счет своей наглости. У этого таможенника дома, наверно, полные сундуки денег.

— Такие живут долго, — вставил свое слово и мулла Камалетдин.

— Я бы не сказал, — хмуро насупив брови, изрек имам. — Такие скупердяи от жадности не спят ни днем, ни ночью и умирают в думах о своих деньгах...

А тем временем таможенный сбор шел полным ходом. Григорий сполна рассчитался с таможей, а когда начальник начал придирается, Григорий кинул ему мешочек с деньгами, и главный дал добро на проход каравана. Григорий, почесывая свою бороду, заметил, что раньше таможня была в Амале, а сейчас здесь, и завершил свою догадку словами: видимо, где выгодно и удобно брать пошлину, там и ставят таможенный забор.

Караван, перебравшись через Джейхун по деревянному мосту, вышел на Амал. Одолев длинный переход и пыльный Пашан, караван достиг Кушмейхана — селения неподалеку от города, называемого еще северными воротами Мерва. Лунная ночь застала путников перед самым входом в город. Они решили не испытывать судьбу в поисках ночлега в ночном городе и разбили шатры возле маленькой саксауловой роши.

После скудного ужина, который составили суховатая лепешка, кусочек вяленого мяса и курт, Шемсетдин Кулял со своими спутниками улеглись спать. Все были настолько измотаны дорогой, что не было слышно привычного гомона, шума, оживления. Запоздало засвистела ночная птица с совиными глазами — авдотка, вспугнутая караваном, она предупреждала об опасности своих пернатых подруг. Ночью имама разбудила давящая боль в груди. Полежав минут-другую с открытыми глазами, святой отец не стал будить своих попутчиков, а тихо поднялся и вышел из шатра наружу. Холодный ветер потихоньку слизывал верхушки барханов, зыбкий лунный свет был разлит над бескрайней пустыней, уходящей за горизонт. Стояла тревожная, до звона в ушах, тишина. С горизонта напоззала зловещая туча.

И вдруг крошечная темень навалилась на имама. В нос ударил вонючий пот огромного чабанского зипуна. Чьи-то

руки подхватили его, пронеся недалеко тяжелыми, утопающими в песке шагами, взвалили на коня. И тут Шемсетдин Кулял услышал терзающий душу шепот незнакомца:

— Захид, брат, не бери грех на душу. Смерть паломника — это кара Божья, потом всю жизнь не искупить ни молитвами, ни подаяниями.

— Где ты был раньше? — раздался в ответ резкий голос. — Ты, Пулат, деньги получил? Получил. А я не привык оставлять дело на полпути.

Опять послышался еле слышный голос:

— Захид-ага, буря начинается. Давайте бросим его где-нибудь, а буря довершит остальное. И найдет наш подопечный себе место на небесах...

— Ладно, там видно будет... — ответил зловещий шопот, и всадники тронулись в путь.

У имама затекли руки, ноги болтались как перебитые, разламывалась поясница. Долго так вынести было невозможно, дышать нечем, свалывшаяся шерсть шубы так и лезла в рот, щекотала лицо.

Время остановилось, когда похитители огрели святого отца чем-то по голове и он, потеряв сознание, кулем свалился с лошади. А в это время ветер-разгуляй, сметая смерчем все на своем пути, валил с ног людей, ставил на колени лошадей и верблюдов, залихватски носился по верхушкам барханов. Взвихрились тучи, вздыбилась земля... Исчезла луна, стало темно, и началось светопреставление. Пустыня гудела и стонала в своем ненастье, мириады песчинок, поднятые ветром, с необыкновенной силой били в лицо, секли кожу до боли и крови...

Два дня стоял караван, не трогаясь в путь. Купец Григорий твердо сказал спутникам святого отца: «Не сдвинемся с места, пока не найдем имама, живого или мертвого».

Исчез и Аббаскози. Но его не унес жестокий смерч. Он сам отправился на поиски имама. Спас же Шемсетдина Куляла тот самый несчастный зипун, который не дал песку попасть в рот, забить дыхательные пути.

Какое-то внутреннее чутье привело Аббаскози на тот несчастный бархан, где на желтом песке что-то чернело. Откопав имама и осторожно уложив на свой халат, телохранитель снял с пояса фляжку и подал имаму. Сделав глоток, святой отец выкатил глаза и выплюнул огненную жидкость с бранными словами. Не обращая на это внимания, Аббаскози осмотрел старый, весь в дырах и заплатках зипун, рассмеялся и с нежностью произнес:

— Живой, отец...

— Да, живой... В здравии... Что со мной делается... — отряхиваясь от песка, прошамкал проходящий в себя Шемсетдин Кулял.

Юный телохранитель с нескрываемой радостью глядел на осунувшегося, с всклокоченной бородой имама, в нем трудно было узнать того важного духовного сановника, которого знал весь Несеф и Кеш.

— Да, дома ахнули бы, увидев вас, — улыбнулся Аббаскози, отряхивая чапан от песка.

— Приняли бы и такого, куда б делись, — устало поднимаясь, махнул рукой святой отец. — Главное, дойти до дома... Как же ты меня нашел? — удивленно спросил под конец имам.

Аббаскози, надев свой чапан, медленно подошел к имаму и, засунув руку в дырявый карман его халата, вытащил пучок пахучих трав и подбросил на ветру. Сняв свои сапоги и вытряхивая оттуда песок, юный телохранитель стал объяснять:

— Темур перед отъездом дал мне ароматный оберег, травы от всех напастей, и сказал: никогда не оставляй святого отца одного. Перед сном я запахал это зелье в ваш карман, вот по запаху и нашел вас. А если серьезно — просто повезло. Я вышел за вами почти следом. Видел, как похитители увозили вас на коне, но не стал кричать, а бросился вслед за вами... Я бы не упустил этих разбойников, но тут налетела песчаная буря, я потерял вас из виду, и ничего не оставалось делать, как укрыться чапаном, обмотать лицо чалмой и лечь под саксаулом. После бури все крутилось там, где последний раз видел этих пустынных шакалов перед самым смерчем. Здесь и увидел черную точку вашего зипуна — ваш опознавательный знак... — Надев сапоги, нахлобучив мохнатую шапку, Аббаскози участливо спросил: — Понести вас, святой отец, или вы сами пойдете?

— Конечно, сам, — отозвался имам. — Столько времени без движения и без намаза. Теперь только ходить и ходить да возносить в молитвах хвалу Всевышнему за спасение.

Радости паломников при виде живого Шемседина Куляла не было предела. И караван, потерявший из-за бури два дня, вновь поднялся и отправился дальше в путь, тем более, что древний город Мерв был совсем рядом и манил к себе усталых путников.

Мерв — город базаров, знаменитый своими ахалтекинскими конями, ароматными дынями, разноцветными тканями...

В центре города, на пересечении главных улиц, находится дом правителя, на площади рядом глашатаи зачитывают распоряжения властей, здесь же проводятся публичные казни. Рядом соборная мечеть и квартал менял. В городе имелось пять ворот. Караван кушца Григория, пройдя через северные ворота, квартал ювелиров и улицу кожевников, будя жителей звоном переливчатых колокольчиков, остановился у караван-сарая.

Шемсетдин Кулял обсуждал по дороге с муллою Камалетдином и Аббаскози свои невероятные приключения, и они пришли к выводу, что пока все попытки покушения на святого отца заканчивались неудачей, но при такой настойчивости враги могут достигнуть цели. Поэтому надо быть бдительным, и паломники с осторожностью приняли приглашение старейшины Мубарек-шаха Санджари, ведавшего также распределением воды.

Знакомство состоялось в соборной мечети после полуденной молитвы. К святому отцу подошел один из уважаемых вельмож и представился. Это был высокий мужчина, с глубоко посаженными глазами, с красивой ухоженной бородкой, в огромной белой мерлушковой шапке, в теплом стеганом дорогом халате, подпоясанный наборным пояском с золотым шитьем и прикрепленным к нему оружием — кинжалом в ножнах, инкрустированным серебром; из-за прорези халата выглядывала курте — нарядная рубаха из черного сукна. После недолгой беседы Мубарек-шах Санджари пригласил в гости имама и его маленькую свиту. Жил он на окраине, в большом доме с многочисленными слугами. Дом окружал хорошо ухоженный сад.

После роскошного обеда, когда пили душистый чай, глава могущественного рода — его побаивался и правитель Али-бек, — приложив левую руку к груди, учтиво спросил: может ли он просить святого отца об одной услуге. Ожидавший подобного вопроса Шемсетдин Кулял, внимательно посмотрев на хозяина, спокойно ответил:

— Если просьба в пределах моих возможностей, я с удовольствием ее выполню.

— Я думаю, вам это по силам, имам. А суть моей просьбы такова... Я хочу, чтобы вы помолились за моего больного дядю, — расходы хаджа я оплачиваю вдвойне.

Шемсетдин Кулял, удивившись, спросил:

— А почему я удостоился такой чести?

Мубарек-шах Санджари встал, прошелся по красивому туркменскому ковру, задумчиво постоял у окна, вернувшись, сел обратно на свое место и, вздохнув, сказал:

— Глубокоуважаемый имам, через наше селение Махан проходит немало паломников, но я, предводитель крупного рода, не вижу среди них достойного, кто бы мог совершить хадж вместо дяди. Я расспрашивал паломников каравана, купцов, и все единодушно назвали вас достойнейшим, и к тому же вы уже совершали хадж.

— Хорошо, я принимаю ваше предложение, — согласился святой отец.

До отъезда каравана Шемсетдин Кулял еще дважды побывал у Мубарек-шаха Санджари. Тот хорошо знал историю своего края, был наслышан об интригах, посвящен во все события, происходящие в Туране, поэтому беседовать с ним имаму было интересно.

Мубарек-шах Санджари, обнажив в улыбке крепкие белые зубы, сказал:

— Святой отец, скоро я буду в ваших краях, повезу коней на продажу. И хочу пригнать косяк молодых скакунов.

Подавшись вперед, Шемсетдин Кулял, не скрывая радости, промолвил:

— Если будете поблизости от Шахрисябза, в селении Ходжаилгар, обязательно посетите дом бека Тарагая и его сына Темура.

— Дорогой имам, — хозяин изысканно поклонился, — если пути Божьи пересекутся, я обязательно навещу вашего друга.

Возвращаясь вечером в караван-сарай, Шемсетдин Кулял и провожавший его Санджари встретили встревоженных спутников имама.

— Вы живы, святой отец?

Выяснилось, что Маджид, оправившись от раны, сдержал свое обещание и догнал друзей. Дожидаясь своих спутников, которые пошли осматривать город, мюрид задремал около ворот караван-сарая, а когда прошла большая группа паломников, Маджид увидел ходжу Раунтангана. Он радостно выкрикнул имя Шемсетдина Куляля и живо побежал к своим собратьям.

Услышав имя святого отца, сидевший на корточках около караван-сарая нищий вздрогнул. Был он худ, весь в лохмотьях, замызганная тюрбетейка чудом держалась на голове. Встрепенувшись, босък дико вскрикнул и бросился на человека, которого посчитал Шемсетдином Кулялом. С удивительной для своего тщедушного тела силой он ударил паломника ножом, приняв его за святого отца, и, радостно мыча, бросился прочь. Но Маджид с помощью подбе-

жавших охранников каравана схватил убегающего босяка. Когда его обыскали, то нашли несколько серебряных монет.

— Кто тебя послал? — с гневом кричал Фахнави, а затем в ярости схватил за тонкую шею босяка.

Тот, закатив глаза, приоткрыл черноту зловонного рта, где вместо языка торчал красный обрубок, и начал судорожно дергаться.

— Оставьте его и отпустите с миром, — ровным голосом проговорил имам. — Он и так обижен судьбой.

— Да он тут же убьет вас! — взволнованно вскричал мулла Камалетдин.

Послышались возмущенные крики:

— Убить его, убить!

Ходжа Раунтанган хрипло выдохнул:

— Смерть бродяге!..

Лишь учитель Маматхалил, криво усмехнувшись, знаками позвал своих спутников и поспешно удалился.

Санджари, подняв руку, громко крикнул:

— Расходись, честной народ! — И дождавшись, когда любопытные разбрелись по сторонам, обращаясь к святому отцу, мягко сказал: — Поймите же, почтеннейший: там, где нужна суровость, великодушие может привести к смерти. Говорят, что мягкостью не сделаешь врага другом, а только увеличишь его притязания. Вы своим благородством возвеличились в моих глазах, но преступника, нарушившего законы шариата, все равно надо казнить.

— Да, да, я понимаю, — задумчиво ответил имам. — Высшее из творений, очевидно, человек, низшее — собака, и мудрецы единодушно утверждают, что благодарная собака лучше неблагодарного человека. И все же он человек...

Мубарек-шах Санджари, улыбнувшись, неодобрительно покачал головой.

— Нельзя быть до такой степени всепрощающим. Я понимаю, вы не хотите быть участником казни нищего, но ваша жизнь под угрозой, так что я забираю его с собой для свершения суда.

Он дал знак двум своим телохранителям, которые тут же накинули аркан на бродягу и, легко соскочив с коней, схватили босяка с двух сторон. Но не успели они закинуть его на коня, как просвистел кинжал, брошенный Аббаскози, и немой завалился на руки нукеров. Все оцепенели.

— А может, так и лучше? — глухо выговорил Санджари и, посмотрев на телохранителя, одобрительно кивнул головой.

Подошедший Азиз-каменщик полуобнял имама.

— Святой отец, не терзайте себя. Все свершенные дела — по воле Божьей...

Мубарек-шах Санджари обнял святого отца, тепло попрощался с его спутниками. Пожелав счастливой спокойной дороги, он удалился со своей свитой, прихватив мертвого бродягу.

Купец Григорий, распродав большую партию своих товаров, отоварился хлопком, плащами, шелковыми и хлопчатобумажными покрывалами, шелковой материей, весенней одеждой, делавшейся из легких мервских тканей, медью, сыром, кунжутными маслами, виноградным уксусом.

Перед дальней дорогой путники посидели в чайхане, расположенной на улице Анбар, с аппетитом улетая знаменитый мервский плов, попробовали сладкое печенье на овечьем молоке, отведали вареный сок из знаменитых мервских дынь. После полуденной молитвы пораньше отправились на покой, чтобы с рассветом тронуться в путь.

Когда утро возвестили первые петухи, караван вышел через южные ворота и снова поплыл по пустыне.

Караван терпеливо одолевал бархан за барханом, идя от колодца к колодцу. Паломники радовались, когда видели зайца-песчанника, убежавшего и заматавшего свои следы. Иногда мимо пробежал ушастый игольчатый еж, попадались им песчаный удавчик, линейчатая ящюра, которая застывала в агрессивной позе, или оцепенелая, как каменное изваяние, змея эфа. Барханные коты шли за караваном в поисках пищи, но тщетно — в пути не оставалась остатков еды, и разочарованные коты, недовольно мурлыкая, возвращались в свои норы.

Белый саксаул и песчаная акация, как разобидевшиеся подруги, убежавшие друг от друга, жалобно шелестели своими иссохшими колючими веточками. Попадались на пути кумарис, кукмароз, крестовник. Полюбовно переплетаясь в этом страшном знойном аду, они стлались серовато-желтым песчаным ковром. На водопое около одного колодца, у разрушенного караван-сарая, путники нашли человеческий череп, а в нем яички бухарской синицы — белые, чуть желтоватые, с красно-бурыми пестринками.

Увидев череп, ходжа Раунтанган покачал головой:

— Не к добру это...

Увидев яйца бухарской синицы, Шемсетдин Кулял вспомнил Бухару и слова шейха Накшбенди, который требовал вернуться живыми и только живыми. Недалеко от колодца установили шатры для ночлега. На полуразрушенном дувале бывшего караван-сарая сидела небольшая

птица с серым оперением и мохнатыми ногами. Она, видимо, дремала, но при приближении любопытных поэта Камола, Фахнави и Кельдибобо чуткая птица пробудилась, недобрым взглядом одарила Кельдибобо, и, приподнявшись высоко на лапах, пристально вперила жуткий взор в подошедших путников, словно спрашивала, что надо. Затем внезапно отлетела в сторону и снова уселась на осыпающийся забор. Это был бактрийский сыч, байтуш-сова.

Вечером, когда паломники ложились спать, вдруг раздался протяжный стон...

— О Боже! — испуганно вскричали путешественники и повскакивали со своих мест.

Рыдающий стон повторился, как плач ребенка. Фахнави, встав, начал быстро одеваться.

— Пойду, убью.

— Не надо, сынок, — неожиданно расплакался Кельдибобо. — Не надо брать грех на душу, это священная птица. Ох, как там мои внуки? — продолжал причитать бобо.

— Ну даете, — проворчал Аббаскози, — и так тошно, а вы подпеваеете этой нарушительнице сна.

Всклипнув, старик умолк, накрылся одеялом, повернулся на бок и немигающим, потухшим взором уставился на Шемсетдина Куляла. Святой отец вздрогнул, поймав отрешенный взгляд соседа. Передернув плечами, он отвернулся, лег на спину и закрыл глаза. Шемящий, пронзительно душераздирающий вопль раздался снова...

— Вот чудище, так по душе и скребет... — с хрипотцой в голосе молвил Маджид.

— Все точно: если так прокричит сыч, жди покойника, — недовольно проворчал поэт Камол.

Тут поднялся Кельдибобо и сипло сказал...

— Что-то душно, пойду прогуляюсь... — шаря в темноте, он нащупал халат Шемсетдина Куляла. Накинув его на старческие плечи, бобо вышел из шатра.

Луна желтым маревом освещала спящий лагерь. Черный небосвод, усеянный яркими мерцающими звездами, распростерся над стариком. «Как там мои внучата? Спят, наверное, неугомонные малыши»... От этого воспоминания у старика немного потеплело в груди, и это было последней радостной мыслью путешественника. Сверкнула молния, и Кельдибобо, вскрикнув, с черной стрелой в правом глазу замертво упал на серый песок, который заструился под ним, засыпая уши, вытекающий глаз, губы, которые так любили целовать внуков.

Глава четырнадцатая

СВАДЬБА

Не ослабеет чувство от того,
Что озаришь ты разумом его.

Из персидской поэзии

После покушения на его жизнь, когда он едва не утонул в мешке, Темур изменился — стал молчаливее, задумчивее, не принимал шуток. Стал больше слушать, а стихи, прочитанные другом Сейфетдином, молодой бек тут же повторял наизусть. Но основное, чему он себя посвящал, по-прежнему были военные игры — упражнениями в самых разных видах батального искусства башбеги доводил себя до изнеможения.

И все так же любил Темур охоту. Сутками пропадал он со своими джигитами в горах. А возвращаясь, они привозили то горного козла, то джейрана.

Хозяйка дома, часто болеющая и приученная ко всяким неожиданностям, хотела видеть своими глазами будущую мать-мачеху для своих детей. Она часто думала о смерти, думала спокойно, смирившись с неизбежным. Лекарства табиба Ахмада продлили жизнь, но и они имеют свой предел, так считала мать Темура. И однажды собрала домашний совет, пригласив в мехманхану хозяина Тарагая и детей.

В настороженной тишине, подчеркивая всю значимость момента, Тегина-бегим, обведя всех печальным взором, сказала:

— Господин вы мой желанный, дети мои золотые, видимо, всему свое время. Рожь поспевает и после сбора увядает, деревья цветут и роняют плоды свои на землю. Божьим перстом предназначена каждому его судьба. В книге небесной отмечена моя жизнь — сколько ей продлиться и когда перейти черту небытия. Чувствую, что мое время иссякает. Приближается час моей кончины...

— Ну что ты, джаным,— прервал мать Темура Тарагай,— теперь, когда дети выросли...

— Вот я о детях и думаю,— невесело сказала госпожа.— Когда Всевышний возьмет меня к себе, Иукун-хотин станет в доме единственной хозяйкой. Она не потерпит здесь моих детей. Вы сами-то редко дома бываете и не видите, что творится у вас под носом.— Все эти мысли младшая хозяйка высказала с какой-то отчаянной злостью, накопившейся за многие годы.— Моим птенцам нужно доброе гнездо. После моего ухода...— тут Кутлуг Турган-ага и Ширин заплакали, а Темур нахмурился. Тегина-бегим, не обращая внимания на плачущих дочерей, продолжала: — Вы не сможете жениться в течение года, а может, и больше. А с ними за это время может случиться всякое. Нужна хозяйка, которая готовила бы сама и кормила бы моих детей своими руками, которая бы подобрала преданных служанок.— Уставшая от такой длинной речи, госпожа выпила стакан молока и вздохнула.— Извините, дорогой хозяин, что вынуждена говорить при детях, а они, кстати, это чувствуют, старшая ваша жена спит и видит моих верблюжат в саване, ненависть глухая, слепая жжет ее черное сердце.

Тарагай, никогда не слышавший из уст младшей жены даже резкого слова, опешил от такого напора, багровея, он медленно опустил голову. Тегина-бегим, как бы подытоживая сказанное, уже успокоившись, сказала:

— А невесту я вам подыскала. Вы, хозяин, ее хорошо знаете. Конечно, не дочка бека, но знатная и зажиточная, а главное, трудолюбивая и добрая. Зовут ее Кадак-ханум. Отец ее, Атахон, старейшина большого рода, все селение внимает его речам. Имеет табуны лошадей, отары овец, боевой отряд джигитов, которые так необходимы в походах или при отражении врага.— Тегина-бегим внимательно посмотрела на Тарагаю, который с удивлением глядел на хозяйку.— Я часто бывала в этом селенье. Много раз потчевали меня в этом доме. Хочу сказать, что Кадак-ханум

настоящая мастерица. Думаю, никто вас осуждать не будет, что взяли молодую. Вот при детях я заставляю вас жениться, и они вас об этом просят. Все знают мое состояние здоровья. И потом, вы в состоянии любую женщину и прокормить, и одеть в шелка, в золотую парчу. — Тегина-бегим, сделав маленькую паузу, продолжила: — Отец Кадақ всегда хотел выдать дочь замуж за бека. Для него породниться с амиром Мавераннахра — честь.

Тарагай растерянно развел руками:

— Оказывается, вы, джаным, уже все решили... без меня...

— Хочу при жизни увидеть, что мачеха относится с пониманием к моим детям, да и вы будете при молодой жене больше бывать дома.

Тегина-бегим развязала шелковый платок и вытащила амулеты: оберег-джавак повесила на шею мужу, Темуру надела на шею раковину-каури на серебряной цепочке, этот тумар называется еще «верблюжий глаз», маленькой Ширин надела на руку сарымунчак — браслетик из бусинок из черной мастики с белыми глазками, а старшей дочке Кутлуг Турган-ага прикрепила на груди «Мати-тилло» — золотой месяц из комплекта восточного украшения «Бадомой». Тегина-бегим была довольна, что, наконец, открыто высказалась, но у нее еще были приятные сюрпризы, она загадочно посмотрела на своих детей и с улыбкой сказала:

— В конце концов, Кадак присмотрит и за мной.

— А я? — проговорила с обидой в голосе старшая дочь. — Разве я плохо за вами ухаживаю?

— Дочка, ты, видимо, скоро уйдешь из дома, ты выходишь замуж.

— Что вы, мама, говорите? — изумилась старшая дочь.

Тарагай побагровел при этом известии и со злостью выговорил:

— Ты что, старая, сегодня совсем рехнулась?

Темур напряженно смотрел на мать и ничего не говорил, нарочито спокойно ждал ответа

— Стареем, отец, и кто из нас с ума сходит, еще неизвестно. Кто дал добро и принял подарок — вот этот золотой браслет «донадор»? — и госпожа указала на руку старшей дочери. — Вы что, забыли, кто выступал сватом? Святой отец Шемсетдин Кулял, совершающий сейчас хадж в Мекку. Когда вас не было, господин мой, принесли весь золотой комплект. Скоро сватов будем ждать из Бухары. Жениха зовут Давуд, он из династии Барласа.

Замешательство домочадцев было очевидным. Тегина-бегим, словно потухший вулкан, который выплеснул всю лаву, сидела умиротворенной.

— Как я рада! — неожиданно воскликнула старшая дочь. — Мама, прошу вас, давайте посмотрим присланные к свадьбе подарки.

Тегина-бегим тут же начала разворачивать белый шелковый узел, стоявший на сундуке.

— Джаным, да у тебя все подготовлено, — ворчал с удовольствием Тарагай.

Когда Тегина-бегим, наконец, развязала платок с драгоценностями, перед взором присутствующих засверкали в дивных переливах свадебные украшения. Ширин-ага радостно рассматривала редкостные изделия.

— И мне бы такое чудо...

Темур строго заметил:

— Успеешь, сестренка, придет и твоя очередь получать такие подарки.

Тарагай, почесав затылок, улыбаясь пробасил:

— Все-таки славного джигита нашел я для моей дочери.

Хозяйка дома, вздохнув, сказала:

— Лишь бы жених был хорошим человеком, — и она начала раскладывать драгоценности на большой атласной подушке.

«Осма-тузи» — налобное украшение хивинских мастеров особенно понравились будущей невесте. Кутлуг Турган-ага аккуратно закрепила на бровях «Осма-тузи».

— Мама, они сильно приподняты к вискам, — смотря в зеркало, закапризничала старшая дочь.

Мать, осторожно беря в руки следующее украшение, нежно сказала:

— Доченька, это так и должно быть, это подчеркивает изогнутость линий твоих бровей. А вот еще диадема, она тебе очень пойдет.

Пока дочь примеряла диадему, госпожа положила на атлас восточное украшение «каджак» — серьги в форме персидского огурца. Тегина-бегим сама продела серебряные дужки «каджак» в уши дочери. Потом, всплеснув руками, воскликнула:

— Ты настоящая принцесса.

— А что, будет и царицей, — многозначительно сказал Темур, любуясь сестрой.

Ширин Бек-ага бегала по комнате и, подпрыгивая, приговаривала:

- Скорей бы вырасти и стать невестой.
Тарагай, наконец, улыбнулся и объявил:
— Уговорила, мать, женюсь.

Сильный ветер колышет раздолье трав, ковыль и полынь, разнося одурманивающий мятный запах по всей необъятной степи. Земля, принимая от Всевышнего живую влагу, накапливает дожди и снега, давая затем по каплям пропитание луковицам и корневищам: красным макам, горделивым тюльпанам, питательной осоке, составляющей растительный переплет цветочного степного ковра, угодливо кланяющемуся дикому ячменю, лилово-розовым цветам, да налитой соком верблюжьей колючке. Всякому растению свой свет, свой последний рассвет. Кто-то долгие плодится, кто-то быстро отцветает, склонив малюсенькую головку перед этим удивительным, необыкновенным миром добра и зла, славы и бесчестия, счастья и несчастья.

И свадебные хлопоты начались. Отцу Кадак-ханум заплатили калым — отогнали десять породистых скакунов, семьдесят курдючных баранов, четырех верблюдов, несколько повозок нагрузили мешками муки, риса, сахара, в огромных глиняных хумах везли ячменную водку, янтарное вино.

Через неделю кавалькада всадников во главе с Тарагаем, сопровождаемая джигитами Темура, отправилась в родовое имение невесты. С собой они везли двести золотых динаров, которые вручили отцу невесты Атахону. Хозяева шумно, музыкой, плясками встретили гостей. Проводили в гостевую юрту. Юрта главы селения Атахона стояла на видном месте, около маленькой рощицы, и выделялась на зелени пастбищ своими грандиозными размерами. Недалеко от главной юрты располагались юрты детей. Юрты родственников находились в отдалении, а юрты нукеров и слуг и вовсе стояли на отшибе, рядом с овечьим загонем.

По левую руку от главной юрты хозяина аула соорудили гостевую юрту, куда всех и пригласили. Вход в нее был с восточной стороны, напротив входной двери располагался очаг, именно здесь находилось самое почетное место. Очаг — центр юрты, место приготовления пищи, обогрева в холодные месяцы. Он считался священным. Юрта была застлана войлочным ковром «кизил-ип-сырмак», на рисунке которого красные волны были обрамлены зеленым кантом.

Отец невесты Атахон облачился в парадный халат «фараджи», подпоясался шелковым поясом, на голову надел тельпак из гладкого меха, окаймленный по бортику мехом

бобра, шаровары вишневого цвета были заправлены в желтые сапоги из верблюжьей шкуры. После расспросов о здоровье, о состоянии родственников перешли к чаепитию. Дастархан ломился от изобилия: горели румянцем лепешки, не было счета тарелочкам с самыми разнообразными орешками. Овечий сыр источал соблазнительный дух. Но всех поразила гора мяса. Перед аксакалами поставили блюда с вареными бараньими головами, выражая тем самым особое уважение. Грудину положили перед Тарагаем и Темуром. Ребра, мясные косточки разложили перед джигитами, по всему дастархану расставили блюда из курдюка и печени. Слуги разносили касы с гороховой шурпой. Ели молча, со вкусом, предлагая друг другу лакомые кусочки. Затем внесли шашлык из молодых барашков, хорошо прожаренные кусочки мяса перемежались с ломтиками блестящего жира. Пили айран, кумыс, арак.

Сначала разговор не клеился, все сидели напряженно, боясь сделать лишнее движение, чтобы не оконфузиться. Поджав под себя ноги, хозяева и гости чинно брали еду, принимали пиалы с чаем, айраном, внимательно слушали аксакалов, бека. Но после нескольких пиал огненной жидкости появилась свобода, раскованность, послышались смех, шутки, пошли воспоминания и рассказы. Хозяева, сваты, джигиты, подмяв под себя подушки, тюфяки, вытянув ноги, спорили, смеялись.

Атахон звучным голосом обратился к Тарагаю:

— Бек, я принял все ваши условия, видите сами, все прошло без происшествий. Настал час преломить лепешку. А затем в честь нашего праздника предлагаю провести конную игру «преследование девушки» — так называемые мы — степняки.

Тарагай мешкал с ответом, и тогда старейшина селения весело сказал:

— Ну уважьте, дорогой, не откажите. Призы плачу сам, женил сыновей — устраивал праздники, а теперь вот выдаю любимую дочь, скупиться не стану. Пусть народ увидит — Атахон гуляет вместе с беком.

Тарагай, посмеиваясь, развел руками:

— Уважаемый, я готов. А к вашим призам добавлю свои подарки.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Атахон. — Первой я выставлю самую искусную наездницу нашего аула — Зарину. А может, Дильдору? Нет, Зарину. Она еще никому не доставалась в этих гонках, — и он, хитро улыбаясь,

склонившись к уху бека, спросил: — А вы кого выставляете? Темура?

— Темура! — слышались голоса джигитов.

— Темур — достойный представитель рода, — вскричал Атахон. — Завтра объявим первых почетных гостей — Темура и Зарину. — Подняв касу с кумысом и опорожнив ее, стряхнув капельки белой жидкости с усов, Атахон сказал: — Темур джигит из джигитов. Снежный барс, но и моя горлица быстро летает. Тарагай, хотите пари?

— Что за вопрос — хотите не хотите; конечно, я заключаю пари, — засмеялся Тарагай и ударил сухощавой рукой по большой пятерне хозяина селения.

Тот, кто входил в комнату невесты, которая находилась в юрте жены брата Атахона, должен был платить выкуп: за вход в юрту, за то, чтобы успокоить женщин, не подпускающих жениха к невесте. Монеты так и сыпались на нарядную кошму. Когда амир Тарагай, весело смеясь, разбрасывал дирхемы, невеста Кадак успела шепнуть Темуру в общей суматохе:

— Скакуна Зарины кличут Айгыр.

Темур обрадованно, но так, чтобы никто не видел, в знак признания чуть заметно кивнул головой.

Скачки «Преследование девушки» устраивались прямо за аулом. У старой орешины собрались участники соревнования. А зрители ждали у небольшого холма, в одном кулеме от старта. Звучала музыка. Журна призывно звала на зрелище, нежный рубаб вел приятную мелодию, дойра дробно отстукивала бешеный ритм. Предвкушая острое зрелище, стар и млад выкрикивал имена первых участников: «Темур», «Зарина».

Зарина была хороша собой. Волосы спрятаны в маленькую чалму с трехлепестковым бантом, шелковый кафтан плотно облегал гибкую фигуру. Юбка «бельдемчи» — основная часть боевой одежды воинов-амазонок, была заправлена в сапожки с длинными голенищами. Широкий плотный пояс, являющийся деталью бельдемчи, спереди был застегнут на белую пряжку с рисунком летящей пантеры. Развевающаяся белая фата «А ну, догони» крепилась к вороту кафтана маленькой булавочкой.

Подскакав на аргамаке к Темуру, наездница вызывающе улыбулась и задиристо крикнула:

— Ну, бек, если хватит сил у вашего жеребца, догоните! — и направилась к старту.

Судья ударил колотушкой по барабану. Девушка громко крикнула: «Айя!», и аргамак рванулся вперед. Через некоторое время, после знака судьи, кинулся вскачь и Темур.

Пришпорив своего скакуна, бросился догонять Зарину. Она белым облачком маячила далеко впереди. «Мне ее так не догнать, судья что-то уж слишком задержал мой старт, — подумал Темур, усердно нахлестывая коня плеткой. — Ну, милый мой конь, не подведи, не дай опозориться», — шептал башбеги. Но расстояние между ним и Зариной было слишком велико. И тогда Темур, привстав на стременах, негромко позвал: «Айгыр!» Идущий впереди скакун вздрогнул и сбился с темпа бега. Удивленная Зарина с криком «Айя!» ожесточенно хлестала и справа и слева плотной камчой своего быстрого коня. Но этого потерянного времени было достаточно, чтобы Темур настиг всадницу и маленькой камчой сорвал фату. С громким восторженным воплем он принялся размахивать фатой. И такие же восторженные крики были ему наградой.

Когда закончились скачки и Темура наградили саблей, рукоятка которой была усыпана драгоценными камнями, Атахон обнял башбеги и сказал:

— Эта сабля добыта в важном походе, она принадлежала хану. Это оружие принесет тебе удачу — быть тебе полководцем.

Тарагай подарил сыну иноходца. Зарина поцеловала молодого бека — так положено по обычаю. Зардевшись, она сказала:

— Темур, я вам вернула заслуженное.

Темур под одобрительный гул гостей вложил поводья рысака, которого подарил отец, в нежные пальчики девушки и негромко сказал:

— А это тебе за твой поцелуй. Кстати, — добавил он, — я крикнул имя твоего скакуна.

Молодая девушка, слегка откинув голову, на мгновение задумалась, затем промолвила:

— Атахон очень тщеславен, ни один чужестранец еще не выигрывал здесь гонки. Вы — первый. — Затем прошептала: — Бек, если сумеете вечером оторваться от своих джигитов, я жду вас у старой орешины, хочу сделать вам подарок.

Когда стемнело, после вечернего намаза, бек встретился с Зариной. С собой она привезла длинную тонкую жердь с петлей из конского волоса на конце.

— За свой проигрыш собралась меня повесить?! — пошутил Темур.

Не объясняя своих действий, Зарина тихо сказала:

— Поехали, бек, — и всадники, обгоняя друг друга, поскакали в степь.

Увидев большой дуб, девушка приостановила бег

иноходца и ловко соскочила с коня. Взяв жердь в руки, позвала Темура. Ничего не понимающий джигит все же смело последовал за девицей. «Здесь», — сказала Зарина. Девушка взяла шест и на некотором расстоянии от петли прикрепил кусок пакли, предварительно смочив в горючей жидкости, которую вылила из маленького тыквенного сосуда. Чиркнув огнем, подожгла паклю и подняла жердь, пламя осветило спящую на ветке птицу. Это был молодой сапсан. Зарина осторожно повела шест. Петля скользнула по птице, ероша ей перья, сапсан зашевелился и вновь замер. Вдруг девушка, ловко захлестнув петлю на шее птицы, стянула хищника вниз. Держа птицу в поднятых руках, Зарина улыбнулась и кокетливо сказала:

— Вот мой подарок, бек. Сапсан. Что хотите с ним, то и делайте.

Птица, как зачарованная, пристально смотрела на огонь. Девушка умело проколола ей нижние веки, пропустила туда тонкие шелковинки и завязала их на затылке сапсана. Таким образом глаза были закрыты. Взяв мешок, девушка осторожно опустила туда молодого сапсана.

— Когда у птицы глаза закрыты, тогда она не пугается, сидит спокойно. Иначе будет биться и может око-леть.

Темур, любуясь девушкой, мягко сказал:

— И ты закрой глаза.

Зарина, улыбнувшись, прикрыла веки. И тогда Темур обнял ее и резко повалил на пожелтевшую траву. Руки его принялись расстегивать девичий кафтан, жадный рот искал алые губы.

— Нет! — испуганно вскричала Зарина, отвернув лицо, она стиснула зубы и крепко сжала ноги.

Темур, словно получив удар бичом, стремительно встал и пошел к коню. Зарина, оправив одежды, неслышно подошла сзади и нежно взяла бека за плечо.

— Темурджан, не обижайтесь на меня. Но не хотите же вы опозорить меня перед всем аулом — и, обняв Темура, добавила: — Бек, видит Бог, вы мне нравитесь, и я отдам вам эту ночь, как только выйду замуж. Если не забудете меня. Как только позовете...

Темур, повернувшись, неловко обнял девушку и погладил по волосам.

— Зарина, ты отыгралась за свой проигрыш, — и башбеги весело рассмеялся.

Девушка вторила ему тихим мелодичным смехом.

Темур сел на коня, взял мешок в руки, найдя поводья, сказал:

— Зарина, спасибо тебе за подарок, поедем, а то спохватятся, всю степь перевероят. Бог даст, свидимся.

Когда затих стук копыт их резвых скакунов, из-за бугра выскочили Джагуй Барлас и Худайдад, нервно подпрыгивая и отряхиваясь от муравьев.

— Это все ты, — зло выговаривал Худайдад другу, — нашел наблюдательный пункт — легли прямо в муравейник.

— А отсюда действительно все видно было, — проворчал Джагуй Барлас, державший несколько минут назад на прицеле лука Зарину. — Ладно, поскакали быстрее, — поторопил он Худайдада.

Тот, выводя из-за деревьев лошадь, проговорил:

— Я ничего не понял. Держу пари, что она не отдалась ему.

— А тебе и понимать нечего, — ответил сидевший уже на коне Джагуй Барлас.

Утром Темур, не посоветовавшись даже с отцом, подарил сапсана Атахону. Глава аула, увидев такой подарок, вскричал:

— Гани!

Во дворе работали джигиты: кто освежевывал барана, кто жарил свежую печень, кто рубил дрова, а несколько парней, подыгрывая себе на рубахах, пели любовную песню.

Словно из-под земли вырос Гани.

— Я слушаю вас, уважаемый!

Атахон мутными глазами посмотрел на молодого птицелова и, покачиваясь, рывкнул:

— Вот что, Гани. Видишь, какой подарок сделал мне молодой бек. А ты, пока я играю в нарды с амиром Тарагаем, поймай мне ястреба, Не осрамись.

— Слушаюсь, уважаемый, — и Гани засунул нож, который только что правил, в ножны.

Взяв птичью сеть и горлицу, ловчий пригласил Темура и его друзей за аул, на широкую поляну.

— На этой лужайке ястреб часто таскает кур, а недавно атаханова петуха унес. Ох и досталось мне, — охотно рассказывал Гани. — Если повезет, то и сегодня поймает ястреба, если нет — ждать придется долго. Хитрая птица.

Молодой ловчий быстро и умело расставил ловушку.

Джигиты с нетерпением следили за действиями птицелова, улегшись неподалеку прямо на траве.

Наконец Гани позвал всех за собой, и они спрятались в небольшом овраге. Ждать пришлось недолго. Показался ястреб. Расправив крылья в полете, он медленно кружил над поляной. Вдруг хищник заметил горлицу, стремительно упав с высоты, он схватил привязанную птицу. Когда ястреб устремился ввысь, то наткнулся на сеть и запутался. Первыми у ловушки оказались Джако и Сулейман. Сулейман, осторожно освобождавший хищника из волосяного аркана, вдруг заорал, как ужаленный. Гани быстро накрыл чапаном уже почти освобожденную птицу. Сулейман, показывая окровавленный палец, засмеялся и уважительно сказал:

— Хоть сам в плену, а защищается.

Гани объяснил Темуру, что молодую птицу надо кормить бараниной четыре-пять раз в день, для разнообразия давать галок, голубей, воробьев, а для здоровья — мясо синицы, болотного коростеля, баклана. А вот мясо сороки или вороны может только повредить. Темур сам был хорошим ловчим, но никогда не упускал случая поучиться.

Придя в кишлак и видя, что гости еще пируют, молодой бек отпустил своих друзей, и те с радостью приняли вызов местных джигитов — предстояла игра «Човган».

Молодой бек, любивший конное поло, от игры, однако, отказался, так как после выпитого арака чувствовал себя неважно.

Они уединились с птицеловом на заднем дворе и рассказывали друг другу о тонкостях ловли птиц, о секретах и хитростях.

Подошла девушка, приветливо пригласила юношей за дастархан. Темур отказался, тогда настойчивая незнакомка налила из кувшина в касу кумыс и подала молодому беку. Темур выпил освежающий напиток, не глядя в ее сторону, кивком головы поблагодарил за угощение. Девушка нагнулась к сидящему башбеги и, щекоча ухо своим прерывистым дыханием, прошептала:

— Зовут меня Дильдорой. Не удивляйтесь и не упрекайте меня. Жду у старой орешины в полночь.

Темур хотел было выругаться, но, бросив взгляд на прекрасное лицо девушки, передумал, на него смотрели печальные бархатные глаза, плавно очерченный рот открывал в улыбке жемчужные зубы. Райская гурия! У Темура перехватило дыхание, но, увидев подозрительный взгляд птицелова, юный бек, глядя прямо в глаза луноликой, мягко ответил:

— Мне нравится в вашем селенье, — и встретив понимающий взгляд девушки, Темур едва заметно кивнул.

Загадочно сверкнув своими призывными глазами, Дильдора ушла, унося с собой пустой кувшин. Башбеги усмехнулся — и эта придумает что-нибудь необычное, чтобы позабавиться. Но раз обещал прийти на свидание, значит, надо сдержать слово джигита. Но где же он ее видел? И Темур ударил ладонью по лбу. Да ведь перед скачками она стояла рядом с Зариной и что-то хмуρο ей говорила.

Гани, глядевший вслед голубке-пери, восхищенно сказал:

— Дильдора — лихая наездница, она очень хотела выступить вместе с вами на состязании, но слово Атахона — закон. Дильдора настоящая амазонка степных просторов, она ни в чем не уступает своей сопернице. Саблей работает, как истинный воин, стреляет из лука без промаха, арканом ловит любого необъезженного жеребца. Сам бы женился, да женат, — весело оскалился птицелов.

— О Боже! — и Темур схватился за голову, мысленно представив ночную встречу.

— И у вас голова раскалывается после попойки, — посочувствовал птицелов. — Атахон расщедрился, арак, вина текут рекой. Я вам не надоел, бек, своей болтовней? — неожиданно спросил Гани.

Темур покачал головой.

— Нет, друг, мы же не все обсудили.

Ободренный птицелов вернулся к любимой теме.

— Чтобы приучить ястреба или беркута к ловле, надо дать ему отведать первую добычу. Скажем, поймал он перепелку, которую, кстати, я держу на длинной бечевке, отдай ему птицу, вернее, лучше накормить ястреба ее мозгом. Почувствовав вкус этой пищи, хищник начинает охотиться более жаростно.

— А я, — с увлечением начал описывать Темур свою дрессировку, — хищнику на голову надеваю колпачок и ношу на руках. Чтобы привык ко мне — глажу по перьям, чищу, кормлю только из рук. Затем закрываю ему глаза, привязываю к длинной веревке, учу прилетать на условный зов. Через месяц беру на охоту.

— Да, — протянул Гани, — на базаре ученая птица стоит очень дорого, и это мой хлеб.

Неизвестно, как долго бы еще беседовали любители ловчих птиц, но вдруг раздались тревожные голоса, крики: «Украли, увезли!» Темур и Гани, перепрыгивая через телеги, топча раскудахтавшихся кур, вылетели задними дворами на

окраину кишлака. Навстречу на вороном коне скакал голенастый мальчишка и надрывно кричал: «Только что заарканили Зарину!»

Этот отчаянный крик выражал неподдельное детское горе и отчаянную обиду — ведь украли «любовь» всех мальчишек села. «Слазь!» — истошно заорал бек, и мальчишку, словно ветром, сдуло с вороного. А Темур, не обращая внимания на опешившего Гани, взлетел на коня.

— Куда они ускакали? — прокричал башбеги еще громче.

Малыш испуганно повел рукой в сторону степного простора. Темур хлестнул коня с такой силой, что едва удержался в седле.

— Будь осторожен, эти джигиты — с гор. Мы за тобой! — только и успел крикнуть вдогонку Гани.

Степной ветер унес его слова в тревожный простор.

Темур увидел разбойников, проделав изрядный путь. Всадников было десять. Чувствовалось, что это были отчаянные джигиты — выкрали девушку среди белого дня. Видимо, решили воспользоваться свадебной суматохой и пришли из-за перевала тайными тропами. От местных джигитов Темур слышал кое-что об этих смелых людях, кравших невест. Бек еще сильнее начал нахлестывать коня камчой. От группы похитителей отделились двое. Видны были уже улыбающиеся лица; один — на иноходце с оскаленными зубами, второй — с ухмылкой: дескать, ну куда прешь? Один против десяти! Темур бесстрашно бросился им навстречу. Просвистели два жала у самого уха. Темур ловко вскинул лук и, на ощупь взяв стрелу, заученным движением пустил ее в цель. Один из джигитов слетел с коня, следующий выстрел поразил второго, железный наконечник пробил ему глаз, он свалился, зацепился за стремя, и его поволокло по кочкам, верблюжьим колючкам. Темур поравнялся с иноходцем и, нагнувшись, с лету схватил за узду. Дернувшись, но усидев в седле, бек потянул за собой иноходца, остановил своего уставшего скакуна и перебрался на ходу на коня противника. Погоня продолжалась. И вот наконец он увидел Зарину. Разбойник-жених, как ни нахлестывал свою лошадь, не мог выдержать темпа остальных всадников. Конь с двумя седоками стал отставать. Темур, прицелившись и с силой натянув тетиву, выстрелил. Горе-жених дернулся, а затем повалился вперед, подмяв под себя девушку. Лошадь замедлила бег. Темур, подскакав

к Зарине, быстро перерезал путы и ногой спихнул злополучного жениха. Увидев возвращающихся разбойников, крикнул:

— Зарина, возвращайся, гони гнедого!

Но девушка, упрямо сжав губы, перевернула тело грабителя и, схватив лук со стрелами, спряталась за лошадь.

И тогда Темур молниеносно спешил к присоединился к девушке.

Лошадь, за которой они укрылись, сраженная сразу несколькими стрелами, рухнула на землю. Зарина и Темур распластались за ней.

Темур так метко и так стремительно стрелял из лука, что растерявшиеся разбойники дрогнули и, увидев приближающуюся подмогу, бросились к спасительной рошнице.

Первым подскакал к обороняющимся Сейфетдин. Соскочив с коня и увидев живого и невредимого Темура, табиб-поэт воскликнул: «Слава богу!» Затем выразительно посмотрел на девушку и сердито проворчал:

— Где красивые девушки, там обязательно опасные приключения.

Зарина, пронзив своим лучистым взглядом поэта, насмешливо произнесла:

— Ну, конечно, если опаздывать на помощь другу, то опасность может оказаться быстрее смерти.

Сейфетдин развел руками:

— А вот тут я вижу искрометную победу.

Девушка, подходя к Темуру, с вызовом сказала:

— Я готова набрать отряд амазонок и идти под знаменем такого башбеги, — и, зардевшись, поцеловала молодого бека.

Сейфетдин, многозначительно покачав головой, изумленно воскликнул:

— За день два поцелуя, не многовато ли?

А мимо неслась погоня, разъяренные джигиты решили настичь разбойников.

Прокаленная за день степь отдыхала и нежилась в ночной прохладе. Цикады без устали оглашали простор скрипучими руладами. Табун лошадей вольно пасся в ночной прохладе. Лунный свет залил землю призрачным и серебристым светом. Черный бархат небосвода мерцал драгоценными камнями звезд.

Темур легко выбрался из селенья. Уставшие гости и хозяева спали крепким сном. «Орешина у них — место свидания», — подумал Темур, устраиваясь под густой кроной. Ждать пришлось недолго. Неслышно появилась Дильдора, не одна, а вместе с мальчиком лет десяти-двенадцати. Только было Темур собрался возмутиться, как девушка приказала:

— Дильшод, иди посиди у бабушки, я скоро приду, — нервно теребя платок, подтолкнула братишку девушка.

Тот, что-то проворчав и исподлобья глянув на Темура, ушел. Дильдора, кусая губы, присела рядом с беком и обожгла словами:

— И здесь Зарине повезло, везучая моя подруга. А вы, чужестранец, блеснули храбростью перед нашими джигитами, которые проворонили лучшую девушку кишлака. Один против десяти. Утерли нос нашим пахлаванам. Джигиты села с восторгом произносят ваше имя.

Темур, сохранив на лице любезность, укоризненно посмотрел на девушку. Дильдора поняла значение этого взгляда и вздохнула.

— Прошу простить меня за мою дерзость. Я бы никогда не смогла в своем селенье высказать кому-нибудь свои сокровенные мысли. А вот с гостем, который внушает доверие, хочется поделиться своей печалью.

Темур молча любовался красавицей — ей так шло смущение. Дильдора, увидев, с каким восхищением он ее рассматривает, приободрилась.

— Я в этом ауле — вечная вторая, — вдруг с обидой выпалила девушка. — В стрельбе из лука, в конных состязаниях, песни в хороводе запеваю не я, везде первая — Зарина. Я должна была участвовать в этом празднике, но Атахон выбрал ее. Я больше не хочу здесь жить, — простонала Дильдора. — Увезите меня отсюда.

Темур нахмурился и покачал головой.

— Милая, что тебя гложет? Тоска, болезнь, неразделенная любовь?

Плечи девушки внезапно опустились, дерзко торчащие груди поникли, но Дильдора выпрямилась и с вызовом посмотрела на юношу.

— Вы, бек, проницательны.

— Не надо быть оракулом, достаточно посмотреть на твои печальные глаза, — ровным голосом ответил Темур.

— Да, да, — вскричала девушка. — Я полюбила джигита из нашего кишлака, не зная, что он влюблен в Зарину. Но эта

гордячка отвергла его. А он взял да и женился на другой, и теперь не хочет встречаться со мной, боится братьев жены.

Темур сочувственно произнес:

— Забудь о нем, ведь столько смелых джигитов в степи...

Девушка закрыла лицо руками и жалобно простонала:

— Беременная я.

Темур с удивлением посмотрел на нее. Дильдора вдруг бросилась на грудь молодому беку. Тот осторожно отстранился и жестко спросил:

— Ты что, хочешь досадить Зарине?

Дильдора вскинула гордо голову и смело посмотрела в глаза беку.

— Вы можете мне не верить, но Всевышний свидетель — как только увидела вас, поняла — вот мой избранник. Кипит и играет во мне кровь, — девушка задыхалась от избытка чувств.

Растрепалась ее высокая прическа, и на грудь ей упала упругая змея-коса.

Темур завороченно протянул руку и взял ее за грудь, зажимая между пальцами твердый сосок. С вожделием и с особой нежностью принялся ласкать мягкую плоть, а затем, грубо схватив косу, начал наматывать ее на руку. Высокая, крепко сложенная девушка подломилась, как тростиночка, под его стремительным натиском она со стоном упала на траву.

Предутренняя мгла окутала селенье. Черный небесный простор светлел. Легкий ветерок охлаждал лица лежащих. Дильдора, проснувшись, сонными глазами взглянула на склонившегося над ней бека и, нежно проведя пальцами по жестким волосам, тихо прошептала:

— Джигит мой, наездник неустанный, я восхищена и счастлива, что ты подарил мне эту ночь. На этот раз Зарина осталась с носом, — и Дильдора радостно засмеялась.

Темур, потягиваясь, шутливо дернул за распущенную косу, глаза его заискрились, и он проронил:

— Что ты хочешь за этот восхитительный миг?

Дильдора смущенно улыбнулась, в синем предрассветном сумраке белое ее тело словно бы светилось. Она лежала перед беком во всем вызывающем великолепии своей юности. Потянувшись в сладной неге, девушка повела пальцем по угасающим звездам и воскликнула:

— Ну что ж, можно и помечтать. Я хочу иметь тридцать скакунов различной масти, чтобы менять их каждый день на зависть Зарине, — рассмеявшись, добавила, — она точно бы лопнула от досады.

— Будут у тебя кони златогривые,— твердо ответил Темур.

Дильдора изящным движением отбросила волосы на плечи, затем медленно повела плечами.

— Бек, мне от вас ничего не нужно. То, что хотела, получила сполна. И эту ночь я не забуду никогда.

А на крепком суку орешины сидел с кинжалом в руке заплаканный Дильшод, все видевший и все слышавший. Он скрипел зубами и бился головой о ствол орешины, посылая проклятья сестре и ее возлюбленному.

Подошло время уезжать гостям-сватам. Порешили через пятнадцать дней сыграть большую свадьбу. Обе стороны были довольны взаимными подарками и прощались тепло и радушно.

А через три месяца в селение Атахона, громко шелкая бичами, джигиты пригнали табун коней разной масти. Загнали скакунов во двор Дильдоры. Старший из погонщиков, убедившись, что обращается по назначению, глухим тоном проговорил:

— Поклон от Темура,— и, указав на жеребцов, добавил: — Это на зависть подругам.

Чинно поклонившись, он свистнул своим джигитам, и те словно растворились в воздухе, только порыв ветра хлопнул воротами, выводя из оцепенения семью Дильдоры. Отец семейства непонимающе уставился на дочь, а та с затаенной болью в голосе только и сумела вымолвить:

— Отец, моему будущему мужу, а вашему любимому зятю объясните, что нам возвратили старый родовой долг.

А Дильшод, выбрав себе подходящего коня, вскочил на него и, похлопывая по шелковистой шее, с восторгом повторял:

— Ну, Темур-джигит! Сдержал все-таки слово!

Глава пятнадцатая

ЗАМЫСЛЫ ВРАГОВ

Что с того, что мягки губы у змей,
Если ядовиты зубы у змей...

Поговорка

Кашкадарьинский оазис с запада на восток вытянут на сорок три фарсаха, с севера на юг на тридцать кулемов. На большом протяжении долину Кашкадарьи отделяют от бассейна Зарафшана отроги Зарафшанского хребта. Несефский вилайят слагался из горных и предгорных районов Каратепе и Чакылкамен, и обширных степей Каршинской, Нишанской, Джамской, на крайнем западе распростерлись пески Сулдукли. Оазис орошают многочисленные реки, и главные из них Кизилдарья и Кашкадарья. Воды бурно стекающей с гор речки Лянгардарьи разбираются на орошение земель цветущей долины. Реки, углубляя русло, размывали берега, образуя многочисленные отмели, песчаные острова, которые постепенно заполнялись растительностью. Берега речных лагун зарастали тугаями, непроходимыми кустарниками. По извилистым берегам рек растут корявые талы с зелеными отшлифованными листьями, рощами стелется серебристая джида, разнося по пойме пряный аромат приторных красно-бурых ягод. Приветливо

шумят листвою стройные тополя-туранги. Прилетающие из далекой снежной стороны птицы — гуси, утки, турухтаны — с наступлением весны отправляются обратно на север. Зато когда начинают распускаться почки, возвращаются домой пернатые с Египта и с берегов Румского моря. Их шумным гомоном встречают местные старожилы — кеклики, улары, пустынные куропатки, полевые воробьи. И начинаются свадебно-брачные бои, токование и ритуальные ухаживания горделивых самцов. Над поймой разносятся трели, томные рулады, любовные курлыкания, сладостное чириканье и хлесткое щелканье клювами, слышится кукование кукушек, барабанные трели дятлов. Птичий праздник очень красив и напоминает праздники жителей Кашкадарьинской долины.

На живописном берегу Кашкадарьи расположен особняк Убаймирзо. Хозяин дома — высокий широкоплечий мужчина с хищным ястребиным лицом и пронзительно-острыми глазами, взгляд этих глаз был пытливо-агрессивен и старался тут же подчинить собеседника своей воле. Иссиня-черная борода роскошно обрамляла массивную челюсть. Друзья прозвали его Карасакалом — чернобородым. На нем был надет шелковый китайский халат расшитый блестками.

Убаймирзо осматривал гостевые комнаты. Дом состоял из восьми комнат, которые утопали в коврах. На атласных курпачах были расстелены цветные дастарханы с восточными сладостями. В одной из комнат был устроен красивый очаг; дверной проем вел в две смежные огромные сводчатые комнаты, предназначенные для гостей. Двор был бесконечно большим и заканчивался у мутных вод Кашкадарьи. Множество деревьев украшали и обширный сад.

Убаймирзо служил у Казагана кукельдашем — ведал тайным надзором. Карасакал всегда был занят — государственные дела съедали любую свободную минуту. И эта тихая заводь — прелестный домик появился у кукельдаша в основном благодаря другу, хакиму города Карши — Мусе Джалайру. В этот загородный дом Убаймирзо не привозил семью, которая жила в городе Несефе. Сюда, в мир тишины и покоя, после трудных и напряженных дней Карасакал зазывал самых близких друзей и устраивал оргии и пьянки. Здесь же он принимал лазутчиков и разведчиков, вел секретные беседы. И вот сейчас, перед приездом гостей, он ждал своего брата — хазрета Убайдулло, который обещал заглянуть к брату проездом. Вообще-то гости должны были приехать давно, в день обрезания сына Джибачикула, но тот

туй Карасакал сделал, когда отроку исполнилось пять лет. Это было в дождливый осенний день прошлого года. Убаймирзо устроил тогда большой пир с гулянием и козлодранием, но многие друзья по разным причинам не смогли прибыть на торжество, и они частенько подтрунивали, когда же Карасакал соизволит «отметить день рождения сына». И вот следующей весной он разослал приглашения своим близким. А вообще день обрезания сына Убаймирзо прекрасно помнил до сих пор. Пришел сухопарый усто, который не спеша снял черный промокший чапан, насухо вытер руки и вытащил из маленькой кожаной сумки свои инструменты. Усто попросил в помощники расторопного слугу и объяснил ему, что он должен делать. Затем приветливо улыбнулся мальчику.

— Джигит уже совсем большой. Отец, наверное, подарил тебе саблю?

Убаймирзо с дрожью в голосе ответил за сына:

— Все есть у Джибачикула — и конь со сбруей, и лук со стрелами.

Мастер от удовольствия зажмурил глаза:

— Ну, наш герой настоящий воин.

Так, отвлекая мальчика разговорами, усто неторопливо делал то, что положено. Старый слуга умеючи помогал ему. Когда мальчик испуганно болезненно ойкнул, Убаймирзо, закрыв глаза, передернулся и опустил клинок, за который невольно ухватился, обратно в ножны. На это тяжелое испытание отец решил только из любви к сыну и боязни за отрока, — не дай Бог что с ним случится, — врагов у кукельдаша хватает. Ну, слава Богу, все прошло удачно. Когда мастер закончил свое дело, он ровным голосом промолвил:

— Надеюсь, джигит пригласит меня на свадьбу...

Отогнав воспоминания, Убаймирзо прошел во двор к фазаньим клеткам, — он готовил для приглашенных бой самцов. Этих красавцев поместили около самки, которая своим воркованием возбуждала будущих соперников. Ох, как мечутся кавалеры, к какой битве готовы за расфуфыренную, напыщенную самочку. Наливаясь злобой, фазаны готовятся к смертельному поединку. Изумительно светится их яркое, радужное оперение, но как агрессивно дрожат длинные хвосты. Восторгаясь своими красавцами, Карасакал удовлетворенно хмыкал: добрая будет драка, гостям понравится.

Нукеры доложили о прибытии хазрета Убайдулло. Карасакал встретил брата в потаенной комнате. Шейх отказался от угощения и попросил удалить слуг.

— У нас мало времени, и не хочу, чтобы твои гости видели меня. Я привез тебе подарок. Пахлавана страшной силы, такого борца еще свет не видал. Спрячь его подальше от посторонних глаз, на арену не выпускай, чтобы соперники не знали его сильных и слабых сторон, а так пусть балуется с напарниками. — Выпалив все это на одном дыхании, хазрет тяжело вздохнул и, наклонив голову, тихо проговорил: — Положение во дворце запутанное. Казаган очень изменился: или что-то нашептывают ему на ухо против нашего племени, или прозрел, но как бы там ни было, случилось непоправимое. Он направил ко мне своих людей, чтобы проверить списки по сбору налогов за последние три года. А это означает мой конец, — хазрет невесело усмехнулся. — Понимаешь, братец, государь подобен крокодилу: когда он спит, то не опасен, но когда чудовище просыпается, оно обнажает пасть и показывает свои страшные зубы.

Карасакал утомленно поднял глаза, в которых светились озабоченные огоньки.

— Неужели наши дела так плохи?

— Не знаю, — покачал головой пир. — Но надо действовать... Надо отвлечь внимание хана от нашего улуса.

— Если он вцепится в меня, этот одноглазый волкодав, то он разорвет меня в клочья.

— Что, тоже много грехов накопилось? — съязвил хазрет, но, поняв, что не ко времени и не дело сейчас грызться, тут же примирительно сказал: — У меня появились кое-какие соображения по этому поводу.

Кукельдаш горько рассмеялся:

— Брат, вам ничего не грозит. Вы же принимали у него присягу на верность царствованию Мавераннахра.

Пир с ненавистью процедил:

— Но он почему-то начал свою ревизию с меня. Ничего, я его породил, я его и убью.

— Погодите, погодите, — невежливо перебил брата Карасакал. — Это не выход из положения. Мы с вами вдвоем в одной лодке, так не будем ее раскачивать.

Хазрет налил из кувшина в пиалу гранатового сока и выпил одним махом. Отставив чашу, вытер губы.

— Первым делом надо пустить слух, что законный наследник трона Мавераннахра — чингизид Султан Кран ибн-Саур. Мои дервиши сделают это как нельзя лучше. А вы, братец, наймите двадцать отчаянных монголов и от имени Султана Кран ибн-Саура выкрадите у Хаджи Хасан Дива его любовницу Шахноз. В обмен потребуйте однуединственную услугу: узнать у ханского двора, готовы ли

беки и амиры помочь претенденту на трон Султану Кран ибн-Сауру в случае переворота и что думает по этому поводу духовенство Несефа. Его друг Вахид должен подсказать горе-любовнику, что хазрет готов принять присягу у монгольского хана. Пусть Хаджи Хасан Див напишет секретную депешу этому чингизскому принцу, что, мол, вельможи Мавераннахра ждут не дождутся возвращения истинного монгольского хана.

Карасакал недоверчиво покачал головой:

— Визирь Кеша не пойдет на такое. Не дай Бог письмо попадет кому-нибудь в руки, этим он подпишет себе смертный приговор. Нет, он не пойдет на такой шаг.

— Из-за своей любовницы Хаджи Хасан Див пойдет на все! — решительно заявил шейх. — Но только дождавшись ответа от претендента на престол, можно отдать красавицу Хаджи Хасан Диву. Эта бумажная возня подстегнет к военным действиям чингизида Султана Кран ибн-Саура. Но не дай Бог тронуть любовницу этого сердцеда, — можно все дело испортить. Он очень дорожит ею. Слепленный любовью к Шахноз, визирь Кеша услал ее мужа Гасанакупца в дальние края. И я в этом помог ему нежданно-негаданно, но это уже другая история, а ему пора возвращать долги.

Карасакал с сомнением покачал головой:

— Что-то очень мудрено... А вдруг задуманное не осуществится и мы сами сгорим в монгольском пламени?

— Э-э, нет, — протяжно пропел хазрет. — Здесь мы должны оказать всеильную помощь нашему амиру Казагану, пусть на деле почувствует нашу поддержку. Нашему повелителю нет прока от своих детей. Амир-заде Абдулла — бабник, ему покажут любую юбку, и он тут же потеряет голову. Другой сын амира Казагана — безвольный человечишка.

— Но есть еще волчонок Хусейн ибн-Мусалляб, этот с крепкими зубами, — мягко вставил Убаймирзо. — Он может стать опорой для своего повелителя. И не дай Бог что-нибудь случится с Казаганом... Этот, придя к престолу, многих покусает, мстя за любимого деда.

Хазрет Убайдулло в задумчивости покачал головой:

— Как быстро растут цыплята...

— Да, этот уж точно вырос — воскликнул Карасакал и так набыл голову, что черные мохнатые брови

кукельдаша угрожающе сошлись на переносице.— Амир Казаган хочет женить любимца на монгольской принцессе.

— На ком? — удивленно поперхнулся хазрет.

— На дочери покойного Казан-хана — Сарай-Мулькханум.

Пир аж прикусил кончик языка и цинично выругался.

— Повелитель не теряет времени даром... Все укрепляет свою мощь. Нет, сейчас нельзя допустить этой свадьбы. Заручившись поддержкой Моголистана, он уничтожит нас. Необходимо хоть на время отсрочить эту свадьбу.

— Будет сделано, — смиренно ответил Убаймирзо и ладошкой пригладил отливающую чернотой бородку.

У хазрета вдруг появилась хитрая усмешка на тонких губах.

— Чтобы усилить давление на амира Казагана, надо дать призрачную надежду на престол амиру Туглук-Темуру. С этим прекрасно справится монгольский ставленник Абука Кауни, он люто ненавидит амира Казагана.— Хазрет затрясся в безвучном смехе.— Ну, а ты, братец, помоги, удвой его рвение.

Карасакал расслабленно ухмыльнулся:

— Да, — неожиданно встрепнулся пир и вскинул на Карасакала немигающий, леденящий душу орлиный взор.— А святой отец Шемсетдин Кулял до сих пор бродит по белому свету, живехонек и целехонек.

Кукельдаш внезапно ощутил дрожь в ногах и резкую боль в животе, он весь сжался, но чтобы не показать свою слабость, выпрямившись, выдавил из себя:

— Аллах его бережет... — И переведя дух, уже более ровным голосом молвил: — Некоторым провинившимся не успеешь приговор прочесть, как его уже хоронят. А этот Шемсетдин Кулял на самом деле святой...

— Что ты городишь? — недовольно пробурчал хазрет.

Словно не слыша брата, Карасакал прикусил зубами нижнюю губу до крови.

— Надеюсь, это будет последний хадж святого отца в Мекку и Всевышний заберет его к себе.

— Дай Бог, дай Бог, — согласно закивал хазрет.

Карасакал, проглотив слюну, поморщился: он вспомнил Тарагая и его сына. Облизав искусанные в кровь губы, неуверенно проговорил:

— Мои подчиненные жалуются на Темура.

— А этот еще что натворил? — презрительно процедил сквозь зубы хазрет.

— Этот юный отрок заварил такую кашу, что мои доблестные воины никак не могут ее расхлебать.

— Этот малец? — У пира от смеха задрожали плечи, не сдержавшись, хазрет начал так хохотать, что от смеха выступили слезы. Отдышавшись и откашлявшись, пир замахал руками: — Ну, братец, уморил ты меня сегодня баснями о молодых сосунках. Ты, наверное, забыл, какой занимаешь пост, а стонешь, как мальчишка.

Убаймирзо от обиды тяжело задышал. Ему очень хотелось рассказать о проделках молодого бека, но поняв, что сейчас хазрет ничего не воспримет и лишь высмеет его, Карасакал с ненавистью проговорил:

— Я все равно казнию тарагаевского сына.

— О нет, сейчас уже нельзя, — зацокал языком пир. — Я же говорил, впереди большие перемены. Тарагай уже был во дворце, и ему предложили должность тысячника. Амир Казаган снова берет на службу своего зятя. Так что если что-то случится с Темуром, тебе не поздоровится. Лучше не рискуй, а сиди и сопи в свою дудочку, да исполняй мои поручения. — Высыпав в рот оставшиеся на дне чаши кровавые гранатовые зерна, хазрет зло выхлестнул: — До Тарагая мы еще доберемся. Он у меня вместе с его духовным отцом Шемсетдином Кулялом вот где! — и он резко ударил ребром ладони по выступающему кадыку, хрипло добавив: — Они у меня костью застряли в горле. Так что еще как сказать, чей он больше враг, дорогой братец. — От напряженного разговора на лбу у пира выступила испарина. — Ну все, мой единомышленник, мне пора в путь, — надо застать амира Казагана в городе Бальджуан. Не забудь собрать мне еды в дорогу. Да, чуть не забыл... Везде, где бы ни велся тайный разговор или тайная переписка, чтобы моим именем не пачкать ни бумагу, ни слух, понял? Все должно делаться намеками, да и сам держи ухо востро.

— Я все понял, брат, — с мрачноватой улыбкой ответил Убаймирзо.

Гостей у высокого вельможи Убаймирзо собралось много. Первым прискакал с маленькой свитой Давлят-Буки, заведовавший финансами. Он был одним из немногих, кто остался после Казан Султан-хана и успел вовремя переметнуться в ставку амира Казагана. Могущественный визирь был бледен и очень часто прикладывался к шербету. Почесывая мясистый нос и облизывая пересохшие губы, он озабоченно сказал:

— Сахар замучил...

Торговец рыбой Наджар вежливо поинтересовался:

— А как вы узнали, что у вас сахарная болезнь?

Толстое бело-розовое лицо визиря удивленно скривилось в полуусмешке.

— Вспомните нашего великого ученого — табиба Ибн Сино.

— Что именно? — назойливо допытывался Наджар.

— Я взял две чаши с мочой — одну свою, другую слуги. Надеюсь, гости меня простят за вольность моего рассказа, — и встретив заинтересованное внимание всех присутствующих, продолжил, — и выставил их на самое жаркое место. Мухи сразу облепили мою чашу. Этих летучих тварей привлекло обилие сахара. Вот вам и диагноз.

В комнату вошел Убаймирзо и лучезарно улыбнулся гостям.

— Пока не приехал наш шейх Али Джура Джури, — он задержался у Абука Каучина, — побалуйте чилимом.

— Достопочтеннейший, вы знаете вкусы своих друзей, — наградил улыбкой хозяина дома Вахид, начальник шихны — надзора ханской ставки. — Это же божественное наслаждение. Будем кайфовать и блаженствовать, — и кинув на дастархан горсть сладостей из миндаля и фисташек, Вахид взял чилим у одного из слуг.

— Это еще не все, — аж засветился Карасакал, — Плов варится на кунжутном масле с курдюком, а мясо — из туши черного барана.

— А почему именно из черного барана? — удивленно вскинул брови амир Туглук-Темур, зять Казаган-хана.

— Я рад ответить, — воскликнул хозяин дома. — Животные этого цвета вбирают в себя силу лучей солнца, и мясо от этого становится очень полезным и целебным. — И добавил: — Если уж речь зашла в еде, скажу, что шашлык замаринован в десятилетнем вине, с добавлением специй и истолченной конопли...

Слуги принесли жаровни с гармалой и стали окуривать сидящих пахучим дымом. Заиграла веселая музыка, и поплыли в тонких узорчатых шелковых платьях девушки, исполняющие традиционный змеинный танец. Двенадцать танцовщиц, грациозно изгибаясь, изображали игры змей, и среди них извивалась царевна-змея с чешуей из золотых ниток. Молодиц сменили юные девы в прозрачных набедренных повязках с распущенными, как грива, волоса-

ми, с длинными приделанными хвостами, — они исполняли танец кобылиц. Давлят-Буки, пристально глядя на одну из них, загрустил, его печальный взор блуждал по клеткам ковра, похожего на шахматную доску. «Где ты, Улбегим?» — вымученно прошелестел губами могущественный визирь. Вахид, наклонившись к Хаджи Хасан Диву, зашептал на ухо:

— Видишь, наш главный вельможа стал заговариваться...

Услышав шепоток краешком уха, Давлят-Буки помрачнел. Тяжелые веки прикрыли большие печальные глаза. Наливаясь гневом, он вперил огнедышащий взгляд в начальника стражи и с яростью выпалил:

— Где обещанная голова сбежавшего раба Ортыка? Сколько времени гоняетесь без толку?

Вахид опешил от такой злобной тирады, лицо его побелело.

— Позвольте, достопочтенный, пока нашли, выявили... Да я сам всего-ничего занимаюсь этим делом...

— Нет, не позволю! — грубо перебил начальника стражи Давлят-Буки. — За это время угробили столько людей и выбросили на ветер немало денег. — Министр финансов многозначительно зыркнул на Карасакала. — Куда смотрит непосредственный начальник?

А Вахид тем временем уже пришел в себя.

«Кто-то из своих стучит... Иначе откуда такие подробности? О Боже, везде предательство!» — обреченно подумал Вахид и боязливо втянул голову в плечи.

— А что с Тарагаем? — полюбопытствовал хозяин дома, стараясь смягчить тон разговора и пустить в более миролюбивое русло.

— Тарагай, — с расстановкой произнес Давлят-Буки и словно ударился о невидимую стену: обмяк, машинально покрутил усы, затем, глубоко вздохнув, скрипуче изрек: — Что греха таить, Тарагай пошел в гору, и открыто мы ничего не сможем сделать, да вдобавок тесть амир Казаган благоволит к нему.

Сидящие за праздничным дастарханом гости обескураженно замолчали, припоминая, как бешено вращается зрачок единственного глаза Повелителя и какие бывают последствия, если владыка вдруг узнавал, что обижали его любимцев.

Давлят-Буки потер свой нахмуренный лоб, мускул на его лице дернулся, ноздри расширились.

Наджар, смущенно понизив голос, выдавил из себя:

— Темур выкрал у меня двух русичей.

До сих пор молчавший гость Аллаиддин, прищуриль глаза, привстал и со злобой сказал:

— Мой ненавистный враг Аббас, убивший моих сыновей, служит у этого молодого бека.

Хаджи Хасан Див в глубокой задумчивости подытожил:

— Если не подрезать крылья у этого соколика, он у многих выключет глаза.

Могущественный визирь скривил губы:

— Я думаю, надо уличить Темура в похищении рабов при большом стечении народа у Повелителя.

— Точно! — радостно прохрипел Вахид.

Давлят-Буки усмехнулся:

— Я вижу, этот юнец многим испортил настроение.

Убаймирзо многозначительно изрек:

— Да, пора укоротить когти этому барсу, а то он может растерзать любого, вставшего на его пути.

— Неужели настолько умен, силен и проворен этот молодой бек? — посомневался могущественный визирь.

Не успел Карасакал ответить, как слуга, подававший угощения, сообщил, что прибыл шейх Али Джура из Термеза.

— Веди их в большую гостиную, — и в голосе хозяина дома прозвучала твердость. — Мы с гостями пройдем следом.

После взаимных приветствий Али Джура Джури поинтересовался у Хаджи Хасан Дива, здоров ли Хаджа Барлас, и, пожелав удачи правителю Кеша, отметил, что высокий полет сокола впереди. Затем таинственно добавил: «Я ему через вас отправлю послание». Шейх огорчился, узнав, что нет Кейхосроу, и просил брата Кайкубада передать правителю Хуттоляна пожелание благополучия.

На что Кайкубада осклабился и, забулькав искрометным смехом, бросил:

— Аллах наш старший друг, он всегда с нами...

Шейх, уколотив выскочку удивленно-надменным взглядом, сразу же осадил бадахшанского бека нравоучительным монологом:

— Человеку необходимо знать: Аллах един, нет у него друзей. Не породил он никого и никем не порожден, нет равного ему. Он первый, который извечно был, и он последний, который никогда не будет. Он властен над всеми и ни в чем не нуждается. Пожелает он что-либо, он говорит: «Будь!» — и это станет. Нет божества, кроме него, вечно живого, ни сон его не одолевает, ни дремота. Он дарует пищу, но сам в ней не нуждается. Он один, но не чувствует

себя одиноким, и нет у него друзей. Годы и время не старят его. Да и как могут они его изменить, когда он сам сотворил и годы и время, и день, и ночь, и свет и тьму, небо и землю, и всех тварей, что на ней. Сушу и воды, и все, что в них, и всякую вещь, живую, мертвую и постоянную! Он существует вне пространства. Он создал престол, хотя он ему не нужен, и он восседает на нем, как пожелает, но не для того, чтобы предаваться покою, как существа человеческие. Он правит небом и землею, и правит тем, что на них есть, и тем, что живет на суше и на воде, и нет правителя, кроме него. И нет иного защитника, кроме него. Он содержит людей, делает их больными и исцеляет их, заставляет их умирать и дарует им жизнь. Но слабы его создания — ангелы, и посланники, и пророки, и все прочие твари. Он всемогущ своей силой и всесущ знанием своим. Вечен он и непостижим...

Кайкубада покаянно поцеловал руку шейха. Шейх благосклонно изрек молитву, и праздничные торжества начались. Смотреть улак Али Джура отказался, он увлек амира Туглук-Темура в потайной кабинет. Восхваляя достоинства зятя Владыки Мавераннахра, шейх неожиданно помрачнел.

— Здоровье Казагана пугающее, особенно это стало заметно после ранения. Частые головные боли доводят Повелителя до сумасшествия, — и лицо Али Джура Джури сочувственно погрустнело. — Не дай Бог, что-нибудь случится, на его сыновей нет надежды. Один из них плут, бабник и развратник, второй самоотрешенный умник. А ближе к престолу, кроме вас, милейший, мы никого не видим...

Амир Туглук-Темур, гулко задышал и поосторожничал в своих словах:

— Владыка здоров, как бык, и думаю, он переживет всех нас.

— Ну-ну, — сохраняя на лице любезность, съязвил шейх. — Может быть, вы и правы. Дай-то Бог, — и он прочитал молитву во славу Повелителя. Закончив суру из Корана, с почтением высказался: — Умножь, Всевышний, силы и здоровье владыки Мавераннахра.

Прошунав ханского зятя, Али Джура Джури для безопасности в конце беседы восхвалил величие Повелителя, но успел бросить в смятенную душу зятя амира Казагана ядовитые зерна. Из них могла вырасти страшная болезнь — жажда власти.

Дымчатый сумрак окутал золотистую даль развольного поля. Где-то слышался плеск воды, шорох птиц в кустах, шелест листьев и радостное мычание коров, возвращающихся с пастбища в свои стойла.

Возвращаясь домой верхом на своем скакуне, амир Туглук-Темур крепко задумался, глаза его затуманились, в висках стучала кровь, он предавался лазурным мечтам. А ведь действительно, ближе его, Тарагая, к престолу никого нет. И зять его Казаган не так уж здоров... И что если...

Туглук-Темур размышлял под мерный стук копыт скакуна, а взгляд его был невольно прикован к силуэту птицы, которая описывала в небе какие-то рваные круги...

Ветер сильными порывами трепал крылья орлана-белохвоста. Хищник был смертельно ранен и изрядно побит в поединке. С вытекшим глазом, с оципаным хвостом, орлан в последний раз судорожно взмахнул огромными крыльями и, не справившись с высотой, камнем свалился на вечнозеленую арчу — можжевельник. Это падение заметили несколько черных коршунов. Возбужденно заклокотав, голодные хищники устремились к месту гибели могучей птицы. Теребя еще теплое тело орлана красно-бурными клювами, черные коршуны рвали на куски свежее мясо и победоносно вскидывали головы. Начиналось кровавое пиршество черных птиц.

Неожиданно ветер нагнал свинцовые, сизовато-серые тучи, и небосвод затянуло беспросветной мрачной пеленой, и только далеко за горизонтом, как проблеск надежды, еще маячила полоска чистого синего неба...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава первая. Рождение владыки	4
Глава вторая. Амир Тарагай	18
Глава третья. Шемсетдин Кулял — духовный отец семьи Тарагая	29
Глава четвертая. Детство Темура	36
Глава пятая. Ислам — в его величии, могуществе и бессмертии	48
Глава шестая. Юный бек	56
Глава седьмая. Вражда шейхов	77
Глава восьмая. Возмужание	90
Глава девятая. Темур в Самарканде	129
Глава десятая. Пути-дороги	162
Глава одиннадцатая. Темная ночь кончается светлым рассветом	175
Глава двенадцатая. Сарбадары	198
Глава тринадцатая. Неожиданные опасности	236
Глава четырнадцатая. Свадьба	258
Глава пятнадцатая. Замыслы врагов	275

Литературно-художественное издание
Тахир Рахматович Джульматов

ЮНЫЙ БЕК

Р о м а н

Редактор Л. А. Казакова
Художник А. А. Мамаджанов
Художественный редактор А. И. Кива
Технический редактор Т. И. Смирнова

ИБ И 55—59

Сдано в набор 01.07.97. Подписано в печать 04.11.97. Формат 84×108¹/₃
Бумага типографская № 2. Гарнитура тип таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,54. Уч-изд. л. 17,2. Тираж. 10 000. Заказ № 1489.
Цена договорная. Договор № 60 — 96.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
Государственного комитета Республики Узбекистан по печати.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30

Арендное предприятие Ташкентского полиграфического комбината
при Государственном комитете Республики Узбекистан по печати.
700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

ТАХИР ДЖУЛЬМАТОВ

ЮНЫЙ БЕК

